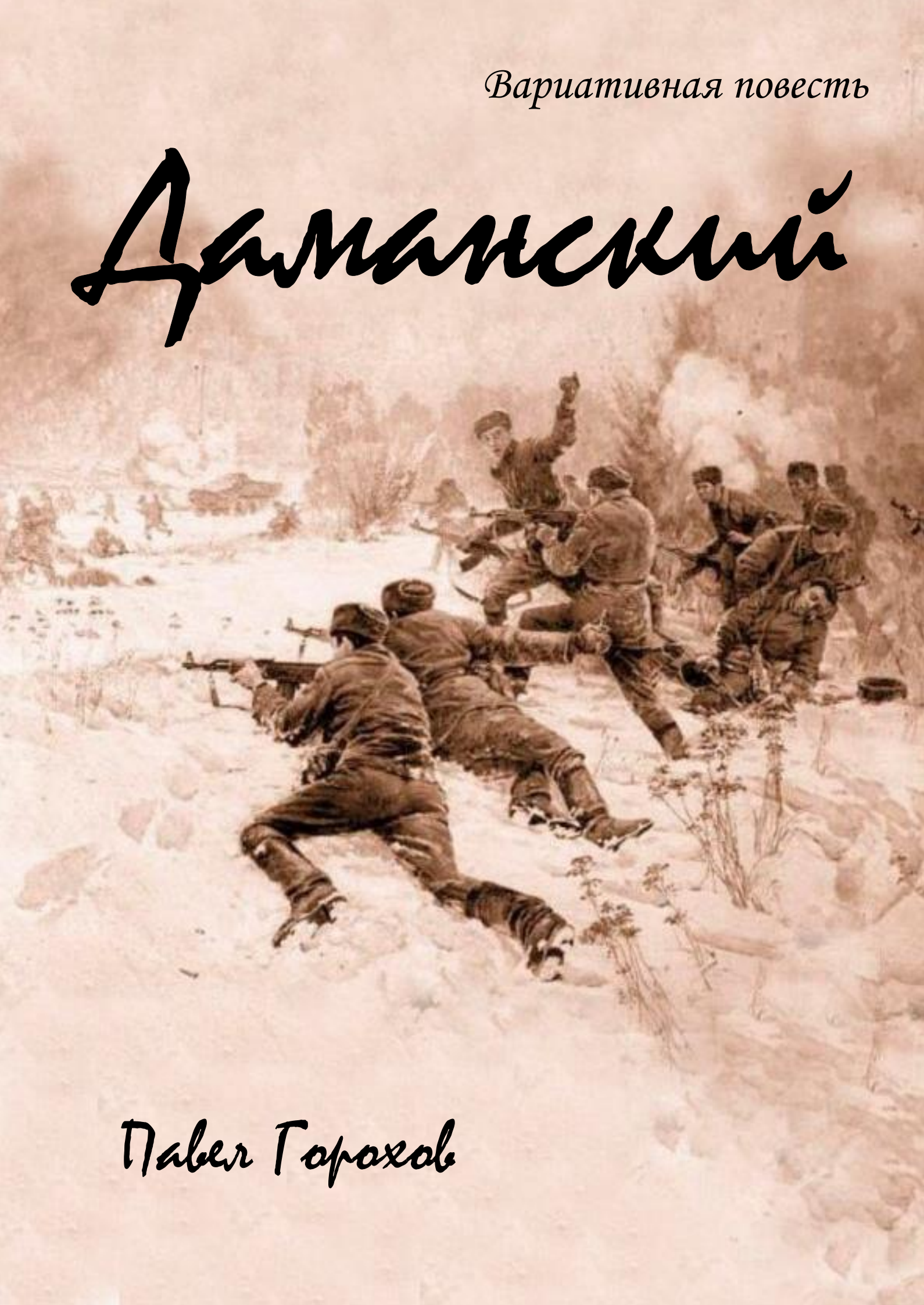
Вариативная повесть

Даманский



Павел Горохов

Павел Горохов

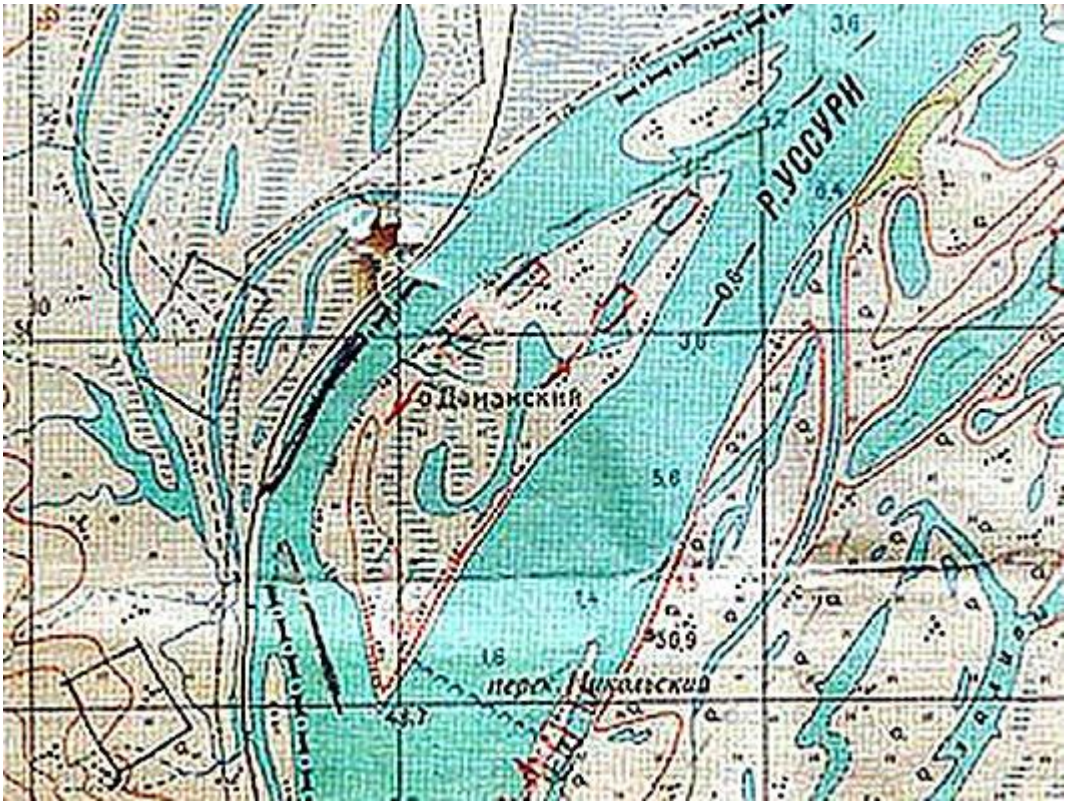
Дамский

Вариативная повесть

г. Санкт-Петербург

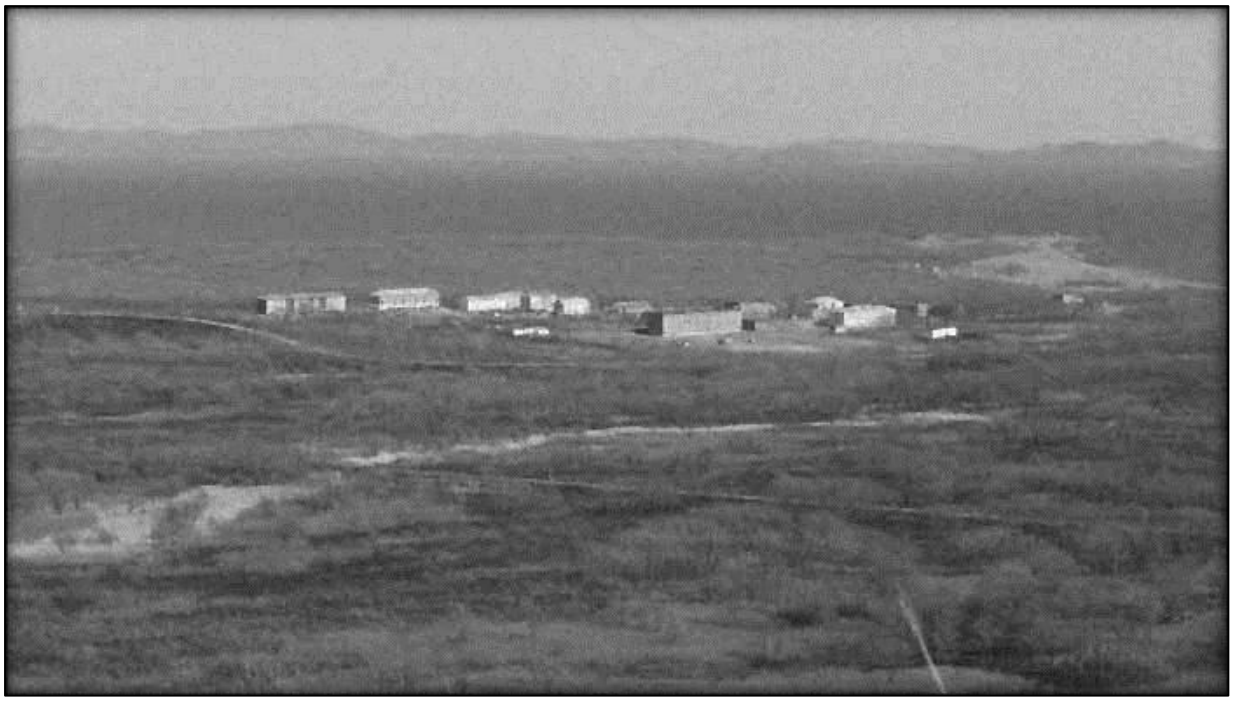
2016 г.

Горохову Геннадию Викторовичу,
подполковнику ВС РФ и моему отцу посвящается.



Этого острова нет на картах нашей страны. Он небольшой. С юга на север он вытянут на 1500-1800 метров. А в ширину всего на 600-700 метров. Весной его наполовину затапливает водами реки Уссури.

Остров безлюдный и не представляет никакой хозяйственной или военно-стратегической ценности. Сейчас он принадлежит Китайской Народной Республике и называется «Чжэньбао», что в переводе означает «Драгоценный». Но в те, уже ставшие далекими, 60-е годы он принадлежал Союзу Советских Социалистических Республик и назывался остров «Даманский».



Наша учебка

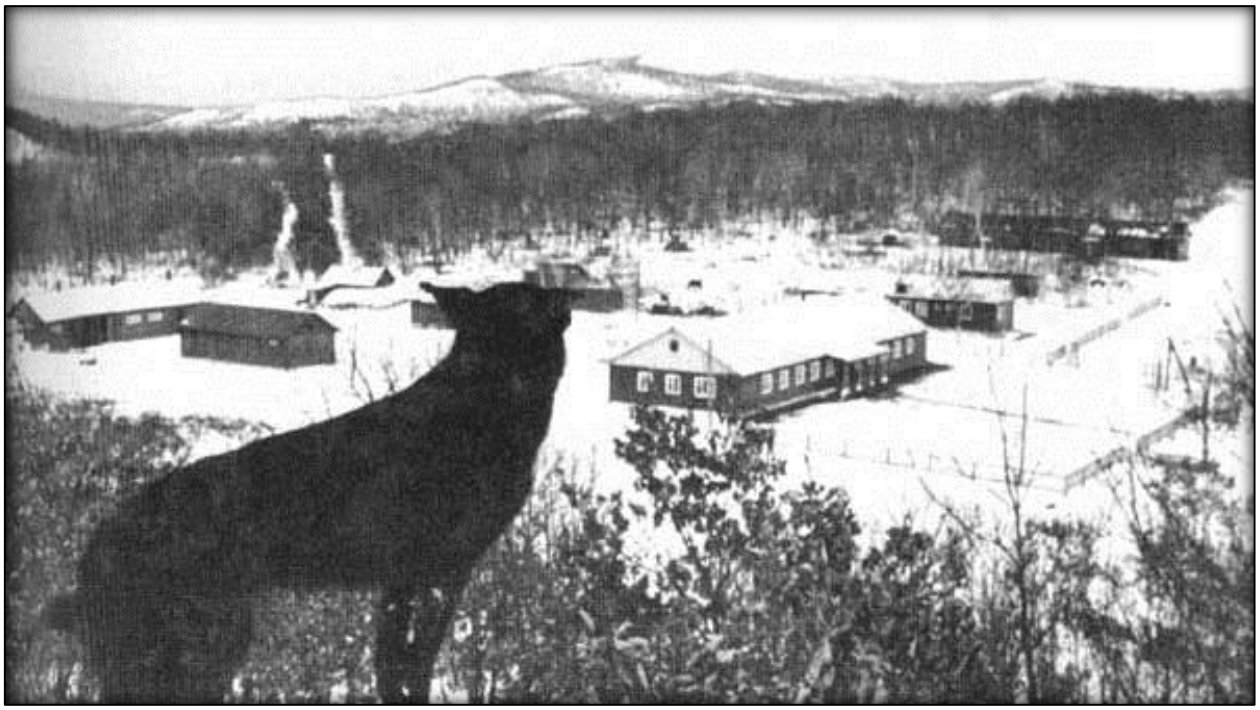
КПП

«Система»

Автопарк

Тренировка служебных собак

МИ-8



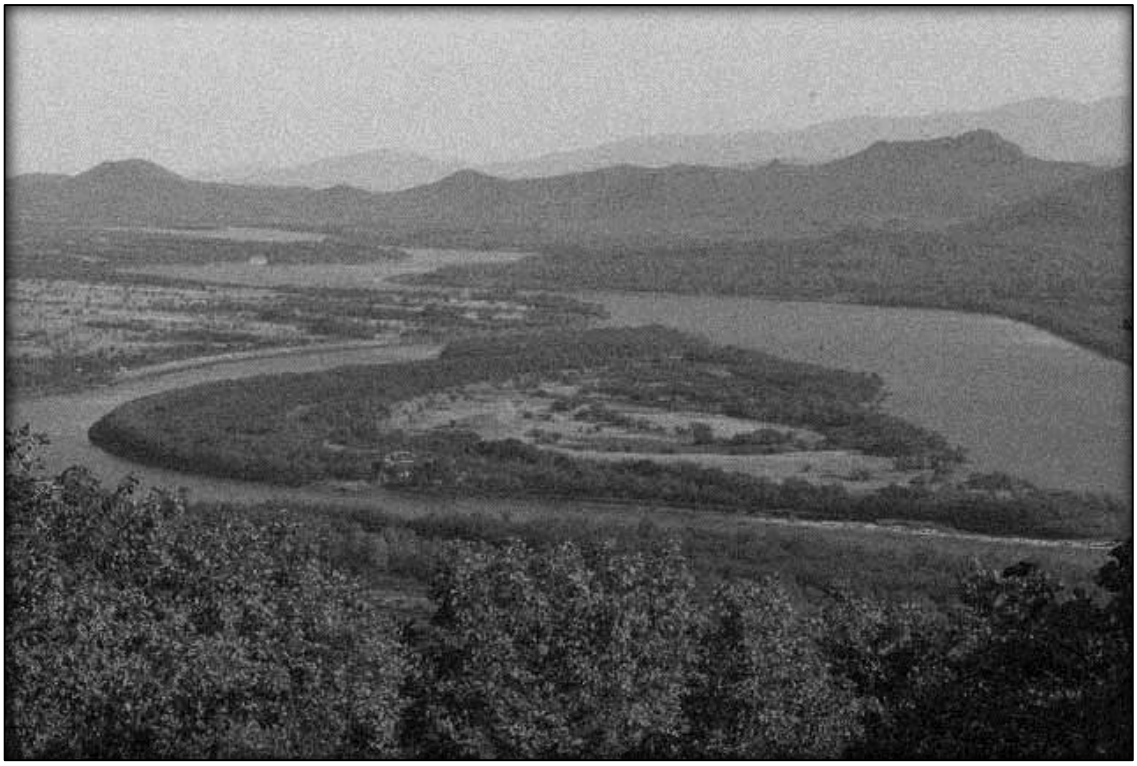
1-я пограничная застава «Сопки Кулебякины»

2-я пограничная застава «Нижне-Михайловка»

Наше отделение

В дозоре

Начальник отряда п-к Литвин (отец Насти)



Остров Даманский

Часть первая:

Тяжело в учении

1

10 июля 1967 г.

Повестка пришла недели две назад: «Гражданину Еременко Алексею Николаевичу…На основании Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» Вы подлежите призыву на действительную военную службу… К 9:00 прибыть на призывной участок…».

Родители хотели, чтобы еще в прошлом году после окончания школы я поступил в политехнический. Не могу сказать, что меня очень воодушевляла эта перспектива. Скорее, совсем не воодушевляла. На подготовку к экзаменам я не потратил ни минуты. Потому, как и следовало ожидать, на вступительных экзаменах с успехом провалился. Целый год я фактически ничем не занимался. Спал до обеда, гулял с Дашей и проводил вечера с друзьями. Отец не поощрял моего поведения. Все время читал мне морали и говорил, что пора браться за ум. А мама никогда ничем меня не упрекала и всегда снабжала деньгами. С одной стороны, меня устраивало такое положение вещей. Я был на полном содержании и не заботился о завтрашнем дне. С другой стороны, постепенно я становился противен самому себе. Мне хотелось совершить что-то самому, своими руками. Совершить поступок, благодаря которому я смогу начать уважать самого себя.

Теперь впереди отчетливо замаячила срочная служба. Не могу сказать, что я не ожидал получить повестку. Ожидал. И даже ждал ее. Я надеялся, что хотя бы таким образом смогу, наконец, вырваться из-под родительской опеки. Но и здесь отец не оставил меня без своей «заботы». Главный инженер оборонного предприятия, он через свои связи договорился, чтобы в военкомате меня распределили в одну из воинских частей Ленинградской области, поближе к дому.

И вот настал указанный в повестке день. Мама с самого утра плакала. Я обнял ее на прощание, сухо попрощался с отцом, закинул на плечо вещевой мешок, полный еды, и вышел из дома.

Отец вдогонку сказал мне: «Ты уж смотри там, не позорь меня». Я ничего не ответил.

Вот ворота призывного пункта. Перед ними толпа провожающих. Девушки виснут на шее у парней. Матери плачут. Отцы дают последние наставления. Пьяные друзья. Кто-то пьет водку прямо из бутылки.

Мама тоже хотела пойти меня провожать. Но я терпеть не могу долгих прощаний. С трудом отговорил ее. Жаль, что Дашу не удалось увидеть перед отъездом. На все лето она уехала к бабке на Украину.

На проходной — прапорщик в мятой потертой форме и заспанный сержант. Я отдал прапорщику повестку. Он взглянул на нее и указал пальцем на старый обшарпанный стол:

—Выкладывай содержимое вещмешка.

Я не стал возмущаться и вывалил на стол все, что было у меня с собой.

—Алкоголь, холодное оружие имеются? — спросил прапорщик, осматривая мои вещи.

—Нет. Вы же видите, — ответил я.

— Ты еще поговори у меня, — вдруг ни с того ни с сего рассердился прапорщик. — Собирай свои манатки и пшел с глаз моих.

Я начал собирать еду обратно в вещмешок. Что-то задел носком ботинка под столом — раздался негромкий звон стекла. Я заглянул под стол. Там выстроились в ряд несколько разнокалиберных бутылок с прозрачным или, наоборот, мутным содержимым. Все ясно — конфискат.

Прапорщик забыл о моем существовании и уже читал повестку следующего призывника.

Тут, со двора, за спиной у сержанта, появился рыжий парень. Разными жестами и безмолвным шевелением губами он показывал мне, чтобы я взял водку, которая стояла под столом. В следующую секунду он хлопнул по плечу сержанта и сказал:

- Братан, есть закурить?

Сержант тут же утратил сонное выражение лица, повернулся к рыжему и начал на него орать.

Я быстро схватил одну из бутылок и сунул в вещмешок. (**91**)

Я собрал оставшуюся еду, завязал вещмешок и прошел мимо сержанта и рыжего парня во двор призывного пункта. (**65**)

2

— Но ведь это бред, товарищ старшина!

— Бред, говоришь? А ну, пойдем со мной.

Мы вышли на улицу. Я думал, что старшина будет кричать на меня. В армии вообще все постоянно кричат. Но вместо этого он спокойно сказал:

— Не понимаешь ты еще, Еременко, всей глубины этого замысла. Я вот тоже раньше не понимал. Как ты. А потом понял.

Я молча слушал. Старшина отломил ветку от куста и нарисовал ее концом на земле небольшой прямоугольник:

— Смотри. Допустим, это танк. — рядом с первым прямоугольником он нарисовал в один ряд еще три таких же. — Сколько сейчас здесь танков?

— Четыре.

— А теперь представь, что идут эти танки в наступление ровным рядочком, а ты на них сбоку смотришь. Сколько танков ты увидишь?

— Ну, один, наверное.

— Правильно! А представь себе, что это не четыре танка, а целый танковый батальон в атаку идет ровненькими рядами и колоннами. Да враг ни за что на свете не сможет подсчитать их количество. В итоге, неправильно оборону организует. Понял, что я хочу тебе сказать?

— Понял, — ответил я. — Только, причем здесь кровати, товарищ старшина.

— Так все с кроватей и начинается, Еременко. Запомни, в советской армии ничего просто так не бывает.

Я вернулся в расположение. Равнение кроватей шло полным ходом.

На каждом одеяле со стороны ног было по три полосы. Два человека натягивали нитку через все стоящие в один ряд кровати. И по этой нитке мы выравнивали эти самые полосы. Посмотришь из центрального прохода на кровати, и ощущение такое, что через все одеяла идет единая полоса.

Затем так же, по нитке, выравнивали подушки. Спальное расположение приобрело совсем другой вид.

Закончив наводить порядок, мы пошли в столовую. Когда после завтрака мы шли на общее построение учебного центра, то видели, как в ворота въехали несколько грузовиков с тентами. (**48**)

3

Я ничего не стал рассказывать сержанту.

Ночью, после отбоя, я долго не мог уснуть. Ворочался в постели с боку на бок, накручивая на себя простынь.

Дневальный несколько раз подходил к моей кровати и смотрел на меня.

— Чего тебе надо? — не выдержал я.

— Да ничего. Я так, просто. За порядком в расположении слежу.

Но ходить не перестал. Так продолжалось еще несколько ночей подряд. (**41**)

4

Я решил ничего не покупать. Нет у нее не стыда не совести. Вернулся в свое купе.

— Все ребят, — развел я руками. — Закончилась уже водка у проводницы.

— Бли-и-ин… — застонали мои попутчики. — Нам ведь еще ехать и ехать. Не могла побольше запасти что ли? Но может на станции какой еще закупит.

Спать в итоге легли рано. Несмотря на все усиливающуюся жару и духоту все быстро уснули. (**104**)

5

Все мокрые и грязные мы прибежали обратно к казарме.

— Товарищи солдаты, — объявил старшина. — У вас десять минут на умывание, заправку кроватей и подготовку внешнего вида. Разойдись!

Мы кинулись в казарму, похватали умывальные принадлежности и побежали в умывальник. Располагался он, как я уже говорил, на улице и представлял собой десяток раковин, расположенных в один ряд под металлическим навесом. Вода, конечно же, была только холодная. Кран с горячей водой вообще не был предусмотрен. Раковин на всех не хватало. Пришлось занимать очередь по три-четыре человека на один кран.

— Ребят, ну давайте побыстрее, — подгонял Денис. — Что вы плещетесь там, как тюлени? Не успеем ведь на построение. Еще кровати нужно заправить. Семенов, имей совесть, ты уже третий раз лицо намыливаешь!

Наконец, подошла и моя очередь. Я наскоро почистил зубы, побрился и уступил место следующему.

Только мы успели заправить кровати и одеться, прозвучала команда дежурного:

— Застава, выходим строиться на утренний осмотр. (199)

6

Я побежал в туалет. Тропинка никак не освещалась. Спотыкаясь в темноте, я несколько раз чуть было не упал. Над туалетом горел одинокий фонарь. Внутрь свет едва пробивался сквозь щели между неплотно подогнанными досками.

Вернувшись в казарму, я сразу же с головой залез под одеяло. Зубы стучали от холода, сердце выпрыгивало из груди от быстрого бега. Уснуть никак не удавалось.

Постепенно начало светать. Я лежал и смотрел в потолок. Вокруг храпели и ворочались во сне ребята. Я слышал, как дневальный подошел к кровати нашего командира отделения:

— Товарищ сержант, проснитесь. Без десяти шесть. Как вы и просили.

Заскрипела кровать. Сержант Аникин встал и начал одеваться.

Через некоторое время прозвучал крик дежурного:

— Застава, подъем!

Начался новый день. (125)

7

Я не знал, что ответить на этот вопрос.

— Ну же, Еременко, — подбадривал меня начальник заставы. — Включай голову.

— Я не знаю, товарищ старший лейтенант. (89)

8

После прохождения «экспресс» медосмотра, усатый майор поставил мне в карточке печать «годен» и сказал:

— Идите во двор. Там сейчас формируется ваша команда. В погранвойска поедете служить. В Приморский край.

Я открыл рот от удивления. Как так, в Приморский край?! А как же Ленобласть?!

— Товарищ майор, этого не может быть. Меня должны были в Ленинградском округе оставить служить. (**50**)

Хотя так даже лучше. Пограничные войска! Вот это настоящая служба. Не то, что здесь.

Я вышел во двор. (**177**)

9

Шел третий день нашего пути. Поезд всем уже порядком поднадоел. Но впереди еще больше половины дороги. Из вагона нас никуда не выпускают. Все двери закрыты. На станциях вдоль поезда ходят часовые с автоматами. Я видел двоих — с одной стороны поезда и с другой. Наверное, они едут в первом и в последнем вагонах.

Я показал на них ребятам:

— Смотрите, похоже, нас стерегут.

Денис почесал затылок:

— Да, блин. Как зэков везут. Как будто и не в армию вовсе попали.

Единственным развлечением были походы в тамбур на перекуры.

Все ребята в нашем купе, включая меня, были курящими. (**98**)

Сам я не курил. (**53**)

10

Я молча зашел в курилку и достал папиросы.

Титов тут же прервал свой рассказ и зло посмотрел на меня:

— Боец, ты что, совсем охренел?! Тебя что, не учили разрешения у старшего спрашивать, когда в курилку заходишь? Целый сержант тут сидит!

Я как-то сразу стушевался и неуверенно ответил:

— Н-нет…

— Что, нет, боец?! Никак нет — нужно отвечать! Идите и доложите своему командиру отделения о том, что я сделал вам замечание.

Больше всего на свете в этот момент мне хотелось исчезнуть, испариться и не видеть больше разъяренного сержанта Титова. Я повернулся и выбежал из курилки.

— Стоять! — закричал сержант. — Назад!

Я послушно вернулся в курилку.

— Куда без разрешения?! — продолжал кричать Титов.

— Товарищ сержант, разрешите идти? — я вытянулся по стойке смирно и приложил руку к голове.

— Идите.

Я развернулся и снова выбежал из курилки.

— Стоять! Назад! — снова вернул меня сержант. — Первые три шага при отходе от командира или начальника делаются строевым. Вам ясно, рядовой?!

— Так точно! Разрешите идти?

— Идите!

Я повернулся кругом, сделал три строевых шага и бросился бежать. Ничего себе, сходил покурить! Теперь еще Аникину о полученном замечании докладывать… Тоже ведь будет орать. Накажет потом… Может, не докладывать ему? Глядишь, и не узнает ни о чем. Хотя, нет — лучше доложить. А то Титов спросит у него — еще хуже будет.

Перерыв заканчивался. (**213**)

11

21 августа 1967 г.

Сегодня у нас стрельбы. В первый раз.

Я стрелял раньше в тире из воздушки. Неплохо получалось. Потом один раз в школьном тире из мелкашки. Из трех выданных патронов два попали в девятку, один — в десятку. Кучно. Преподаватель по НВП сказал, что новичкам везет.

Сразу после завтрака нас пригнали на стрельбище и распределили по учебным точкам. Наше отделение попало на «прицеливание». К дереву был приколочен стенд с рисунками, на которых был изображен прицел и мишень. Сержант Аникин долго объяснял нам, что и с чем нужно совмещать и на чем нужно фокусировать взгляд для того, чтобы выстрел был точным.

После чего мы перешли на следующую учебную точку, а другое отделение — на нашу. Полдня мы учились снаряжать магазины патронами, правильно выдвигаться на огневой рубеж и пристегивать магазин к автомату.

— Ни в коем случае не сопровождайте затвор рукой при передергивании, — объяснял сержант. — Отвели назад и резко отпустили.

Когда всем это уже порядком надоело, мы наконец-то выдвинулись в сторону поля с мишенями. Нам выдали по двенадцать патронов. Нужно было поразить 3 мишени: две ростовые и пулеметчик. После попадания в мишень, она должна упасть и через некоторое время снова подняться.

— Отделение! — скомандовал начальник заставы. — К бою!

Пригнувшись, мы зигзагами побежали на огневой рубеж, на ходу пристегивая магазины к автоматам. Я лег на живот и передернул затвор:

— Рядовой Еременко к бою готов!

Рядом послышались доклады других ребят.

— По готовности, огонь!

Я тщательно прицелился, задержал дыхание и плавно нажал на спуск. Ничего не произошло. Я осмотрел свой автомат. Затворная рама была задвинута не до конца. Похоже, что я все-таки сопроводил ее рукой при передергивании, и патрон заклинило.

— Товарищ старший лейтенант! У меня автомат заклинило! (**62**)

Я решил не привлекать внимания и самостоятельно устранить перекос. (**84**)

12

Дима раздвинул занавески и выглянул в окно.

Вокруг поезда стояло оцепление из курсантов военного училища. Они никого не подпускали к вагонам. Народ толпился вдоль живого заграждения. Возле нашего окна симпатичная блондинка что-то горячо доказывала курсанту. Сначала он мотал головой из стороны в сторону, но потом, как бы нехотя, кивнул и отступил в сторону.

Девушка прорвалась к вагону и губной помадой прямо на стекле нарисовала сердечно. Дима схватился за ручку и рванул окно вниз. Тут же наше купе наполнилось вокзальным шумом. Дима высунулся по пояс в окно, дотянулся до девушки и поцеловал ее.

— Я буду ждать тебя! Слышишь? — кричала она. — Буду ждать.

Но тут ее оттеснил пожилой мужичок и стал запихивать нам в окно матерчатую сумку. По тому, как другой наш попутчик, Женя, оттеснял теперь от окна Диму, я понял, что это кто-то из его родственников. Сумку втянули внутрь. Ударившись об оконную раму, она подозрительно звякнула.

Цепочку курсантов прорвали еще в нескольких местах и стали запихивать в окна пакеты и свертки. Но тут появился офицер, начал что-то кричать и размахивать руками, и курсанты постепенно оттеснили толпу от поезда.

Вагон вздрогнул, и перед нашими глазами за окном поплыли провожающие, машущие руками. Мы тоже махали им до тех пор, пока перрон не остался позади.

— Так, что у нас тут? — Женя запустил руку в сумку и одну за другой извлек оттуда две бутылки «Столичной». — Живем, мужики! У кого еще что есть?

У остальных водки не оказалось. (**144**)

Я достал «трофейную» бутылку и присовокупил ее к остальным. (**94**)

13

Я врезал ему в челюсть. Колян клацнул зубами и повалился на пол. С трудом поднявшись, он прошипел сквозь зубы:

— Ну, тварь, ты мне еще ответишь за это.

Держась одной рукой за лицо, а другой за стенку вагона, он поковылял прочь.

Через некоторое время, когда я уже вернулся на свое место, к нам в купе вошли четверо незнакомых крепких парней. (**54**)

14

После занятий нас повели на ужин. На месте раздатчика пищи снова оказался Малов.

Я был настроен весьма агрессивно. (**203**)

Я старался сохранять спокойствие. (**162**)

15

Даше я решил пока не писать. В другой раз. (**230**)

16

Я купил себе пакет печенья. Только я успел отойти в сторону и открыть его, тут же рядом со мной из ниоткуда возник Миша Закалюжный.

— Лех, давай пожрем? — жалобно попросил он.

— Отвали, Зэк. Иди и купи. (**56**)

Я протянул ему пакет с печеньем. (**133**)

17

— А вот об этом следе что вы можете сказать?

— Этот след явно глубже, чем другие, — радостно ответил Денис. — Наверное, нарушитель груз какой-то с собой нес.

— Правильно! Молодец, Марков. — похвалил начальник заставы. — А какой груз может нести с собой нарушитель?

— Ну, может, контрабанду какую, — высказал я свою версию.

— Может и контрабанду, — согласился старший лейтенант Строганов. — А, может, это диверсант взрывчатку с собой пронес. Или один нарушитель другого на себе перенес. Разделятся они потом, и пойдет каждый своей дорогой. Первого-то мы найдем по следам и поймаем. А вот второго упустим. А он потом много вреда может нашей Родине причинить. Так что обязательно учитесь распознавать следы.

В общем, интересное было занятие.

А после обеда была тренировка по рукопашному бою. (**128**)

18

Прав у меня нет. Поэтому и это распределение прошло мимо меня.

После обеда снова построение. Приехали последние покупатели — кинологи. Собак я, в принципе, люблю. Но эти товарищи были уж чересчур избирательны. Обнюхали всех и каждого.

Эти меня тоже не взяли. (**43**)

19

— Да пошел ты!

— Слышь, Еременко, ты за языком-то следи, — Богдан приблизился ко мне, сжав кулаки.

Но тут прозвучала команда дежурного строиться для отбоя. Я прошел мимо Богдана, толкнув его плечом. Он никак не отреагировал.

Отбились с первого раза. Сильно уставший за день я быстро уснул. (**59**)

20

— А причем здесь ты и эта бутылка?

— Так это же моя водка! — парень захлебнулся от возмущения.

— Ошибаешься, брат. Это моя водка. — я похлопал его по плечу и прошел мимо.

— Ладно, сволочь! Мир тесен. Встретимся еще, — прошипел он мне в спину. (**8**)

21

В вагоне действительно шел обыск. Бутылки забирали без лишних разговоров. Один из сержантов складывал весь конфискат в вещмешок.

Вскоре пришла наша очередь. Офицер попросил нас встать со своих мест и выйти в коридор.

Искали профессионально. Первым делом подняли полки и вынули все, что лежало под ними. Затем осмотрели содержимое наших вещмешков. Напоследок раскатали все матрасы и прощупали подушки.

За шторку никто из пограничников заглянуть не догадался. Хотя бутылка стояла прямо перед самым их носом.

Через некоторое время обыск в вагоне закончился. Офицер взял у сержанта заметно потяжелевший вещмешок и скрылся с ним в соседнем вагоне. В других вагонах тоже ехали призывники. Но нас туда не пускали. Сторожить нас остались три сержанта. Один сидел в начале вагона, второй — в конце. Третий время от времени курсировал между ними, заглядывая в каждое купе.

День клонился к вечеру. (**220**)

22

— Что за свинарник вы тут устроили?! Так! Дежурными сегодня будете вы двое. — сержант показал пальцем на двух первых попавшихся ребят.

— Почему мы?! — возмутились те. Понятное дело, что никому не хотелось убирать вагон. Остальные опустили головы и не произносили ни звука, радуясь втайне, что не их назначили дежурить.

— Потому что я так сказал! — рявкнул сержант. — Вы будете делать то, что я вам говорю и когда говорю. И сейчас я говорю, что здесь пора хорошенько помыть полы. Шагом марш за мной к проводнице получать уборочный инвентарь.

Сержант пошел в начало вагона. Двое «счастливчиков» понуро побрели за ним. Остальные снова завалились спать.

К вечеру вагон снова ожил. Ребята доставали свертки и раскладывали еду на столах.

Водки у нас не было.

Посовещавшись с ребятами, мы решили также, как и в прошлый вечер, купить у проводницы. (**105**)

— Мужики, говорят, у проводницы есть, — сказал я. — Сейчас схожу. (**149**)

Вчера я пожалел денег и не стал ничего покупать у проводницы. Но сегодня стоимость бутылки мне уже не казалась такой большой. (**32**)

23

15 июля 1967 г.

— А вот такой слышали анекдот? — спрашивает Денис. — Идет по пустыне прапорщик, а навстречу ему осел. Осел спрашивает его: «Ты кто?». Прапорщик оглянулся по сторонам и тихо так говорит: «Я офицер. А ты кто?». Осел оглянулся по сторонам и тихо так: «А я лошадь!».

— Да слышали уже. Ты вчера его рассказывал.

— Ну, тогда вот такой. Бабушка по ошибке зашла на медкомиссию в военкомат и вышла оттуда совершенно здоровой.

— А этот позавчера рассказывал.

И так целый день. Вот думаю, не написать ли письмо домой, пока едем? Делать все равно нечего.

Пожалуй, напишу. (**107**)

Напишу лучше, когда доберемся до места. Тогда хотя бы адрес свой буду знать. (**195**)

24

Нас привели к столовой. Вытянутое одноэтажное строение, снаружи обитое листовым железом. Это был скорее ангар, чем здание.

— Застава, стой! — командовал старшина. — Справа, в колонну по одному, в столовую, бегом… по команде бегом руки сгибаются в локтях… марш! Направляющий держит дверь.

Мы бегом устремились в столовую.

Внутри — просторное помещение с земляным полом. В несколько рядов выстроились длинные столы. Сделаны они были из бревен, вкопанных прямо в землю, и досок обитых железом.

— Поживее, поживее! — подгонял старшина. — Рассаживаемся по десять человек. К приему пищи приступить.

Мы с Денисом сели за один из столов. В глаза бросилась надпись, нацарапанная кем-то на его металлической поверхности: «Дембель неизбежен, как крах капитализма».

На столе стояла стопка алюминиевых тарелок и бачок литра на три. Рядом чайник и десять кружек.

Я заглянул в бачок:

— Что это за бодяга?

Внутри лежала какая-то белая бесформенная масса.

— Не знаю, — ответил Денис. — Макароны, наверное. По ходу разберемся. Давай, братан, накладывай.

Денис сунул мне под нос тарелку.

— Чего я-то? Пусть кто-нибудь другой накладывает. (**70**)

Я взял половник и зачерпнул содержимое бачка. (**226**)

25

Наконец, расселись за столы. На этот раз перед нами стояло уже два бачка: один побольше — с первым, другой поменьше — со вторым. Первое на поверку оказалось чем-то вроде щей. Вот только кроме капусты в воде ничего больше не плавало. На второе — перловка.

— Внимание сюда! — громко объявил старшина. — За каждым столом есть место раздатчика пищи. Место это рядом с центральным проходом, ближе к входной двери. Тот военнослужащий, который сидит на месте раздатчика, соответственно, раскладывает еду всем, кто находится за его столом. Всем ясно? К приему пищи приступить.

За нашим столом на месте раздатчика пищи оказался уже знакомый мне рядовой Малов. Он схватил половник и быстро разложил первое по тарелкам. Последним двоим, в том числе и мне, супа не хватило.

— Малов, ты совсем слепой что ли? Нормально не можешь разложить? — возмутился я.

— Извините, парни. Так получилось. Давайте отольем им все по чуть-чуть. — обратился он к остальным.

— Да ладно, не надо, — махнул я рукой. — Все равно я не очень хотел первое есть. Давай лучше второе накладывай.

Малов положил мне перловки. Когда ребята доели суп и разложили кашу по тарелкам, последним двоим снова не хватило. На это раз среди них был Денис. Я отдал ему половину своей каши.

Старшина вышел на центральный проход и скомандовал:

— Закончить прием пищи. Выходим строиться на улицу.

— Ну-ка, Малов, задержись-ка, — сказал я ему. — Разговор есть. (**201**)

Я решил не привлекать внимание старшины и поговорить с Маловым позже. (**181**)

26

18 июля 1967 г.

На завтрак давали гречневую кашу. Раздатчиком был незнакомый мне парень. Сосед слева называл его Кирюхой. Интересно, почему нельзя каждому определить его собственное место за столом и назначить постоянного раздатчика пищи? А то так практически каждый день кто-нибудь новый половником орудует. Где уж тут руку набить. Впрочем, Кирюха, со своей задачей справился и никого голодным не оставил.

После завтрака нас повели на плац — занятие по строевой подготовке. Отрабатывали движение строевым шагом по разделениям. На счет «раз» поднимали вытянутую вперед ногу и держали так до тех пор, пока не прозвучит следующая команда. Старший лейтенант Строганов ходил вдоль строя и делал замечания тем, кто недостаточно высоко поднял ногу или плохо тянул носок. Держать ногу высоко было очень тяжело. Казалось, затянувшаяся между командами пауза никогда не закончится.

До самого обеда мы занимались строевой подготовкой. Прежде чем просто начать ходить строевым шагом, мы делали много разных упражнений по разделениям. Зато ходить строевым потом было легко, и шаг получался четким и звонким. За полдня был всего один маленький перерыв. Ноги к концу занятия сильно болели.

После обеда я заступил в наряд дневальным. (**164**)

27

19 июля 1967 г.

Разбудили меня задолго до подъема заставы. Голова гудела. Во рту было сухо и противно. От недосыпа слегка подташнивало. Сапоги никак не хотел налезать на ноги. От жесткой неудобной обуви ступни сильно распухли. Превозмогая боль, я, наконец, натянул сапоги.

Все утро мы драили казарму. Когда застава уже строилась на завтрак, ко мне подошел второй дневальный, Коржик:

— Лех, сержант сказал, чтобы мы определились, кто из нас первым в столовую пойдет. Один — сейчас вместе со всеми в строю идет. Другой — на тумбочке в это время стоит. Потом меняемся.

Я вызвался идти первым. (**112**)

Идти строем со всеми мне не хотелось. (**168**)

28

Я промолчал. Я уже заметил, что в армии лучше вообще лишний раз рот не открывать. Хотя, на мой взгляд, сержант говорил полную ерунду.

И снова ужин, подготовка внешнего вида, вечерняя прогулка и поверка. (**44**)

29

— Нет, Денис. Потравимся, скорее всего.

Сделав над собой усилие, я кинул колбасу в круглое углубление в центре курилки и ушел. Не оглядываясь.

Когда немного позже я снова случайно оказался в этой же курилке, то заметил, что колбасы на месте уже не было. Хотя смятая пачка от папирос, которую я видел еще в прошлый раз, была на месте. А значит, курилку за это время не убирали. (**235**)

30

Мне не было жалко капель. Хотя они и могли понадобиться мне самому. Но что поделаешь? Нужно учиться жить в коллективе. Сегодня я кому-нибудь помогу. Завтра мне помогут.

Прозвучала команда дежурного строиться для отбоя. Отбились с первого раза.

Сильно уставший за день я быстро уснул. (**59**)

31

4 августа 1967 г.

Вечером, после ужина, старшина Фомин принес письма. Среди них оказалось одно для меня. Я сразу узнал этот мелкий аккуратный почерк — Даша. Разорвав конверт, я достал оттуда листок в клетку и углубился в чтение. Письмо было небольшим. Всего половина страницы. Смысл написанного сводился к одному: прости, два года слишком много, я полюбила другого…

За то время, что мы не виделись,

я ни разу не писал ей. (**88**)

отправил ей всего одно письмо. (**139**)

отправил уже два письма. (**173**)

32

Но сегодня стоимость бутылки мне уже не казалась такой большой.

— Мужики, там, говорят, у проводницы водка появилась, — сказал я. — На станции, наверное, закупилась. Сейчас схожу.

Я пошел к проводнице. Но на этот раз цена за бутылку оказалась уже втрое выше магазинной. (**192**)

33

31 августа 1967 г.

Сегодня наше отделение заступает в наряд по столовой. Сержант Аникин построил нас и зачитал расчет:

— Итак, овощерезка — 4 человека, варка — 2 человека, мойка — 2 человека, рабочие по залу — 2 человека. Желающие есть?

Я толкнул в бок стоявшего рядом Андрея Семенова:

— Давай в овощерезку запишемся. (**563**)

— Давай в варочный запишемся. (**591**)

— Давай на мойку запишемся. (**611**)

— Давай рабочими по залу запишемся. (**633**)

34

— Следующая вводная,— старшина снова отошел в конец взлетки. — В казарму заходит незнакомый офицер, — сказал он и не спеша направился в нашу сторону.

— Дежурный по заставе на выход! (**73**)

— Застава, в ружье! (**165**)

35

После обеда мы снова драили казарму. До самого вечера. Пока не пришло время заступать новому наряду.

— Хорошо проверьте порядок, — инструктировал сержант Титов своих дневальных. После чего они вместе с Аникиным вскрыли оружейку и заперлись в ней для проверки оружия и боеприпасов.

Так как казарму мы убирали целый день, то придраться было не к чему. Когда дежурные доложили о смене начальнику заставы, сержант Титов позвал своих дневальных:

— Ну что, приняли порядок у старого наряда?

— Так точно, товарищ сержант, — хором ответили те.

— Ну, тогда старый наряд свободен, а вы двое идите сюда, — он подвел их к входу в оружейку и показал на пол. — Это что?!

На полу лежал окурок. Дневальные растерянно посмотрели друг на друга.

— Как вы принимали порядок?! — кричал Титов. — Не можете нормально принять наряд, значит, сами будете драить полы до тех пор, пока руки по локоть не сотрете. Чтобы через десять минут весь пол в мыле был.

Я готов был поклясться, что еще пять минут назад окурка на полу не было. (**208**)

36

Я не стал брать чужой хлеб. Обед прошел без приключений. Наученные горьким опытом, мы делали теперь все очень быстро: быстро раскладывали еду, быстро орудовали ложками, не тратя время на разговоры и лишние споры.

Остаток этого дня ничем не отличался от предыдущего. (**137**)

37

— Отвали, Зэк. Иди и купи.

— Дай хотя бы папиросу. А то у меня совсем голяк.

Я посмотрел в его наглые глаза. Вот есть же такие люди. Своего ничего нет. А стоит кому-то что-то купить — они тут как тут.

— Курить вредно, — ответил я ему и отошел в сторону.

— Ладно-ладно. Подвалишь еще. — обиженно сказал Зэк и ушел в сторону автолавки.

Я доел печенье и поспешил на построение. Перерыв заканчивался. (**213**)

38

30 июля 1967 г.

Зарядки сегодня не было. С самого утра мы наводили порядок в казарме и готовили свой внешний вид.

Присягу принимали с оружием. Весь учебный центр выстроился на плацу в две шеренги. Автомат в положении «на грудь». Вынесли столы и поставили перед каждой заставой. Возле столов стояли начальники застав.

Гостей практически не было. Оно и понятно. Далековато нас увезли от дома. Но к нескольким ребятам родители все-таки смогли приехать. Среди зрителей маячил какой-то старичок в старом кителе с полковничьими погонами, весь увешанный медалями.

Начался прием присяги. Начальники застав по очереди называли фамилии. Названные выходили перед строем, получали в руки папку с текстом присяги, поворачивались лицом к строю и зачитывали ее.

— Рядовой Еременко! — прозвучала моя фамилия.

— Я!

— Для принятия военной присяги ко мне!

— Есть! — четким строевым шагом я подошел к начальнику заставы.

— Товарищ старший лейтенант, рядовой Еременко для принятия военной присяги прибыл.

Старший лейтенант Строганов вручил мне папку с текстом.

— К принятию военной присяги приступить!

Текста присяги наизусть я не знал и потому открыл папку и начал читать. (**171**)

Еще давно я решил для себя, что читать присягу буду обязательно наизусть. (**138**)

39

— А то есть хочется так, что живот сводит.

— Конечно, угощайся, — он щедро отрезал кусок сала, положил его на хлеб и протянул мне.

Сало было очень вкусным. Мне стало стыдно, что я не угостил Мишу в прошлый раз, когда он меня просил. (90)

40

Права у меня есть. В школе у нас была автоподготовка. Пока девчонки учились шить на машинке и готовить, мы копались в автомобильных двигателях, а потом ездили на стареньком школьном УАЗе и ЗИЛе. На выпускном всем девчонкам вручили удостоверение швеи какого-то там разряда, а пацанам права категории В, С.

Всех, у кого были права, забирали в отряд. Я очень хотел попасть во взвод бронетранспортеров.

Но меня распределили в обычную автотранспортную роту. (669)

41

7 августа 1967 г.

Во время утреннего осмотра начальник заставы вызвал меня к себе в кабинет. Он сидел за столом и просматривал какие-то бумаги.

— Товарищ старший лейтенант, рядовой Еременко по вашему приказу прибыл.

Старший лейтенант Строганов оторвался от бумаг и внимательно посмотрел на меня.

— Еременко, по моему приказу старшина совместно с командирами отделений подготовил характеристику на каждого из солдат нашей заставы. Вот твоя. — он протянул мне лист бумаги. Я прочитал написанное:

«Решительный, волевой, не боится идти на конфликт, отстаивает собственное мнение, пользуется авторитетом у сослуживцев…Склонен к нарушению воинской дисциплины…» (140)

«Спокойный, уравновешенный, конфликтных ситуаций старается избегать, с сослуживцами поддерживает спокойные нейтральные взаимоотношения…В нарушениях воинской дисциплины замечен не был…» (175)

42

— Что вы можете сказать об этом следе?

Я склонился над отпечатком сапога и внимательно рассмотрел его. Он ничем не отличался от моих собственных следов. Разве что со стороны носка был едва заметный скос.

— Еременко, ты как думаешь?

Я не знал, что ответить на этот вопрос. (**7**)

В голове промелькнула догадка. (**127**)

43

16 августа 1967 г.

Я остался в учебке. Все ребята, с которыми я более или менее успел познакомиться и подружиться, разъехались. Оставшихся снова перемешали и разделили на две заставы по пятьдесят человек. Командир отделения и старшина у меня остались те же. А вот начальник заставы сменился. Теперь нами командовал старший лейтенант Зырянов — невысокий коренастый татарин с суровым лицом. Из знакомых ребят в моем отделении только Андрей Семенов.

На душе как-то тоскливо. (**11**)

44

И снова ужин, подготовка внешнего вида, вечерняя прогулка и поверка. После поверки несколько раз «отбивались» и строились снова. Иногда мне начинает казаться, что я застрял в каком-то одном дне своей жизни. И он повторяется каждый день снова и снова. Я пытаюсь вырваться из этого наваждения. Каждый день стараюсь прожить иначе. Но у меня ничего не получается. Каждое утро звучит команда «подъем», и этот день начинается снова. (**132**)

45

Я смотрел на старшину и ждал, что будет дальше.

—Ты чего тормозишь, Еременко?! В обязанностях же четко сказано: «не допускать выноса из казармы имущества». Будешь так же и в наряде тупить, утром сниму тебя, а после обеда снова заступишь.

На этом тренировка закончилась.

И вот я заступил в наряд. (**166**)

46

Проходя мимо чужого стола, я схватил несколько кусков хлеба и сунул себе за пазуху.

— Эй, ты чего делаешь?! — налетел на меня рослый незнакомый парень. — А ну, положи хлеб на место!

— Какой хлеб? Не знаю о чем ты.— Я попытался пройти мимо парня, но он ударил меня в плечо. Я кинулся на него. Мы сцепились и покатились по полу.

Тут же подбежали сержанты, растащили нас в разные стороны и выволокли на улицу. Подошел старшина Фомин.

— Что случилось? Опять еду не поделили? Чего молчите? Еременко, из-за чего драка?

— Я хотел сесть за стол. Но на меня налетел этот сумасшедший. (**115**)

Я молча смотрел прямо перед собой, избегая взгляда старшины. (**76**)

47

— Извини, дружище. Не дам.

— Не понял, ты что, зажал что ли?! — завелся Богдан.

Я не собирался ничего ему доказывать и потому ответил коротко и ясно:

— Да пошел ты! (**19**)

— Это не гигиенично. (**124**)

48

Когда после завтрака мы шли на общее построение учебного центра, то видели, как в ворота въехали несколько грузовиков с тентами. В кузове каждого сидел солдат с автоматом. По строю тут же прошел шепот:

— Оружие привезли! Оружие!

— Отставить разговоры, — прикрикнул старшина. В строю снова воцарилась тишина.

На построение от каждой заставы выделили по одному отделению для разгрузки машин. От нас пошло первое отделение. Мы же снова отправились на занятие по строевой подготовке.

После обеда весь учебный центр построили на плацу в две шеренги. (**123**)

49

Я достал бутылку и протянул ее рыжему парню.

— Тише ты, тише! Не пали! — водка скрылась за пазухой у парня. Он протянул мне руку. — Колян!

— Леха! — мы пожали друг другу руки.

— Ну, бывай, Леха. Может, встретимся еще. — Колян скрылся среди толпившихся во дворе людей. (**8**)

50

— Товарищ майор, этого не может быть. Меня должны были в Ленинградском округе оставить служить.

— Может тебя еще и в Генеральный штаб должны были отправить?! — повысил голос майор. — А ну, проваливай отсюда!

Я понял, что доказывать что-либо бесполезно. (**142**)

— Разрешите хотя бы звонок один сделать? (**92**)

51

Мы так и сидели во дворе, пока не появились пограничники — капитан и трое сержантов. Один из сержантов тут же скомандовал нам строиться. Мы стали неумело толпиться и образовали что-то типа кривой длинной шеренги.

Пограничники не спеша шли мимо нас. Они выглядели сурово и мужественно. Капитан всматривался в лица призывников.

— Куда едем-то? — спросил кто-то из строя.

Ответа никакого не последовало. Никто ничего не объяснял. Во двор въехали три грузовика с тентами. Капитан молча кивнул одному из сержантов. Тот скомандовал:

— Вещи взять. Напра-во! По машинам!

Я влез в кузов грузовика. Последним сел один из сержантов. Машины взревели, выехали колонной за ворота и помчались по городу.

Никого из ребят я не знал. Ехал молча, думая о своем. (**101**)

Я решил поговорить со своим новым знакомым. Денис сидел рядом со мной. (**143**)

52

У меня и не было такой возможности.

— Миш, дай и мне, пожалуйста, кусочек сала. А то есть хочется так, что живот сводит. Я тебя тоже в следующий раз чем-нибудь угощу.

Он внимательно посмотрел на меня и сказал:

— То есть, как есть сало, так сразу «Миша». А как нет — так «Зэк»?

— Да ладно тебе! Это же шутка. Не со зла.

— Ладно. Я уже и сам привыкать начал. Конечно, угощайся, — он щедро отрезал кусок сала, положил его на хлеб и протянул мне.

Сало было очень вкусным. (**90**)

53

Сам я не курил. Но ходил вместе со всеми за компанию. Лежать целый день на полке надоело. Да и дышалось там гораздо легче, чем в вагоне, несмотря на густой табачный дым.

Вот и в этот раз мы дружно направились в тамбур. Ребята закурили. Тесное помещение наполнилось едким дымом. (**193**)

54

Через некоторое время, когда я уже вернулся на свое место, к нам в купе вошли четверо незнакомых крепких парней. Из-за их спин высовывалась знакомая рыжая голова.

— Вот этот урод у меня две бутылки водки украл, — показал он на меня пальцем.

— Значит так, фраер, — сказал мне самый здоровый из парней. — С тебя двадцатка этому, — кивнул он на рыжего. — И полтинник нам за беспокойство.

— Вы чего, парни, обалдели?! — возмутился я. — Ничего я у него не брал.

Здоровяк хрустнул костяшка пальцев и сказал:

— Считаю до трех. Раз. Два…

Я полез в карман и достал мятые купюры. (**106**)

Я ударил здоровяка первым. (**154**)

55

Здравствуй, милая моя Дашутка!

Очень соскучился я по тебе. Как ты?

Может и хорошо, что не получилось у тебя пойти меня провожать. Только душу зря травить. Да и неудобно как-то у ворот военкомата на виду у всех было бы прощаться. А на вокзале такое творилось, что страшно вспомнить. Нас сразу в поезд посадили. Вокруг поезда оцепление. Никому и словом со своими не дали обмолвиться.

Правда одна девушка у нас на стекле губной помадой сердечко смогла нарисовать. Парень ее со мной в одном купе был. Так это сердечко с нами практически всю дорогу

ехало. Пока его дождем не смыло. Парню, наверное, приятно было ехать и на него смотреть.

Меня в пограничные войска отправили служить. Похоже, у отца что-то там не получилось с распределением. Куда едем — пока не знаю. Нам не говорят ничего. Но поезд едет до Владивостока. Так что, скорее всего, буду служить на границе с Китаем.

Письмо отправлю сразу, как только доберусь до места. Адреса своего нового пока не знаю. Напишу позже.

15.7.67 г.

Целую.

Твой Леша. (**195**)

56

— Отвали, Зэк. Иди и купи.

— Ладно-ладно. Подвалишь еще. — обиженно сказал он и ушел в сторону автолавки.

Я доел печенье и поспешил на построение. Перерыв заканчивался. (**213**)

57

— Отвали, Зэк. Курить вредно, — ответил я ему и отошел в сторону.

— Ладно-ладно. Подвалишь еще. — обиженно сказал он и ушел в сторону автолавки.

В курилку я уже не успевал. Перерыв заканчивался. (**213**)

58

Я пошел вместе со всеми. В курилке сидел сержант Титов и человек пять рябят с нашей заставы. Сержант что-то рассказывал ребятам, а те слушали его, раскрыв рты. Я немного притормозил перед входом. Не уверен, нужно ли спрашивать разрешения у Титова для того, чтобы войти в курилку. С одной стороны, он командир другого отделения. А значит, не является моим начальником. С другой стороны, он сержант. Значит, старше меня по званию.

Как у них все сложно в армии. Точнее, у нас в армии. Сделаешь что-то не так, потом хлопот не оберешься.

Я молча зашел в курилку и достал папиросы. (**10**)

— Товарищ сержант, можно войти? (**135**)

59

Сильно уставший за день я быстро уснул.

Проснулся я посреди ночи. Очень хотелось в туалет.

В казарме удобств не было. Идти до туалета нужно было по улице метров двести. Ночь была прохладная. И вылезать из-под одеяла не хотелось. Я терпел до последнего. Но в итоге сел на кровати и решительно натянул сапоги прямо на голые ноги. В одних трусах и майке я подошел к дневальному, и тот выпустил меня на улицу.

Я поежился от холода и посмотрел в темную даль, куда мне предстояло идти. А идти туда не хотелось совсем.

Я зашел за угол казармы и стал справлять нужду прямо на стену. (**81**)

Я побежал в туалет. (**6**)

60

Я ни разу ничем его не угощал. Хотя однажды он подходил ко мне возле автолавки.

— Миш, дай и мне, пожалуйста, кусочек сала. А то есть хочется так, что живот сводит. (**39**)

Ничего не буду у него просить. Лучше сдохнуть с голода. (**82**)

61

— Я думаю, нарушитель груз какой-то крупный на себе нес.

— Версия интересная, — ответил старший лейтенант Строганов. — Но неправильная. Еще какие-нибудь варианты?

Вариантов ни у кого не было. (**87**)

62

— У меня автомат заклинило!

Начальник заставы подошел ко мне, взял из моих рук автомат и осмотрел его.

— Заклинило, потому что руки не из того места растут. Бегом на исходную. Ждешь меня там.

Я взял свой автомат и побежал на исходный рубеж, где уже ждало своей очереди следующее отделение.

Когда наши отстрелялись, старший лейтенант Зырянов снова подошел ко мне.

— Вот посмотрите, товарищи солдаты, на образцового пограничника, — он показал на меня. — Пойдет нарушитель через границу, а Еременко не сможет его задержать. А почему? Потому что стрелять даже не умеет.

— Я умею, товарищ старший лейтенант, — попытался возразить я.

— Помолчите, рядовой. Я вам слова не давал.

Старший лейтенант Зырянов взял мой автомат, упер его прикладом в землю и поставил ногу на затворную раму. Он резко нажал вниз, и перекошенный патрон вылетел через гильзовыбрасыватель. Зырянов поднял патрон и снова вставил его в магазин.

— Держите, солдат, — он вернул мне автомат. — Стреляете со следующей группой. И не дай Бог…

Мне было обидно до слез. Это ведь было чистой случайностью. И ничего страшного не произошло. А он вот так меня… при всех отчитал.

Надо ли говорить, что волновался я теперь гораздо больше, чем при первом заходе на огневой рубеж. Сердце стучало, как ненормальное. Руки тряслись. На этот раз перекоса не случилось. Но отстрелялся я, мягко говоря, не очень. Только последним выстрелом мне удалось «уложить» ростовую мишень и получить оценку «удовлетворительно».

После стрельб обязательная чистка оружия. (236)

63

— Я согласен, товарищ старший лейтенант.

— Ну, вот и молодец. Я в тебе не сомневался. Выезжаешь в составе сборной группы послезавтра утром. А пока занимайся по плану. (**100**)

64

Я согласился. Почему бы и нет? Интересная профессия. К тому же я никогда не летал на вертолете. А мне очень хотелось.

После построения мы подошли к офицеру-вертолетчику и записались. Желающих было много. Возьмут явно не всех.

Списки зачисленных объявили уже после обеда. (**217**)

65

Я собрал оставшуюся еду, завязал вещмешок и прошел мимо сержанта и рыжего парня во двор призывного пункта. Через некоторое время рыжий догнал меня и схватил за плечо:

— Эй, ты что, тупой что ли?! Почему водку не взял?

Я скинул его руку со своего плеча:

— А с чего я должен был ее брать?

— С того, что я попросил тебя, как нормального пацана. Сам подставился под раздачу. А ты зассал.

— Ничего я не зассал, — я развернулся и пошел прочь.

— Попадем в одну часть служить — вешайся, — крикнул рыжий мне в спину.

Блин, не успел еще в армию попасть, а уже врагов себе нажил. (**8**)

66

Мы с Денисом шли по вагону и искали свободные места. Наконец, нашли в одном из купе. Там уже сидели двое ребят.

— Здорово, мужики, — Денис по очереди пожал им руки. Я тоже поздоровался. Познакомились. Один — высокий, худой. Женей зовут. Другой, наоборот — невысокий, коренастый— Дима.

Дима раздвинул занавески и выглянул в окно. (**12**)

67

Я рассказал сержанту о письме.

— И это все что ли?! Я думал, у тебя серьезное что-то случилось. Тебя как звать-то, Еременко?

— Алексей.

— Леш, тут ведь какое дело, из армии вернешься — все девки твои будут. Они знаешь как пограничников любят! Меня вот тоже девчонка из армии не дождалась. Через полгода друзья написали, что так, мол, и так. Сначала, думал, возьму автомат и сбегу — убью сволочь. А потом ничего — успокоился. Не стоят они того, чтобы жизнь себе из-за них калечить.

Я молча слушал. Сержант сел на кровать и показал на место рядом с собой:

— Садись. Есть у меня способ один, — он расстегнул планшет и достал из него лист бумаги и карандаш. После чего открыл тумбочку и достал из нее банку гуталина и щетку. Обмакнув щетку в гуталин, он хорошенько начистил подошву своего сапога. Потом положил бумагу на пол и наступил на нее. На листе остался четкий след солдатского сапога.

— Эй, дневальный! — крикнул сержант. — Где ты там?!

Прибежал запыхавшийся дневальный:

— Здесь, товарищ сержант!

— Позови-ка мне, Салдаева из третьего отделения. Только мухой.

Дневальный убежал. Буквально через две минуты к нам подошел Салдаев:

— Товарищ сержант, рядовой Салдаев по вашему приказу прибыл.

— Салдаев, я знаю, у тебя почерк хороший. Держи. — Титов протянул парню лист с отпечатком сапога и карандаш. — Пиши: «Если б не стоял здесь след советского солдата, давно бы вас имел солдат из НАТО». Только красиво пиши!

Салдаев положил лист на тумбочку и аккуратно вывел надпись.

— Все, Салдаев, свободен. — сержант забрал у него лист и протянул мне. — Отправишь ей по почте. Сразу легче станет.

Он хлопнул меня по плечу и встал.

— Кровать поправь, — сказал он напоследок и ушел. Я остался сидеть, разглядывая необычное письмо.

Конечно, я не буду его отправлять. (**129**)

Я отправлю его сегодня же. (**174**)

68

— Убедил! Записываемся.

Желающих было много. Возьмут явно не всех.

Списки зачисленных объявили уже после обеда. (**217**)

69

Я согнул воротник по форме шеи. Так стало лучше получаться. Но все равно подворотничок все время норовил съехать в сторону или сморщиться. Когда, наконец, получилось более или менее сносно, оказалось, что я пришил китель к штанам. Проклиная все на свете, я распорол нитки. Долго пытался связать между собой отрезанные концы. Но они были слишком короткими. В итоге плюнул на это и начал все сначала.

Уже совсем стемнело. Пальцы были исколоты в кровь. Но своего я добился. Подворотничок был пришит практически ровно и торчал над воротником на установленную высоту — примерно на спичечную головку. (**234**)

70

— Чего я-то? Пусть кто-нибудь другой накладывает.

Никто не хотел брать на себя ответственность. Не так-то просто разделить содержимое бачка поровну на десять человек. Вдруг обделишь кого? За такое запросто можно получить.

Пока мы решали, кто же будет раскладывать еду по тарелкам, прозвучала команда старшины:

— Застава, закончить прием пищи. Выходим строиться на улицу.

— Да как так-то! — Загалдели ребята.— Мы не успели поесть.

— Отставить разговоры. Бегом строиться.

Мы похватали куски хлеба и стали жевать их на ходу. (**200**)

71

— Песню запе-вай!

Мы маршировали на месте и пели «Катюшу».

Песня, кстати, очень хорошая. Я знал ее с детства. Но никогда не задумывался о том, что она про пограничников.

Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой.

Выходила на берег Катюша,

На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила

Про степного сизого орла,

Про того, которого любила,

Про того, чьи письма берегла.

Ой, ты, песня, песенка девичья,

Ты лети за ясным солнцем вслед

И бойцу на дальнем пограничье

От Катюши передай привет.

— Молодцы! — похвалил старшина. — Громко получается. Теперь попробуем на ходу. Застава, с места, строевым, с песней, шагом…марш!

Не так-то легко, скажу я вам, идти строем с песней. Поначалу получалось не очень хорошо. Пели кто во что горазд. Тренировались до самого обеда. В итоге, стало более-менее прилично получаться.

Подошли к столовой. Старшина дал команду зайти внутрь. Но направляющий забыл встать на дверь. Снова вышли на улицу и построились перед столовой. Снова команда зайти внутрь. На этот раз старшине показалось, что мы очень шумно себя вели. Снова вышли на построение.

Наконец, расселись за столы. (**25**)

72

Я не пытался хитрить и добросовестно выполнял подаваемые старшиной команды. После очередного отбоя старшина сказал:

— Услышу хоть один звук в расположении, побежим марш-бросок вокруг казармы.

Больше нас не поднимали.

Старшина и сержанты ушли в каптерку. (**26**)

73

— Дежурный по заставе на выход! — закричал я.

Сержант Аникин побежал к старшине. Не добежав до него метров пять, он перешел на строевой, сделал три четких шага, принял строевую стойку, приложил руку к головному убору и громко доложил:

— Товарищ полковник, дежурный по заставе сержант Аникин! Разрешите уточнить цель вашего прибытия?

— Молодец, Еременко! — похвалил старшина. — Все правильно. Следующая вводная. (**205**)

74

Я стал будить того, что лежал сверху. Взял его за плечо и начал слегка трясти. Раздалось недовольное мычание.

— Андрюха, ты? — спросил я на всякий случай.

— Я, я. Чего надо?

— Как чего надо?! — опешил я. — Вставай! Твоя очередь на тумбочке стоять. Я тоже спать хочу.

— Хорошо. Встаю.

Я вернулся в освещенный коридор. Через некоторое время из спального расположения вышел недовольный заспанный Андрей Семенов. Он только вчера сменился с наряда.

— Еременко, ты на хрена меня разбудил?! Ты ж не со мной в наряде стоишь! Я, главное, и не сообразил сразу. Думал, что не сменился еще.

Что-то недовольно бормоча себе под нос, он снова скрылся в кубрике. Я пошел за ним следом.

— Вот твой Коржик лежит, — пнул он нижнюю кровать и полез на второй ярус.

Я разбудил своего сменщика, дождался пока он пришел в себя, завалился на кровать и моментально уснул. (**27**)

75

Я решил промолчать. Хотя очень хотелось крикнуть «Ура». И в тему занятия было бы, и забавно, и действительно радостно от того, что у нас свободное время будет.

После команды «разойдись» все направились по своим делам. Денис подошел к сержанту Аникину:

— Товарищ сержант, разрешите вопрос?

— Валяй.

— А у вас девушка есть на гражданке?

— Есть. А почему ты спрашиваешь?

— Ну, вот у одного моего знакомого тоже есть. Так вот мне интересно, дождется она его или нет. Вы как думаете?

— Откуда же я знаю? — развел он руками. — Тут все от самой девушки зависит.

— А ваша ждет? — не отставал Денис.

— Ждет. И дождется! — уверенно ответил Аникин. — Потому что девушку с умом нужно выбирать. Моей четырнадцать лет всего. Я специально себе такую выбрал. Такая и ждать будет, и вообще еще не сформировалась как личность. Успею еще характер ее поменять под себя, как нужно…

— Да на него ни одна нормальная не повелась просто, — я прыснул от смеха. (**209**)

Я промолчал. (**28**)

76

Я, молча, смотрел прямо перед собой, избегая взгляда старшины.

— Молчишь… А ты что скажешь, Нефедов? — спросил он парня, с которым мы только что дрались.

Тот тоже молчал.

— Ну, раз вы у нас такие неразговорчивые, то вместе отправляетесь на уборку туалета. Через час приду и лично проверю.

Делать было нечего. Пришлось идти убирать туалет. Я наломал веток для веников. Нефедов сходил за водой. Расплескав воду по деревянному полу, мы начисто его вымели. Работали молча. Разговаривать друг с другом не было ни малейшего желания.

Через час появился старшина. Взглянув на нас, он сразу понял, что за прошедшее время отношения между мной и Нефедовым ничуть не потеплели.

— Ну и кто так убирает?! — сказал он с угрозой. — Ну-ка взяли за туалетом по осколку стекла и выскоблили мне тут все до белизны. Проверю через два часа. Не дай бог не закончите к этому времени!

Старшина ушел. Мы послушно побрели за туалет и в куче лежащих там осколков выбрали два получше.

— Блин, все из-за тебя, — сказал я Нефедову. — Нафига ты драться полез?

— А зачем ты хлеб воровал? — вопросом на вопрос ответил Нефедов. — Думаешь, один ты голодный? Все одинаково есть хотят.

— Да я понимаю, — согласился я. — Бес попутал. Не буду больше так делать.

Мы продолжали работать. Пол от скобления по нему стеклом действительно становился белее. Вот только происходило это очень медленно.

— Ты откуда будешь, Нефедов? — спросил я через некоторое время.

— Из Инзы.

— Из деревенских что ли?

— Сам ты деревня! Это поселок городского типа. Районный центр, между прочем. А сам-то ты откуда?

— Из Ленинграда.

— М-м-м… — многозначительно промычал Нефедов. — Красивый город… Никогда там не был.

— Как тебе в армии-то, Нефедов, — продолжил я разговор.

— Да ничего. Служить можно. С едой только не очень. Да ты и сам знаешь.

Так за работой и за беседой незаметно прошло еще около часа. На пороге туалета снова появился старшина. Мы продолжали разговаривать, неспешно скоблили пол и не сразу заметили его.

— Нашли общий язык, я смотрю? — спросил старшина.

Мы подскочили от неожиданности.

— На сегодня достаточно, — продолжил старшина. — Бегом на занятия.

— Но мы еще не закончили, — ответил Нефедов.

— А я смотрю, тебе понравилось? В следующий раз закончите. Если попадетесь мне. Бегом на занятия, я сказал.

Остаток этого дня ничем не отличался от предыдущего. (**137**)

77

После стычки в поезде денег у меня больше не было. С тоской посмотрев на печенье с медовой начинкой, я снова направился в сторону плаца. Перерыв заканчивался. (**213**)

78

Все еще голодный, несмотря на проглоченный только что завтрак, я вышел на улицу и встал в строй.

— Блин, почему все время так есть хочется? — сказал я, посмотрев на ребят.

— Ни тебе одному, — поддержал разговор Денис. — Я уже, наверное, килограммов десять здесь потерял.

— Что там за разговоры в строю?! — крикнул вышедший перед строем старшина Фомин.

— Им-то хорошо, — продолжил я. — Сержанты за отдельным столом питаются. Такой же бачок, как нам на десятерых, им на шестерых ставят. И мяса там побольше будет. Я сам видел.

— Застава, газы! — в друг подал команду старшина.

Мы расстегнули противогазные сумки, которые у нас все время были с собой, и натянули противогазы на голову.

— Будем учиться соблюдать тишину в строю. Застава, бегом…марш.

Мы побежали вокруг столовой. Противогаз постепенно наполнялся едким потом. Перед глазами все плыло. Казалось, еще секунда и я упаду под ноги бегущим за мною следом.

— Застава, шагом…марш. Отбой газы. — скомандовал старшина.

Мы сорвали с себя противогазы и шумно задышали. Лица у всех были мокрые и красные. Казалось, ничего нет на свете прекраснее, чем вот так просто дышать.

Нас повели на занятие по строевой. (**210**)

79

Я завалился на траву рядом с плацем и вытянул ноги. Как прекрасно вот так просто лежать и ничего не делать! По небу медленно плыли белые облака. Я смотрел на них и вспоминал свою прежнюю жизнь. Ту, что была еще до армии. Родители, одноклассники, Даша… Казалось, что все это было давным-давно. А может быть и вовсе не со мной. А я всю жизнь носил эту форму и эти сапоги.

— Застава, строиться! — раздался крик старшины. Перерыв заканчивался. (**213**)

80

Капель мне было откровенно жалко. Они мне и самому могли пригодиться. Я ворочался в постели и никак не мог уснуть.

В итоге, встал, подкрался к тумбочке Богдана, взял пузырек с каплями и спрятал его в глубине своей тумбочки. Если завтра спросит, скажу, что ничего не знаю.

После этого мне сразу стало легче, и я быстро уснул. (**59**)

81

Я зашел за угол казармы и стал справлять нужду прямо на стену.

— А кто это у нас тут гадит? — раздался вдруг голос старшины.

Я чуть не поседел от ужаса. Первым моим желанием было броситься бежать. Но я уже не мог остановить начатое. К тому же старшина сразу узнал меня.

— Еременко! Ну, пойдем со мной Еременко. Наряд курилки как раз еще не успел убрать. Вот ты и займешься. После этого клумбы все польешь. Только не так, как ты только что делал. А по-нормальному, из ведра.

Весь остаток ночи я занимался уборкой и орошением территории. Старшина отпустил меня только за десять минут до подъема. Я вернулся в казарму замерзший, уставший и повалился на кровать.

Лишь только сомкнув на минуту глаза, я услышал уже ставшую ненавистной мне команду:

— Застава, подъем!

Начался новый день. (**125**)

82

Лучше сдохнуть с голода.

— Ты чего тут разложил свинину свою?! — зло крикнул я ему. — Завонял всю казарму!

— Почему завонял? Хорошее сало! — ответил Зэк.

— Да пошел ты! — выругался я и вышел из казармы. (**90**)

83

И Миша не забыл моей доброты.

— Лех, угощайся.

Я подсел к нему. Он щедро отрезал кусок сала, положил его на хлеб и протянул мне. Сало было очень вкусным. (**90**)

84

Я решил никого не звать и самостоятельно устранить перекос. По идее, если снова отвести затворную раму назад, то перекошенный патрон должен вылететь через гильзовыбрасыватель.

Я стал тянуть затвор на себя. Ничего не получалось. Его намертво заклинило. Я начал разбирать автомат. Справа и слева от меня стреляли ребята. Моя заминка не осталась незамеченной. Ко мне подошел начальник заставы.

— Ты что, совсем офанарел, рядовой! — закричал он на меня. — Ну-ка, дай сюда оружие.

Я протянул ему полуразобранный автомат.

— У меня патрон заклинило, — попытался оправдаться я.

— Бегом с глаз моих! — рассвирепел начальник заставы. — Отправлю тебя, нахрен, в стройбат служить. Кроме лопаты ничего у меня больше в руки не получишь.

Так закончились мои первые стрельбы. (**33**)

85

14 августа 1967 г.

Всех тех, у кого есть права, также забирали из учебки служить в отрядах.

Прав у меня нет. (**18**)

Права у меня есть. (**40**)

86

Так что вечером снова идем туда. Как и в прошлый раз, мы договорились с ребятами из отделения и с дежурным по заставе, чтобы в случае чего они нас прикрыли. И после ужина, уже знакомым нам маршрутом прошли за санчасть, перелезли через забор и вскоре были у дверей ДК. (**274**)

87

Вариантов ни у кого не было.

— Ну что же вы такие недогадливые? — начальник заставы обвел нас взглядом. — Видите едва заметный скос со стороны носка? Он говорит о том, что нарушитель задом-наперед в это месте прошел. А для чего?

— Что бы с толку нас сбить! — ответил Андрей Семенов.

— Правильно, — кивнул старший лейтенант Строганов. Мы будем думать, что это с нашей территории кто-то через границу перешел. А тем временем у нас в тылу диверсант будет действовать.

Мы перешли к следующему отпечатку ноги.

— А вот об этом следе, что вы можете сказать? (**17**)

88

За то время, что мы не виделись, я ни разу не писал ей. В своих мыслях я уже не раз проигрывал подобную ситуацию. Даша всегда была немного странной. Я никогда не понимал ее до конца. И никогда не был уверен в том, как она ко мне относится. Подсознательно я был готов к такому повороту событий. Потому, в общем-то, ничуть не расстроился по этому поводу.

Я смял письмо, кинул его в мусорную корзину.

Вернусь домой, все девки моими будут! (**41**)

89

— Я не знаю, товарищ старший лейтенант.

—Плохо, Еременко. Пограничник должен хорошо различать следы и уметь читать их, как раскрытую книгу. У кого-нибудь есть варианты?

Вариантов ни у кого не было. (**87**)

90

31 июля 1967 г.

И вот теперь, после принятия присяги, у нас наконец-то начались плановые учебные занятия. Это не то, что по плацу маршировать или в ангаре уставы зубрить. Теперь мы чувствовали себя настоящими пограничниками. После завтрака мы получили автоматы, подвесили на пояс подсумки с двумя магазинами, саперные лопатки, штык-ножи и выдвинулись на полигон.

Занятия проводил начальник заставы. После проверки внешнего вида и экипировки, он подвел нас к широкой полосе свежевскопанной и тщательно разрыхленной земли. Ширина полосы была метров десять. И тянулась она метров на пятьдесят в длину. Кое-где на ней отчетливо виднелись дорожки следов, оставленных чьими-то сапогами. За полосой находилось проволочное заграждение.

— Товарищи солдаты, — начал занятие старший лейтенант Строганов. — Перед вами контрольно-следовая полоса. Сокращенно — КСП. Учебная, конечно. Такие полосы тянутся на много километров вдоль государственных границ нашей Родины. Предназначены они для того, чтобы фиксировать и сохранять следы нарушителей государственной границы. Ограждение за КСП — это система. Перерезал проволоку — на заставе сработал сигнал. Дежурный по заставе поднимает заставу «в ружье». Сомкнул между собой витки заграждения — тоже самое. Тема нашего сегодняшнего занятии — следы.

Он подвел нас к первому отпечатку на рыхлой земле и спросил:

— Что вы можете сказать об этом следе? (**42**)

91

Я быстро схватил одну из бутылок и сунул в вещмешок. Прапорщик стоял ко мне спиной и не мог ничего заметить. Сержант был всецело поглощен «воспитанием»

наглеца. Я собрал оставшуюся еду, завязал вещмешок и прошел мимо сержанта и рыжего парня во двор призывного пункта. Через некоторое время рыжий догнал меня и хлопнул по плечу.

— Красава! Четко сработал. — расплылся он в улыбке. — Давай сюда пузырь.

Я достал бутылку и протянул ее рыжему парню. (**49**)

— А причем здесь ты и эта бутылка? (**20**)

92

— Разрешите хотя бы звонок один сделать?

— Какой звонок?! — майор побагровел от ярости. — Ты что, не понял, что я тебе сказал?! Пошел вон отсюда! Не то я тебя не на два года, а на все три служить отправлю. Засуну тебя в подводную лодку. Землю только на дембель увидишь.

Я вышел во двор. (**177**)

93

— Мужики, из Купчино есть кто-нибудь? — спросил я.

— Я из Купчино! — ко мне подошел светловолосый парень с приветливым лицом. — Ты с какой улицы?

— Со Славы, — ответил я. — А ты?

— С Салова.

— Алексей.

— Денис.

Мы пожали друг другу руки. Потом отошли в тенистый угол двора, скинули вещмешки на землю и уселись на них сверху.

Мы так и сидели во дворе, пока не появились пограничники — капитан и трое сержантов. (**51**)

94

Я достал «трофейную» бутылку и присовокупил ее к остальным. У Дениса и Димы водки не оказалось.

— Ладно, — махнул рукой Женя. — На сегодня более чем предостаточно. А там разберемся. У проводницы наверняка есть.

— Прятать нужно, — сказал Денис. (99)

95

Я поставил бутылку на стол возле окна и задернул шторку. Она была короткая и практически прозрачная. Но я был уверен в том, что это хорошая мысль.

В вагоне действительно шел обыск. (21)

96

11 июля 1967 г.

Проснулся я от крика сержанта:

— Застава, подъем!

Я свесил ноги с полки и принял вертикальное положение. Голова болела. Очень хотелось пить.

Сержант продолжал орать:

— Что за свинарник вы тут устроили?! (22)

97

Я ничего не мог поделать. Проводница подошла к двери своего купе, открыла ее и увидела перепуганного Коляна.

— Ах ты, холера рыжая! А ну, иди сюда! — она схватила его за ухо и куда-то потащила. Как оказалось, к офицеру, который нас сопровождал.

Коляна не было очень долго. Когда он, наконец, появился, весь красный и взлохмаченный, то сразу кинулся ко мне:

— Сдал, значит, меня сволочь?! Стукачек недоделанный.

— Да не сдавал я тебя! — попытался я переубедить его. — Она ключи, просто, забыла. Вот и вернулась.

— Заткнись! Выслужиться решил? Я тебе это припомню. Вешайся теперь.

Колян ушел. Через некоторое время, когда я уже вернулся на свое место, к нам в купе вошли четверо незнакомых крепких парней. (**54**)

98

Все ребята в нашем купе, включая меня, были курящими. Мы вышли в тамбур. Несмотря на густой табачный дым, дышалось там гораздо легче, чем в вагоне. Я достал папиросу, продул ее, чиркнул спичкой и с наслаждением затянулся. Голова приятно закружилась. Тесное помещение наполнилось едким дымом. (**193**)

99

— Прятать нужно, — сказал Денис. — Сейчас погранцы, по-любому, шмонать пойдут.

— Думаешь? — усомнился Женя.

— К гадалке не ходи. Они ведь наверняка видели, какие нам подарочки в окна передавали.

Денис взял бутылки и поставил в багажное отделение под нижней полкой, на которой сидел.

Я подумал, что под полкой не самое надежное место. (**219**)

100

9 августа 1967 г.

Сегодня уезжаю учиться в школу сержантского состава. Находится она в городе Иман, в учебном центре 57-го Иманского пограничного отряда. Ехать около суток.

На прощание обнялся с Денисом.

— Ты не будь таким уродом, как эти, когда сержантом станешь, — тихо сказал он, кивнув головой в сторону наших сержантов. — Надеюсь, попаду к тебе после учебки служить.

— Давай, дружище, береги себя, — мы еще раз крепко обнялись.

Жалко с Денисом расставаться. Даже слезы на глаза наворачиваются. Я попрощался еще с несколькими ребятами и вышел во двор, где уже стояла наша сборная группа, ожидая офицера сопровождения. (185)

101

Никого из ребят я не знал. Ехал молча, думая о своем.

Пограничные войска… Это не какие-нибудь мотострелки или связисты. Я уже представлял себе, как иду вдоль пограничных столбов, грозный и неустрашимый. Впереди бежит собака и выискивает следы нарушителей. Вот я задерживаю в одиночку банду контрабандистов. Меня вызывают в Москву и вручают правительственную награду. А потом отпуск на Родину. Может быть, после этого моим именем даже улицу какую-нибудь назовут

Машина подъехала к железнодорожному вокзалу и остановилась. (178)

102

Так как я никого не знал, мне было абсолютно все равно куда садиться. Я занял место в одном из купе, в котором уже сидели двое ребят. Один — высокий, худой. Другой, наоборот — невысокий, коренастый. Буквально через минуту на оставшееся свободное место плюхнулся еще один парень.

— Денис, — сразу представился он и пожал всем руки.

Познакомились.

Высокого звали Димой. Коренастого — Женей.

Дима раздвинул занавески и выглянул в окно. (12)

103

— Нет, Колян! Это без меня.

— Не понял. Ты что, соскакиваешь? Зассал?

— Почему, соскакиваю? Я и не подписывался ни на что.

— Да все с тобой ясно. Ссыкло!

Я врезал ему в челюсть. (**13**)

Я ничего не ответил, развернулся и ушел. (**153**)

104

12 июля 1967 г.

Это утро для всех было явно более бодрым, чем предыдущее. Похоже, после прошлой ночи, водка уже мало в кого лезла. Или поиздержались ребята от бесчеловечных расценок проводницы.

Сержант снова назначил уборщиков. Те под неусыпным присмотром принялись намывать полы. Остальные ребята слонялись по вагону: кто с полотенцем, кто с кружкой кипятка.

Шел третий день нашего пути. (**9**)

105

Посовещавшись с ребятами, мы решили так же, как и в прошлый вечер, купить у проводницы.

Кинули жребий. Снова мне идти. Я пошел к проводнице. Водка в наличии все еще была. Только на этот раз цена за бутылку оказалась уже втрое выше магазинной. (**192**)

106

Я полез в карман и достал мятые купюры.

— У меня только шестьдесят рублей, — сказал я, пересчитав деньги.

— Давай сколько есть, — здоровяк взял деньги, и незваные гости покинули наше купе. Ребята молча наблюдали за этой картиной со своих мест.

— Ты что, действительно у него водку украл? — спросил после продолжительной паузы Денис.

Я проигнорировал его вопрос, лег на свою полку и отвернулся к стене. Пусть думают, что хотят. (**233**)

107

Здравствуйте мама и папа!

Пишу вам из поезда. Едем уже шестой день. Так что Ленинградская область, папа, давным-давно осталась позади. Но я рад, честно говоря, что так получилось.

Распределили меня в пограничные войска. Где буду служить, пока не знаю. Похоже, что где-то на советско-китайской границе. Как доберусь до места и узнаю обратный адрес, сразу отправлю письмо.

Пришлите, по возможности, еще денег. На станциях нас никуда не выпускают. А тут, в поезде, все очень дорого. Так что много потратил, пока ехал.

Ну вот, в общем-то, и все новости на сегодня.

15.7.67 г.

Алексей. (**136**)

108

17 июля 1967 г.

Поезд прибыл на станцию назначения рано утром. Мы наконец-то покинули душный вагон и вышли на улицу. Я вдыхал свежий утренний воздух полной грудью и никак не мог надышаться. Голова слегка кружилась. После длительной поездки стоять на неподвижной земле было непривычно. Немного пошатывало из стороны в сторону.

Возле серого одноэтажного здания с ржавой табличкой «Приморская» нас уже поджидали тентованные грузовики. Нас погрузили в них, и машины помчались по ухабам. Вскоре колонна въехала в ворота учебного центра.

Нас выгрузили на плацу и тут же начали делить на заставы, а заставы разбивать на отделения. Нас с Денисом, к нашей общей радости, распределили на одну заставу.

Всего получилось восемь учебных застав. В каждой заставе пять отделений, по десять человек каждом.

К нам подошел незнакомый офицер и с ним группа сержантов.

— Здравствуйте, товарищи солдаты. Я назначен начальником вашей учебной заставы. Фамилия моя — Строганов. Звание — старший лейтенант. Это, — он указал на сержантов, — ваши командиры отделений.

Он по очереди представил нам сержантов, и те заняли свои места в строю. Наш с Денисом командир отделения — сержант Аникин, высокий парень спортивного телосложения.

Потом нас всех повели стричься. Стригли сержанты ручными машинками прямо на улице возле казармы. Стригли наголо. Первым с новой прической нашему взору предстал парень из нашего отделения, которого зовут Миша Закалюжный. Раньше у него были довольно длинные кудрявые волосы. Теперь на голове оставался только короткий жесткий ежик.

—Закалюжный, ну ты теперь прямо вылитый зэк, — пошутил Денис.

Прозвище Зэк сразу намертво пристало к Мише, и больше никак иначе его не называли.

После стрижки нас повели в баню. Баня, скажу я вам — это нечто. На помывку дали минут десять. Не больше. Пятьдесят человек с тазиками в очередь на три крана. Кое-как помылись.

После бани нам выдали сапоги, портянки, форму, погоны, нашивки и петлицы. В новой форме мы смотрелись нелепо. Совсем не так, как наши сержанты. Те выглядели бравыми и подтянутыми. Мы же, наоборот, какими-то тощими и несуразными. Каждому вручили противогаз и фляжку для воды. Сказали, что и то, и другое все время должно быть при нас.

Потом командиры отделений рассадили нас на траве и долго учили наматывать портянки. Сначала сержант Аникин показал нам, как это делается. Потом мы пробовали сами, а он подходил к каждому и подсказывал.

Потом мы сидели там же на траве и пришивали к своей форме погоны и другие знаки различия.

К вечеру все уже падали от усталости и засыпали на ходу. (**196**)

109

После ужина долго ходили строем: с песней, без песни, выполняя воинское приветствие начальникам слева и справа, поворачивая на ходу налево, направо и кругом. Хуже всего получались развороты. Мы никак не могли поймать нужный момент и все время налетали одна шеренга на другую.

Потом нам дали около часа свободного времени, чтобы подшиться и привести в порядок свой внешний вид. Все отведенное время у меня как раз и ушло на подшивание. Но сегодня я справился гораздо быстрее, чем вчера. И получилось значительно лучше.

Только я успел закончить, как снова объявили построение. На этот раз на вечернюю прогулку. Мы снова ходили строем. В основном с песней. Навстречу нам все время попадались другие заставы, которые, так же как и мы, ходили строем с песней.

После вечерней прогулки нас перестроили в две шеренги, и старшина Фомин зачитал список вечерней поверки. Услышав свою фамилию, каждый громко и четко отвечал: «Я».

После поверки нас завели в казарму. Двери за нами закрыли на засов. И снова построение. На это раз уже в спальном расположении. Перед строем снова вышел старшина и скомандовал:

— Застава, равняйсь! Смирно! Сорок пять секунд…отбой!

Расталкивая друг друга, мы побежали к свои кроватям, на ходу расстегивая форму. Кое-как побросав вещи на табуретки возле кроватей, мы попадали на свои постели.

— Долго, товарищи солдаты. Очень долго. — недовольно произнес старшина. — Будем тренироваться. — Застава, подъем!

Мы снова повскакивали со своих кроватей и стали быстро натягивать на себя одежду.

— Поднимаетесь вы еще дольше, чем отбиваетесь, — сказал старшина после того, как последний солдат встал в строй. — Запомните, после команды «подъем» пограничник уже через сорок пять секунд должен стоять встрою. При необходимости, уже через десять минут после подъема вы должны выдвинуться в полной экипировке, с оружием и боеприпасами, в район выполнения боевой задачи. Застава, отбой!

Нас отбивали, поднимали и снова отбивали. Раз за разом. Мы никак, даже отдаленно, не могли приблизиться к результату в сорок пять секунд. Я был весь мокрый от пота.

Но, несмотря на это, я не пытался хитрить и добросовестно выполнял подаваемые старшиной команды. (**72**)

Чтобы сэкономить силы и время, я решил схитрить, и в один из отбоев не снял сапоги. (**163**)

110

— Товарищ полковник, разрешите уточнить цель вашего визита?

Старшина поперхнулся:

— Ты что, Еременко, обалдел?! Это ведь начальник отряда. Нашего отряда. У него не нужно спрашивать цель визита. Он сам кого угодно и за что угодно может спросить. Тем более, ты дневальный, а не дежурный. Подал команду «смирно» и вызвал дежурного. Все! От тебя ничего больше не требуется. Все понял?

Я уверенно кивнул головой.

— Смотри у меня! — старшина погрозил кулаком. — Выкинешь что-нибудь подобное в наряде… Ладно. Следующая вводная. (**34**)

111

Я кинулся сзади на старшину и повис на его мощной шее. Он не ожидал такого поворота событий и повалился вместе со мной на пол. Я тут же отпустил его и отскочил в сторону. Старшина встал и с угрозой посмотрел на меня. Потом рассмеялся и стал отряхивать одежду.

— Молодец, Еременко. В целом… Не делай так больше. А то зашибу ненароком в следующий раз.

И вот я заступил в наряд. (**166**)

112

Я вызвался идти первым. Андрей не возражал.

После завтрака заставу повели на занятия. А я вернулся в казарму и подменил Коржика на тумбочке. Он вернулся не раньше, чем через час. Довольный, как кот объевшийся сметаны.

— Леха, я так наелся, что сейчас умру, наверное, — он бережно погладил себя по заметно округлившемуся животу.

— Где это ты так наелся?! — с завистью спросил я.

— Представляешь, ко мне дед столовский подошел. Я думал, все — припашет сейчас куда-нибудь. А он мне целую кастрюлю гречки, бац, на стол. На, говорит, жри. Потом кастрюлю помоешь и в варочный отнесешь.

Бли-и-ин… Нужно было мне вторым на завтрак идти. Ну, ничего. Еще обед впереди.

Полдня мы драили казарму. Крошили на пол мыло, размыливали его щетками, а потом собирали образовавшуюся пену мокрыми тряпками. Как я не искал, а швабру так и не смог найти. Я спросил дежурного на счет швабры. Но сержант Аникин почему-то сильно рассердился и сказал, что в армии швабрами не моют — только руками.

На обед я отправил Коржика первым. Поначалу он сильно сопротивлялся. Но потом мы решили, что так будет справедливо. Я с трудом дождался возвращения своего сменщика и бегом помчался в столовую.

Поедая скудные остатки, оставленные для меня в бачке, я крутил головой и все ждал появления «волшебного» деда. И он появился. Это был дед-маслорез. Он появился в обеденном зале и поманил меня к себе рукой.

— Иди сюда. Да-да, ты.

Я подошел к деду в надежде на добавку. Вместо этого получил в руки большую стопку грязных алюминиевых подносов из-под масла.

— Иди, сыняра, помоги дедушке. А то там, на дискотеке, молодняк совсем не справляется. А дедушке подносы срочно нужны.

Дребезжа подносами, я пошел на мойку. Отмывать масло было очень тяжело. В казарму я вернулся расстроенный и злой. Вопросы Коржика о том, как прошел обед, игнорировал.

После обеда мы снова драили казарму. (**35**)

113

— Ур-р-р-ра-а-а-а-а!

Ребята прыснули от смеха.

— Ты что, Еременко, самый умный у нас? — спросил начальник заставы.

— Никак нет, товарищ старший лейтенант, — ответил я.

— Ну, раз никак нет, значит, вместо свободного времени идешь убирать учебную аудиторию. А сержант Аникин проконтролирует. Разойдись!

Под шутки сослуживцев, я побрел в ангар. Веник из свежих веток кем-то уже был заготовлен. Я успел все подмести как раз к приходу Аникина.

— Закончил? — Аникин проверил порядок, заглянув во все проходы и под несколько столов. В целом, он остался доволен. — Сойдет для первого раза. Бегом на построение.

И снова ужин, подготовка внешнего вида, вечерняя прогулка и поверка. (**44**)

114

На мой взгляд, это было даже красиво. На каждом одеяле со стороны ног было по три полосы. Два человека натягивали нитку через все стоящие в один ряд кровати. И по этой нитке мы выравнивали эти самые полосы. Посмотришь из центрального прохода на кровати, и ощущение такое, что через все одеяла идет единая полоса.

Затем так же, по нитке, выравнивали подушки. Спальное расположение приобрело совсем другой вид.

Закончив наводить порядок, мы пошли в столовую. Когда после завтрака мы шли на общее построение учебного центра, то видели, как в ворота въехали несколько грузовиков с тентами. (**48**)

115

— Я хотел сесть за стол. Но на меня налетел этот сумасшедший.

— Нефедов, так это ты драку начал? — спросил Фомин.

— Он хлеб украл, товарищ старшина, — ответил Нефедов.

— Это правда, Еременко? — Фомин сверлил меня взглядом. Я молчал. — Все понятно. А ты знаешь, как называют тех людей, которые воруют у своих?

Обед закончился. Застава построилась. Старшина вывел меня перед строем и сказал:

— Товарищи солдаты, сегодня рядовой Еременко украл у своих сослуживцев хлеб. Со своей стороны я обязательно его накажу. Накажу так, что мало не покажется. Но я хочу, чтобы все вы знали, кто служит с вами на одной заставе.

— Крыса! — послышалось из строя.

— Поговорим с ним еще без сержантов, — вторил ему другой голос.

Надо ли говорить, что друзей на заставе благодаря этому случаю у меня не прибавилось. Скорее наоборот. И все из-за какого-то куска хлеба. Одни не осуждали меня и продолжали общаться со мной, как и раньше. Например, Денис. Другие, отворачивались, лишь стоило посмотреть в их сторону. Но до расправы, слава Богу, дело так и не дошло. Во всяком случае, пока.

Остаток этого дня ничем не отличался от предыдущего. (**137**)

116

После занятий нам дали пять минут на чистку сапог и сразу повели на обед. Есть хотелось очень. Чувство голода было постоянным. После приема пищи оно не исчезало, а лишь слегка притуплялось на некоторое время.

Мы шли по проходу вдоль чужих столов к своему. На краю каждого стола, ближе к проходу, стояли тарелки с нарезанным хлебом.

Проходя мимо чужого стола, я схватил несколько кусков хлеба и сунул себе за пазуху. (**46**)

Я не стал брать чужой хлеб. (**36**)

117

Я ничего не стал покупать. Денег было жалко. Их и без того осталось немного. А как повернется судьба, еще неизвестно.

Я пошел в сторону плаца. Перерыв заканчивался. (**213**)

118

— Нет, Дэн. Не пойду.

— Как хочешь. Я пошел. — Денис направился в сторону автолавки.

Основная масса ребят побежали в курилку.

Мне тоже очень хотелось курить. Я пошел вместе со всеми. (**58**)

Я не курил, а потому идти мне было особо некуда. Я завалился на траву рядом с плацем и вытянул ноги. (**79**)

119

Я сунул кусок хлеба в карман, чтобы съесть его потом. Но на построении сержант Аникин увидел подозрительно топорщившийся карман.

— Рядовой Еременко, — обратился он ко мне. — Выйти из строя.

Я сделал два четких строевых шага и повернулся кругом, лицом к строю.

— Что у тебя в карманах? — спросил сержант.

Я достал кусок хлеба.

— Что, рядовой, не наедаемся?

Я молчал.

— Значит так, — продолжал Аникин. — Сейчас бежишь в казарму, подходишь к пожарному щиту, открываешь ящик с песком и набиваешь себе этого самого песка полные карманы. Потом берешь иголку с ниткой и зашиваешь карманы. Ходишь так неделю. Увижу, что песка в карманах нет, будешь до конца учебки так ходить. Бегом марш!

Я побежал в казарму и сделал все так, как велел мне командир отделения. С полными карманами песка я побежал обратно, боясь опоздать на занятия. Бежать было неудобно. Тяжелые карманы били по ногам. Я как раз успел к началу развода. Показав сержанту Аникину результаты своей работы, я снова встал в строй.

Нас повели на занятие по строевой. (**210**)

120

Я протянул ему пакет с печеньем. Он запустил руку внутрь и вытащил столько, сколько смог ухватить.

— Лех, а дай тогда еще и папироску. А то у меня совсем голяк.

— На, травись. Не жалко. — я протянул ему пачку.

— О! А можно две? — не дожидаясь ответа, он вытащил две папиросы и вставил их себе за каждое ухо. Не сказав «спасибо», он снова побежал в сторону автолавки.

Я доел оставшееся печенье и поспешил на построение. Перерыв заканчивался. (**213**)

121

— На, травись. Не жалко. — я протянул ему пачку.

— О! А можно две? — не дожидаясь ответа, он вытащил две папиросы и вставил их себе за каждое ухо. — А пожрать ты ничего не взял?

Я отрицательно покачал головой.

— Жаль, — не сказав «спасибо», он снова побежал в сторону автолавки.

В курилку я уже не успевал. Перерыв заканчивался. (**213**)

122

22 июля 1967 г.

Завтра будет торжественное вручение оружия. А сегодня у нас ПХД — парко-хозяйственный день. Но так как техники у нас своей нет, то можно сказать, что день просто «хозяйственный».

Сразу после завтрака нас распределили по объектам. Кто-то пошел подметать закрепленную территорию. Одно отделение забрал прапорщик с вещевого склада. Кого-то отправили для наведения порядка в столовой. Наше отделение назначили на уборку в казарме.

Мы вынесли все кровати и тумбочки на центральный проход, построгали на пол мыло и принялись натирать его щетками. Потом, часто меняя воду, терли пол влажными тряпками до тех пор, пока он не стал безукоризненно чистым.

Когда кровати и тумбочки вернулись на свои места, сержант Аникин доложил начальнику заставы о том, что порядок в расположении наведен. Старший лейтенант Строганов пришел проверять. (**215**)

123

После обеда весь учебный центр построили на плацу в две шеренги. Перед нами стояли столы. На них рядами были разложены автоматы АК-47.

Начальник заставы по одному выводил нас из строя и вручал автоматы. Мы торжественно клялись, что это оружие будет служить только в мирных целях. За столом сидел дежурный по заставе и старательно записывал номера автоматов и фамилии тех, кому они вручались. Повесив автомат на плечо, мы снова занимали свои места в строю.

После того, как торжественное мероприятие закончилось, нас строем повели в казарму, и там мы сразу же сдали оружие, поставив его на четко отведенные места в специальный шкаф в комнате для хранения оружия. Когда последний автомат был сдан, дежурный закрыл и опечатал КХО.

— Блин, я даже рассмотреть его толком не успел, — жаловался Денис. — Только вручили и сразу сдавать.

— Набегаешься еще, Марков, с автоматом,— услышал его проходивший мимо старшина Фомин. — Еще и не рад ему будешь. Помяни мое слово. (**170**)

124

— Это не гигиенично.

— Так и скажи, что зажал! Жлобина!

Я проигнорировал его слова.

Прозвучала команда дежурного строиться для отбоя. Отбились с первого раза.

Сильно уставший за день я быстро уснул. (**59**)

125

29 июля 1967 г.

Завтра мы принимаем военную присягу. Сегодня с самого утра снова тренировка. Мы раз за разом отрабатываем выход из строя и постановку обратно в строй. Строевые приемы — это целая наука. Здесь много разных тонкостей и нюансов, в которых, боюсь, мне никогда до конца не удастся разобраться.

Когда вечером мы сидели с Денисом и подшивались, он спросил меня:

— Не боишься, Лех, присягу принимать?

— А чего бояться? — не понял я. — Это не больно вроде.

— Да я не об этом. Это ведь все… Сбежишь, например, из части и все — государственный преступник, дезертир.

— А ты что, бежать собрался? — засмеялся я.

— Нет, конечно. Но все равно как-то не по себе. Несвобода какая-то сразу чувствуется. (**38**)

126

На оставшуюся половину дня объявили свободное время. Можно было написать письма, позаниматься в удовольствие на спортгородке, почитать и даже поспать. Но спать не хотелось совсем. Настроение у всех было приподнятым. Мы чувствовали, что в этот день произошло что-то необычное. Что-то такое, что навсегда изменило наши жизни. И теперь все уже никогда не будет так, как прежде.

Мише Закалюжному накануне пришла посылка из дома. Он щедро поделился ее содержимым с сержантами, а тем, что осталось, угощал своих товарищей в расположении. Среди всего прочего там был огромный умопомрачительно пахнущий кусок сала. Ребята сбегали к деду-хлеборезу и выменяли банку сгущенки на пару буханок серого хлеба. Сала хотелось очень. Я подошел к Мише.

Я ни разу ничем его не угощал. У меня и не было такой возможности. (**52**)

Я ни разу ничем его не угощал. Хотя однажды он походил ко мне возле автолавки. (**60**)

Недавно я угощал его у автолавки. И Миша не забыл моей доброты. (**83**)

127

В голове промелькнула догадка. Я высказал свою версию:

— Я думаю, нарушитель груз какой-то крупный на себе нес. (**61**)

— Я думаю, нарушитель задом наперед шел. (**172**)

— Я думаю, нарушитель хромой был. (**216**)

128

А после обеда была тренировка по рукопашному бою. Нас учили обороняться от противника с ножом. Сказали, что еще будут учить драться с помощью автомата, саперной лопатки и с несколькими противниками одновременно. (**31**)

129

Конечно, я не буду его отправлять. Даша ведь не виновата, что она такая. Этого следовало ожидать. Тут уж ничего не поделаешь. (**41**)

130

— Но я, наверное, откажусь.

— Что значит — откажусь?! Еременко, ты в своем уме вообще? Тебе выпал шанс, который далеко не у каждого бывает. А ты говоришь — откажусь.

— Да я все понимаю, товарищ старший лейтенант. Но не мое это. Я сам по себе хочу быть. А тут личный состав, ответственность…

— Да-а-а, Еременко… Разочаровал ты меня. Не ожидал. Ладно. Иди. Но имей ввиду, что в армии не бывает так, что каждый сам по себе. (**141**)

131

10 августа 1967 г.

Сколько Денис вчера меня не уговаривал, я так и не согласился записаться в вертолетчики. В итоге, он записался один. Но его не взяли.

Сегодня снова приехали покупатели. Другие. На это раз набирали желающих учиться на поваров. Желающих было очень много. Недолго думая, мы с Денисом тоже записались. Здорово будет, если возьмут. Как говорится, подальше от начальства, поближе к кухне. (**183**)

132

21 июля 1967 г.

На завтрак дали картофельное пюре. Настоящий праздник. Правда в бачке, его было раза в два меньше, чем обычно бывает каши. Каждому досталось буквально по одной ложке. Дотянуть бы теперь до обеда.

Я сунул кусок хлеба в карман, чтобы съесть его потом. (**119**)

Я хотел сунуть кусок хлеба в карман, но побоялся. Доел тут же. Все еще голодный, несмотря на проглоченный только что завтрак, я вышел на улицу и встал в строй. (**78**)

133

Я протянул ему пакет с печеньем. Он запустил руку внутрь и вытащил столько, сколько смог ухватить.

— Лех, а курить нет у тебя. А то у меня совсем голяк.

Я отрицательно покачал головой.

— Жаль, — не сказав «спасибо», он снова побежал в сторону автолавки.

Я доел оставшееся печенье и поспешил на построение. Перерыв заканчивался. (**213**)

134

Я согласился, и мы побежали в сторону автолавки.

Ассортимент там был довольно богатый. Продавали всего понемногу. Папиросы, печенье, ткань на подшиву, нитки разных цветов, иголки, сок в больших стеклянных банках, консервы, сгущенку, конфеты… В общем, чего там только не было! Пока стояли в очереди, у Дениса вдруг прихватило живот, и он умчался в туалет.

После стычки в поезде денег у меня больше не было. (**77**)

Денег у меня было не так много. Но на печенье с медовой начинкой хватало. И на пачку папирос в придачу.

Курить хотелось очень. Я решил сэкономить на печенье и купить только пачку папирос. (**211**)

Я не курю. А вот есть в тот момент хотелось очень. Я купил себе пакет печенья. (**16**)

Курить хотелось очень. И есть хотелось очень. Махнув рукой, я купил на последние деньги пакет печенья и пачку папирос. (**212**)

Я ничего не стал покупать. (**117**)

135

— Товарищ сержант, можно войти?

— Можно Машку за ляжку, боец. Еще можно козу на возу. А в армии говорят: «разрешите присутствовать».

— Разрешите присутствовать, товарищ сержант? — сразу же исправился я.

— Присутствуйте, — кивнул Титов и продолжил прерванный рассказ.

Как оказалось, рассказывал он о своей службе и о разных случаях из жизни пограничников.

— А знаете, как пограничники называют другие рода войск? — спросил нас сержант.

Мы отрицательно замотали головами.

— Шурупами.

— А почему шурупами? — спросил кто-то из ребят.

Сержант затянулся папиросой и выдержал эффектную паузу:

— Потому что пограничники — это щит нашей Родины. А все остальные войска — это шурупы в этом щите. Короче, шурупня они.

Все засмеялись. Титов докурил и бросил окурок в углубление для мусора в центре курилки.

— Ладно, перекурили и хватит. Бегом на построение.

Остальные спешно побросали окурки и побежали в сторону плаца. Перерыв заканчивался. (**213**)

136

Закончив письмо родителям, я решил написать еще одно — Даше. (**55**)

Даше я решил пока не писать. Может быть потом как-нибудь. (**155**)

137

Остаток этого дня ничем не отличался от предыдущего. После обеда около двух часов занимались строевой. Потом сидели в классе и учили уставы. Ужин. Подшивание. Вечерняя прогулка. Поверка. Отбой. Отбились сегодня, кстати, как мне кажется, немного быстрее, чем вчера. (**122**)

138

Еще давно я решил для себя, что читать присягу буду обязательно наизусть. Я закрыл папку, высоко поднял голову и с достоинством произнес:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным Воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

После того, как присяга была принята всеми, мы вернулись в казарму и сдали оружие.

На оставшуюся половину дня объявили свободное время. (**126**)

139

За то время, что мы не виделись, я отправил ей всего одно письмо. Одно письмо — один ответ. Конечно, два года — срок немалый. Подсознательно я был готов к чему-то подобному. Но не думал, что это случится так скоро. Неприятно, обидно, больно… Но переживу как-нибудь. (**41**)

140

«Решительный, волевой, не боится идти на конфликт, отстаивает собственное мнение, пользуется авторитетом у сослуживцев… Склонен к нарушению воинской дисциплины…».

Я вернул листок начальнику заставы.

— Хорошая у тебя характеристика, Еременко. В целом. Вот только с дисциплиной плоховато. Почему нарушаешь?

— Виноват, товарищ старший лейтенант. Не втянулся еще в службу. По незнанию больше.

— Это хорошо, если по незнанию. Научим. Всему научим. В общем, хочу тебя направить в школу сержантского состава. Полгода отучишься — будешь потом отделением на заставе командовать. Глядишь, и до старшины в итоге дослужишься. Ну что скажешь, согласен?

— Конечно, согласен, товарищ старший лейтенант!

— Ну, вот и молодец. Я в тебе не сомневался. Выезжаешь в составе сборной группы послезавтра утром. А пока занимайся по плану. (**100**)

141

9 августа 1967 г.

После завтрака нас как обычно привели на развод. Но происходило что-то странное. На плацу вместе с начальником учебного центра стояли какие-то незнакомые нам офицеры в летной форме.

Оказалось, что это вертолетчики из Украины. И они набирают тридцать человек для того, чтобы учить их в своем учебном центре где-то под Харьковом на бортмехаников.

— Класс! — обрадовался Денис. — Леха, давай запишемся в желающие?

Я согласился. (**64**)

— Не знаю, Дэн. Что-то я не уверен… (**176**)

142

Я понял, что доказывать что-либо бесполезно. Ехать за тридевять земель совсем не хотелось. Но в этом есть и свои плюсы. Во-первых, все-таки подальше от родителей. А во вторых, пограничник — это круто. Не то что некоторые… Сидят тут, водку пьют, штаны протирают да на пацанов орут.

Я вышел во двор. (**177**)

143

Денис сидел рядом со мной.

— Слушай, ты как вообще относишься к тому, что в погранвойска попал? — спросил я его.

— Лично я очень рад! Ведь погранцы — это тебе не какие-нибудь мотострелки или связисты. Они настоящее дело делают.

— Вот и я думаю, что это, наверное, неплохо, — согласился я с ним.

— Да, конечно, неплохо! Ну, попал бы ты, скажем, в мотострелки. Чем бы ты тогда в армии занимался?

— Не знаю. Я как-то не интересовался никогда, что мотострелки делают.

— Да это, считай, самая обычная пехота. В лучшем случае по полю будешь бегать с криком «Ура», холостыми стрелять да окопы копать. А тут — граница. Выполнение боевой задачи в мирное время. Сидишь в «секрете» или на наблюдательном посту и в бинокль смотришь. Или дозором вдоль границы ходишь. Ловишь нарушителей. Кстати, если поймаешь кого-нибудь, то сразу в отпуск внеочередной поедешь. А там этого добра, нарушителей в смысле, видимо-невидимо.

Машина подъехала к железнодорожному вокзалу и остановилась. (**178**)

144

У остальных водки не оказалось.

— Ладно, — махнул рукой Женя. — На сегодня хватит. А там разберемся. У проводницы наверняка есть.

— Прятать нужно, — сказал Денис. (**99**)

145

В вагоне действительно шел обыск. Вскоре пришла наша очередь. Офицер попросил нас встать со своих мест и выйти в коридор.

Искали профессионально. Первым делом подняли полки и вынули все, что лежало под ними. Затем осмотрели содержимое наших вещмешков. Напоследок раскатали все матрасы и прощупали подушки.

Бутылки забрали без лишних разговоров. Один из сержантов складывал весь конфискат в вещмешок. Сказали только, что алкоголь в армии запрещен.

Через некоторое время обыск в вагоне закончился. Офицер взял у сержанта заметно потяжелевший вещмешок и скрылся с ним в соседнем вагоне. В других вагонах тоже ехали призывники. Но нас туда не пускали. Сторожить нас остались три сержанта. Один сидел в начале вагона, второй — в конце. Третий время от времени курсировал между ними, заглядывая в каждое купе.

День клонился к вечеру. (**184**)

146

На этот раз я, пожалуй, соглашусь.

Мы договорились с ребятами из отделения и с дежурным по заставе, чтобы в случае чего они нас прикрыли. И после ужина, когда всех распустили готовиться к завтрашнему дню, мы с Захаром незаметно прошли за санчасть и там перелезли через забор.

ДК нашли быстро. Он встретил нас зажигательной джазовой мелодией. Санек сразу же пошел знакомиться с какими-то девчонками и вскоре совсем исчез из вида.

Я немного постоял у стены. Но вскоре заметил девушку, которая явно поглядывала в мою сторону. Она была невысокого роста, с русыми короткострижеными, почти как

у мальчика, волосами. Но эта прическа очень шла ей. Кроме того у нее были огромные красивые глаза. Она заметила, что я смотрю на нее, и опустила глаза в пол. (297)

147

11 июля 1967 г.

Несмотря на то, что ночь была довольно бессонной, проснулся я рано. Я вообще плохо сплю в поездах. Особенно в первый день пути. А тут еще в соседних купе всю ночь раздавались крики и смех. И курили явно прямо в вагоне. Куда только сержанты смотрят?! Лишь под утро все более или менее стихло.

Я спрыгнул с полки и сходил, умылся. Основная масса ребят еще спала. В воздухе витал плотный аромат перегара. Я снова лег на полку и стал смотреть в окно.

Через некоторое время раздался крик сержанта:

— Застава, подъем!

В вагоне началось вялое шевеление, раздалось невнятное бормотание. Некоторые ребята явно не могли понять, где они находятся и чего от них хотят. Сержант продолжал орать:

— Что за свинарник вы тут устроили?! (22)

148

Я отдал деньги, взял бутылку и вернулся в свое купе.

Ребята тем временем разложили на столе закуску. К проводнице постепенно выстраивалась очередь. В соседних купе явно тоже намечались посиделки. За стеной раздавался предательский звон стаканов. Парни с боковушки ушли к каким-то своим знакомым в другой конец вагона. Так что сидели вчетвером.

Водку поначалу прятали под столом. Так как в проходе время от времени появлялся бдительный сержант. Но потом кто-то и им догадался дать бутылку, и сержанты все вместе засели в конце вагона, выгнав оттуда всех призывников. Офицера так и не было видно. Потому прятаться в итоге перестали. Водку разливали открыто и курили прямо в вагоне.

Познакомились поближе. Дима и Женя оба были деревенскими, из Ленобласти. Мы же с Денисом были коренными ленинградцами. Ребята рассказывали о том, как их провожали в армию.

— У нас традиция такая в деревне есть, — говорил Женя. — Когда парня в армию забирают, то на его дом вешают ленточку. И он один может ее снять в тот день, когда домой вернется.

— А у нас в деревне так не делают, — сказал Дима.— У нас другая традиция. Когда автобус с призывником отъезжает, то все в него деньги бросают. Потом мать и девушка парня берут себе по одной монетке и хранят их до самого дембеля.

— У нас тоже есть свои традиции, — важно сказал Денис. — За день до призыва собираются все друзья и бухают по черному. Призывника, бывает, несут потом в военкомат, потому что сам идти не может. Тут главное не забыть, кого именно провожаем. А то ненароком можно не того служить отправить. Говорят, бывали такие случаи не раз. А там, в армии, пока разберутся, уже половина службы пройдет.

Постепенно разговор перешел в другое русло – о том, как там будет служиться на границе и о том, что нас ждет впереди. А впереди у нас была неизвестность. И, говоря по правде, от этого было сильно не по себе.

За этими разговорами мы просидели до поздней ночи. (**96**)

149

— Сейчас схожу.

Проводница оказалась пожилой женщиной с ярко накрашенными, не смотря на свой возраст, губами. Я изложил ей суть нашей проблемы. Она подняла свою полку, и я увидел, что все багажное пространство под ней заполнено водочными бутылками. Подготовилась к рейсу, ничего не скажешь. Знала, кого везет.

Озвученная цена за бутылку оказалась втрое выше магазинной. (**192**)

150

Я отдал деньги, взял бутылку и вернулся в свое купе.

Снова сидели с ребятами, пили и разговаривали.

— Мужики, там ведь, наверное, деды зверствовать будут, — то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал Денис.

— Не будут, — Женя отрицательно замотал головой. — В учебке не будет, скорее всего, дедов. Разве что в столовой или в санчасти. Нас сержанты в основном дрючить будут. А вот после учебки…

— Я вот что думаю, — Денис громко икнул. — Нам в любом случае вместе держаться надо. Вместе — мы сила. Всем покажем! Сержантам, там, или не сержантам.

Мы обнимались, клялись друг другу в верной дружбе до гроба и снова пили. (**104**)

151

Это был не самый приятный сюрприз.

Рыжий встал в сторонке и тоже закурил. Он явно узнал меня. Об этом говорили те ненавистные взгляды, которые он бросал в мою сторону все то время, что мы находились в тамбуре.

Рыжий быстро докурил, затушил окурок и скрылся внутри вагона.

Через некоторое время, когда я уже вернулся на свое место, к нам в купе вошли четверо незнакомых крепких парней. (**54**)

152

Я согласился. Мы быстро разработали план действий и обсудили все нюансы. Я должен был отвлекать проводницу, а Колян тем временем должен был проникнуть в ее купе.

Я постучал в купе проводницы. Дверь моментально открылась:

— Чего тебе?

— Помогите, там человек в туалете закрылся. И никак выбраться не может. Наверное, замок сломался.

— Наберут калек армию… — проводница с недовольным лицом пошла через вагон по направлению к туалету. Дверь действительно была заперта. Внутри находился человек, который тоже был в доле.

Проводница похлопала себя по карманам:

— Ах, черт! Ключи забыла.

Она повернулась и быстро пошла обратно к своему купе. Такого развития событий никто из нас не ожидал.

Я ничего не мог поделать. (**97**)

Оставалось только одно… (**194**)

153

Я ничего не ответил, развернулся и ушел. Украсть бутылку водки из-под носа у прапорщика и сержанта было простой шалостью по сравнению с тем, что теперь предлагал сделать Колян. Обокрасть проводницу — это уже самый настоящий криминал. А связываться с криминалом мне совсем не хотелось.

Через некоторое время, когда я уже вернулся на свое место, к нам в купе вошли четверо незнакомых крепких парней. (**54**)

154

Я ударил здоровяка первым. От неожиданности он завалился на своих товарищей, но быстро пришел в себя и кинулся в атаку. Остальные агрессоры тоже не стояли на месте и ринулись вперед.

Но наши ребята не остались безучастными. Денис, который до этого сидел напротив меня на нижней полке, резко встал и встретил одного из нападавших ударом в живот. Тот сразу обмяк и сел на пол. Дима и Женя с верхних полок наносили удары ногами по головам и плечам. Я же яростно дрался со своим противником.

В результате непродолжительного побоища враги отступили, утащив с собой тех, кто не мог идти самостоятельно.

— Спасибо, пацаны, — отдышавшись, сказал я ребятам.

— Да о чем ты говоришь?! — ответил Денис. — Это обычные разводилы. Они на кого угодно могли наехать. Ты ведь реально не брал ничего у этого рыжего?

Я отрицательно покачал головой. (**233**)

155

Может быть потом как-нибудь. Сказать откровенно, я не так чтобы очень сильно переживаю нашу разлуку. Гораздо сильнее меня сейчас волнует то, что ждет впереди: как там в погранвойсках служится, что за командиры у нас будут, сильно ли там гоняют и тому подобное. (**195**)

156

В очередной раз оторвав криво пришитый подворотничок, я бросил это занятие и решил вообще не подшиваться. Кто там будет смотреть, есть у меня под формой кусок белой ткани или нет. Потом как-нибудь подошьюсь. (**234**)

157

Бегал я не очень хорошо. А точнее плохо. Очень скоро у меня очень сильно закололо в боку, и я начал отставать. Радовало только то, что я был не один такой. Вместе со мной от строя отстали еще несколько человек. Рядом с нами бежал сержант Титов и кричал:

— Быстрее, девочки, быстрее! Какие же вы, к черту, пограничники?!

Застава сильно оторвалась вперед. Но через некоторое время мы их нагнали. Ребята отжимались под счет. Только мы добежали до них, сразу раздалась команда старшины:

— Застава, встать! Бегом… марш!

— Вы, уроды! — зашипели на нас те, кто только что отжимался. — Бегите быстрее! И так тяжело! Еще и отжиматься приходится, пока вас ждешь!

Тропинка все время забирала влево, и вскоре мы выбежали на ту же дорогу, по которой бежали раньше. Только теперь мы двигались уже в противоположном направлении.

Все мокрые и грязные мы прибежали обратно к казарме. (**5**)

158

К происходящему я отнесся философски. В конце концов, это комплексная физическая тренировка. И организму она идет только на пользу. Хотя некоторые ребята откровенно психовали и матерились в адрес отставших.

Как только группа во главе с сержантом Титовым подтянулась к нам, старшина скомандовал:

— Застава, встать! Бегом… марш!

Тропинка все время забирала влево. Вскоре мы сделали полный круг и выбежали на ту же дорогу, по которой бежали раньше. Только теперь мы двигались уже в противоположном направлении.

Все мокрые и грязные мы прибежали обратно к казарме. (**5**)

159

Вчера я так и не подшился. И очень зря.

Сержант Аникин по очереди подходил к каждому солдату нашего отделения, придирчиво осматривал внешний вид и указывал на недостатки.

— Марков, ремень подтяни. Богдан, почему сапоги плохо почищены? Две минуты тебе на устранение!

Наконец, он остановился возле меня.

— Опа! Еременко! Ты что, боец, совсем страх потерял?! Почему не подшит?

Я переминался с ноги на ногу и не знал, что ответить.

— Не успел, товарищ сержант, — наконец, выдавил я из себя.

— Не успел, говоришь? Мало времени вчера было? Три минуты тебе на подшивание. Не успеешь — будешь всему отделению в течение недели форму подшивать. Бегом марш!

Я побежал в казарму, кинулся к своей тумбочке, достал все необходимое, стянул с себя китель и начал шить. Сердце выпрыгивало из груди. Пот ручьем тек по спине. Пальцы были исколоты в кровь. Но в отведенное сержантом время я уложился. И… О чудо! Подворотничок пришился практически ровно и торчал над воротником на установленную высоту — примерно на спичечную головку.

Я побежал к сержанту показывать устраненное замечание. И успел как раз вовремя. Утренний осмотр заканчивался. Командиры отделений заняли свои места. Старшина вышел перед строем и скомандовал:

— Застава, равняйсь! Смирно! Напра-во! Шагом… по команде шагом корпус подается вперед… марш!

Строй вздрогнул и начал движение.

Нас привели к столовой. (**24**)

160

Я напел несколько строчек из песни.

— Молодец, Еременко, — похвалил старшина. — Правильно поешь. Все запомнили мотив? Слова все знают? Кто не знает — слушаем остальных и запоминаем по ходу. Теперь тренируемся. На месте шагом…марш! Песню запе-вай! (**71**)

161

Будет еще возможность поговорить по душам.

Мы несколько раз прошлись строем с песней. После чего нам дали пять минут на чистку обуви, снова построили и куда-то повели. Привели нас, в итоге, к огромному металлическому ангару. (**202**)

162

Я старался сохранять спокойствие. В конце концов, парень ни в чем не виноват. Ну, или почти не виноват. Этот чертов бачок действительно очень сложно разделить поровну на десятерых. Ладно, если бы в него накладывали до краев. А то ведь две трети в лучшем случае.

На этот раз Малов справился со своей нелегкой задачей. (**229**)

163

Я решил схитрить и в один из отбоев не снял сапоги. Но это не осталось незамеченным.

— Еременко, ты самый умный что ли? — рявкнул старшина. — Застава, подъем! Выходим строиться на улицу.

Мы пробежали несколько кругов по учебному центру и вернулись в казарму, потные и злые. И снова подъем-отбой.

Я решил больше не рисковать. Наконец, после очередного отбоя старшина сказал:

— Услышу хоть один звук в расположении, будем бегать до самого утра.

Старшина и сержанты ушли в каптерку. (**26**)

164

После обеда я заступил в наряд дневальным. Дежурным по заставе заступил сержант Аникин. Нам дали час на подготовку. После чего старшина построил нас в казарме для инструктажа.

Сначала он спрашивал наизусть обязанности. Затем перешли к практическим занятиям.

— Итак, Еременко, допустим, ты стоишь на тумбочке дневального. Вставай вот здесь, — старшина показал мне, где встать, а сам отошел в конец взлетки и крикнул оттуда. — В казарму входит начальник пограничного отряда полковник Литвин.

Старшина вразвалочку направился к нам.

Я принял строевую стойку и что есть мочи закричал:

— Застава, смирно! (**204**)

Четким строевым шагом я подошел к старшине и приложил руку к головному убору:

— Товарищ полковник, разрешите уточнить цель вашего визита? (**110**)

165

— Застава, в ружье! — закричал я что есть мочи.

— Еременко, ты совсем больной что ли?! — старшина постучал костяшками пальцев мне по лбу. — Хорошо, что застава на занятиях. Так бы, представляю, какой здесь переполох сейчас начался бы. Какой, на хрен, в ружье!? Дежурный по заставе на выход! И все! От тебя ничего больше не требуется. Повтори.

— Дежурный по заставе на выход!

— Вот и молодец! Ладно. Следующая вводная. (**205**)

166

И вот я заступил в наряд.

Дневальный… Довольно странное название для человека, который не спит половину ночи и как дурак стоит все время на квадратной подставке метр на метр. Что нужно делать в наряде я, в общем-то, понял. Когда личный состав заставы спит, нужно их

охранять. Когда застава не спит, нужно наводить порядок в казарме. Ничего сложного. Только спать очень хочется. И ноги очень болят.

Сейчас глубокая ночь. Все, кроме меня, спят. С тумбочки дневального уходить боюсь. Вдруг старшина проснется или кто-нибудь из сержантов. Не дай Бог не увидят меня на положенном месте. Сменщика будить еще только через час.

Напишу-ка я пока письмо домой. (**190**)

167

Я стал будить того, что лежал снизу. Взял его за плечо и начал слегка трясти. Раздалось недовольное мычание.

— Андрюха, ты? — спросил я на всякий случай.

— Я, я. Сейчас встаю. — из-под одеяла высунулось заспанное лицо Коржика.

Я вернулся на тумбочку. Прошло минут пять, а сменщик так и не появился. Я снова зашел в кубрик. Вокруг была тишина. Коржик, как ни в чем не бывало, продолжал спать. Я подлетел к нему и сдернул одеяло. Он подпрыгнул, как ошпаренный.

— А! Что?! Кто здесь?! Уф… Андрюха, это ты. Ну, ты меня напугал.

Я дождался пока он окончательно придет в себя, завалился на кровать и

моментально уснул. (**27**)

168

Идти строем со всеми мне не хотелось. Потому я отправил Коржика на завтрак вместе с заставой, а сам пошел в столовую второй сменой, после его возвращения.

Еды, конечно же, мне практически не оставили. Самый тонкий кусок хлеба и пара ложек гречки на самом дне бачка. Сахара не было совсем. Я сидел и с тоской допивал остатки несладкого чая, когда из варочного цеха вышел повар дед. Одет он был в белоснежную майку. На ногах — резиновые шлепанцы.

Он махнул мне рукой и крикнул:

— Эй, военный, иди сюда.

Я затравленно оглянулся по сторонам. Рядом со мной никого больше не было.

— Да-да, ты!

Я с опаской подошел к деду.

— Жрать хочешь? — спросил он меня.

— Да нет, что вы. Я наедаюсь. (**207**)

— Есть немного… (**231**)

169

Наелся так, что едва смог встать из-за стола. С трудом доковыляв до мойки, я хорошо вымыл кастрюлю, отнес ее в варочный цех и отдал наряду по столовой.

Сытый и довольный я вернулся в казарму и обо всем рассказал обалдевшему Коржику. Зависти его не было предела. Договорились, что на обед он пойдет во вторую смену. Ну и ладно. Два раза подряд такая пруха все равно не бывает. Не знаю, на что он надеется.

Полдня мы драили казарму. Крошили на пол мыло, размыливали его щетками, а потом собирали образовавшуюся пену мокрыми тряпками. Как я не искал, а швабру так и не смог найти. Я спросил дежурного на счет швабры. Но сержант Аникин почему-то сильно рассердился и сказал, что в армии швабрами не моют — только руками.

На обед я пошел первым. Быстро поел и вернулся сменить Коржика. Он бегом умчался в столовую. Вернулся он очень не скоро, явно расстроенный и злой. На мои вопросы ничего не отвечал.

После обеда мы снова драили казарму. (**35**)

170

24 июля 1967 г.

Присягу назначили на 30 июля. Старший лейтенант Строганов сказал, что оставшиеся до нее несколько дней будут полностью посвящены строевым тренировкам.

С самого утра мы на плацу. Чеканим строевой шаг по раскаленному асфальту. После обеда репетировали выход из строя для принятия присяги. Завтра будем тренироваться с оружием.

Вечером, уже перед самым отбоем, ко мне подошел Артем Богдан.

— Слышь, тебя ведь Лехой звать? — спросил он. Я кивнул. — Лех, говорят, у тебя капли от насморка есть. Будь другом, дай попользоваться. А то мне вообще край.

— Извини, дружище. Не дам. (**47**)

Я дал ему капли. (**214**)

171

Текста присяги наизусть я не знал, поэтому открыл папку и начал читать.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным Воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Дул небольшой ветер. Лист с текстом ничем не был закреплен. Я придерживал его пальцем, чтобы он не улетел. Но он все время загибался, и я сбивался. Но, наконец-то, дочитал и вернул папку начальнику заставы.

После того, как присяга была принята всеми, мы вернулись в казарму и сдали оружие.

На оставшуюся половину дня объявили свободное время. (**126**)

172

— Я думаю, нарушитель задом наперед шел.

Старший лейтенант Строганов внимательно посмотрел на меня.

— Сам догадался или подсказал кто?

— Сам.

— Откуда родом?

— Из Ленинграда.

— Молодец, Еременко. Обычно деревенские ребята неплохо разбираются. А тут Ленинград… Удивил. Так держать. Пошли дальше.

Мы перешли к следующему отпечатку ноги.

— А вот об этом следе, что вы можете сказать? (**17**)

173

За то время, что мы не виделись, я отправил ей уже два письма. Такого ответа я никак не ожидал получить. Земля ушла у меня из-под ног. Я стоял посреди казармы и смотрел на письмо ничего не видящими глазами. Из ступора меня вывел чей-то голос, который негромко позвал меня:

— Еременко.

Я посмотрел по сторонам. В проходе между кроватей стоял сержант Титов и смотрел на меня.

— Еременко, у тебя все в порядке?

— Так точно, товарищ сержант, — невесело сказал я. — Все в порядке.

— Да ладно, я же вижу, что-то случилось. На тебе лица нет. Не дрейфь, пограничник. Говори все как есть.

Я ничего не стал рассказывать сержанту. (**3**)

Я рассказал сержанту о письме. (**67**)

174

Я отправлю его сегодня же.

Так и поступил. Отпросился у командира отделения и побежал к штабу учебного центра, где на стене висел почтовый ящик. Когда письмо исчезло в недрах почтового ящика, я испытал нечто отдаленно похожее на удовлетворение. (**41**)

175

«Спокойный, уравновешенный, конфликтных ситуаций старается избегать, с сослуживцами поддерживает спокойные нейтральные взаимоотношения… В нарушениях воинской дисциплины замечен не был…».

Я вернул листок начальнику заставы.

— Неплохая у тебя характеристика, Еременко. Я вот о чем подумал: а не отправить ли мне тебя учиться в школу сержантского состава? Качества твои вполне позволяют. При добросовестном отношении с твоей стороны, неплохой командир отделения из тебя выйдет. А там, глядишь, и до старшины дослужишься. Как думаешь?

— Я согласен, товарищ старший лейтенант. (**63**)

— Извините, товарищ старший лейтенант. Но я, наверное, откажусь. (**130**)

176

— Не знаю, Дэн. Что-то я не уверен…

— А чего ты не уверен? Ну, сам посуди: полгода спокойной учебы — никаких тебе дедов. А там попадешь в экипаж: сидишь себе в вертолете, смотришь на всех свысока… Паек усиленный опять же. Ну же, решайся!

— Нет, Денис. Я окончательно решил. (**131**)

— Убедил! Записываемся. (**68**)

177

Я вышел во двор. Там уже собралось человек тридцать или сорок призывников.

— Мужики, из Купчино есть кто-нибудь? — спросил я. (**93**)

Разговаривать ни с кем не хотелось. (**218**)

178

Машина подъехала к железнодорожному вокзалу и остановилась.

Нас построили и повели на самые дальние пути, где стоял спецэшелон. Посадка шла полным ходом. На этом поезде едут только призывники. Здесь тоже толпа провожающих. Еще больше, чем у военкомата. Нас подвели к одному из плацкартных вагонов и дали команду занимать в нем места.

Так как я никого не знал, мне было абсолютно все равно куда садиться. (**102**)

Мы с Денисом шли по вагону и искали свободные места. (**66**)

179

Я взял одну бутылку и запихнул внутрь свернутого матраса, который лежал на верхней полке. Кому может прийти в голову там искать?

В вагоне действительно шел обыск. (**145**)

180

Закончив письмо родителям, я решил написать Даше. (**206**)

Даше я решил пока не писать. (**15**)

181

Я решил поговорить с Маловым позже.

Мы несколько раз прошлись строем с песней. После чего нам дали пять минут на чистку обуви, снова построили и куда-то повели. Привели нас, в итоге, к огромному металлическому ангару. (**202**)

182

После этого отправились на занятия. Сержант Аникин привел нас к огромному металлическому ангару. В нем было оборудовано что-то типа учебного класса. Четыре длинных ряда парт уходили далеко вглубь помещения. Сразу у входа стоял преподавательский стол, за которым сидел старший лейтенант Строганов. На стене — черная школьная доска и какие-то схемы. Под потолком — тусклые пыльные лампочки.

Остальные ребята уже сидели за партами, склонившись над уставами.

— А! Залетчики! — сказал начальник заставы, увидев нас. — Быстро занимаем свободные места, открываем уставы и изучаем статьи, номера которых написаны на доске.

Мы сели за парты и открыли книги.

Половину прочитанного я откровенно не понимал. Думаю, что и другие ребята тоже понимали далеко не все. Но спрашивать у начальника заставы никто не решался. Учили наизусть. Без всякого смысла. Так мы просидели до самого вечера. Были только два незначительных перерыва, за которые мы успели разве что галопом сноситься в туалет или выкурить по папиросе.

После занятий нас повели на ужин. (**14**)

183

11 августа 1967 г.

Объявили списки тех, кто поедет учиться на поваров. Дениса взяли. Меня нет.

— Братуха, я не поеду без тебя, — сказал Денис. — Сейчас подойду к Строганову и скажу, чтобы другого кого-нибудь вместо меня отправил.

— Нет, Дэн. Спасибо тебе, конечно. Но поезжай. Хорошее место.

Уже вечером команда будущих поваров покидала учебный центр. Жалко было расставаться с Денисом. На прощание мы крепко обнялись. (**85**)

184

День клонился к вечеру. Водки, «благодаря» обыску, у нас теперь совсем не было.

— Мужики, говорят, у проводницы есть, — сказал я. — Сейчас схожу.

Проводница оказалась пожилой женщиной с ярко накрашенными, не смотря на свой возраст, губами. Я изложил ей суть нашей проблемы. Она подняла свою полку, и я увидел, что все багажное пространство под ней заполнено водочными бутылками. Подготовилась к рейсу, ничего не скажешь. Знала, кого везет.

Озвученная цена за бутылку оказалась вдвое выше магазинной. (**221**)

10 августа 1967 г.

Поезд прибыл в Иман в два часа ночи. С нами происходило практически тоже самое, что и несколько недель назад на станции «Приморская». За исключением того, что Иман все-таки оказался городом, а не той дырой, в которой я очутился тогда.

Здесь нас снова поджидали тентованные грузовики. Всю дорогу, пока нас везли до учебного центра, я выглядывал из кузова и смотрел на город, в котором мне предстоит служить следующие шесть месяцев. Это, конечно, не Ленинград. Но все же цивилизация. Мимо нас проносились серые пятиэтажки. Мы проехали мимо красивой церкви с серебристыми куполами и мимо большого парка.

Наша машина шла в голове колонны. Вскоре она остановилась. Послышался металлический лязг открываемых ворот, и мы въехали на территорию, окруженную высоким бетонным забором.

Услышав уже знакомую команду «к машинам», я выпрыгнул из кузова и осмотрелся. Первое, что бросилось в глаза, это безукоризненная чистота, царившая вокруг: асфальт идеально выметен, кусты аккуратно подстрижены, поребрики выбелены…

Офицер сопровождения дал команду строиться, и когда все заняли свои места в строю, объявил:

— Товарищи солдаты, будущие сержанты, сейчас дежурный по учебному центру сопроводит вас в клуб. Там вы будете находиться до утра до прибытия офицерского состава. Утром вас распределят по учебным заставам, заселят в казармы и доведут план дальнейшей работы.

Подошел другой офицер с красной повязкой на руке и кобурой на поясе:

— Равняйсь! Смирно! Правое плечо вперед, шагом… марш!

Под его командованием мы проследовали мимо белоснежных зданий, в которых очевидно располагались казармы и учебные корпуса школы сержантского состава и пришли к стоящему на удалении зданию клуба.

Мы зашли внутрь и расселись на откидных деревянных стульях в зрительном зале напротив сцены. Так как до утра было еще далеко, то мы начали устраиваться на ночлег. Лечь на несколько сидений сразу мешали деревянные подлокотники. Сидения были жесткими, и я никак не мог найти удобное положение для сна. Некоторые ребята растянулись прямо на полу.

Я смотрел на них с презрением. (**280**)

Махнув на все рукой, я тоже лег на пол. (**237**)

186

11 августа 1967 г.

— Товарищи солдаты, в данном учебном центре вам предстоит пройти обучение в течение шести месяцев.

Мы стояли на плацу и слушали нашего нового начальника учебной заставы старшего лейтенанта Денисова. У него были короткие ноги и довольно объемный живот, туго перетянутый офицерским ремнем. Он как будто бы не ходил перед строем, а перекатывался с ноги на ногу.

— В течение первых трех месяцев вы пройдете фактически стандартную учебную программу, которую проходит весь рядовой состав пограничных войск. С той лишь разницей, что требовать по этой программе с вас будут в десять раз больше, чем в учебке рядового состава. — начальник заставы сделал паузу и обвел нас взглядом. — В последующие же три месяца вы пройдете специальную подготовку и выйдите из этих стен полноценными командирами отделений, способными качественно исполнять свой функционал. Вопросы у кого-нибудь есть?

Вопросов ни у кого не было.

— Замечательно! — продолжил старший лейтенант Денисов. — Тогда приступаем к занятиям. (**238**)

187

3 сентября 1967 г.

Звон в ушах не прошел и на следующий день. А на третий день я уже всерьез начал волноваться за свое здоровье. Я думал, что от грохота выстрела в голове у меня что-то лопнуло. И теперь до конца жизни у меня будут проблемы со слухом.

Но на четвертый день шум в ушах стал значительно слабее. А еще через день я и вовсе забыл об этом.

Сегодня воскресенье. У нас в учебном центре праздник. Спортивный… Меня назначили бежать эстафету. Десять этапов по четыреста метров. Самая дурацкая

дистанция на мой взгляд. Слишком короткая, чтобы бежать медленно и экономить силы. В тоже время слишком длинная, чтобы ломиться со всех ног, как на стометровке. Гораздо лучше было бы попасть на подъем с переворотом. Открутил свое на перекладине и свободен.

К счастью, я бежал шестой этап. Потому от меня уже мало, что зависело. В основном все решается уже на первых трех. Но, тем не менее, я выложился по полной и даже обогнал одного человека из четвертого отделения.

Потом мы всем отделением перетягивали канат. Но сразу же проиграли.

После обеда объявили свободное время. Это было первое действительно «свободное время» со дня моего прибытия в школу сержантов. Я очень устал за эти дни и сильно хотел спать. Но на кроватях до отбоя лежать не разрешали.

Дежурным по заставе стоял свой паренек из числа «особо подготовленных». Я попросил его предупредить меня, если в спальное расположение пойдет кто-то из начальства и завалился на кровать. (**240**)

Я решил не искушать судьбу и провести свободное время на скамейке в курилке возле казармы. (**284**)

188

Я твердо решил разобраться с дежурным. Вернувшись в казарму, я первым же делом подошел к нему и сказал:

— Ты чего, урод, делаешь?! Подставить меня решил?!

Я толкнул его в грудь обеими руками. Он отступил на шаг и закрылся руками.

— Блин, Лех… Ну что я еще мог сделать. Я и так что есть мочи закричал, как идиот: «Здравия желаю, товарищ старший лейтенант». Я же не виноват, что ты не услышал. А Будильник сразу просек, что что-то не так. Первым делом в располагу сунулся. А там ты.

Я немного поостыл. (**241**)

Я ударил дежурного в челюсть. (**263**)

23 сентября 1967 г.

Наступил субботний вечер. Для намеченной вылазки все складывалось как нельзя более благоприятно. Дежурным по учебному центру заступил уже знакомый нам капитан. По опыту мы знали, что обычно он не проводит внезапных контрольных построений и не считает людей по головам, как это делают многие другие. Этот вообще практически не выходит из дежурки. Мы договорились с ребятами из своего отделения, чтобы в том случае, если мы опоздаем на вечернюю поверку, кто-нибудь выкрикнул за нас «я». Дежурный по нашей заставе за небольшую мзду в три банки сгущенки тоже согласился прикрыть нас в случае чего.

После ужина, когда всех распустили готовиться к завтрашнему дню, мы с Захаром незаметно прошли за санчасть и там перелезли через забор.

ДК нашли быстро. Он, действительно, был недалеко от нашей учебки. Внутри гремела всем знакомая мелодия:

«Люди встречаются, люди влюбляются, женятся.

Мне не везет в этом так, что просто беда…»

Купив у пожилой тетеньки с вязаньем на коленях два билета, мы вошли внутрь. Народу было много. Но появление двух бравых парней в военное форме не осталось незамеченным. Некоторые девушки искоса поглядывали в нашу сторону. Причем даже те, которые танцевали в тот момент с парнями.

Мы встали у стены и осмотрелись.

— Вон те две ничего, — сказал Захар, показывая на стоящих неподалеку девушек. — Чур, моя правая.

Не теряя времени, он подошел к девушкам и через несколько минут уже танцевал с одной из них. Вторая же продолжала стоять у стены и кидала в мою сторону призывные взгляды. Но так как она была сильно страшнее своей подруги, да и вообще не в моем вкусе, то я поспешно отвернулся и начал поиски в другом направлении.

Вскоре я заметил, что Захар куда-то запропастился. Но меня это мало озаботило, так как в тот момент я уже активно двигался под звуки саксофона, танцуя твист с фигуристой блондинкой.

— Тебя как зовут, красавица? — спросил я ее, пытаясь перекричать гремящую музыку.

— Катя!

— А меня — Леша! А в этом городе все девушки такие красивые, как ты?

Катя засмеялась.

Неожиданно кто-то сильно схватил меня за плечо и дернул так, что затрещала ткань кителя.

— Ну-ка иди сюда, козел! — здоровенный парень потащил меня в сторону выхода.

Я судорожно осматривался по сторонам в поисках Захара. Но его нигде не было видно. Парень вытащил меня на улицу. К нам подошли еще несколько человек. Судя по всему, его друзья.

— Ты что, солдат, совсем смерти не боишься? Ты чего к моей девушке клинья подбиваешь?

Так как численный перевес явно был на стороне противника, я понял, что нужно попытаться как-то деликатно выйти из этой щекотливой ситуации. (**264**)

Я резко оттолкнул парня от себя и рванул через двор. (**242**)

190

Здравствуйте, мама и папа!

Пишу вам уже из учебного центра. Здесь я проведу три месяца. После чего нас распределят по заставам. Присягу назначили на 30 июля. Мне бы очень хотелось, чтобы кто-нибудь ко мне приехал. Но я понимаю, что это очень далеко, и вы не сможете.

Кормят здесь совсем не так, как дома. Но ничего. Я наедаюсь. Правда очень хочется чего-нибудь сладкого. Говорят, иногда сюда приезжает автолавка. Там можно купить печенья и сгущенки.

Если подняться на гору, то из нашего учебного центра видно море. Правда, до него очень далеко. Но все равно очень красиво.

Ну вот, в общем-то и все. Больше пока писать нечего. Жду ваших писем.

18.7.67 г.

С пограничным приветом,

Ваш сын Алексей. (**180**)

191

Я решил ничего не покупать. Перебьется. Вернулся в свое купе.

— Нету водки у проводницы, ребят, — я развел руками.

— Бли-и-ин… Да как так-то?! — застонали мои попутчики.

Но делать было нечего. Мы разложили на столе еду и заварили чай. А к проводнице тем временем постепенно выстраивалась очередь.

— Слышь, Лех, а куда это они все стоят? — спросил меня Денис. — К проводнице, похоже.

— Не знаю, — ответил я. — За бельем, может.

Спать легли рано. (**147**)

192

Цена за бутылку оказалась втрое выше магазинной.

Я решил ничего не покупать. (**4**)

Я отдал деньги, взял бутылку и вернулся в свое купе. (**150**)

193

Тесное помещение наполнилось едким дымом.

В тамбур протиснулся уже знакомый мне рыжий парень. Тот самый, с которым мы столкнулись на проходной призывного пункта. Оказалось, что он едет с нами в одном вагоне.

Это был не самый приятный сюрприз. (**151**)

— Здорово, Колян! — поприветствовал я его. (**222**)

194

Оставалось только одно…

Я нагнал проводницу, схватил ее за плечо, повернул к себе лицом и с жаром поцеловал. Первые несколько секунд она никак не реагировала. Затем глаза ее округлились, она вырвалась из моих объятий и закричала что есть мочи:

— Ах, ты сволочь такая! Чего удумал!

Она ударила меня несколько раз куда попадет, после чего схватила за ухо и потащила по коридору, продолжая орать:

— Ну-ка пойдем к твоему командиру.

Мы миновали свой вагон и весь следующий. Ребята выглядывали в коридор, вытягивая шеи, и с интересом наблюдали за происходящим.

Наконец, мы подошли к двери с надписью «Начальник поезда». Проводница постучала — дверь распахнулась. Внутри сидел пожилой мужчина в железнодорожной форме и четверо офицеров, в том числе и тот, что сопровождал нас от призывного пункта.

Проводница в красках расписала то, что произошло между нами, добавив от себя, что я домогался ее чуть ли ни с первого дня пути.

Не буду приводить здесь всех слов, которые были произнесены в тот день в мой адрес. Но ребята в вагоне встретили меня дружными аплодисментами.

Позже ко мне подошел Колян и тайком передал довольно большую пачку денег. Как минимум зарплата честного труженика за целый месяц. Деньги я надежно спрятал. Вопреки нашим ожиданиям, шума из-за пропажи проводница поднимать не стала.

Да, кстати… Уборщиком в вагоне меня назначили вплоть до самого прибытия в пункт назначения. (**233**)

195

До поздней ночи я лежал и смотрел в окно. Спать уже совсем не хочется. Выспались за эти дни. Едем, в основном, молча. Разговаривать тоже ни о чем не хочется. Да и сам поезд уже порядком опротивел. В вагоне стоит страшная духота и вонь десятков немытых тел. Скорее бы уже приехать. (**108**)

196

К вечеру все уже падали от усталости и засыпали на ходу.

Но самым сложным за этот день было «подшивание». К воротнику кителя нужно было пришить изнутри белый подворотничок, который представлял собой сложенную вдвое полоску белой ткани. Пришить нужно было аккуратно, чтобы он не топорщился, чтобы снаружи не было видно белых ниток, и чтобы края подворотничка слегка выглядывали из-под воротника кителя на одинаковое расстояние со всех сторон. И сделать это было ой как не просто.

Новый воротник никак не хотел протыкаться. Иголка гнулась и проходила насквозь с большим трудом. Я пришил подворотничок не меньше двадцати раз. Но каждый раз отрывал его, так как стоило мне надеть китель на себя, белая ткань сжималась и топорщилась.

Постепенно темнело. Некоторые ребята уже закончили. Им разрешили идти в казарму и ложиться спать.

Может быть, мне попробовать сложить воротник по форме шеи, и тогда подшива не будет так морщиться? (**69**)

Но Денис подшивал расправленный воротник. И у него все получилось. Я продолжал шить на расправленном воротнике. (**223**)

197

Я решил лечь спать, а утром встать до общего подъема и попробовать еще раз.

Дневальный разбудил меня рано утром. Солнце еще только показалось над горизонтом. Было довольно прохладно.

Я взял все необходимое, вышел из кубрика, сел прямо на пол возле тумбочки дневального и принялся шить. Пальцы очень болели и кровоточили от многочисленных проколов. Я старался не запачкать чистую белую ткань. С третьего раза получилось более или менее сносно. Подворотничок был пришит практически ровно. И торчал над воротником на установленную высоту — примерно на спичечную головку.

До подъема оставалось еще минут пятнадцать. Я лег на постель и сразу задремал. (**234**)

198

Я откровенно психовал и матерился в адрес отставших от строя. Как только группа во главе с сержантом Титовым подтянулась к нам, сразу раздалась команда старшины:

— Застава, встать! Бегом… марш!

— Вы, уроды! — зашипел я на отстающих. — Бегите быстрее! И так тяжело! Еще и отжиматься приходится, пока вас ждешь!

Тропинка все время забирала влево, и вскоре мы выбежали на ту же дорогу, по которой бежали раньше. Только теперь мы двигались уже в противоположном направлении.

Все мокрые и грязные мы прибежали обратно к казарме. (**5**)

199

— Застава, выходим строиться на утренний осмотр.

— Что еще за осмотр такой? — спросил я Дениса.

Тот пожал плечами:

— Не знаю. Может, к врачу сейчас поведут.

Но к врачу не повели. Вместо этого старшина построил нас на улице перед казармой в две шеренги и скомандовал:

— Застава, равняйсь! Смирно! Первая шеренга два шага вперед шагом…марш! Кругом! Командирам отделений приступить к утреннему осмотру.

Сержант Аникин вышел из строя и скомандовал:

— Отделение, две верхние пуговицы расстегнуть. Подшиву к осмотру.

Бли-и-и-ин… Вчера я так и не подшился. (**159**)

Хорошо, что я все-таки не схалтурил и нормально подшился. (**225**)

200

Мы похватали куски хлеба и стали жевать их на ходу.

Старшина привел строй на плац. Там нас уже ждал начальник заставы:

— Товарищ старший лейтенант, за время вашего отсутствия происшествий не случилось. Все мероприятия в соответствии с распорядком дня проведены.

— Здравствуйте, товарищи солдаты!

— Здравия желаем, товарищ старший лейтенант, — ответили мы хором.

— Вольно! Как вам первый завтрак?

Строй замычал что-то невразумительное.

— Старшина, вы все объяснили молодому пополнению на счет столовой? Раздатчиков назначили?

— Забыл про раздатчиков, товарищ старший лейтенант.

— Плохо, старшина. В обед обязательно разберитесь с этим вопросом. А то так они у вас передерутся все скоро.

— Есть!

— Товарищи солдаты, до присяги у нас еще около двух недель. Все это время мы, в основном, посвятим строевой подготовке и изучению уставов. Чтобы к моменту принятия присяги вы были уже полноценными солдатами-пограничниками, знающими свои обязанности и предназначение. И начнем мы прямо сейчас с изучения строевой песни. Старшина! Приступайте!

Начальник заставы удалился в сторону казармы.

— Значит, так! — громко, чтобы всем было слышно, сказал старшина. — Пока что вы еще ходите, как стадо баранов. И чтобы хоть как-то вас отличать от этих самых баранов, теперь всегда и везде вы будете ходить с песней. Это всем ясно? В качестве строевой песни предлагаю «Катюшу». Еременко!

— Я!

— Выйти из строя!

Я вышел из строя на два шага и развернулся кругом, как нас учили.

— Еременко, — продолжил старшина. — Напой нам, пожалуйста, «Катюшу». Только громко пой. Чтобы все слышали.

Я напел несколько строчек из песни. (**160**)

— Не знаю я этой песни. (**227**)

201

— Ну-ка, Малов, задержись-ка. Разговор есть.

Но Малов уже мчался к выходу, расталкивая остальных. Мы с Денисом направились следом. На улице стоял старший лейтенант Строганов и ждал, когда застава построится. Малов терся возле него, искоса поглядывая в нашу сторону.

Ладно, черт с ним. Будет еще возможность поговорить по душам. (**161**)

Я решительно направился к Малову. (**228**)

202

Привели нас, в итоге, к огромному металлическому ангару. В нем было оборудовано что-то типа учебного класса. Четыре длинных ряда парт уходили далеко вглубь помещения. Сразу у входа стоял преподавательский стол. На стене — черная школьная доска и какие-то схемы. Под потолком — тусклые пыльные лампочки.

Мы зашли внутрь и расселись за партами. На каждой лежал устав — один на двоих. Старший лейтенант Строганов написал на доске номера статей, которые мы к концу занятия должны были выучить наизусть, и занял место преподавателя. Мы углубились в изучение устава.

Половину прочитанного я откровенно не понимал. Думаю, что и другие ребята тоже понимали далеко не все. Но спрашивать у начальника заставы никто не решался. Учили наизусть. Без всякого смысла. Так мы просидели до самого вечера. Были только два незначительных перерыва, за которые мы успели разве что галопом сноситься в туалет или выкурить по папиросе.

После занятий нас повели на ужин. (**14**)

203

Я был настроен весьма агрессивно.

— Давай поровну всем накладывай. Я то я знаешь куда тебе этот половник засуну?

На этот раз Малов справился со своей нелегкой задачей. (**229**)

204

— Застава, смирно!

— Все верно, Еременко. Только после команды «смирно», нужно еще говорить «дежурный по заставе на выход». И тогда дежурный подходит к начальнику отряда и докладывает о происшествиях, которые случились или не случились, и о том, чем в данный момент занимается застава. Понял?

— Так точно, товарищ старшина.

— Следующая вводная. (**34**)

205

— Следующая вводная.

Не говоря больше ни слова, старшина взял с подоконника горшок с давно засохшим цветком и направился к выходу.

Я смотрел на старшину и ждал, что будет дальше. (**45**)

Я кинулся сзади на старшину и повис на его мощной шее. (**111**)

206

Здравствуй, моя Милая, моя Родная!

Вот только вчера мы приехали в учебный центр, а сегодня я уже стою в наряде и охраняю нашу казарму. Дело это очень ответственное, и доверяют его далеко не каждому. Нужно ведь сначала присмотреться к людям, понять, кто чего стоит. А то вдруг человек уснет в наряде. А спать никак нельзя. Граница не так далеко отсюда. В любой момент в казарму могут проникнуть китайские диверсанты и вырезать всю заставу. Старшина рассказывал, что уже не раз бывали такие случаи. Проснется

дневальный утром и давай заставу поднимать — «подъем» кричать. А никто не встает. Все мертвые лежат. Но мне начальник заставы сразу это дело доверил. Завтра посоветую ему, кого мне на смену поставить.

Море от нашей заставы совсем близко. Может быть, как-нибудь на выходных отпустят купаться.

Скоро у нас присяга. Пока готовимся. Маршируем каждый день и уставы изучаем. После присяги начнутся занятия поинтереснее. Будем стрелять каждый день, рукопашному бою учиться, взрывчатку будем делать из подручных средств и многое другое.

Очень скучаю по тебе и жду твоих писем. Адрес у тебя теперь есть. Пиши.

18.7.67 г.

Целую.

Твой Леша. (**230**)

207

— Да нет, что вы. Я наедаюсь.

— Знаю я, салага, как ты наедаешься. Сам когда-то молодым был. Пошли со мной.

Мы пришли в варочный цех, и дед показал мне на огромную алюминиевую кастрюлю, на дне которой оставалось довольно приличное количество гречневой каши.

— Быстро доедаешь, потом пулей на дискотеку, отмываешь хорошенько и приносишь сюда. А то мне кастрюля срочно нужна, а наряд отходы пошел выносить. Вернутся, головы им откручу за то, что так долго ходят.

Я пытался протестовать. Не то, чтобы мне не хотелось есть. Просто кастрюлю не хотелось после этого мыть. Но дед угрожающе навис надо мной.

— Ты что, сыняра, хочешь чтобы дедушка сам эту кастрюлю мыл?! Да я тебе сейчас на голову ее одену! Ты у меня до ночи здесь полы драить будешь! Пять минут времени тебе! Бегом!

Я схватил кастрюлю и выбежал в обеденный зал. Каши оставалось прилично. Не меньше, чем нам давали на десять человек. Я схватил ложку и принялся за еду.

Наелся так, что едва смог встать из-за стола. (**169**)

208

20 июля 1967 г.

Прошлой ночью, стоя в наряде, я поспал всего часа три. Не больше. Думал, что сегодня высплюсь. Но почему-то, проспав спокойно всю ночь, сегодня я чувствую себя еще хуже, чем вчера в наряде. Очень хочется спать.

Всю первую половину дня мы просидели в ангаре за изучением уставов. Старший лейтенант Строганов подзывал нас по очереди к своему столу и спрашивал наизусть некоторые статьи.

После обеда занимались строевой. Сначала, как обычно, отрабатывали строевой шаг. Потом тренировались приветствовать начальника стоя на месте и отвечать на поздравление.

Старший лейтенант Строганов стоял перед строем и командовал:

— Равняйсь! Смирно! Здравствуйте товарищи солдаты!

Мы набирали полные легкие воздуха и хором отвечали:

— Здравия желаем, товарищ старший лейтенант!

— Поздравляю вас с принятием военной присяги!

— Ур-р-ра, ур-р-ра, ур-р-р-ра-а-а-а-а!

Наконец, занятие закончилось. Немного раньше, чем обычно. До ужина было еще минут тридцать.

— В целом, молодцы, — похвалил нас старший лейтенант Строганов. —За приветствие начальника и ответ на поздравление я спокоен. Но строевой шаг пока ни на что не годится. Завтра продолжим тренироваться. Сейчас у вас будет свободное время…

Я глубоко вдохнул и закричал что есть мочи:

— Ур-р-ра, ур-р-ра, ур-р-р-ра-а-а-а-а! (**113**)

Я решил промолчать. (**75**)

— Да на него ни одна нормальная не повелась просто, — я прыснул от смеха.

Лицо сержанта Аникина налилось кровью. Он схватил меня за ворот и притянул к себе:

— Что ты сказал!? Ну-ка повтори!

— Я пошутил, товарищ сержант.

Аникин справился со своим гневом и отпустил меняя.

— Значит так, шутник. Сейчас идешь на уборку умывальника. Времени тебе — до ужина. Если мне хоть что-то не понравится, проведешь там всю ночь. Бегом марш!

Я побежал в умывальник. Сильно страшного я ничего там не увидел: следы от зубной пасты в некоторых раковинах, бумажки какие-то под ногами да листва с деревьев немного налетела. Я быстро собрал весь мусор и стал споласкивать раковины.

В умывальник вошел столовский дед. Он был по пояс голый. На плече висело полотенце. Дед подошел к одной из раковин, открыл кран и начал плескать воду себе на шею и грудь, фыркая и охая от удовольствия. Когда водные процедуры были закончены, он стал не спеша вытираться и тут заметил меня:

— Военный, ты что тут делаешь?

— Порядок навожу.

— А краны почему не начистил?

— В смысле? — не понял я.

Дед воздел глаза к небу:

— Блин, всему вас, молодых, надо учить. Зубная паста и подшива есть?

— Есть. В казарме только.

— Ну, давай бегом тогда в казарму!

Я побежал в казарму и уже через две минуты вернулся обратно в умывальник. В одной руке у меня был тюбик с зубной пастой. В другой — полоска белой ткани. Дед взял подшиву, густо намазал ее зубной пастой и принялся натирать медный кран. Через минуту тот сиял, словно золотой.

— Учись, солдат, пока я жив.

Дед вернул мне пасту и подшиву и удалился с чувством выполненного долга.

К приходу сержанта Аникина все краны горели золотым огнем.

— Молодец, Еременко. Сам догадался или подсказал кто?

— Подсказали, — не стал скрывать я.

— Еременко, ты почему такой строптивый вообще?

— Не знаю, товарищ сержант.

Аникин немного помолчал.

— Знаешь, Еременко, мне кажется, с таким характером у тебя всего два пути: или с губы не будешь вылезать, или сержантом станешь в итоге. Давай, бегом на ужин.

И снова ужин, подготовка внешнего вида, вечерняя прогулка и поверка. (**44**)

210

Нас повели на занятие по строевой.

Снова отрабатывали шаг по разделениям: поднимали ногу и тянули носок. Затем ходили в колонну по одному по большому квадрату.

Потом было новое упражнение — отрабатывали выполнение воинского приветствия. Шли строевым в колонну по одному. Четыре обычных строевых шага, потом четыре с приложенной к головному убору рукой, и снова четыре обычных шага. Когда ноги уже горели огнем, а спины были мокрыми от пота, объявили десятиминутный перерыв.

Денис подошел ко мне:

— Леха, там автолавка, говорят, приехала. Пошли, купим пожрать чего-нибудь.

— Нет, Дэн. Не пойду. (**118**)

Я согласился, и мы побежали в сторону автолавки. (**134**)

211

Я решил сэкономить на печенье и купил только пачку папирос.

Только я успел отойти в сторону, как рядом со мной из ниоткуда возник Миша Закалюжный.

— Лех, дай папиросу. А то у меня вообще голяк.

— На, травись. Не жалко. (**121**)

— Отвали, Зэк. Курить вредно. (**57**)

212

Махнув рукой, я купил на последние деньги пакет печенья и пачку папирос.

Только я успел отойти в сторону и открыть пакет, тут же рядом со мной из ниоткуда возник Миша Закалюжный.

— Лех, давай пожрем? — жалобно попросил он.

Я протянул ему пакет с печеньем. (**120**)

— Отвали, Зэк. Иди и купи. (**37**)

213

Перерыв заканчивался.

Нас снова построили на плацу в колонну по одному по большому квадрату. И снова мы чеканили шаг, снова выполняли воинское приветствие и снова обливались потом. Перерывов больше не было.

После занятий нам дали пять минут на чистку сапог и сразу повели на обед. (**116**)

214

Я дал ему капли. Он попользовался ими и поставил пузырек к себе на тумбочку.

— Пусть здесь стоят, — сказал он мне. — Вдруг ночью снова понадобятся.

Мне не было жалко капель. (**30**)

Капель мне было откровенно жалко. (**80**)

215

Старший лейтенант Строганов пришел проверять.

Чистотой полов он остался доволен. Но вот уж чего мы никак не ожидали, так это того, что он начнет проверять порядок в тумбочках. Открыв очередную, начальник заставы извлек из нее практически целую палку копченой колбасы. Она была явно не первой свежести. Скорее всего, это еще из тех запасов, что мы брали с собой из дома в поезд.

— Это что такое? — начальник заставы помахал колбасой перед носом сержанта Аникина.

— Товарищ старший лейтенант, мы не наводили порядок в тумбочках, — понуро ответил Аникин.

— Очень плохо, сержант. Даю вам еще пятнадцать минут времени. — начальник заставы вручил колбасу Аникину и ушел.

— Так, Еременко, ты иди, выброси эту тухлятину. А остальные бегом наводить порядок в тумбочках. Все лишнее выбросить. Там должны остаться только тетради, письменные принадлежности, принадлежности для шитья и чистки обуви, ну, еще книги и фотоальбомы можно.

Я вышел из казармы и направился в курилку. Там никого не было. Я сел на скамейку и посмотрел на колбасу. Она действительно была не очень. Но выкинуть ее я никак не мог. Рука не поднималась. Так я и сидел в курилке с колбасой в руке, пока не пришел Денис.

Он сел рядом со мной и закурил.

— Ты чего не выкинул-то ее? — он показал на колбасу

— Не могу. Пальцы не разжимаются.

— Так давай ее съедим.

— Нет, Денис. Потравимся, скорее всего. (**29**)

— А, была не была. Давай. (**232**)

216

— Я думаю, нарушитель хромой был.

— Ага! И косой. — сказал начальник заставы. Все засмеялись. — А чего вы смеетесь? У кого-нибудь есть другие варианты?

Вариантов ни у кого не было. (**87**)

217

Списки зачисленных объявили уже после обеда. К огромному сожалению нас с Денисом не взяли.

Но не успели мы огорчиться, как приехали еще одни покупатели – еще лучше предыдущих. Эти набирали желающих учиться на поваров. Желающих было очень много. Недолго думая, мы с Денисом тоже записались. Здорово будет, если возьмут. Как говорится, подальше от начальства, поближе к кухне. (**183**)

218

Разговаривать ни с кем не хотелось. Я кинул свой вещмешок возле стены и сел на него.

Мы так и сидели во дворе, пока не появились пограничники — капитан и трое сержантов. (**51**)

219

Я подумал, что под полкой не самое надежное место.

— Не пойдет, ребят. Туда, по-любому, заглянут.

— Да нормально все, — сказал Денис. — Они наверняка вещмешки сейчас осмотрят еще раз и все. Никто туда не полезет.

— Давайте хотя бы одну перепрячем, — настаивал я. — Зачем все яйца в одной корзине держать?

— Вообще он прав, — поддержал меня Дима. — Лучше действительно в разные места положить.

Я взял одну бутылку и запихнул внутрь свернутого матраса, который лежал на верхней полке. (179)

Я поставил бутылку на стол возле окна и задернул шторку. (95)

220

День клонился к вечеру. Мы разложили на столе закуску и стали ждать удобного момента, чтобы выпить за знакомство. В соседних купе явно тоже намечались посиделки. Видимо, не у нас одних остались запасы. Но сержант упрямо продолжал курсировать по проходу. Это продолжалось до тех пор, пока кто-то не догадался предложить ему бутылку водки. После этого сержанты все вместе засели в конце вагона, выгнав оттуда всех призывников. Офицера так и не было видно. Потому прятаться в итоге перестали. Водку разливали открыто и курили прямо в вагоне. Парни с боковушки ушли к каким-то своим знакомым в другой конец вагона. Так что сидели вчетвером.

Познакомились поближе. Дима и Женя оба были деревенскими, из Ленобласти. Мы же с Денисом были коренными ленинградцами. Ребята рассказывали о том, как их провожали в армию.

— У нас традиция такая в деревне есть, — говорил Женя. — Когда парня в армию забирают, то на его дом вешают ленточку. И он один может ее снять в тот день, когда домой вернется.

— А у нас в деревне так не делают, — сказал Дима.— У нас другая традиция. Когда автобус с призывником отъезжает, то все в него деньги бросают. Потом мать и девушка парня берут себе по одной монетке и хранят их до самого дембеля.

— У нас тоже есть свои традиции, — важно сказал Денис. — За день до призыва собираются все друзья и бухают по черному. Призывника, бывает, несут потом в военкомат, потому что сам идти не может. Тут главное не забыть, кого именно провожаем. А то ненароком можно не того служить отправить. Говорят, бывали такие случаи не раз. А там, в армии, пока разберутся, уже половина службы пройдет.

Постепенно разговор перешел в другое русло – о том, как там будет служиться на границе и о том, что нас ждет впереди. А впереди у нас была неизвестность. И, говоря по правде, от этого было сильно не по себе.

За этими разговорами мы просидели до поздней ночи. (96)

221

Озвученная цена за бутылку оказалась вдвое выше магазинной.

Я решил ничего не покупать. (**191**)

Я отдал деньги, взял бутылку и вернулся в свое купе. (**148**)

222

— Здорово, Колян! — поприветствовал я его.

— О-о-о! Здорово, зема! — он обрадовался мне, как старому другу.

Я представил ему остальных ребят. Он вяло кивнул им и отозвал меня в сторонку.

— Леха, это очень хорошо, что я тебя встретил. Тут делюга одна есть. Надежный человек нужен.

— Что за делюга?

Он показал мне связку ключей. Это были не обычные ключи. Их было всего три. Один — короткий и плоский, скорее, напоминал отвертку. Другой — длинный с бороздками на конце. Третий — средней длинны, был треугольной формы. Все три ключа соединяла между собой заклепка, образуя одну связку.

— Знаешь что это? — спросил Колян.

— Ну, знаю. Ключи проводницы.

— Как у проводницы, — поправил меня он.

— А где ты их взял?

— Не важно, где я их взял. Где взял, там уже нет. Важно то, что этими ключами можно открыть любую дверь в поезде. В том числе и купе проводницы. А у проводницы за последние два дня довольно приличная денежная сумма должна была скопиться. Ну что, ты с нами?

— Нет, Колян! Это без меня. (**103**)

Я согласился. (**152**)

223

Я продолжал шить на расправленном воротнике. Ничего хорошего у меня так и не получилось. На улице уже совсем стемнело.

В очередной раз оторвав криво пришитый подворотничок, я бросил это занятие и решил вообще не подшиваться. (**156**)

Я решил лечь спать, а утром встать до общего подъема и попробовать еще раз. (**197**)

224

С бегом у меня всегда все было хорошо. В школе я часто принимал участие в различных соревнованиях и становился призером. Потому бежать мне было довольно легко. Но многие ребята явно чувствовали себя не очень комфортно. Довольно большая группа сильно отстала от строя. С ними остался сержант Титов. Нас же продолжали усиленно гнать вперед.

— Застава, шагом марш! — скомандовал старшина. — Стой! Упор лежа принять. Отжимаемся под счет. Ждем отстающих.

Мы послушно приняли упор лежа.

— Раз! — руки согнулись в локтях.

Старшина ходил вдоль строя и следил, чтобы никто не лежал на земле. Полусогнутые руки тряслись от напряжения, а следующей команды все не было.

— Два! — я разогнул руки и шумно выдохнул.

— Раз! — и снова бесконечная пауза. А отставших все не было видно.

К происходящему я отнесся философски. (**158**)

Я откровенно психовал и матерился в адрес отставших от строя. (**198**)

225

Хорошо, что я все-таки не схалтурил и нормально подшился.

Сержант Аникин по очереди подходил к каждому солдату нашего отделения, придирчиво осматривал внешний вид и указывал на недостатки.

— Марков, ремень подтяни. Богдан, почему сапоги плохо почищены? Две минуты тебе на устранение!

Наконец, он остановился возле меня.

— Молодец, Еременко. Сапоги начищены, бляха сияет и подшился очень прилично для первого раза. Ты в армии раньше не служил, случайно? — пошутил Аникин.

Утренний осмотр заканчивался. Командиры отделений заняли свои места. Старшина вышел перед строем и скомандовал:

— Застава, равняйсь! Смирно! Напра-во! Шагом… по команде шагом корпус подается вперед… марш!

Строй вздрогнул и начал движение.

Нас привели к столовой. (**24**)

226

Я взял половник и зачерпнул содержимое бачка. Поровну на всех разложить не получилось. Долго перекладывали еду из одной тарелки в другую, пытаясь разделить по справедливости.

Только мы начали есть, как прозвучала команда старшины:

— Застава, закончить прием пищи. Выходим строиться на улицу.

— Да как так-то! — загалдели ребята.— Мы не успели поесть.

— Отставить разговоры. Бегом строиться.

Мы похватали куски хлеба и стали жевать их на ходу. (**200**)

227

— Не знаю я этой песни.

— Не знаешь, значит… Ну-ну. — старшина оценивающе посмотрел на меня. — Ладно. Разберемся. Встать в строй!

Я занял свое место. Песню я, конечно же, знал. Просто не хотелось выглядеть идиотом и вот так петь перед всеми.

— Кто может напеть? Малов! Выйти из строя.

Из строя вышел незнакомый мне парень.

— Малов, знаешь «Катюшу»?

— Так точно.

— Ну, тогда пой.

Малов напел песню. Но совсем не так, как она должна была звучать. Видимо, у парня были серьезные проблемы со слухом.

— Что ж такое-то?! — негодовал старшина. — Чему вас только в школе учили? Придется самому.

Старшина запел «Катюшу». Пел он красивым низким голосом. Мы аж заслушались.

— Все запомнили мотив? Слова все знают? Кто не знает — слушаем остальных и запоминаем по ходу. Теперь тренируемся. На месте шагом…марш! Песню запе-вай! (**71**)

228

Я решительно направился к Малову.

— Слышь, малой! Это что сейчас было?

— Ребят, ну я ведь не специально. Случайно так получилось.

— Я вот тебе сейчас нос сломаю. Тоже случайно. — я толкнул Малова в грудь.

— Еременко, Марков! — раздался голос старшего лейтенанта Строганова. — Ну-ка идите сюда!

Мы с Денисом подошли к начальнику заставы.

— Вы что тут устроили?

Я попытался объяснить суть нашего конфликта, будучи уверен в том, что правда на нашей стороне. Но у начальника заставы было, видимо, другое мнение на этот счет.

— Значит так. Я вижу, у вас энергии избыток. Попробуем направить ее в мирное русло. Сейчас получите у дежурного по заставе уборочный инвентарь и отправитесь на уборку плаца. А командир отделения проконтролирует.

Делать было нечего. Мы получили метлы и под руководством сержанта Аникина подмели весь плац. После этого отправились на занятия. (**182**)

229

На этот раз Малов справился со своей нелегкой задачей. Недовольных не было. Потому назревавший конфликт был исчерпан.

После ужина долго ходили строем. (**109**)

230

Часы на стене показывали четыре утра. Наконец-то пришло время будить сменщика. Спать хотелось так, что я едва держался на ногах.

Вторым дневальным со мной стоял Андрей Коржик. Я зашел в спальное расположение и подошел к его кровати. И тут я понял, что абсолютно не помню на каком ярусе он спит, на верхнем или на нижнем. Я попытался разглядеть лица обоих спящих. Но в кубрике было довольно темно. К тому же оба парня с головой укутались в простыни.

Я стал будить того, что лежал сверху. (**74**)

Я стал будить того, что лежал снизу. (**167**)

231

— Есть немного…

— Да я думаю, что даже не немного. Сам когда-то молодым был. Пошли со мной.

Мы пришли в варочный цех, и дед показал мне на огромную алюминиевую кастрюлю, на дне которой оставалось довольно приличное количество гречневой каши.

— Быстро доедаешь, потом пулей на дискотеку, отмываешь хорошенько и приносишь сюда. А то мне кастрюля срочно нужна, а наряд отходы пошел выносить. Вернутся, головы им откручу за то, что так долго ходят.

Я поблагодарил деда, взял кастрюлю и вышел в обеденный зал. Каши оставалось прилично. Не меньше, чем нам давали на десять человек. Я схватил ложку и принялся за еду.

Наелся так, что едва смог встать из-за стола. (**169**)

232

— А, была не была. Давай.

Мы разделили колбасу пополам и съели всю, без остатка.

Учитывая возраст этой колбасы и то, сколько времени она провела на жаре, решение это было поистине опасным. Но видимо голод притупляет инстинкт самосохранение. К счастью, потерь наша застава в этот день не понесла. (**235**)

233

13 июля 1967 г.

Сегодня целый день идет дождь. Благодаря этому жара в вагоне немного спала. Слышно как капли барабанят по металлической крыше. От нарисованного на стекле сердечка практически ничего не осталось. (**23**)

234

18 июля 1967 г.

Утром я проснулся от оглушительного крика:

— Застава, подъем! Выходим строиться на зарядку! Форма одежды — голый торс.

Мы повскакивали со своих кроватей и стали одеваться. Сержанты ходили по проходам между кроватей и подгоняли нас.

— Живее, живее выходим строиться. Что вы как девочки копаетесь.

Наконец, все заняли свои места в строю.

— Напра-во! На выход шагом…марш! — командовал старшина.

Мы вышли на улицу и построились в колонну по три.

— Застава, бегом… Отставить. По команде бегом руки сгибаются в локтях. Бегом…марш!

Мы побежали по территории учебного центра. Миновали умывальник. Он, кстати, как и туалет, был только на улице. В казармах почему-то удобств никаких не было. Затем пробежали вдоль нескольких казарм. Другие заставы тоже вышли на зарядку. Кто-то еще только строился. А кто-то бежал уже далеко впереди нас. Мы пробежали

мимо штаба, обогнули плац и выбежали за территорию учебного центра. Дежурный по КПП предусмотрительно держал ворота открытыми.

Мы оказались на проселочной дороге. Слева от нас стеной стоял лес. Справа простиралось широкое поле, густо заросшее высокой травой.

— Застава, шагом…марш! — мы перешли на шаг и какое-то время шли, восстанавливая дыхание. — Стой! Напра-во! Минута времени оправиться.

Это было весьма своевременно. Так как терпел я из последних сил. Мы справили нужду прямо в поле. После чего снова построились и побежали.

Поле закончилось. Дорога забирала в гору. Бежать было очень тяжело. Но когда мы очутились на вершине склона, нашему взору представилось бескрайнее море. Погода была солнечная. И синяя гладь переливалась миллиардами искр. Оно было очень далеко от нас. Я думаю, что идти до него нужно было бы целый день.

Мы так и бежали, любуясь умопомрачительным видом, пока не свернули на широкую тропинку, уходящую в лес.

С бегом у меня всегда все было хорошо. (**224**)

Бегал я не очень хорошо. (**157**)

235

23 июля 1967 г.

Сегодня воскресенье. Мы надеялись, что зарядки не будет. Но она все равно была. Правда, за территорию не выбегали. Бегали по учебному центру. И закончили раньше, чем обычно.

После того, как умылись и заправили кровати, старшина построил нас напротив спального расположения.

— Товарищи солдаты, до утреннего осмотра есть еще немного времени. Мы посвятим его отбиванию и равнению. Что это означает, — старшина взял одну из табуреток, которые стояли возле кроватей, перевернул сидением вниз и опустил сверху на подушку. Удерживая табуретку одной рукой, второй он хлопал подушку по торчащему краю. В итоге, подушка приобрела квадратную форму с ярко выраженными острыми гранями. Тоже самое старшина проделал и с заправленной постелью.

— После того, как отобьете постели, нужно выровнять подушки и полосы на одеялах по одной линии. Приступить!

— Но ведь это бред, товарищ старшина! (**2**)

На мой взгляд, это было даже красиво. (**114**)

236

После стрельб обязательная чистка оружия. Но уже в казарме.

Мы вынесли табуретки из спального расположения на центральный проход и расселись в две шеренги. Дежурный раздал каждому ветошь и масленки.

Автомат, как оказалось, собирать и разбирать довольно просто. Нам показали буквально один раз как нужно это делать, и мы все запомнили. Только затвор почему-то всегда тяжело было поставить на место.

Нагар после стрельбы остался очень сильный. Мы терли стволы шомполами, время от времени меняя грязную ветошь на чистую.

Когда все механизмы автомата были хорошенько вычищены и смазаны, старшина Фомин и дежурный по заставе выборочно проверили штук десять автоматов, после чего оружие было сдано в КХО.

Дверь в казарму в течение всего времени чистки была закрыта на замок, и на улицу никого не выпускали. (**33**)

237

Я тоже лег на пол. Очень уж хотелось спать.

Разбудил меня чей-то громкий голос:

— Подъем, товарищи солдаты! Вы чего тут разлеглись, как алкаши подзаборные?!

С трудом разлепив веки, я посмотрел по сторонам. Голос принадлежал незнакомому офицеру.

— Выходим строиться на улицу!

Я с трудом встал на ноги и, отряхивая штаны, побрел к выходу из клуба. На улице было уже светло. (**260**)

28 августа 1967 г.

Начальник заставы ни капли не преувеличивал, когда говорил, что спрашивать с нас здесь будут гораздо больше, чем в обычной учебке. Свободного времени практически нет. Сразу же после завтрака нас увозят за город на полигон. Там целый день у нас проходят занятия. Мы учимся распознавать следы на КСП, целый день бегаем с автоматами, преследуя мнимых нарушителей государственной границы, роем окопы для организации заслона и многое другое.

Обед нам привозят в огромных термосах прямо на полигон. В казарму мы возвращаемся только к ужину. А там сил уже едва хватает на то, чтобы кое-как привести в порядок свой внешний вид и доползти до кровати после команды «отбой».

Но и ночью учеба не оставляет нас в покое. Уже два раза нас поднимали по тревоге, и мы бежали строем по ночному городу в полной экипировке в неизвестном направлении. Пробегав так до самого рассвета, мы возвращались в казарму и, изможденные, снова падали на свои кровати, чтобы ухватить оставшиеся до подъема минуты сна.

Сегодня у нас стрельбы. В первый раз.

Нас привезли на стрельбище и распределили по учебным точкам. Наше отделение попало на «прицеливание». К дереву был приколочен стенд с рисунками, на которых был изображен прицел и мишень. Наш командир отделения сержант Чернов долго объяснял нам, что и с чем нужно совмещать и на чем нужно фокусировать взгляд для того, чтобы выстрел был точным.

После чего мы перешли на следующую учебную точку, а другое отделение — на нашу. Полдня мы учились снаряжать магазины патронами, правильно выдвигаться на огневой рубеж и пристегивать магазин к автомату.

— Ни в коем случае не сопровождайте затвор рукой при передергивании, — объяснял сержант. — Отвели назад и резко отпустили.

Когда всем это уже порядком надоело, мы наконец-то выдвинулись в сторону поля с мишенями. Нам выдали по шесть патронов: три пробные и три зачетные. Стрелять нужно было по грудной мишени с кругами. Чтобы получить «отлично», нужно было выбить двадцать пять очков. Для оценки «хорошо» достаточно выбить двадцать одно. Но главное, чтобы было не меньше восемнадцати. Иначе отцы-командиры заклеймят позором и создадут серьезные проблемы, которых и без того хватает.

Я стрелял раньше в тире из воздушки. Неплохо получалось. Потом один раз в школьном тире из мелкашки. Тогда из двух выданных патронов один попал в десятку, а другой — в девятку. Преподаватель по НВП сказал, что новичкам везет.

Пока мы стояли на исходной позиции и ждали, когда мишени будут подготовлены для стрельбы, и все наблюдатели займут свои места, у ребят возникла мысль поспорить, кто больше очков выбьет.

Я неазартный человек. Потому от спора отказался. (**281**)

Я согласился. (**261**)

239

— К бою!

Пригнувшись, мы зигзагами побежали на огневой рубеж, на ходу пристегивая магазины к автоматам. Я лег на живот и передернул затвор:

— Рядовой Еременко к бою готов!

Рядом послышались доклады других ребят.

— По готовности, огонь!

Я прицелился и нажал на спуск.

Звука выстрела я как такового не услышал. Ствол автомата резко подкинуло вверх. По ушам сильно ударило, и в голове раздался оглушительный звон. Сердце выпрыгивало из груди. Справа и слева от меня раздавались чужие выстрелы.

Я снова нажал на спуск. Ствол снова подкинуло вверх. Звуки чужих выстрелов стали казаться значительно тише, чем секунду назад.

Я сделал еще один выстрел и доложил:

— Рядовой Еременко стрельбу закончил!

— Оружие к осмотру!

Мы отвели затворные рамы назад и удерживали их в таком положении, пока старший лейтенант Денисов не прошел мимо каждого и не сказал ему:

— Осмотрено.

Послышалась серия сухих щелчков от производимых нами контрольных спусков.

— Встать! К мишеням бегом… марш!

Мы подбежали к своим мишеням. В моей было всего две дырки: пять и семь очков. Третья пуля улетела в неизвестном направлении. Начальник заставы подходил поочередно к каждой мишени, заносил результаты в ведомость и обводил дырки мелом, чтобы не перепутать их со следующими результатами.

— На исходную бегом… марш!

Мы побежали обратно. Если и зачетные выстрелы будут у меня такими же, то мне не только не видать выигрыша, но и пара нарядов внеочередных наверняка от старшины прилетит. Нужно попробовать плавнее нажимать на спуск. Интересно, что там у остальных?

Мы снова выдвинулись на огневой рубеж. На этот раз я прицелился тщательнее, задержал дыхание и плавно нажал на спуск.

Отстрелявшись, мы снова побежали к мишеням. В моей снова было всего две дырки. На этот раз — восемь и десять. Слабая «троечка». Но о выигрыше в споре, конечно же, не могло быть и речи.

Но тут уж ничего не поделаешь. (**283**)

Пока начальник заставы записывал результаты у других, я достал из кармана карандаш и, не задумываясь, ткнул им в десятку. В бумажном покрытии мишени образовалась практически такая же дырка, как от пули. (**262**)

240

Я завалился на кровать и вскоре уснул. Проснулся от того, что кто-то кричал мне в самое ухо:

— Так! Это что у нас здесь такое?! Почему лежим на кровати?!

Я подскочил как ошпаренный. Передо мной стоял замполит нашей заставы старший лейтенант Будницкий. Он еще долго кричал на меня, говорил о моей несознательности и о том, что путь к измене Родине начинается именно с нарушения воинской дисциплины и с несоблюдения распорядка дня. Потом он вызвал старшину Горяева, мне вручили метлу и отправили подметать плац.

Во всем дежурный по заставе виноват. Урод! Просил же по-человечески его — предупреди, если кто в кубрик пойдет. Сам, небось, харю плющил в это время где-нибудь.

Я твердо решил, что как только закончу с плацем, пойду и разберусь с дежурным. (188)

Ладно. В конце концов, я сам виноват. Не спал бы — не попался бы в итоге. (285)

241

Я немного поостыл. Может, действительно, крепко уснул и не услышал ничего.

— Ладно. Живи. — сказал я дежурному. — Но ты мне теперь должен. Мне из-за тебя весь плац пришлось подмести.

Уже в который раз я подумал о том, что хорошо было бы уже поскорее попасть на границу. Там, я думаю, уже никто не будет такой ерундой заниматься, как этот Будницкий. (302)

242

Я рванул через двор. Но меня быстро нагнали, повалили на землю и начали бить ногами. Я закрывал голову руками и кое-как пытался уворачиваться от особенно болезненных ударов.

— Чтобы я тебя больше здесь не видел, — сказал здоровяк, когда они, наконец, от меня отстали. После чего вся группа удалилась обратно в ДК.

Прихрамывая на левую ногу и превозмогая боль, я вернулся обратно в казарму. Один. Захар появился только глубокой ночью — довольный, как мартовский кот. Я не спал.

— Дала! — с ходу сообщил он, плюхнувшись на мою кровать. — Прямо в подъезде.

— Рад за тебя, — мрачно ответил я и перевернулся на другой бок.

— А вот завидовать нехорошо, — сказал Захар, неправильно истолковав мое поведение. — Не переживай. В следующий раз и у тебя срастется.

Все тело у меня было в синяках. Хорошо, что лицо не пострадало. Я никому не стал рассказывать о том, что со мной произошло. (247)

243

— Ошибочка вышла.

— Ну, раз ошибочка вышла, то исправляй ее быстрей, — парень ткнул мне в грудь указательным пальцем. — Угости пивом меня и моих друзей.

— Согласен. Пошли в буфет. (**287**)

Поить пивом всю эту ораву не входило в мои планы. (**265**)

244

Я решил снова разыскать Валеру и расспросить о ней.

— Слушай, Валер, там девчонка симпатичная у стены стоит. Вон та, брюнетка. Она с кем-нибудь или одна? Ты не в курсе?

Валера посмотрел на девушку, о которой я говорил:

— А-а-а… Знаю ее. Это Танька Скворцова. Одна. Только я не советую. Сам пробовал как-то. Без вариантов.

Не смотря на предупреждение Валеры, я все равно решил познакомиться с ней. (**266**)

Остаток вечера я провел с Валерой и его друзьями. (**288**)

245

— Это, конечно, не Ленинград.

— А я люблю свой город. Не знаю, как тебе объяснить. Я чувствую, что он «мой». Понимаешь?

— Понимаю.

Некоторое время мы танцевали молча. Потом Таня сказала:

— Ладно. Мне идти пора.

— Давай я тебя провожу. А то поздно уже.

— Не надо. Я с подружкой здесь. Сейчас найду ее и пойдем. Ну, пока. Может, увидимся еще.

Таня ушла. Остаток вечера я провел с Валерой и его друзьями. (**288**)

246

Я залез под подол ее платья.

— Нет, — сказала Таня и мягко отстранилась от меня

Я попытался снова привлечь ее к себе. Но она не позволила.

— Мне пора. Пока.

Она повернулась и быстро побежала вверх по лестнице. Вскоре я услышал, как хлопнула входная дверь.

Я вышел на улицу. (**333**)

247

25 сентября 1967 г.

Окопы бывают разные. Бывают для стрельбы лежа. Бывают для стрельбы с колена. Бывают для стрельбы стоя. А бывают для танка или БТРа. Так же бывают окопы для отделения или для целого взвода или роты. Но все эти разновидности окопов объединяет одно — их очень трудно копать.

Старшина Горяев часто говорит, что тех, кто будет нарушать воинскую дисциплину, он заставит копать окоп для стрельбы стоя с лошади. Такого окопа, конечно, не бывает. Но то, что старшина может заставить его копать, ни у кого сомнений не вызывает.

Сегодня мы сдаем норматив по отрывке окопа для стрельбы лежа. Нужно уложиться в тридцать две минуты. Не так много времени для такого дела, скажу я вам по личному опыту. Мы уже много раз рыли такой окоп. Но впервые будем делать это на время. Трудность заключается в том, что копать его нужно лежа, не вставая с земли и не поднимая головы. Как будто бы мы попали под внезапный огонь противника и нам нужно окопаться.

Старший лейтенант Денисов ходил вдоль строя и смотрел на стрелки своих командирских часов, выбирая более удобный момент для того, чтобы засечь время:

— Застава, к отрывке окопов… приступить!

Мы разбежались по полигону и залегли. Я обратил внимание на естественную низину в земле, густо заросшую мхом. Если начать рыть ее продолжение, то половина окопа, считай, готова.

Я сполз в низину, отстегнул от пояса саперную лопатку и начал копать. (**268**)

Я решил не искушать судьбу и начал копать на ровной местности. (**290**)

248

Стиснув зубы, я продолжал копать. В норматив я в итоге не уложился. Из нашего отделения всего два человека успели отрыть окоп за отведенное время. К тому же, откидывая землю в сторону, я умудрился зарыть свой автомат. За что получил отдельный выговор от начальника заставы.

Рытье окопов в свободное время теперь мне точно обеспечено. (**291**)

249

Я прошелся строевым шагом. Это взбодрило. Стал отрабатывать различные строевые приемы.

Послышался лязг открываемой двери. Из казармы вышел старшина Горяев и осмотрелся. Увидев меня, он сказал:

— Еременко, сбегай, позови-ка мне сюда дежурного по заставе. Бардак у него тут на крыльце самый настоящий.

Я засомневался, могу ли я покидать свой пост.

— Ну, чего тормозим?! Я же сказал, бегом!

— Товарищ старшина, я ведь на посту.

— Эка невидаль — на посту он. Ты еще скажи, что действительно кого-то тут охраняешь. У тебя патроны-то есть?

— Нету.

— Ну вот. А я твой начальник. Ты должен беспрекословно делать то, что я тебе велю. Бегом за дежурным!

Я побежал в казарму. (**328**)

Я остался стоять на своем месте. (**257**)

250

Я закричал, что есть мочи, но тут же захлебнулся от сильного удара в живот. Дыхание перехватило, и я уже не мог издать ни одного звука, кроме сдавленного стона. Словно мешок картошки, меня взвалили на плечо и куда-то понесли. (**307**)

251

19 октября 1967 г.

С караула меня сняли. Днем я вместе со всеми отправился на занятия. А ночью снова заступил в караул.

На это раз все прошло без сучка без задоринки. Я добросовестно отстоял обе своих смены, ни на секунду не смыкая глаз и не отвлекаясь от службы даже в своих мыслях.

Проверять меня никто не приходил. И утром я благополучно сменился. (**271**)

252

Трогать клапан я не стал. Постепенно противогаз все больше наполнялся потом. И когда его уровень достиг носа, терпеть стало невыносимо.

И все же я упрямо продолжал бежать вперед. (**272**)

Я на секунду оттянул противогаз в сторону и слил из него мерзкий пот. (**309**)

253

Мы увидели палатку, из которой клубами валил дым.

— Справа в колонну по одному в палатку бегом марш, — скомандовал начальник заставы.

Хорошо, что я не стал трогать клапан на своем противогазе. (**310**)

Клапан из своего противогаза я вырвал. (**295**)

254

Задержав дыхание, я вошел внутрь палатки. Очнулся я от того, что кто-то хлопал меня по щекам. Я лежал на траве и видел перед собой только небо и озабоченное лицо старшего лейтенанта Денисова.

— Еременко, с тобой все в порядке? Что с твоим противогазом?

Осмотрев внимательно резиновую маску он сразу понял в чем дело.

Вечером, после ужина, когда у всех было свободное время, ко мне подошел старшина. (**311**)

255

В это раз я, пожалуй, откажусь. Какое-то нехорошее предчувствие у меня на этот счет. Лучше уж спокойно в казарме отсидеться. (**323**)

256

Сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди. Мы обогнули здание и оказались в закутке, образованном стеной ДК и высоким бетонным забором, к которому он прилегал вплотную. Я ликовал и был в предвкушении.

Но случилось то, чего я никак не ожидал. Дорогу к выходу из этого закутка перегородил рослый парень с финкой в руке. Вика отстранилась от меня и зашла ему за спину. Все мое возбуждение как рукой сняло. Я понял, что это была банальная ловушка.

— Давай сюда деньги. Живо! Только без глупостей. Вмиг порешу.

Руки парня были синими от татуировок. Судя по тому, как нож лежал в его ладони, он хорошо умел с ним обращаться.

Я достал деньги и бросил на снег под ноги грабителю.

— Хорошо. Теперь форму снимай.

Без денег еще как-то можно было бы прожить. Но вот потеря формы может обернуться очень серьезными проблемами. Все наказания, которым я подвергался до этого, покажутся детскими. Но с другой стороны вполне возможно, что сейчас на кону стоят моя жизнь и здоровье.

Я судорожно соображал, что же мне делать.

Я сделал вид, что снимаю форму, но неожиданно бросился на парня, пытаясь выбить нож из его руки. (**312**)

Победил инстинкт самосохранения. (**275**)

257

Я остался стоять на своем месте.

— Боец, ты туго соображаешь что ли?! — в голосе старшины послышалась угроза. Но он неожиданно смягчился. — Ладно. Я сегодня добрый. Давай сюда автомат. За тебя пока покараулю.

Я протянул старшине автомат. (**326**)

— Извините, товарищ старшина. Не дам. (**298**)

258

Я резко ударил зарвавшегося мотострелка в нос. Он схватился за лицо и протяжно завыл.

Остальные мотострелки начали подниматься со своих мест. (**316**)

259

19 января 1968 г.

Лечение мое заключалось в том, что три раза в сутки мне давали две таблетки — большую белую и маленькую желтую. Ну, и постельный режим, конечно. Первую неделю было очень тяжело. Высокая температура и сильный кашель не давали уснуть. Соседи по палате ворочались в своих кроватях и недовольно ворчали: «Достал уже туберкулезник этот». Но на второй неделе стало заметно легче. Температура

нормализовалась. Меня стали привлекать к уборке в санчасти и походам в столовую за едой для больных. Ровно через две недели меня выписали из санчасти как абсолютно здорового и отправили в расположение нашей заставы. Я действительно чувствовал себя значительно лучше. Правда, кашель до конца еще не прошел.

В тот же день, как я выписался из санчасти, меня вызвали к начальнику школы сержантского состава майору Петренко. Я знал, что распределение по заставам уже шло полным ходом. Но за такой залет меня могли запросто отчислить без присвоения сержантского звания.

Я вошел в кабинет майора Петренко. Кроме него там сидел старший лейтенант Денисов.

— Ну что, Еременко, оклемался? — спросил меня начальник школы сержантского состава. — Хотел я было тебя отчислить уже. Скажи спасибо начальнику заставы. — он кивнул в сторону старшего лейтенанта Денисова. — Заступился. Поедешь в «Нижне-Михайловку», на второй пограничной заставе отделение примешь под командование. Но ты не сильно-то обольщайся. Там тебе китайцы быстро рога пообломают. Пропадет желание по самоволкам бегать. (**317**)

260

На улице было уже светло.

Нас распределили на две учебные заставы и заселили в казармы. Мебели там никакой не было. Полдня мы носили со склада кровати, матрасы, тумбочки, столы и другое имущество. А потом до вечера драили полы под руководством нового старшины и командиров отделений.

Пока ничего сержантского в этой школе не чувствуется. (**186**)

261

Я согласился. Оставалось решить, на что будем спорить. Практически все в нашем отделении были курящими. Потому основная масса предлагала спорить на папиросы — с каждого по пачке.

Сам я тоже курил. (**301**)

Я не курил. (**282**)

262

В бумажном покрытии мишени образовалась практически такая же дырка, как от пули. Но моя манипуляция не осталась незамеченной.

— Та-а-а-ак! А здесь у нас что происходит?! — рявкнул начальник заставы. — У нас здесь, похоже, умник завелся. Как ваша фамилия, рядовой?!

— Еременко.

— Так, так, так, — старший лейтенант Денисов пробежал глазами по оценочной ведомости. — Какой у вас первый результат? Ага! Двенадцать! Вот так и запишем: «двенадцать», оценка «неудовлетворительно».

В итоге от старшины мне прилетела даже не пара, а тройка внеочередных нарядов. И у начальника заставы теперь я был на плохом счету. А победил Саня Захаров, который выбил двадцать два очка.

В дополнение ко всем обрушившимся на меня несчастьям, звон в ушах никак не хотел проходить. (**187**)

263

Я ударил дежурного в челюсть. Парень упал на пол, закрыл лицо руками и жалобно заскулил.

— Из-за тебя все, придурок! — напоследок я ударил его ногой и ушел.

Скорее бы уже на границу что ли попасть. Там, я думаю, нет таких уродов, как этот Будницкий. (**302**)

264

Я понял, что нужно попытаться как-то деликатно выйти из этой щекотливой ситуации.

— Вообще-то она сама мне глазки строила. (**286**)

— Осади, братва! — сказал я. — Кто старший у вас здесь? (**303**)

— Извини дружище, — я миролюбиво поднял руки вверх. — Ошибочка вышла. (**243**)

265

Поить пивом всю эту ораву не входило в мои планы. Потому я сделал вид, что согласен, пошел в сторону входа в ДК и как только вышел из «окружения» рванул что есть мочи через двор. (**242**)

266

Я все равно решил познакомиться с ней.

— Таня! Привет! — я радостно помахал ей, как старой знакомой.

— Мы знакомы? — настороженно спросила девушка, когда я подошел ближе.

— Ты не помнишь меня? Мы с тобой в третьем классе за одной партой сидели.

Девушка нахмурила красивый лобик:

— Что-то не припоминаю. И что, ты меня вот так вот сразу узнал?

— Конечно! Ведь я еще тогда был безумно в тебя влюблен. Но злые родители решили разлучить нас и увезли меня в Ленинград. Когда я вырос, то долго искал тебя. И вот, наконец, нашел. Ты выйдешь за меня замуж?

— Надо подумать, — улыбнулась Татьяна. — А в какой, говоришь, школе мы с тобой вместе учились?

— Номер сей школы, к сожалению, не осел в моей детской голове. Но твои прекрасные глаза навсегда врезались в мою память.

— Как зовут-то тебя, рыцарь?

— Алексей, — я склонил голову в бравом поклоне. — Сударыня, разрешите пригласить вас на танец?

Мы танцевали. Потом пошли в буфет, и я угостил Таню соком. Мы много разговаривали. И снова танцевали. Когда начался медленный танец, я обнял ее за талию, склонился над ее ушком и тихо напевал слова песни, которая в этот момент звучала из динамиков:

«Как же быть, как быть, запретить себе тебя любить…

Не могу я это сделать, не могу.

Лучше мне уйти, но без грустных нежных глаз твоих

Мне не будет в жизни доброго пути…»

— Леш, а ты ведь уедешь потом? Когда доучишься. — спросила она, подняв на меня свои прекрасные глаза.

— Может, уеду. А может, останусь. Как распределят. Но это еще не скоро будет. В конце января. А может, потом, после дембеля приеду. Если захочу…

Я опустил руку с талии на ее округлую попу. (**304**)

Я поднял ее над полом и закружил по залу. (**320**)

267

— Очень нравится. Особенно люди, которые в нем живут.

— Вот-вот! Мне тоже кажется, что у нас необычные люди живут. Отзывчивые, что ли. Не такие, как в больших городах. Как в Москве, например. Там все заняты только собой. Все время спешат куда-то. Никого вокруг не замечают. У нас по-другому все.

Некоторое время мы танцевали молча. Потом Таня сказала:

— Мне идти пора. Проводишь меня?

— Конечно.

Мы вышли на улицу. (**289**)

268

Я сполз в низину и начал копать. Но не успел я снять и верхнего слоя земли, как ко мне подошел командир нашего отделения сержант Чернов. Он сразу понял, в чем заключался мой замысел и обратился к начальнику заставы:

— Товарищ старший лейтенант! У нас тут жульничает один.

Подошел старший лейтенант Денисов и посмотрел на мой едва начатый окоп:

— Что значит жульничает?! Мы что тут, в карты играем? Вот скажи, Чернов, если вдруг ты под обстрел попадешь, и тебе нужно будет окапываться, как ты

поступишь? Используешь в своих интересах рельеф местности и естественные укрытия или наоборот — ляжешь на самое открытое место?

— Конечно, использую!

— Вот и я о том же. Молодец, Еременко. Продолжай.

В норматив я уложился без особых проблем. (**291**)

269

Я не торопился заходить далеко. Мы продолжали целоваться. И я нежно гладил ее грудь рукой. Судя по всему под платьем у нее ничего не было. Я нащупал рукой верхнюю завязку, потянул ее вниз и просунул ладонь в приоткрывшийся вырез. Мои пальцы коснулись горячей кожи и нащупали твердый сосок. Таня дрожала всем телом в моих объятиях.

Вдруг она резко вырвалась и побежала вверх по лестнице, запахивая на ходу платье. Вскоре я услышал, как хлопнула входная дверь.

Я постоял немного и вышел на улицу. (**333**)

270

После ужина мы стояли в строю и ждали, когда старшина зачитает фамилии тех, кто заступает ночью в караул.

С самого первого дня нашего прибытия в школу сержантского состава, каждую ночь два человека заступают в караул по охране и обороне нашей казармы. Караул этот носит чисто учебный характер. Боевых патронов не дают. После отбоя нужно по очереди по два часа ходить вокруг здания казармы. И так до подъема заставы. Потом вместе со всеми на занятия.

— Итак, в караул сегодня заступают… Ахметгараев и … Еременко.

Блин! Бессонная ночь сегодня обеспечена. Но рано или поздно должны были и меня назначить. Мы вышли из строя и пошли готовиться. Перед тем, как построить заставу для отбоя, старшина проверил нас на знание обязанностей:

— Еременко, что запрещается часовому?

— Спать, сидеть, прислоняться к чему- либо, писать, читать, петь, разговаривать, есть, пить, курить, отправлять естественные надобности или иным образом отвлекаться от исполнения своих обязанностей, принимать от кого бы то ни было и

передавать кому бы то ни было какие-либо предметы, досылать без необходимости патрон в патронник, — бодро отрапортовал я.

— Хорошо. Ахметгараев, тот же вопрос.

— Часовому запрэшается сидэть, лэжать, — вяло начал Ахметгараев. — Говорыть, брать прэдметы, отправлять бэз надобности естэствэнные надобности…

Я прыснул от смеха.

— Эх, Ахметгараев, Ахметгараев… Чурка ты безмозглая. Сниму с караула. Будешь туалет драить.

Ахметгараев насуплено молчал.

— Еременко заступаешь первой сменой. Шагом марш получать оружие. Через два часа дежурный произведет смену. (**325**)

271

28 ноября 1967 г.

— Застава, подъем! Тревога!

Сквозь сон я не сразу понял значение этой команды. Но, придя в себя, я сразу же вскочил с постели, схватил одеяло и побежал к своему окну. К одеялу были пришиты небольшие петельки. Эти петельки я надел на гвозди, прибитые вдоль оконной рамы. Одеяло плотно закрыло собой проем.

Другие ребята проделывали те же самые манипуляции. Каждый с закрепленным за ним окном. Как только все окна оказались плотно занавешены, в казарме загорелся свет, и мы спешно начали одеваться.

Мы не знали, учебная это тревога или боевая. Нам доведут это позже. А окна нужно занавешивать для того, чтобы никто не знал, что подразделение поднято по тревоге.

Получив оружие и боеприпасы, мы выходили строиться на улицу. Начальник заставы уже был здесь. Как только последний человек встал в строй, старший лейтенант Денисов сказал:

— Товарищи солдаты, это учебная тревога. Группа вооруженных лиц нарушила государственную границу и проникла вглубь советской территории на пять километров. Нам предстоит совершить марш-бросок на десять километров, выставить заслон и перехватить нарушителей. Задача ясна?

— Так точно, — вяло ответили мы. Бежать, ясное дело, никому не хотелось. Тем более среди ночи.

— Не слышу!

— Так точно! — хором грянули мы.

— Ну вот. Совсем другое дело. Тогда слушаем следующую вводную. Ближайшие три километра пути нам предстоит преодолеть по зараженной территории. Внимание, застава! Газы!

Все, в том числе и сам начальник заставы, достали свои противогазы и одели их на голову.

— Бегом… марш!

Бежать в противогазе было очень тяжело. Дышать было трудно. К тому же постепенно он начал наполняться соленым едким потом.

Я знал, что дышать тяжело в первую очередь из-за резинового клапана, который работает только при выдохе и не пускает воздух внутрь.

Но трогать его я не стал, так как если бы мы сейчас действительно бежали по зараженной территории, то я сразу же погиб бы. (**252**)

Я выдрал клапан, и дышать сразу же стало легче. (**294**)

272

И все же я упрямо продолжал бежать вперед. В итоге, я вдохнул собственный пот и чуть не захлебнулся им. Я сорвал противогаз с лица и остановился. Меня начало рвать. Когда желудок успокоился, я поднял голову и увидел стоящего рядом старшину.

— Ты закончил? — в противогазе голос его был сильно искажен. — Тогда надевай противогаз и бегом марш догонять остальных.

Я послушно натянул противогаз на голову и побежал дальше.

Пробежав около трех километров по территории учебки, мы забежали за клуб и увидели стоящую там большую палатку, из которой клубами валил дым. (**253**)

273

Я подошел к начальнику заставы и во всем признался ему. Он дал мне время, чтобы я привел противогаз в порядок, после чего запустил меня внутрь палатки к остальным ребятам.

Из-за дыма я не видел собственной руки, которую поднял перед глазами. От этого было сильно не по себе. Наконец прозвучала долгожданная команда:

— Застава, выходим строиться на улицу. Отбой газы.

Мы построились и побежали дальше. Уже без противогазов.

Вечером, после ужина, когда у всех было свободное время, ко мне подошел старшина. (**311**)

274

Вскоре мы были у дверей ДК. На этот раз он встретил нас зажигательной джазовой мелодией. Никого знакомого я не видел. Но Санек сразу отыскал в толпе ту девушку, с которой в прошлый раз у него все весьма благоприятно сложилось, и куда-то с ней исчез.

Я немного постоял у стены. Но вскоре заметил девушку, которая явно поглядывала в мою сторону. Она была невысокого роста, с русыми короткострижеными, почти как у мальчика, волосами. Но эта прическа очень шла ей. В довершение всего у нее были огромные красивые глаза. Она заметила, что я смотрю на нее, и опустила глаза в пол. (**297**)

275

Победил инстинкт самосохранения. Я снял с себя форму и бросил ее к ногам грабителя, оставшись в одном только нательном белье. Тот поднял с земли форму и деньги, и парочка скрылась за углом.

Я немного помялся с ноги на ногу, не зная что делать дальше, и побежал в казарму, боясь околеть. (**313**)

276

Я молчал, как партизан на допросе в гестапо.

— Молчишь? Ну-ну. Пять суток ареста вам, рядовой Еременко.

— Есть пять суток ареста. (314)

277

Выводной отвел меня в камеру. В ней уже сидели пятеро мотострелков. Накидав шинели на широкую откидную скамью, служившую по совместительству еще и нарами, они все вместе расположились на ней.

— О! Погранца к нам привели! — сказал один из них при виде меня и соскочил с нар. — Слышь, погранец, мест-то у нас здесь уже нет. Придется тебе на полу спать.

— Слышь, шуруп, а может тебе самому на пол прилечь? (299)

Я резко ударил зарвавшегосямотострелка в нос. (258)

Я, молча, присел на пол в углу камеры. (315)

278

5 января 1968 г.

Сон на холодном и сыром полу не пошел мне на пользу. Покинув «гостеприимные» стены гауптвахты, я сразу же оказался в санчасти с высокой температурой. (259)

279

8 января 1968 г.

Близится конец нашего обучения. Распределение идет полным ходом. Сегодня, наконец, пришел и мой черед. Меня вызвал к себе начальник школы сержантского состава майор Петренко. Я вошел к нему в кабинет. Там были еще два человека: начальник нашей учебной заставы старший лейтенант Денисов и еще один незнакомый мне офицер. Как впоследствии оказалось, это был начальник первой пограничной заставы старший лейтенант Кравцов.

— Товарищ майор, рядовой Еременко по вашему приказу прибыл.

— Интересуются тут тобой, Еременко, — сказал майор Петренко.

— Разрешите, я сам все ему объясню? — спросил незнакомый офицер у начальника школы сержантского состава. Майор Петренко кивнул и тот продолжил. — Алексей, я начальник первой пограничной заставы «Кулебякины сопки». Застава у нас не простая. Я бы сказал — образцовая. Я тут твое личное дело полистал… Ты, говорят, стреляешь хорошо?

Стрелял я действительно неплохо. Уже давно на каждом зачете уверенно выбивал «отлично».

— Так вот мне на заставе командир отделения новый нужен, — продолжил начальник первой погранзаставы. — Поедешь ко мне служить?

— Поеду, — кивнул я. (**318**)

— Нет. Спасибо. (**324**)

280

Я смотрел на них с презрением и продолжал ворочаться на неудобном стуле, прислоняясь то к одному подлокотнику, то к другому. Наконец, удалось задремать.

Разбудил меня чей-то громкий голос:

— Подъем, товарищи солдаты! Вы чего тут разлеглись, как алкаши подзаборные?!

Я открыл глаза и осмотрелся. Голос принадлежал незнакомому офицеру с погонами капитана.

— Выходим строиться на улицу!

Я встал со стула, и тут мою ногу как будто пронзило миллиардом маленьких иголок. Я замер на месте, боясь пошевелиться. Постою так, пока восстановится кровообращение.

— А тебе что, особое приглашение нужно?! — капитан хлопнул меня по спине.

Я вскрикнул и, стиснув зубы, поковылял к выходу из клуба. На улице было уже светло. (**260**)

281

От спора я отказался. Мы вышли на исходную позицию.

— Отделение! — скомандовал начальник заставы. — К бою! Пригнувшись, мы зигзагами побежали на огневой рубеж, на ходу пристегивая магазины к автоматам. Я лег на живот и передернул затвор:

— Рядовой Еременко к бою готов!

Рядом послышались доклады других ребят.

— По готовности, огонь!

Я прицелился и нажал на спуск.

Звука выстрела я как такового не услышал. Ствол автомата резко подкинуло вверх. По ушам сильно ударило, и в голове раздался оглушительный звон. Сердце выпрыгивало из груди. Справа и слева от меня раздавались чужие выстрелы.

Я снова нажал на спуск. Ствол снова подкинуло вверх. Звуки чужих выстрелов стали казаться значительно тише, чем секунду назад.

Я сделал еще один выстрел и доложил:

— Рядовой Еременко стрельбу закончил!

— Оружие к осмотру!

Мы отвели затворные рамы назад и удерживали их в таком положении, пока старший лейтенант Денисов не прошел мимо каждого и не сказал ему:

— Осмотрено.

Послышалась серия сухих щелчков от производимых нами контрольных спусков.

— Встать! К мишеням бегом… марш!

Мы подбежали к своим мишеням. Вмоей было всего две дырки: пять и семь очков. Третья пуля улетела в неизвестном направлении. Начальник заставы подходил поочередно к каждой мишени, заносил результаты в ведомость и обводил дырки мелом, чтобы не перепутать их с последующими результатами.

— На исходную бегом… марш!

Мы побежали обратно. Если и зачетные выстрелы будут у меня такими же, то пара нарядов внеочередных наверняка от старшины прилетит. Нужно попробовать плавнее нажимать на спуск. Интересно, что там у остальных?

Мы снова выдвинулись на огневой рубеж. На этот раз я прицелился тщательнее, задержал дыхание и плавно нажал на спуск.

Отстрелявшись, мы снова побежали к мишеням. На это раз все три пули были на месте: две восьмерки и десятка.

Старший лейтенант Денисов подошел к моей мишени:

— Так, что тут у нас? Двадцать шесть! Как фамилия?

— Еременко!

— Молодец, Еременко! Пока это лучший результат за сегодняшний день.

Я получил заслуженное «отлично». В итоге, из всей заставы никто так и не смог выбить больше очков, чем я! Эх, нужно было поспорить.

Беспокоило меня то, что звон в ушах никак не проходил. (**187**)

282

Я не курил. И потому предлагал спорить на плитки шоколада. Меня поддержали еще двое ребят из отделения. В итоге и остальные согласились с моим предложением. Всего нас было десять человек. Победитель получает все.

Мы вышли на исходную позицию.

— Отделение! — скомандовал начальник заставы. — К бою! (**239**)

283

Но тут уж ничего не поделаешь.

Старший лейтенант Денисов подошел к моей мишени:

— Так, что тут у нас?

— Восемнадцать, товарищ старший лейтенант, — грустно сказал я.

— Ошибаетесь, рядовой Еременко. Посмотрите внимательно на свою восьмерку.

Я пригляделся к отверстию в мишени. Дырка была двойной! Сначала мне показалось, что это пуля оставила такой рваный след. Но на самом деле это два выстрела пришлись практически в одну точку.

— Двадцать шесть, — сказал начальник заставы. Пока это лучший результат за сегодняшний день.

Я получил заслуженное «отлично». В итоге, из всей заставы никто так и не смог выбить больше очков, чем я! Так что в нашем споре я стал полноправным победителем.

Беспокоило только то, что звон в ушах никак не проходил. (**187**)

284

Я решил провести свободное время на скамейке в курилке возле казармы. Был теплый осенний день. Я сидел на улице и откровенно скучал. Парадокс. Мы все так долго ждали, когда же у нас наконец-то будет свободное время. А теперь, когда вот оно — целых полдня, я не знал чем себя занять.

Несколько человек пошли за казарму играть в футбол. Но у меня для этого не было ни сил, ни желания. Два человека подметали плац — явно залетчики. Но основная масса бесцельно бродила по территории, точно так же как и я, не зная чем себя занять и что же делать с этим неожиданно свалившимся на наши головы «свободным временем». (**302**)

285

Не спал бы — не попался бы в итоге. Уже в который раз я подумал о том, что хорошо было бы уже поскорее попасть на границу. Там, я думаю, уже никто не будет такой ерундой заниматься, как этот Будницкий. (**302**)

286

— Вообще-то она сама мне глазки строила.

Не успел я договорить эту фразу, как получил сокрушительный удар в ухо. Осознав, что попал в серьезную передрягу, я попытался бежать и рванул через двор. (**242**)

287

— Пошли в буфет.

Денег я не пожалел и на все, что у меня было, угостил ребят пивом. Здоровяка звали Валерой. Выпили за знакомство.

— Валер, ты извини, что так получилось. Я ведь не знал, что это твоя девушка. А где она, кстати?

— Да хрен ее знает. Опять, наверное, танцует с кем-нибудь. Каждый раз так. Надоело уже. Брошу ее, к черту.

Поболтав еще немного с новым знакомым, я снова вернулся в толпу танцующих. (**319**)

288

Остаток вечера я провел с Валерой и его друзьями. С его девушкой снова кто-то пытался познакомиться. На этот раз уже я вместе со всеми наехал на наглеца. Мы снова выпили. На этот раз уже за его счет.

Захара я так и не нашел. В казарму вернулся один. Отбой уже был. Я влез в окно в туалете, которое для нас предусмотрительно оставил открытым дежурный по заставе, разделся и лег на кровать.

Захар появился только глубокой ночью — довольный, как мартовский кот. Я не спал.

— Дала! — с ходу сообщил он, плюхнувшись на мою кровать. — Прямо в подъезде.

— Ну, ты даешь! Бли-и-и-ин. Завидно даже.

— А у тебя как?

— Да-а-а… — махнул я рукой. — Ничего интересного.

— Ладно. Я спать.

Захар ушел, оставив меня одного. Я еще долго лежал и не мог уснуть. (**305**)

289

Мы вышли на улицу. Было уже совсем темно. Непривычная после громкой музыки тишина давила на уши. Мы шли по пустым улицам и держались за руки.

— Вот мы и пришли. Это мой дом. — сказала Таня, когда мы остановились возле серой пятиэтажки. — Я на третьем этаже живу. В тридцатой квартире.

— Давай я тебя до квартиры провожу. А то мало ли что.

Мы зашли в подъезд. Лампочки на первых двух этажах не горели. Эх, а еще социализм строим, называется! Я шел первым. Таня за мной следом. Мы миновали лестничную площадку первого этажа. Я остановился, повернулся к ней, обнял ее и поцеловал. Поначалу она не отвечала на мой поцелуй. Но потом губы ее приоткрылись, и наши языки коснулись друг друга.

Сердце выпрыгивало у меня из груди. Казалось, что поцелуй длится целую вечность. Одной рукой я крепко обнимал ее за талию, другой скользил по ее телу, пока не остановился на упругой груди. Таня вздрогнула и часто задышала.

Я скользнул рукой вниз и залез под подол ее платья. (**246**)

Я боялся отпугнуть ее. И потому не торопился заходить далеко. (**269**)

290

Я начал копать на ровной местности. Труднее всего было снять дерн. Его приходилось разрубать лопаткой на небольшие прямоугольники и снимать целыми кирпичами. Копать лежа было очень неудобно. Работа продвигалась крайне медленно.

Но, стиснув зубы, я продолжал копать. (**248**)

Я решил схитрить. Пока никто не видит, я привстал на колени и откинул в сторону несколько больших комьев земли. (**306**)

291

9 октября 1967 г.

Сегодня наконец-то перешли на зимнюю форму одежды. Давно пора. Зуб на зуб не попадает. Особенно утром. Нам выдали зимние шапки-ушанки и шинели. Кроме того дали портянки из другого материала. Более плотные. С начесом. Ногам теперь значительно теплее в таких портянках. А еще выдали второй комплект нательного белья. Тоже более плотный. (**334**)

292

Я продолжал сидеть на ящике и не заметил, как задремал. Проснулся от резкого удара. Меня повалили на землю, надели на голову пыльный мешок и стали вязать руки за спиной.

Я закричал, что есть мочи. (**250**)

Я вслушивался, замерев. (**321**)

293

Мешок с головы сняли. Я увидел стоящих надо мной старшину Горяева и командира второго отделения сержанта Мусаева.

— Ты, Еременко, наверное, китайцам нас всех решил продать? — спросил старшина.

— Н-н-никак нет, товарищ старшина.

— А какого ж хрена ты тогда на посту спишь?!

— Виноват.

— Виноват, — кивнул старшина. — Еще как виноват.

Сержант Мусаев склонился надо мной и тихо сказал:

— Расскажешь кому из офицеров, что было — убью.

Они ушли, оставив меня одного. Я полежал еще немного на траве, оглядываясь по сторонам. Оказалось, что меня затащили за клуб. Я с трудом встал и побрел в казарму. (**251**)

294

Дышать сразу же стало легче. Но того, что произошло дальше, я никак не мог предусмотреть. Пробежав около трех километров по территории учебки, мы забежали за клуб и увидели стоящую там большую палатку, из которой клубами валил дым. (**253**)

295

Клапан из своего противогаза я вырвал. И поставить его на место вот так сразу было невозможно. Лезть в неисправном противогазе в задымленную неизвестно чем палатку не хотелось. Но еще больше не хотелось сознаваться в том, кто сделал этот самый противогаз неисправным.

Я решил рискнуть. Задержав дыхание, я вошел внутрь палатки. (**254**)

Я подошел к начальнику заставы и во всем признался ему. (**273**)

296

30 декабря 1967 г.

Завтра Новый год. Хотя какой может быть Новый год в армии. Вот на гражданке… Новый год всегда был для меня любимым праздником.

Правда, сегодня суббота. Санек Захаров снова предлагает идти с ним в ДК на танцы.

Но я, пожалуй, снова откажусь. (**323**)

На этот раз я, пожалуй, соглашусь. (**146**)

Так что вечером снова идем туда. (**86**)

Но, нет, спасибо. С прошлого раза еще все тело ломит. (**332**)

В это раз я, пожалуй, откажусь. (**255**)

297

Она заметила, что я смотрю на нее, и опустила глаза в пол. Я подошел к ней:

— Привет. Потанцуем?

Она кивнула, не поднимая глаз. Мы стали двигаться в такт музыке.

— Тебя как зовут? — спросил я ее.

— Вика. А тебя?

— Меня Леша.

Мы еще немного потанцевали под ритмичную музыку. Но тут начался медленный танец. Не долго думая, я обнял Вику за талию и притянул к себе. Она ничуть не сопротивлялась, а даже наоборот — подняла на меня свои огромные глаза. Наши лица были друг напротив друга. Между нашими губами было всего несколько сантиметров. Я решил не ослабевать натиск и поцеловал ее. Она закрыла глаза и откинула голову назад.

— Пойдем, подышим воздухом, — сказала она мне после продолжительного поцелуя и увлекла меня за собой в сторону выхода.

Когда мы оказались на улице, я снова обнял ее, начал целовать и беззастенчиво шарить руками по ее телу.

— Не здесь, — сказала она тихо. — Пошли за клуб.

Сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди. (**256**)

298

— Не дам.

— Молодец, Еременко. Служи! — с этими словами старшина снова скрылся в казарме, а я остался ждать свою смену. (**327**)

299

— Слышь, шуруп, а может тебе самому на пол прилечь?

— О-о-о! Слышь, пацаны. Да у нас тут борзый погранец завелся.

Остальные мотострелки начали подниматься со своих мест. (**316**)

300

22 января 1968 г.

На плечах теперь у меня были новенькие лычки младшего сержанта.

Старший лейтенант Кравцов лично приехал за мной на командирском ГАЗ-69 . По дороге он рассказал мне о погранзаставе, на которой мне предстоит служить. (**335**)

301

Сам я тоже курил. Двое некурящих предложили спорить на плитки шоколада. Но мы быстро убедили их в том, что в случае выигрыша уж папиросы-то они точно смогут у кого-нибудь выменять на шоколад. Всего нас было десять человек. Победитель получает все.

Мы вышли на исходную позицию.

— Отделение! — скомандовал начальник заставы. — К бою! (239)

302

20 сентября 1967 г.

— Лех, я тут земляка своего в отряде встретил — сержанта. Он мне одну интересную штуку рассказал. Вроде как тут в городе дом культуры недалеко есть. Там танцы по субботам… — сказал мне Саня Захаров, когда мы остались в курилке одни.

За последние дни мы довольно близко сошлись с ним, и теперь все время держались вместе.

— А чего ты в отряде делал-то? — спросил я его.

— Нас старшина на склады работать отправлял. Да не суть. Ну, так вот земляк этот говорит, что когда они в нашей учебке были, то чуть ли не каждую субботу по вечерам в этот ДК ходили, девок цепляли. Он и место мне сказал, где через забор удобнее перелезать.

— Что за место? — лениво поинтересовался я.

— За санчастью! Тут весь забор сверху солидолом измазан. Полезешь — сразу на построении запалишься. Это хозвзвод под руководством замполита все время мажет. Но они ведь тоже не дураки. Для своих лазейку оставляют каждый раз.

— Короче, ты на танцы предлагаешь идти, — подытожил я.

— Ну да!

— Нет, Захар. Это как-нибудь без меня. И без того проблем хватает. (247)

— Ну а что? Пошли! (189)

303

— Кто старший у вас здесь?

Здоровяк немного стушевался. Я же наоборот вел себя спокойно и даже развязно.

— Ну, я старший, — после длинной паузы сказал он.

— Как тебя зовут-то, старший?

— Валера.

— А меня Леха, — я пожал руку новому знакомому. — Значит так Валера, я здесь человек новый. Ты мне расскажи кто тут и что тут, чтобы у нас непоняток никаких не вышло. Я ж не фраер какой-нибудь, чтобы подругу у нормального пацана уводить.

Валера почесал свою крупную голову и по очереди представил мне своих друзей.

— Ладно, братва, я внутри если что. Валера, если какие-то проблемы у меня возникнут, то я на тебя тогда ссылаюсь. Лады?

Здоровяк неуверенно кивнул.

Я снова вернулся в толпу танцующих. (**319**)

304

Я опустил руку с талии на ее округлую попу. Она оттолкнула меня, влепила пощечину и убежала.

Остаток вечера я провел с Валерой и его друзьями. (**288**)

305

24 сентября 1967 г.

Я жутко не выспался в эту ночь и утром чувствовал себя отвратительно. Радует только одно — сегодня воскресенье. Потому гоняют не сильно. Правда, после обеда назначили строевой смотр. Потому приходится основательно готовить свой внешний вид. И обязанности военнослужащего не мешает повторить. Наверняка спрашивать будут. (**247**)

306

Я привстал на колени и откинул в сторону несколько больших комьев земли. Так и стал делать дальше. Как только начальник заставы или кто-нибудь из сержантов поворачивался в мою сторону, я плашмя падал на землю и, пыхтя, орудовал лопаткой под собой. Как только они отворачивались, я снова вставал на колени и отчаянно откидывал землю в сторону.

В норматив я уложился. Кроме меня из нашего отделения справились еще два человека. И те копали по такому же точно принципу, как и я. Остальных в свободное время ожидала тренировка по рытью окопов.

Я вообще не понимаю, как можно его откопать за это время! (**291**)

307

Словно мешок картошки, меня взвалили на плечо и куда-то понесли. Но несли недолго. Вскоре бросили на землю и начали бить ногами. Удары наносили в основном по ногам и по туловищу. По лицу не били.

Когда расправа надо мной была завершена, мешок с головы сняли. (**293**)

308

19 октября 1967 г.

Утром я узнал от ребят, что, оказывается, Ахметгараев уснул в свою последнюю смену. И старшина вместе с сержантами довольно сильно избили его за это.

Ахметгараев был серьезен и хмур. Но следов побоев на его лице не наблюдалось. Сегодня ему снова заступать в караул. Так сказать, будет искупать свою вину. (**271**)

309

Я оттянул противогаз в сторону и слил пот.

— Еще раз увижу, будешь круглые сутки у меня в противогазе ходить, — сказал заметивший это старшина Горяев. Хотя я сам несколько раз видел, как он проделывал подобную процедуру со своим противогазом.

Пробежав около трех километров по территории учебки, мы забежали за клуб и увидели стоящую там большую палатку, из которой клубами валил дым. (**253**)

310

Хорошо, что я не стал трогать клапан на своем противогазе. А то запросто сейчас травануился бы. Черт его знает, что это за дым. Может, газ какой.

Мы набились в палатку. Из-за дыма я не видел собственной руки, которую поднял перед глазами. От этого было сильно не по себе. Наконец прозвучала долгожданная команда:

— Застава, выходим строиться на улицу. Отбой газы.

Мы построились и побежали дальше. Уже без противогазов. Я ощущал такую легкость, что готов был бежать десять, двадцать, сто километров. Хоть на край света. Главное, чтобы без противогаза. (**296**)

311

Ко мне подошел старшина:

— А ты, Еременко, не расслабляйся. Пошли на улицу. Тебе предстоит совершить увлекательную трехкилометровую пробежку по окрестностям нашего учебного центр. В противогазе, разумеется. (**296**)

312

Я бросился на парня, пытаясь выбить нож из его руки. И это мне удалось! Финка описала в воздухе широкую дугу и скрылась во тьме. Но порадоваться данному факту я не успел. Грабитель нанес мне сокрушительный удар по лицу. Искры посыпались из глаз. Из носа брызнула кровь. Потеряв ориентацию в пространстве, я получил еще несколько болезненных ударов и повалился на снег.

Парочка скрылась за углом. Я приложил снег к разбитому лицу, посидел немного и побрел в казарму. (**330**)

313

31 декабря 1967 г.

— Где ваша форма? — допытывался замполит, в то время как я стоял перед строем. Отсутствие таковой он заметил сразу же, как прозвучала команда «подъем».

— Не знаю, товарищ старший лейтенант. Пропала куда-то. Украли, наверное. (**329**)

Я молчал, как партизан на допросе в гестапо. (**276**)

314

— Есть пять суток ареста.

На гауптвахту я попал впервые. Начгуб, старший прапорщик, мягко говоря, не был рад новоприбывшему под самый Новый год.

— Ну что, чудовище, — обратился он ко мне, — добро пожаловать. Я сделаю все для того, чтобы тебе, уродцу, эти пять суток ареста показались вечностью. Завтра же тобой лично займусь. А сейчас пшел с глаз моих!

Выводной отвел меня в камеру. (**277**)

315

Я молча присел на пол в углу камеры. Мотострелок еще немного постоял у меня над душой, видимо, раздумывая, чем бы еще попытаться меня поддеть. Но так ничего и не придумав, снова завалился на нары.

«С новым годом тебя, Алексей,» — грустно подумал я. (**278**)

316

Остальные мотострелки начали подниматься со своих мест. Я мало что мог сделать один против пятерых. Избили меня крепко.

Лежа на полу в луже собственной крови я грустно подумал: «С новым годом тебя, Алексей». (**278**)

317

22 января 1968 г.

Сегодня из отряда на вторую погранзаставу выезжает машина с тулупами. Я сел в нее и без какого-либо дополнительного сопровождения выехал навстречу новому месту службы. На плечах у меня были новенькие лычки младшего сержанта. (**435**)

318

— Поеду, — кивнул я.

— Ну, вот и договорились. Я не сомневался, что ты согласишься. (**300**)

319

Я снова вернулся в толпу танцующих. Захара по-прежнему нигде не было видно. Через некоторое время мое внимание привлекла невысокая стройная девушка с темными волосами и чувственными губами, которая одиноко стояла у стены.

Чтобы избежать возможных проблем, я решил снова разыскать Валеру и расспросить о ней. (**244**)

Я решил не терять времени и подошел к девушке. (**331**)

320

Я поднял ее над полом и закружил по залу. Она прижималась ко мне и счастливо смеялась.

— А тебе нравится наш город? — спросила она.

— Ну, как тебе сказать… Это, конечно, не Ленинград. (**245**)

— Очень нравится. (**267**)

321

Я вслушивался, замерев. Судя по всему, напавших на меня было двое. Тот, который связывал мне руки, что-то бубнил себе под нос явно не на русском языке. Похоже, что это какое-то кавказское наречие.

Словно мешок картошки, меня взвалили на плечо и куда-то понесли. (**307**)

322

— В умывальнике поскользнулся.

— В умывальнике, говоришь? Ну-ну. Застава, кулаки к осмотру.

Все послушно вытянули вперед руки со сжатыми кулаками. Осмотрев лица и руки всех солдат и не найдя никаких следов драки, старший лейтенант Будницкий остался крайне неудовлетворен.

— Ну, хорошо, рядовой Еременко. Раз у нас такие скользкие полы в умывальнике, то пять суток ареста вам.

— Есть пять суток ареста. (**314**)

323

31 декабря 1967 г.

В казарме с нами сегодня ночует старший лейтенант Будницкий. Новый год разрешили праздновать аж до часа ночи! С разрешения замполита мы сдвинули столы в ленинской комнате и накрыли их тем, что удалось купить или припасти для такого случая.

У Санька Захарова оказалась коробка конфет «Птичье молоко». Ахметгараев принес целую коробку мандаринов, которые прислали ему из дома. В магазине купили несколько вафельных тортов. Сержанты принесли чай и электрический самовар.

Мы сидели все вместе, пили чай и если разные вкусности. Такой Новый год был у меня впервые. Но, думаю, что запомню я его на всю свою жизнь. (**279**)

324

— Нет. Спасибо. С детства не люблю все образцовое.

— Да как ты смеешь так разговаривать с офицером, щенок! — вскипел майор Петренко. — Я знаю, куда ты у меня поедешь. Отправлю тебя в «Нижне-Михайловку», на вторую пограничную заставу. Там тебе китайцы быстро рога пообломают. Будешь знать, как с офицерами разговаривать. (**317**)

325

— Через два часа дежурный произведет смену.

Я вышел на улицу. Двери казармы закрыли за мной на замок. Я не спеша ходил вокруг здания и смотрел по сторонам. Время тянулось медленно, и я не знал чем себя развлечь. Хотел было спеть. Но тут вспомнил, что петь часовому запрещено. Стал петь про себя. Потом повторил некоторые статьи уставов. Тоже про себя. Потом пинал камешек вокруг казармы. Хотел сделать полный круг, но камушек отскочил в траву и затерялся.

Через два часа на пороге казармы возник заспанный Ахметгараев в сопровождении дежурного по заставе.

— Пост сдал, — сказал я.

— Пост прынял, — ответил мой сменщик.

Я сдал оружие, разделся и лег в постель. Через два часа снова на пост. Но сон как назло не шел. Только мне удалось задремать, меня разбудил дежурный:

— Еременко, вставай. Твоя смена.

Спать хотелось очень. Я с трудом поднялся с постели, оделся, получил оружие и снова вышел из казармы. На улице сильно похолодало. Мы доложили о смене, и я остался один.

Разок прошелся вокруг казармы. За то время, что службу нес Ахметгараев, ничего не изменилось. Та же казарма, та же трава, те же деревья, тот же пожарный щит с ящиком для песка.

Я сел на ящик и засунул лицо внутрь шинели. Через некоторое время внутри стало тепло и комфортно. Не уснуть бы.

Я встал и прошелся строевым шагом. (**249**)

Я продолжал сидеть на ящике. (**292**)

326

Я протянул старшине автомат и побежал в казарму. Вернулся с дежурным по заставе.

— Значит, так, — обратился старшина к дежурному. — Сейчас будите любого другого солдата и выставляете его на пост вместо Еременко. Еременко снят с караула за самовольное оставление поста и передачу оружия постороннему лицу. Да! Кстати! И порядок здесь наведите. А то не территория, а черт знает что.

— Но вы ведь мне сами сказали… — робко пытался противостоять я.

— Что я тебе сказал? Пост оставить? Или оружие боевое отдать в чужие руки? Не имеешь ты права такие приказы выполнять. Лучше нужно было обязанности часового учить. (**251**)

327

Я остался ждать свою смену. Наконец, на пороге снова появился Ахметгараев с дежурным, и я отправился спать. На этот раз уже до самого утра. (**308**)

328

Я побежал в казарму. Вернулся с дежурным по заставе.

— Значит, так, — обратился старшина к дежурному. — Сейчас будите любого другого солдата и выставляете его на пост вместо Еременко. Еременко снят с караула за самовольное оставление поста. Да! Кстати! И порядок здесь наведите. А то не территория, а черт знает что.

— Но вы ведь мне сами сказали… — робко пытался противостоять я.

— Что я тебе сказал? Пост оставить? Не имеешь ты права такую команду выполнять. Лучше нужно было обязанности часового учить. (**251**)

329

— Украли, наверное.

— Ах, украли?! Ну, это же в корне меняет дело! Пять суток ареста вам, рядовой Еременко.

— Есть пять суток ареста. (**314**)

330

31 декабря 1967 г.

— Что с вашим лицом? — допытывался замполит, в то время как я стоял перед строем. Следы побоев он заметил сразу же, как мы вышли из столовой после завтрака.

— Упал, товарищ старший лейтенант. В умывальнике поскользнулся. (**322**)

Я молчал, как партизан на допросе в гестапо. (**276**)

331

Я подошел к девушке.

— Почему вы не танцуете? — спросил я ее.

— Я вообще-то подругу жду, — ответила девушка после небольшой паузы. — Мы вместе домой собирались идти.

— И где же ваша подруга? Дайте угадаю. С парнем познакомилась, наверное, и танцует сейчас.

Девушка кивнула.

— А почему бы нам с вами тоже не познакомиться. Меня Алексеем зовут. Я могу скрасить минуты вашего ожидания. Вас как зовут?

— Татьяна.

— Татьяна, давайте потанцуем, — предложил я.

Она согласилась. Мы стали двигаться в такт музыке. Через некоторое время к нам подошла растрепанная девушка:

— Таня, мы с Колей уходим. Он на улице ждет. Пошли. Мы проводим тебя до дома.

Таня помахала мне рукой и направилась вслед за подругой к выходу. Я попытался остановить ее:

— Подожди. Давай еще потанцуем. Я потом сам тебя до дома провожу.

— Не надо. Спасибо. Может, увидимся еще. Пока.

Захара я так и не нашел. В казарму вернулся один. Отбой уже был. Я влез в окно в туалете, которое для нас предусмотрительно оставил открытым дежурный по заставе, разделся и лег на кровать

Захар появился только глубокой ночью — довольный, как мартовский кот. Я не спал.

— Дала! — с ходу сообщил он, плюхнувшись на мою кровать. — Прямо в подъезде.

— Ну, ты даешь! Бли-и-и-ин. Завидно даже.

— А у тебя как?

— Да-а-а… — махнул я рукой. — Ничего интересного.

— Ладно. Я спать.

Захар ушел, оставив меня одного. Я еще долго лежал и не мог уснуть. (**305**)

332

С прошлого раза еще все тело ломит. Не дай Бог еще раз встретить этих отморозков. Уж лучше в казарме поскучать. (**323**)

333

Я вышел на улицу. В ДК решил не возвращаться. Пошел в казарму.

Отбой уже был. Я влез в окно в туалете, которое для нас предусмотрительно оставил открытым дежурный по заставе, разделся и лег на кровать. Захара все еще не было. Он появился только глубокой ночью — довольный, как мартовский кот. Я не спал.

— Дала! — с ходу сообщил он, плюхнувшись на мою кровать. — Прямо в подъезде. А у тебя как?

— Да, нормально все, — неопределенно сказал я.

— Рассказывай, давай! Чего у тебя там?

— Да, ничего. Давай спать.

Захар ушел, оставив меня одного. А я еще долго лежал и не мог уснуть. (**247**)

334

12 октября 1967 г.

Неожиданно сильно потеплело. Мы целый день паримся на полигоне в зимних шапках и шинелях. Но ничего не поделаешь. Приказ по гарнизону о переходе на зимнюю форму одежды уже был. Приходится терпеть.

Ребята пытаются хитрить и не надевают второй комплект нательного белья, пряча его под матрас. Но командиры отделений каждое утро проверяют комплектность нашего обмундирования и наказывают нарушителей формы одежды. (**270**)

Часть вторая:

Остров преткновения

335

— Наша застава охраняет участок советско-китайской границы вдоль реки Уссури. Место, надо сказать, не самое спокойное. Нарушителей часто задерживаем. Основная наша проблема заключается в том, что граница официально проходит по китайскому берегу, и река целиком принадлежит нам. Но китайцы часто рыбачат и ставят свои сети на Уссури. Раньше на это просто закрывали глаза. У китайцев, кстати говоря, и родственников много на нашей стороне. В приграничных поселках живут. Но с недавнего времени ситуация несколько изменилась — китайцы перестали дружелюбничать. Стали называть нас захватчиками и ревизионистами и говорить, что мы, мол, не по тому пути идем, и, вообще, это их территория. И, главное, все такие политически подкованные. У каждого цитатник Мао с собой…

— А с чего они вдруг решили, что это их территория? — спросил я, воспользовавшись паузой в рассказе.

— Да понимаешь… по всем международным нормам граница по главному фарватеру реки должна проходить… Но нас с тобой это не должно волновать. Есть официальная граница Союза Советских Социалистических Республик и точка. Сами-то рыбаки не могли до такого додуматься. Это их специально настраивают против пограничников. Ну, так вот как они перестали дружелюбничать, так начальник отряда отдал приказ выдворять нарушителей с советской территории.

— Товарищ старший лейтенант, а что значит выдворять?

— А то и значит — если зима, то гоним нарушителя по льду взашей до китайского берега. Летом попроще — докладываем в отряд, они бронекатер высылают. Но с каждым разом провокаторов все больше становится, и ведут они себя все наглее. Так что я свою заставу в повышенной готовности держу. В свободное от нарядов время постоянные тренировки. В наряд у меня все только через стрельбище заступают. Отстрелялся — пошел службу нести. Рядовых и сержантов лично для своей заставы подбираю.

Мы давно выехали из города, и сразу же по обе стороны от дороги стеной выросла непроходимая тайга. Дорога петляла и шла то в гору, то, наоборот, — с горы. Перед нами то вырастали огромные заснеженные сопки, то снова скрывались за деревьями.

Слушая старшего лейтенанта Кравцова, я откровенно загрустил. Выдворение китайских рыбаков — это не совсем то, чего я ожидал от службы на границе.

— Ты чего приуныл, Еременко? — спросил начальник заставы.

— Да так… Ничего.

— Тебе радоваться надо, что на вторую заставу не попал. Вот где служба, действительно, не сахар. В двадцати километрах от нашей заставы остров Даманский находится. Так вот там китайцы ведут себя так, как будто они его полноправные хозяева. Причем, сам остров им абсолютно не нужен. Он в длину-то чуть больше километра. Весной так его вообще наполовину затапливает. А нужен им не остров, а повод для конфликта. Выйдет на него зимой по льду толпа с плакатами. На плакатах портреты Мао и лозунги антисоветские. А кроме плакатов в руках ломы, багры и дубины. Пограничники начнут их вытеснять. Те — плакаты в сторону, дубины в ход. А приказ по границе строгий — оружие ни в коем случае по провокаторам не применять. Но и нарушений границы не допускать. Вот и крутись, как хочешь.

Асфальтовая дорога давно сменилась грунтовой. Машину подбрасывало на ухабах. Мы несколько раз чуть не слетели со скользкой дороги. Но водитель был мастером своего дела и ловко выводил машину из заносов.

Наконец, тайга расступилась. Мы выехали на открытое место и увидели нашу заставу. Это были несколько деревянных одноэтажных домиков, стоящие неподалеку друг от друга. Со всех сторон они были окружены лесом. Рядом с дальним от нас домом стояла огромная вышка — наблюдательный пост. В той же стороне неподалеку должна быть река Уссури.

Объявили построение заставы. (**401**)

336

23 января 1968 г.

У всех свободных от наряда сегодня стрельбы. Они сильно отличаются от тех, которые были у нас в учебке. Нет предшествующей им длинной и нудной тренировки. И патронов дали по полмагазина, а не как тогда — по шесть штук.

Пока ждали начала стрельб на исходной позиции, ко мне подошли двое сержантов. Это были командиры первого и второго отделений.

— Тебя Лехой зовут? — спросил один из них.

— Да.

— Я Миша Смирнов. Это — Колян Скворцов. Можно просто — Скворец.

Я пожал ребятам руки.

— Мы видели, как ты вчера со своим отделением заигрывал…

— Ничего я не заигрывал.

— Ты помолчи лучше и послушай, что старшие товарищи тебе говорят. Завязывай с этим. Будешь разводить панибратство — никакой дисциплины не будет. Старослужащих не бойся. Поможем, если что. Но палку тоже не перегибай. Дисциплина дисциплиной, а все по-человечески должно быть. Люди у нас разные служат. Условия не самые простые, сам видишь. А у всех оружие боевое в руках. Все понял?

Я утвердительно кивнул.

— Ладно, не дрейфь, граница! — он ободряюще похлопал меня по плечу. — Ты думаешь, ты первый такой? Где бы мы были, если бы не старшие товарищи?

Скворец, который до этого стоял молча, вдруг оживился. (**434**)

337

Честный спор — честный выигрыш.

После ужина я взял все съестные припасы, которые были привезены мной из отряда и подошел к сержантам, которые сидели на рядом стоящих кроватях и о чем-то лениво переговаривались.

Я поставил между кроватей табуретку и выгрузил на нее все, что у меня было: пачку халвы, пару банок консервов, коробку сахара, небольшой кусок соленого сала и несколько пакетов печенья.

— От нашего стола — вашему столу, так сказать, — сказал я ребятам.

— Вот это ты молодец! Вот это по-нашему!

Тут же был организован чайник с кипятком и кружки. Мы сидели, пили чай и разговаривали. Я рассказывал ребятам о школе сержантского состава, а они мне о службе на заставе.

— А этот упырь Будильник все еще там? — спросил Скворец.

— Ага.

— Блин! Помню, на Новый год мы с пацанами пивом запаслись. А он нашел бутылки, разлил все по взлетке и заставил полы мыть…

— Подумаешь, полы ночью помыли.

— Да дай я договорю! Там, в одной из бутылок мед был. Пацану из дома прислали. Он и его туда же.

— Да… Блин. Действительно упырь. (**420**)

338

— Это перебежчик с нашей территории.

Начальник заставы покачал головой:

— Плохо, Еременко. На самом простом тебя нарушитель подловил. Это китайская сторона границу нарушила. Об этом четко говорит характер следа. Ладно. Будем считать, что с наблюдательного поста тебе доложили, что нарушитель двигался с китайского берега в нашу сторону. Твои дальнейшие действия? (**404**)

— Пущу собаку по следу. (**420**)

— Отправлю группу для организации заслона. (**360**)

339

— Машина тебя уже ждет у казармы.

Я взял свое отделение, и мы побежали обратно на заставу. У казармы действительно ждал ГАЗ-63. Ребята залезли в кузов. А я сел в кабину к водителю.

Мы проехали вглубь нашей территории на несколько километров. После чего я велел водителю остановиться, а отделению приказал растянуться в цепь и окопаться.

Расчет оказался верным. (**405**)

23 февраля 1968 г.

Сегодня праздник — «День Советской Армии и Военно-Морского флота». На обед помимо всего прочего давали яблоки и конфеты. Поздравить нас приехало руководство отряда. Несколько грузовиковпривезли артистов и оркестр.

Сцены у нас никакой не было. Потому поступили по-военному — грузовики с откинутыми бортами подъехали вплотную друг к другу. Получилась ровная и широкая деревянная платформа. Мы вынесли из казармы все стулья и табуретки, расставили их ровными рядами и сели смотреть концерт прямо на улице.

Сначала была официальная часть. С поздравлениями выступил начальник пограничного отряда полковник Литвин. Потом выступал начальник политотдела. Старшему лейтенанту Кравцову вручили грамоту, а старшине Фролову и нескольким сержантам объявили благодарность. Оркестр играл туш. Мы хлопали.

Потом был концерт. Девушки в цветных сарафанах и меховых шубках танцевали русские народные танцы. На них было очень приятно смотреть. Особенно мне понравилась одна темненькая, с волосами до плеч и красивыми глазами, которая кружилась в центре. Когда они закончили танцевать и убежали со сцены, мы хлопали, как ненормальные.

Потом вышли двое ребят с гитарами и стали петь военные песни. Я заметил, что девушка, которая мне понравилась, подошла к полковнику Литвину и взяла его под руку. Он в тот момент стоял и разговаривал с нашим начальником заставы.

— Мих, ты ее знаешь? — толкнул я локтем в бок сидящего рядом сержанта Смирнова и показал на девушку.

— А! Это Настя. Дочка нашего начальника отряда. Красивая, да?

— Красивая…

Я смотрел на девушку и не мог отвести глаз. Она заметила мой взгляд, смутилась, сначала опустила глаза, но потом снова посмотрела на меня.

Концерт закончился, и вся процессия снова погрузилась в машины и выдвинулась на следующую заставу.

— Еременко, ты чего сидишь? — спросил старший лейтенант Кравцов. — Ты помнишь, что дежурным по заставе сегодня заступаешь?

Я посмотрел по сторонам. Рядом уже никого не было. Все разошлись, забрав с собой стулья. Я действительно обо всем забыл. (**381**)

341

— Застава, подъем! Тревога!

Ребята без лишних вопросов повскакивали со своих постелей и начали одеваться. Я тем временем вскрыл оружейку, снял телефонную трубку и позвонил начальнику заставы.

На другом конце послышался сонный голос:

— Кравцов слушает.

— Товарищ старший лейтенант, нарушитель на льду! Со второго поста доложили!

— Один?

— Так точно! Один!

— Заставу поднял?

— Так точно!

— Молодец. Сейчас буду. В отряд не забудь сообщить.

Я позвонил в отряд. Через некоторое время в казарму прибыли старшина и начальник заставы. (**406**)

342

Я взял сверток. Ко мне тут же подскочил начальник заставы и выбил его из рук.

— Ты что, с ума сошел?! — закричал он на меня. — Ничего не принимать из рук нарушителей.

Мы потащили сопротивляющихся китайцев в сторону их берега. (**383**)

343

Вернулся личный состав заставы. Ребята были уставшими и злыми. У некоторых на лицах виднелись синяки, ссадины и запекшаяся кровь. Парни сдавали оружие, раздевались и сразу же шли умываться.

Я подошел к офицеру в черном полушубке с погонами старшего лейтенанта и представился:

— Младший сержант Еременко прибыл для дальнейшего прохождения службы.

— Очень хорошо, Еременко. Давно ждем. Я начальник второй пограничной заставы «Нижне-Михайловка» старший лейтенант Салдаев. Посиди тут немного. Попозже с тобой разберемся.

Начальник заставы разделся по пояс, повесил вафельное полотенце на шею и, не снимая кобуры, болтавшейся на поясе, скрылся в умывальнике. Я терпеливо ждал.

Вскоре объявили общее построение заставы, и старший лейтенант Салдаев представил меня личному составу. Ребята смотрели на меня довольно скептически. Я понимал, что всех их связывает между собой нечто большее, чем просто служба на одной заставе. Для того чтобы заработать себе авторитет, мне придется серьезно потрудиться. (**496**)

344

Я упорно продолжал теснить провокаторов. Но силы были слишком неравны. Китайцы навалились на нас толпой. Мы упирались изо всех сил. Но ноги проскальзывали по снегу, а китайцы давили все сильнее.

Спас положение один из механиков-водителей БТР. (**384**)

345

7 июня 1968 г.

Вчера заступил дежурным по заставе. Сегодня утром с дальнего наблюдательного поста доложили, что китайцы приплыли на двух лодках и ставят на реке сети. Сообщил дежурному по отряду. Обещали выслать катер.

Когда пост сменился, и наблюдатель пришел сдавать оружие, я спросил у него, чем все закончилось. Он сказал, что минут через тридцать после его доклада приплыл наш бронекатер и порвал все сети. Китайцы начали стучать баграми по его бортам. Катер протаранил одну из лодок. Она перевернулась, и китайцы попадали в воду. Они влезли во вторую лодку и уплыли на свой берег. (**385**)

346

— Доложи дежурному. А мы пока здесь подождем.

Нестеров умчался. Минут через десять вернулся запыхавшийся, но довольный собой:

— Доложил!

— Красавчик, Нестеров. А что доложил-то?

— Что заметили следы.

— А где заметили, сказал?

— Никак нет.

— Ну, так беги еще раз — встречай. Они ведь на точку прибудут, а не сюда.

Нестеров снова умчался и прибежал уже с первым отделением во главе с начальником заставы.

Старший лейтенант Кравцов еще раз осмотрел следы. (**423**)

347

Ждать пришлось недолго. Через некоторое время раздался треск сучьев — кто-то пробирался через лес. На берег вышел человек, подошел к лодке и начал сталкивать ее в воду. Мы выскочили из засады и сбили нарушителя с ног.

Им оказался пожилой тощий китаец в огромных болотных сапогах и с грязным вещмешком. (**425**)

348

Я решил никому ни о чем не докладывать.

— Так, ребята! Слушайте меня внимательно. Особенно ты, Нестеров. Сплоховали мы с вами немного. И не доложили вовремя, и нарушителя упустили. Об этом не должна узнать ни одна живая душа.

— Само собой, — сказал Кузьмин.

— Так, может… — начал, было, Нестеров, но я сразу же прервал его:

— Никак «может», Нестеров. Ни одна живая душа. (**387**)

349

Примерно столько же единиц оружия увезла с собой вторая застава. Оружие сложили на стол в ленинской комнате. Автомат был точной копией нашего АК-47 с той только разницей, что на боковую сторону его были нанесены какие-то иероглифы. Карабины же были один в один похожи на наш СКС-45.

Мне стало интересно, как выглядят их патроны. Я взял в руки китайский автомат. Магазин к нему был пристегнут. Я отсоединил его и достал пару патронов. Они были также идентичны нашим. Тут я заметил, что автомат не стоит на предохранителе. Я резко отвел затворную раму назад. Из гильзовыбрасывателя вылетел патрон и упал на пол.

В ленинской комнате повисла гробовая тишина. Все молча смотрели на патрон, медленно катившийся по полу.

Один случайный выстрел… всего один, и случилось бы непоправимое. Едва ли кто-то смог бы потом сказать, чей выстрел был первым. (**370**)

350

Мы вернулись на заставу.

Вечером я сидел на кровати и пришивал оторванные в драке с китайцами пуговицы. На соседней кровати лежал командир первого отделения Вася Михеев, которого все звали просто Михей.

— Слушай, Михей, — спросил я его, — Я вот чего никак не пойму:

чего мы так за этот остров держимся? Отдать его китайцам, и дело с концом. (**440**)

Даманский ведь наш. Почему китайцы так себя ведут, как будто это действительно их территория? (**471**)

351

— Пошли. Давай только пожрать чего-нибудь возьмем.

В магазине купили хлеба, колбасы и бутылку «Столичной». Пили в кабине машины прямо из горлышка. Быстро захмелели. Мимо ковылял подвыпивший мужик.

— Лех, давай мужику тоже нальем?

— Давай. (**449**)

— Да ну его. (**477**)

352

Китайцев было человек пятьсот. Причем среди них было много женщин и детей. Нарушители границы кричали, били в барабаны, размахивали красными книжечками и портретами Мао. В руках у них были все те же багры и дубинки.

Но деваться нам было некуда. Мы выстроились в цепь бок о бок с ребятами из первой заставы, сняли автоматы и начали теснить ими провокаторов. Те начали лупить нас по головам.

Китайцев было очень много. И когда они навалились на нас всей массой, строй наш дрогнул. Снова подвела первая застава. Один из ребят поднял автомат вверх. Чтобы закрыть им голову от ударов. Шеренга сломалась, и в образовавшуюся брешь хлынули китайцы. Несколько человек из первой заставы оказались отрезанными от остальных. Эти сволочи повалили их на снег и начали топтать ногами.

Я понял, что нужно срочно что-то предпринять. Иначе ребята могут погибнуть. Я рванул к БТРам, которые стояли на берегу. Коля Быстров, наш механик-водитель, стоял, высунувшись из люка, и с беспокойством смотрел на дерущихся на льду. Он видел, что перевес явно на стороне противника и очень хотел помочь своим, но не мог. Покидать машину ему было строго запрещено.

Я запрыгнул в БТР и сразу встал к пулемету. (**441**)

Еще не добежав до БТРа, я крикнул ему:

— Заводи! (**472**)

353

Я побежал в сторону реки. Метрах в пятистах от берега прямо на льду шла ожесточенная драка наших пограничников с китайцами. Китайцы были вооружены баграми, ломами и деревянными палками. Наши пограничники держали автоматы за стволы и размахивали ими как дубинами.

Я побежал в сторону дерущихся. Как только я добрался до них, с ходу врезался в толпу китайцев, круша направо и налево их челюсти. Китайцев было в два раза больше, чем нас. Но все они были какими-то низкорослыми. А наши же ребята наоборот были высокими и крепкими. Так что каждый из нас без особого труда справлялся с двумя, а то и тремя китайцами. Вскоре нарушители отступили, унося с собой тех, кто не мог идти самостоятельно. Среди наших тоже были пострадавшие. У нескольких человек из разбитых носов, губ и бровей шла кровь.

Ко мне подошел офицер в черном полушубке с погонами старшего лейтенанта и спросил:

— А ты откуда такой боевой взялся?

— Младший сержант Еременко! — доложил я, приложив руку к головному убору. — Прибыл для дальнейшего продолжения службы на должности командира отделения.

— Молодец, Еременко. Салдаев моя фамилия. Начальник второй пограничной заставы «Нижне-Михайловка». Ладно, пошли. По ходу разберемся. (**436**)

354

6 марта 1969 г.

Сегодня на второй пограничной заставе будут похороны погибших. Говорят, что их похоронят прямо там, в братской могиле. Мне очень жаль ребят, которые погибли. До сих пор в голове не укладывается, что все это было на самом деле. Кошмар какой-то… (**376**)

355

20 мая 1969 г.

Больше месяца прошло с того дня, как мы слышали выстрелы со стороны Даманского. Все это время мы не знали ничего о том, что там происходило пятнадцатого марта. Но сегодня из госпиталя вернулся Нестеров. После его рассказа многое стало понятно.

Он рассказал, что пятнадцатого марта в госпиталь стало поступать много контуженых, ожоговых больных и с пулевыми ранениями. Оказалось, что их везут со второй погранзаставы. Он расспросил тех, кто был более или менее легко ранен о том, что произошло. Ребята со второй заставы рассказали, что утром

пятнадцатого марта китайцы начали вести массированный артиллерийский огонь по острову, который охраняли четыре наших БТРа. Одновременно туда выдвинулись около четырехсот китайских солдат. БТРы маневрировали по острову и сдерживали наступление. Но через несколько часов три из них были подбиты. Китайцы стали сосредотачивать на берегу большие группы пехоты по четыреста-пятьсот человек.

В бою принимали участи только пограничники. Мотострелки все это время были сторонними наблюдателями и ни во что не вмешивались.

Начальник отряда решил пойти в атаку на четырех танках и переломить ход боя. Он сам сел в головной танк и направился к острову. Но его танк был подбит. Сам он погиб. А три других танка получили повреждения и вернулись на заставу.

Был дан приказ на отход с острова. Китайцы начали занимать Даманский. Но тут из-за сопки полетели реактивные снаряды. Их было огромное количество. Целый град. Они падали на китайский берег один за другим. Огромная огненная лавина накрыла собой группы китайской пехоты. А потом все стихло.

Тут же с нашего берега выдвинулись на остров четыре БТРа мотострелков. Китайцы, окопавшиеся там, лишились огневой поддержки с берега и начали поспешно отходить.

Остров был полностью освобожден. Китайцы больше не делали попыток овладеть им. (**400**)

356

Я решил сделать это в официальной обстановке.

— Третье отделение, не расходимся, — сказал я им сразу после того, как начальник заставы всех распустил. — В одну шеренгу становись.

Несколько человек быстро встали в строй. Трое, судя по всему деды, недоуменно переглянулись, но, заложив большие пальцы рук за ремень, все же заняли свои места рядом с молодняком. Всего мое отделение насчитывало десять человек вместе со мной.

Я решил начать с осмотра внешнего вида. Стал поочередно подходить к каждому из солдат. Они принимали строевую стойку и, как положено, представлялись:

— Рядовой Макаренко.

— Бляху на ремне лучше нужно чистить, рядовой Макаренко. Сколько дней не подшивались? Завтра обязательно проверю. — я перешел к следующему солдату.

— Рядовой Степанов.

— Тот же вопрос, Степанов. Почему не подшиваемся?

— Слышь, сержант, — раздалось из конца шеренги. — Ты тут молодняк давай застраивай, а мы с пацанами пойдем.

— Кто это сказал? — спросил я

— Ну, я.

— Кто, я? Фамилию нужно называть рядовой.

— Ну, Лавров. Сержант, тут так-то есть некоторые, кто побольше тебя прослужил.

— А мне плевать! — я подошел к Лаврову и в упор посмотрел на него. — Будешь выделываться, дорога на дембель покажется в два раза длиннее. Хочешь поспорить?

Лавров играл желваками на щеках, но молчал. Закончив с осмотром, я сделал общее объявление:

— Товарищи солдаты, я для вас человек новый. Но можете быть уверены, что я абсолютно нормальный и адекватный, если меня не напрягать. А если меня кто-то будет напрягать, то я буду напрягать его. Все просто.

Сказав напоследок, что завтра обязательно у всех проверю внешний вид, я распустил свое отделение. (**417**)

357

Забились на три банки сгущенки.

Отстрелялся я как никогда хорошо. Но надо сказать, что парни не сильно отстали от меня по очкам.

После обеда я сидел на кровати в казарме и искал в тумбочке иголку с ниткой, чтобы пришить отлетевшую пуговицу. Ко мне подошли Миша и Скворец и поставили на тумбочку каждый по банке сгущенки.

— Молоток! — сказал Скворец. — Понятно, почему Кравцов тебя к себе взял.

Я решил отказаться от выигрыша. (**403**)

Я спрятал честно заработанную сгущенку в тумбочку. (**378**)

358

По его лицу было видно, что он принял решение. Он вскочил на броню головного танка, на башне которого крупно был выведен номер «545», о чем-то поговорил с его командиром, и они оба скрылись в люке. Танки взревели, лязгнули траками и двинулись колонной в сторону Даманского.

Они подъехали к южной оконечности острова и стали огибать его с западной стороны. Когда машины подошли к тому месту, где погибла группа старшего лейтенанта Салдаева, головной танк был подбит. Остальные машины отошли обратно к нашим окопам.

Начальник политотдела отряда кинулся к танкисту, вылезшему из люка:

— Где начальник отряда?! Почему вы оставили их там?!

— Все погибли.

— Как погибли?!

— Они покинули подбитый танк и поползли к нам. Когда мы подъехали, они все уже были мертвы.

— Почему вы не забрали их тела?!

— Все машины получили серьезные повреждения. Огонь артиллерии с китайского берега слишком плотный.

Ребята на острове продолжали сражаться. (**462**)

359

— Граница была нарушена китайской стороной.

— Правильно. Твои дальнейшие действия? (**404**)

360

— Пущу собаку по следу.

— Рано собаку. Следы ведь отчетливо видны.

— Тогда нужно заслон и преследование организовать.

— Все правильно. Вот ты организацией заслона и займешься. Машина тебя уже ждет у казармы. (**339**)

361

6 февраля 1968 г.

Две учебки уже остались у меня позади. А учеба все продолжается. Я думал, что на границе этого уже не будет. Но и тут постоянные тренировки и занятия. В наряды меня пока не ставят. Хотя ребята из моего отделения исправно заступают в дозор и на наблюдательные посты в соответствии с расписанием нарядов. Но меня начальник заставы сказал первый месяц никуда не привлекать, чтобы я осмотрелся и понял что к чему. (**340**)

362

Я решил сначала доложить начальнику заставы и снова взял телефонную трубку.

На другом конце послышался сонный голос:

— Кравцов слушает.

— Товарищ старший лейтенант, нарушитель на льду! Со второго поста доложили!

— Один?

— Так точно! Один!

— Заставу поднял?

— Никак нет. Решил сначала вам доложить

— Ты чего тормозишь, Еременко? Поднимай живее. Я сейчас буду. В отряд не забудь сообщить.

Я положил трубку, побежал в спальное расположение и закричал:

— Застава, подъем! Тревога!

Ребята без лишних вопросов повскакивали со своих постелей и начали одеваться. Я тем временем доложил о нарушителе дежурному по отряду и вскрыл оружейку.

В казарму прибыли старшина и начальник заставы. (**406**)

363

Я отпихнул от себя сверток и крепко схватил нарушителя за воротник.

Мы потащили сопротивляющихся китайцев в сторону их берега. (**383**)

364

Выехали на берег и спешились. Метрах в пятистах от нас на белом снегу, покрывавшем Уссури, чернел остров. Он был густо покрыт кустами и деревьями и имел слегка изогнутую вытянутую форму. Слева от него на льду стояла толпа нарушителей, никак не меньше ста человек.

Выдвинулись в их сторону тремя группами. Первую группу возглавлял начальник второй заставы. Одет он был в черный полушубок, что ярко выделяло его на фоне остальных. Вторую группу вел сержант. Они направлялись не к нарушителям, а в сторону острова. Наша третья группа двигалась следом за первой, отстав от нее метров на пятьдесят.

Когда мы подошли ближе, я увидел, что китайцы настроены весьма агрессивно. Они трясли над головой красными книжечками, что-то кричали на смешанном русском и китайском языках. В руках у них были дубины и багры.

Начальник второй заставы предъявил нарушителям требование покинуть нашу территорию. Но они стали кричать еще громче. Мы стояли в стороне и наблюдали. Вторая группа тем временем вышла на высокий берег острова и наблюдала за происходящим сверху.

Офицер в черном полушубке махнул нам рукой. Мы подошли к первой группе и вместе с ними стали теснить нарушителей в сторону их берега. Тут же на наши головы посыпался град ударов. Били дубинками, баграми и просто кулаками. Все смешалось. Началась банальная драка. По склону к нам на подмогу уже бежала вторая группа. Ребята похватали свои автоматы за стволы и размахивали ими как дубинами.

Китайцы были довольно низкорослыми. Наши же ребята наоборот были высокими и крепкими. Каждый без особого труда справлялся с тремя, а то и четырьмя китайцами. На белый снег брызнула первая кровь из разбитых носов и губ. Нарушители отступили, унося с собой тех, кто не мог идти самостоятельно. (**422**)

365

Я стал уворачиваться от ударов. В итоге наш строй дрогнул и сломался. Я и еще несколько человек оказались отрезанными от основной группы. Китайцы повалили нас на снег.

Мысленно я уже прощался с жизнью. Спас положение один из механиков-водителей БТР. (**384**)

366

28 мая 1968 г.

Полковник Литвин стоял перед строем и принимал доклад от начальника нашей заставы:

— Товарищ полковник, первая застава по случаю празднования Дня пограничника построена!

Начальник отряда повернулся к строю:

— Товарищи солдаты, поздравляю вас с Днем пограничника!

— Ура! Ура! Ура-а-а-а!

По случаю праздника снова был концерт на импровизированной сцене. И я снова увидел Настю. Когда уже после выступления она на несколько секунд оказалась одна, я подошел к ней и сказал:

— Вы очень хорошо танцуете.

— Спасибо, — сказала она и кокетливо поклонилась.

— А еще… еще вы очень красивая.

Она смутилась и покраснела.

— Меня Алексеем зовут.

— Настя, — представилась она. — Мне пора. У нас еще четыре заставы впереди.

Она убежала с остальными девушками. Они сели в грузовик. Заревели моторы, и машины выехали колонной. На прощание, уже сидя в кузове, она помахала мне рукой. (**345**)

367

Но не стал спорить с начальником заставы. Группа преследования скрылась в лесу, а мы пошли по следам в обратном направлении и вскоре вышли к Уссури. Там мы обнаружили наполовину вытащенную на берег небольшую весельную лодку. На всякий случай решили организовать засаду и спрятались за кустами.

Ждать пришлось недолго. (**347**)

368

— Сами возьмем.

Пошли по следам. Но стоило нам углубиться в тайгу, следов уже не было видно. Почва была покрыта мхом. Стоило поднять ногу, он сразу же пружинил и выравнивался. Как будто бы и не ступала на него нога человека.

Поставили собаку на след. Граф принюхался и уверенно повел нас вперед. Но через несколько сотен шагов он вдруг занервничал и заскулил. (**424**)

369

Я уверенно повел свою группу вперед. Когда ноги стали по колено вязнуть в трясине, я понял, что принял неправильное решение. Пришлось вернуться на то место, где мы обнаружили следы.

Каково же было наше удивление, когда рядом с первой дорожкой следов, мы обнаружили еще одну точно такую же, но ведущую уже в обратном направлении. Мы пошли по ним и вскоре вышли к Уссури. На берегу отчетливо виднелся след, оставленный лодкой, которую вытаскивали на берег. Но ни лодки, ни ее хозяина нигде не было видно.

Я решил скорее доложить обо все дежурному. (**433**)

Я решил никому ни о чем не докладывать. (**348**)

370

23 февраля 1969 г.

Я ждал с нетерпением приезда начальника отряда и уже ставшего традиционным праздничного концерта. А если точнее, то ждал я приезда Насти.

Но полковник Литвин не приехал. Оказалось, что в Дальневосточном военном округе начались крупномасштабные учения, и он находится на них. Не было и Насти. Вместо нее на сцене кружилась совсем другая девушка. (**411**)

371

В районе Даманского шел бой. Мы миновали место нашей обычной встречи со второй заставой. На развилке никого не было. Мы повернули в сторону Уссури. Я сжимал цевье автомата так, что побелели костяшки пальцев. Не буду скрывать, страшно было очень.

Около 11:30 наш БТР достиг Даманского и въехал в одну из проток, затянутых льдом. Мы высадились и развернулись цепью в направлении доносящихся выстрелов. Магазины у всех уже были пристегнуты к автоматам. Никаких дополнительных команд для этого не требовалось.

Почти сразу же мы столкнулись с большой группой китайцев. Завязался бой. Мы упали на снег и стали вести прицельный огонь по противнику. Звуки выстрелов слились в сплошной гул.

Мы не видели ребят из второй заставы. Но судя по всему, они были где-то рядом, на острове. Их БТР стоял около южного берега. Неподалеку от него горели останки ГАЗ-63 и ГАЗ-69. Небо заволокло черным дымом.

Старший лейтенант Кравцов взял с собой четверых ребят и повел их обратно к нашему БТРу. Меня он назначил старшим и приказал нам оставаться на месте.

Я стал думать о том, как организовать бой. (**412**)

372

Я решил разделить свою группу.

— Кузя! — закричал я сквозь грохот выстрелов. — Бери четверых и прорывайтесь на остров. Мы прикроем.

Я назвал фамилии ребят, которым предстояло идти вместе с Кузьминым.

— Давай! — скомандовал я им, и мы ударили длинными очередями по китайцам, прижимая их к земле.

Ребята поднялись с земли и побежали к острову. Но далеко продвинуться им не удалось. С китайского берега ударил пулемет, и все пятеро один за другим как подкошенные рухнули на снег.

Трясясь, как в лихорадке и неистово крича, я продолжал стрелять по китайцам. Патроны заканчивались. Но своего мы добились. Враг перенес огонь артиллерии и крупнокалиберных пулеметов на нашу группу, ослабив тем самым натиск на ребят второй заставы. (**431**)

373

Я дал команду вести огонь короткими очередями. А сам переключил автомат в режим стрельбы одиночными и точными выстрелами хладнокровно убивал китайцев одного за другим.

Нестеров, зная о моем стрелковом таланте, подполз ко мне и отдал остаток своих патронов. После чего он так же ползком стал продвигаться в сторону убитых китайцев.

— Куда, Нестеров?! Назад!

Но он уже был рядом с одним из убитых и вынимал магазины с патронами из подсумка. Закончив с первым, он переполз к следующему, потом еще к одному. Затем снова пополз к нашим позициям.

Когда Нестеров оказался рядом со мной, я увидел, что он ранен. Пуля попала в ногу чуть выше колена. Ребята начали перевязывать рану. Я же забрал у Нестерова боеприпасы и продолжил бой.

Своего мы добились. Враг перенес огонь артиллерии и крупнокалиберных пулеметов на нашу группу, ослабив тем самым натиск на ребят второй заставы. (**431**)

374

Это был сигнал к отступлению. В 17:00 мы потеряли Даманский. Китайцы стали занимать окопы, вырытые нами на острове. Но тут из-за сопки за нашей спиной полетели реактивные снаряды. Их было огромное количество. Целый град. Огромная

огненная лавина накрыла собой группы китайской пехоты. А потом все стихло. С противоположного берега не было слышно ни одного выстрела.

В сторону острова выдвинулись четыре БТРа мотострелков. Китайцы, окопавшиеся там, лишились огневой поддержки с берега и начали поспешно отходить.

К 18:00 остров был полностью освобожден. Китайцы больше не делали попыток овладеть им. (**522**)

375

Вместе со своей группой я организовал переправку раненых на вторую пограничную заставу. Нам помогали трое местных жителей из расположенного неподалеку поселка «Нижне-Михайловка». Услышав выстрелы, они приехали к нам на санях, запряженных лошадью. В этих санях мы доставляли раненых на заставу в ленинскую комнату, где военврач оказывал им первую помощь.

Вскоре неподалеку приземлился вертолет с командованием отряда. (**429**)

376

15 марта 1969 г.

Сегодня со стороны Даманского снова слышны артиллерийские выстрелы. Началось все в районе 10:00. Стрельба продолжалась с разной интенсивностью до 18:00. Мы ничего не знаем о происходящем там. Но мотострелковый полк, который был развернут в нашем тылу, снялся со своих позиций и двинулся в сторону второй заставы.

К вечеру все стихло. (**355**)

377

Я решил сделать это в неофициальной обстановке. После построения я подошел к ребятам из отделения, со всеми поздоровался за руку и познакомился:

— Мужики, как тут вообще у вас служится? — спросил я их.

— Да нормально служится, — ответил, сплевывая, тот, которого звали Костя Лавров. — Слушай, сержант, давай сразу внесем ясность в один вопрос. Я, Макар и

Степа, — он указал на ребят с фамилиями Макаренко и Степанов, — свое уже практически оттрубили — Ты давай молодняк гоняй. Не лезь в наши дембельские дела, а мы не будем в твои сержантские лезть. Понял меня?

— Нет, ребят. Так дело не пойдет. Я считаю, что…

— Да мне плевать, что ты там считаешь. Я все сказал. Пошли, пацаны.

Деды ушли, оставив меня с молодыми солдатами.

— Товарищ младший сержант, разрешите мы тоже пойдем? — спросил один из них.

— Идите, — кивнул я.

Все разошлись, оставив меня одного. (**336**)

378

Я спрятал честно заработанную сгущенку в тумбочку. Ну, а что? Я считаю, честный спор — честный выигрыш. (**337**)

379

25 января 1968 г.

— Застава, подъем! Тревога!

«Где-то я уже все это слышал,» — подумал я, натягивая одеяло на голову. Но тут я вспомнил, что нахожусь уже не в школе сержантского состава, а в непосредственной близости от границы.

Я вскочил с кровати и лихорадочно начал одеваться.

— Товарищи солдаты, это учебная тревога, — сказал начальник заставы, когда мы построились на улице с оружием. Сильно морозило. Снег скрипел под ногами. Изо рта валил густой пар.

— Слушаем вводную. С наблюдательного поста поступила информация о нарушителе границы. Застава, бегом… марш!

Мы побежали по дороге прямо в лес. Но вскоре деревья расступились, и мы оказались на берегу Уссури. Перед нами расстилалась белая гладь замерзшей реки. Пожалуй, она

была немного уже Невы. Берега практически не было. Деревья и кустарник подступали вплотную к устью.

На рыхлом снегу кто-то совсем недавно предусмотрительно оставил нам дорожку следов.

— Застава на месте. Еременко со мной. Посмотрим, что ты умеешь.

Мы подошли к следам. Они уходили от нас по направлению к реке, то есть к границе. Скос на следах был со стороны носка.

— Что скажешь, Алексей?

— Скажу, что это перебежчик с нашей территории. (**338**)

— Скажу, что граница была нарушена китайской стороной. (**359**)

380

— Отправлю группу для организации заслона. А сам с другой группой буду преследовать нарушителя.

— Правильно. Только давай преследовать нарушителя буду я. А ты возглавишь группу для организации заслона. Машина тебя уже ждет у казармы. (**339**)

381

Я действительно обо всем забыл.

Вечер и ночь прошли спокойно. В назначенное время я по телефону принимал доклады с наблюдательных постов, «секретов» и от дозоров. Докладывал о ходе несения службы дежурному по отряду. Выдавал оружие новым нарядам и принимал от старого.

Все было спокойно, пока рано утром не раздался звонок со второго наблюдательного поста:

— Товарищ младший сержант, на льду нарушитель границы. Похоже, рыбак.

Я заметался, не зная, что делать. Сначала побежал поднимать личный состав. Но тут же вернулся и схватил телефонную трубку. Снова бросил ее и побежал будить людей.

Так не пойдет. Я остановился и глубоко вдохнул, чтобы успокоиться.

Я решил сначала доложить начальнику заставы. (**362**)

Я побежал в спальное расположение и закричал:

— Застава, подъем! Тревога! (**341**)

382

25 февраля 1968 г.

Только мы сели за столы и приступили к завтраку, как раздался крик дежурного:

— Застава, в ружье!

Побросав ложки, мы побежали получать оружие.

— Со второго поста снова поступил доклад о нарушителе, — сказал начальник заставы, когда мы построились в полной экипировке. — По предварительным данным — рыбаки, пять человек. Напоминаю, оружие ни при каких обстоятельствах не применять. Магазины к автоматам не пристегивать. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Тогда третье отделение со мной. Остальные — в резерве.

Мы заняли места в БТРе и выехали на место. Спешились на берегу и направились к нарушителям. Их действительно было пятеро. Они выдолбили во льду лунку, и теперь сидели, как ни в чем не бывало, и рыбачили. Рядом с лункой в снег был воткнут плакат с портретом Мао Цзэдуна.

Не доходя до нарушителей метров десять, старший лейтенант Кравцов остановил строй и сказал:

— Еременко и Степанов со мной. Остальные на месте.

Мы подошли вплотную к китайцам. (**421**)

383

Мы потащили сопротивляющихся китайцев в сторону их берега. Не дойдя до него несколько метров, мы оставили нарушителей и вернулись к БТРу. Китайцев к тому времени уже не было видно. (**407**)

384

Спас положение один из механиков-водителей БТР. Увидев, что мы начали сдавать свои позиции, он завел свою машину и поехал к нам прямо по льду. Второй водитель последовал его примеру.

Два БТРа двинулись на китайцев, и те, испугавшись, начали понемногу отступать. (408)

385

10 июля 1968 г.

Сегодня год, как я служу в армии. У студентов есть праздник под названием «экватор». Так вот у меня сегодня тоже, можно сказать, «экватор». Я отслужил ровно половину своего срока. В армии это большой праздник. Если бы я не был сержантом, то стал бы сегодня «дедушкой». А так просто радуюсь, что половина срока службы уже позади. И впереди теперь всегда будет только меньшая часть.

Отмечали с ребятами в каптерке. Спиртное не пили. Только ели и чай пили. А потом ходили купаться на Уссури. (409)

386

— Товарищ старший лейтенант, возьмите меня в свою группу. Я очень хорошо знаю эту местность.

— И когда это, интересно, ты успел узнать эту местность лучше, чем я? Так и скажи, что диверсанта хочешь поймать. Ладно, Еременко. Черт с тобой. С нами идешь.

Мы пошли по следам. Но стоило нам углубиться в тайгу, следов уже не было видно. Почва была покрыта мхом. Стоило поднять ногу, он сразу же пружинил и выравнивался. Как будто бы и не ступала на него нога человека.

Поставили собаку на след. Граф принюхался и уверенно повел нас вперед. Но через несколько сотен шагов он вдруг занервничал и заскулил.

Собаки реагируют так в одном из двух случаев: либо где-то неподалеку прошел тигр, и теперь собака нервничает и отказывается идти дальше; либо нарушитель обработал свои следы специальным составом.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился я к начальнику заставы. — Слева от нас сейчас река, а справа скалы. Впереди скоро должно начаться болото. Ему некуда деваться.

— Это ты верно говоришь, — старший лейтенант Кравцов повел нашу группу вперед. (**410**)

387

2 ноября 1968 г.

Надо бы домой написать. Очень давно не писал. Как там, интересно, дела у моих?

С каждым днем становится все холоднее. Скоро на Уссури встанет лед, и стычки с китайскими провокаторами возобновятся. Мы все с тоской думаем об этом. Непонятно, почему командование не принимает никаких кардинальных мер. Дать бы разок очередь из крупнокалиберного пулемета поверх голов — ни один больше не сунется. (**430**)

388

17 марта 1969 г.

Было принято решение охранять остров с помощью огневого прикрытия. На вершинах высоких сопок установили несколько крупнокалиберных пулеметов, а напротив Даманского в окопах теперь несут службу наряды с пулеметами и снайперскими винтовками.

Подбитый Т-62 не дает командованию покоя. Это новейший танк, и на нем установлены секретные приборы, которые ни в коем случае не должны попасть в руки врага. Так как все подходы к нему мне уже хорошо известны, меня отправили туда снова вместе с командой, которая должна отбуксировать его на заставу. Но китайцы тоже хорошо осознают ценность этой машины.

Как только мы приблизились к подбитому танку, с китайского берега по нам стали вести артиллерийский огонь. Парень, который пытался зацепить Т-62 тросом, был убит снайперской пулей.

Ну его к черту, этот танк! (**491**)

Я решил сам зацепить трос и выпрыгнул из тягача на снег. (**466**)

389

Один из двигателей сильно дымил. Но машина уверенно продолжала двигаться вперед.

Она остановилась возле БТРа второй заставы. Ребята бросили свой подбитый, перебрались в БТР второй заставы и на нем отправились на второй круг. Я восхитился находчивости нашего начальника заставы.

Но на это раз они поехали не вокруг острова, а прямо по нему и оказались в тылу у врага. Началась полнейшая паника. Китайцы поднялись всей массой и побежали в сторону своего берега.

Мы стреляли по бегущему врагу, а БРТ врезался в эту толпу и давил их колесами. На льду образовалось сплошное месиво из человеческих тел. Но тут прямо рядом с БТРом разорвался минометный снаряд. БТР задымил и замер на месте. Открылся люк. Из него вылез наш механик-водитель и начал по очереди вытаскивать остальных из подбитой машины.

Китайцы больше не стреляли. Бой завершился в 11:50. (**427**)

390

На льду стояла толпа нарушителей. По виду это были обычные рыбаки, одетые в старые драные полушубки и огромные меховые шапки.

Когда мы подошли ближе, я увидел, что китайцы настроены весьма агрессивно. Они трясли над головой красными книжечками, что-то кричали на смешанном русском и китайском языках. В руках у них были дубины и багры.

Старший лейтенант Салдаев предъявил нарушителям требование покинуть нашу территорию. Но они стали кричать еще громче. Начальник заставы махнул рукой, подавай нам сигнал. Мы выстроились в цепь, сняли автоматы с плеча и стали теснить нарушителей в сторону их берега. Тут же на наши плечи и головы посыпался град ударов.

Передо мной мелькнуло перекошенное злобой лицо китайского провокатора. Взмах металлической дубинкой, и все перевернулось у меня перед глазами. Я прикоснулся рукой к лицу и почувствовал, что по нему течет кровь.

В приступе ярости я достал магазин из подсумка и пристегнул его к автомату. (497)

С тупым остервенением, игнорируя боль, я продолжал теснить китайцев к их берегу. (437)

391

Слева от острова стояла толпа нарушителей.

Старший лейтенант, который приехал с ребятами из первой заставы, настоял на том, чтобы мы разделились. В итоге выдвинулись тремя группами. Первую группу, в которой был я, возглавлял старший лейтенант Салдаев. Одет он был, как всегда, в черный полушубок, что выделяло его на фоне остальных. Вторую группу вел командир первого отделения сержант Михеев. Они пошли не к нарушителям, а в сторону острова, чтобы прикрыть нас с берега в случае чего. Ребята с первой заставы шли третьей группой, отстав от нас метров на пятьдесят.

Китайцы, как всегда, были настроены очень агрессивно. Они трясли над головами красными книжечками и кричали. В руках у них, как обычно, были дубины и багры.

Когда мы подошли к нарушителям, старший лейтенант Салдаев потребовал от них, чтобы они покинули нашу территорию. Но китайцы стали кричать еще громче. Вторая группа тем временем вышла на высокий берег острова и наблюдала за происходящим сверху.

Старший лейтенант Салдаев махнул рукой ребятам из первой заставы, те подошли к нам, и вместе мы стали теснить нарушителей в сторону их берега. На наши головы посыпался град ударов. Первая застава, похоже, не привыкла к подобным ситуациям. Наш строй дрогнул и сломался. Все смешалось. Началась банальная драка. По склону к нам на подмогу уже бежала вторая группа. Ребята похватали свои автоматы за стволы и ринулись в бой. На белый снег брызнула первая кровь. В итоге, нарушители отступили, унося с собой пострадавших.

Мы вернулись на заставу. (350)

392

10 марта 1968 г.

Сегодня снова крупная провокация возле Даманского. С поста доложили, что китайцев огромное количество. Не меньше двухсот человек. Старший лейтенант

Салдаев связался с нашими соседями слева и справа и попросил, чтобы от каждой заставы прислали не меньше двух отделений.

Выехали к месту встречи. Первая застава «Кулебякины Сопки» подъехала на своем БТРе минут через тридцать. «Ласточку» решили не ждать. Подключатся в процессе. Мы пока требования свои китайцам предъявим. Подъехали к берегу. Когда высадились из машин, выяснилось, что с «Сопок» снова приехало всего одно отделение. Старший лейтенант Салдаев подошел к начальнику первой заставы:

— Кравцов, я просил два отделения! Понимаешь?! Два!

— Ваня, ты давай успокойся. Не нужно так со мной разговаривать.

— А как мне с тобой разговаривать?! Нас там сейчас по льду размажут с твоими десятью бойцами.

— Давай третью заставу дождемся. Там еще минимум десять человек будет. Не могу я больше людей взять. Кто мою заставу охранять будет? Вдруг эта провокация — отвлекающий маневр.

Старший лейтенант Салдаев раздраженно махнул рукой:

— А-а-а… Чего с тобой разговаривать. Застава! За мной шагом марш.

Когда мы вышли на лед и увидели провокаторов, то лишились дара речи. Китайцев было человек пятьсот. (**352**)

393

Китайцы побежали к своему берегу.

Мы поблагодарили ребят из первой заставы за помощь, они погрузились в свой БТР и уехали. Только они скрылись из виду, как из-за деревьев на лед выскочил другой БТР. За ним следом ехали еще две машины. Они подъехали к нам и на снег один за другим стали выпрыгивать ребята с третьей заставы. К нашему начальнику заставы подбежал старший лейтенант с пистолетом в руке и спросил:

— Где китайцы?

— Кончились китайцы. Вы бы еще завтра приехали.

Оставив на льду недоумевающего офицера и ребят с «Ласточки», мы расселись по своим машинам и поехали на свою заставу. (**503**)

394

2 апреля 1968 г.

Провокации на границе прекратились. Синяки и ссадины прошли. Мы стали спокойно нести службу в нарядах в соответствии с расписанием. Появилось довольно много свободного времени.

Сегодня я услышал, как наш механик-водитель Коля Быстров играет на гитаре. Он пел песню «Темная ночь». Получалось очень хорошо. В жизни у него довольно слабый невнятный голос. Но пел он красивым баритоном, да и вообще весь как-то сразу преобразился, стал красивее что ли. Гитара была старенькая, потрепанная, вся исписанная датами и пожеланиями. Она уже давно переходила из рук в руки от дембелей к тем, кто еще оставался служить.

Я тоже умею играть на гитаре. (**473**)

Я всегда хотел научиться играть на гитаре. (**442**)

Я похвалил Колю и сказал, что он очень здорово поет и играет. (**529**)

395

На прощание она помахала мне рукой. Я стоял, засунув руки в карманы, и смотрел ей вслед. Ко мне подошел Вася Михеев и спросил:

— Что, шуры-муры и все такое?

— Да нет. Так, просто. Симпатичная девчонка.

— Симпатичная. А ты знаешь, что это дочка начальника отряда?

— Да ладно?! Полковник Литвин ее отец?!

— А ты что, какого-нибудь другого начальника отряда знаешь? Ладно. Хорош тут стоять. Пошли лучше в поселок за самогоном. Праздник все-таки. Вечером с пацанами посидим.

— Пошли. (**443**)

— Не, Михей. Что-то не охота. (**474**)

396

— Слышь, дед? Самогон есть?

Дед перестал рубить дрова и повернулся к нам.

— Не хами, щегол! А то, гляди, скажу вашему начальству, чего вы тут ищите.

Мы решили не связываться с дедом и пошли дальше. Прошли еще несколько дворов иувидели бабку, копающуюся в огороде.

— Бабуля! Самогон есть? (**505**)

397

Я взял гитару. Коля Быстров недавно написал мне слова и аккорды песни «Эх, дороги». Я решил разучить ее.

Dm Gm C F A

Эх, дороги - пыль да туман,

Dm Gm A Dm

Холода, тревоги да степной бурьян.

Знать не можешь доли своей,

Может крылья сложишь посреди степей.

C F C F

Вьется пыль под сапогами степями полями

C F Gm A

А кругом бушует пламя да пули свистят.

Песню играть простым многозвучным перебором. (**506**)

398

Дед отворил калитку.

— Мать! Накрывай на стол! Гости пришли!

Из дома вышла пожилая улыбчивая женщина. Стол накрыли прямо на улице в тени раскидистого дерева. Дед плеснул всем в стаканы мутной жидкости из большой стеклянной бутылки.

— Ну, давайте сынки! За щит нашей Родины!

Мы опрокинули стаканы. Самогон был очень крепким. Выпив, мы закашлялись и быстрее накинулись на дымящуюся вареную картошку. (**530**)

399

Я решил обратиться напрямую к начальнику отряда. Он стоял возле БТРов и инструктировал подполковника, который возглавлял группу, отправлявшуюся на остров.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться? Младший сержант Еременко.

Начальник отряда озадаченно посмотрел на меня.

— Еременко… Еременко… Говорят, вы геройски сражались второго марта. Чего вы хотите?

— Товарищ полковник, отправьте меня на остров с остальными.

— Товарищ младший сержант, вам мало досталось? Группы специально формировались таким образом, чтобы в них не было никого из вас. Идите отдыхать.

— Но ведь мы как никто другой знаем Даманский и его окрестности. Разрешите выехать в составе группы.

Подполковник, который до этого молча смотрел на меня, сказал:

— Товарищ полковник, парень дело говорит. Это ведь их участок границы. Его действительно никто не знает лучше, чем они.

— Хм… Может быть тогда в каждую из четырех групп включить по одному человеку из основного состава второй заставы? Найдутся другие желающие?

Из восемнадцати оставшихся в живых ребят поехать на остров хотели все. Каждый в тайне надеялся на повторную стычку с китайцами, в которой удастся

отомстить за убитых товарищей. Кроме меня назначили еще троих — по одному человеку в каждую группу. (**541**)

400

10 июня 1969 г.

Я сижу в поезде и смотрю на проносящуюся за окном тайгу. Пришел мой дембель. И вот я еду домой. Долго прощался с ребятами на заставе. Прощались безрадостно, как этого никогда не бывало прежде. Старшего лейтенанта Кравцова я так и не увидел. После госпиталя его сразу направили в Москву. Настю я тоже больше не видел. Говорят, что их семья уехала из Имана сразу после похорон.

Я сижу и думаю о ребятах, которые погибли в районе острова Даманский и о том, что среди них вполне мог оказаться я. После учебки я мог попасть на вторую заставу. Из пятидесяти пограничников в живых там осталось только восемнадцать. Остальные навечно остались на заставе в братской могиле.

А мог вообще не попасть в Иманский пограничный отряд. Судьба — странная штука. По сути все решалось в тот момент, когда я стоял в кабинете начальника учебной заставы старшего лейтенанта Строганова со своей характеристикой в руках. (**41**)

Но все сложилось так, как сложилось. И теперь я еду домой в надежде забыть обо всем, что со мной произошло в эти дни. Но в душе я понимаю, что эти события навсегда разделили мою жизнь на «до» и «после». (**894**)

401

Объявили построение заставы.

— Товарищи солдаты и сержанты, представляю вам командира третьего отделения младшего сержанта Еременко Алексея Николаевича, — сказал старший лейтенант Кравцов. — Младший сержант Еременко, встать в строй.

— Есть! — я занял свое место в строю.

— Теперь несколько объявлений… — начальник заставы довел общую информацию и сказал, что до ужина все могут заниматься своими личными делами. После чего он дал команду разойтись.

Мне нужно было познакомиться с личным составом вверенного мне отделения.

Я решил сделать это в официальной обстановке. (**356**)

Я решил сделать это в неофициальной обстановке. (**377**)

402

Я согласился. Забились на сгущенку — по банке с каждого. (**357**)

403

Я решил отказаться от выигрыша. Но Миша резко отрезал:

— Нет. Честный спор — честный выигрыш. (**337**)

404

Твои дальнейшие действия?

— Пущу собаку по следу. (**360**)

— Отправлю группу для организации заслона. (**380**)

405

Расчет оказался верным. Через некоторое время мы увидели бегущего по снегу человека. Двигался он точно в нашу сторону. Когда он оказался достаточно близко от нас, я узнал в нем нашего старшину Фролова.

Старшина увидел, что впереди его ждет наше отделение, развернулся и побежал в обратную сторону. Но вдалеке уже показалась группа начальника заставы, которая, растянувшись в цепь, преследовала мнимого нарушителя.

Старшина оказался зажат с двух сторон. Из двух зол он выбрал третье и побежал в поперечном направлении. Но тут же завяз в глубоком снегу, где его и задержала группа преследования. (**361**)

406

В казарму прибыли старшина и начальник заставы. Старшина начал выдавать из каптерки теплые полушубки. Мороз на улице был градусов тридцать. Ребята одевались, получали автоматы и выходили строиться на улицу.

Ко входу в казарму подъехал БТР-80ПБ. Старший лейтенант Кравцов дал команду второму отделению занимать в нем места. Остальные остались в резерве. Бронемашина, ревя, умчалась в сторону Уссури.

Я походил из угла в угол, волнуясь и не зная, чем себя занять. Снова взял телефонную трубку и связался со вторым постом:

— Ну, что там у тебя? — нетерпеливо спросил я наблюдателя.

— Все в порядке, товарищ младший сержант. Сидит. Лунку во льду выдолбил, паскуда. Наши подъехали. Оставили машину на берегу. Идут по льду к нарушителю. Та-а-ак… Кравцов что-то ему втолковывает. Леща бы ему, по-хорошему. Берут под руки и ведут в сторону китайского берега.

Через некоторое время БТР вернулся и все как ни в чем не бывало, сдали оружие, полушубки, разделись и пошли умываться. (**382**)

407

6 марта 1968 г.

И снова нас подняли в ружье. Хорошо хоть позавтракать успели. На этот раз крупная провокация у соседей на второй пограничной заставе. Они в полном составе выдвинулись туда. От нас одно отделение для усиления выделили.

Ехали туда по заснеженной лесной дороге около часа. На развилке нас уже ждали ребята из второй заставы на БТРе, ГАЗ-63 и ГАЗ-69. Все вместе двинулись дальше. Выехали на берег и спешились. (**364**)

408

2 апреля 1968 г.

У соседей была еще одна крупная стычка с китайцами, на которую привлекали нас. Но тогда ездило первое отделение, а нас оставили в резерве. Ребята вернулись

довольно сильно потрепанные, в рваных полушубках с синяками и кровоподтеками на лицах.

Несколько раз были провокации и на нашем участке границы. Но провокаторов было уже не такое большое количество. Справлялись сами без привлечения соседей.

А потом лед на реке начал таять, и жизнь наша стала гораздо спокойнее. (**366**)

409

20 августа 1968 г.

Заступил старшим дозора. Я и раньше ходил в дозор. Ничего особенного. Группа из трех человек движется вдоль границы и докладывает дежурному из контрольных точек.

Но в этот раз произошло кое-что необычное. Со мной в дозор заступили Кузьмин и Нестеров. Кузьмин у нас кинолог. Он уже к числу старослужащих относится. А Нестеров молодой еще. Недавно из учебки приехал.

Так вот шли мы втроем по маршруту. Впереди шел Кузьмин. С ним на длинном поводке бежал наш пес Граф. Следом шел я. За мной плелся Нестеров. Достигли первой контрольной точки, отзвонились, пошли дальше.

И тут наткнулись на следы. Ночью шел дождь. Почва была сырая и мягкая. Следы были отчетливо видны. И оставили их явно не наши ребята.

— Со стороны реки идут, — сказал Кузьмин.

— Ага. В тайгу. — ответил я.

Нестеров только смотрел на следы широко раскрытыми глазами. Немного поразмыслив, я сказал:

— Один человек всего. Сами возьмем. (**368**)

— Нестеров, беги на точку. Доложи дежурному. (**346**)

410

Старший лейтенант Кравцов повел нашу группу вперед. Когда ноги стали по колено вязнуть в трясине, мы поняли, что, скорее всего, упустили нарушителя. Начальник заставы дал команду возвращаться к тому месту, где были обнаружены следы.

Там нас уже поджидал Нестеров с улыбкой до ушей. Оказалось, что другая группа вышла по следам на берег и обнаружила там лодку. Устроив у лодки засаду, они стали ждать и в итоге задержали нарушителя. Им оказался пожилой тощий китаец в огромных болотных сапогах и с грязным вещмешком. (**425**)

411

2 марта 1969 г.

— Застава, в ружье!

Мы уже привычно быстро экипировались, получили оружие и построились. Было 10:40 утра по местному времени. Старший лейтенант Кравцов дал последние указания:

— Провокация у соседей. По предварительным данным — тридцать человек с оружием. Второе и третье отделение со мной.

Мы набились в БТР и поехали. Все было как обычно. Но тут вдалеке раздались два одиночных выстрела и следом за ними беспорядочный треск десятков автоматных очередей. В БТРе началось волнение.

— Стреляют! Слышите?! Стреляют!

— Может, холостые?

— Не могли же они…

— Да какие, на хрен, холостые?!

Следом за автоматными очередями раздались взрывы и рокот крупнокалиберных пулеметов. Сомнений ни у кого уже не было. В районе Даманского шел бой. (**371**)

412

Я стал думать о том, как организовать бой.

Я решил разделить свою группу и отправить пятерых на прорыв к ребятам из второй заставы под прикрытием остальных. (**372**)

Я дал команду окопаться. (**426**)

413

Долго прощался с ребятами на заставе. Прощались безрадостно. То, что с нами произошло, навсегда породнило нас. Расставаться было тяжело.

Я вышел на первой же станции и купил бутылку водки. Попутчики осуждающе смотрят на меня. Но мне нет до них никакого дела. Я сижу и пью. Пью за ребят, которые погибли у Даманского и думаю о том, что среди них вполне мог оказаться я.

А ведь мог вообще не попасть в Иманский пограничный отряд. Судьба — странная штука. По сути все решалось в тот момент, когда я стоял в кабинете начальника учебной заставы старшего лейтенанта Строганова со своей характеристикой в руках. (**41**)

Но все сложилось так, как сложилось. И теперь я еду домой в надежде забыть обо всем, что со мной произошло в эти дни. Но в душе я понимаю, что эти события навсегда разделили мою жизнь на «до» и «после». (**894**)

414

Вся его голова была перебинтована. Шапка-ушанка с трудом налезала.

— Еременко, со своим отделением прикрываешь нас с острова. И смотри у меня! Без самодеятельности. Все понял?

— Так точно, товарищ старший лейтенант.

Мы разделились. Начальник заставы повел свою группу к нарушителям, а я свою прямиком на остров. Так как берег в этом месте был очень крутым, мы немного отклонились вправо и на некоторое время потеряли китайцев из вида. Поднялись на остров и направились к южному берегу, откуда обычно осуществлялось прикрытие. Было 11:15 утра. (**561**)

415

Я повел свою группу на остров. Там мы обнаружили огромное количество китайских «лежек». Я насчитал около трехсот. Они представляли собой небольшие углубления, вырытые в снегу, на дне которых лежали соломенные циновки. В панике китайцы побросали рядом с ними оружие, магазины с патронами, фляжки и сумки с едой. Вокруг было много кровавых следов. Повсюду валялись упаковки от использованных индивидуальных перевязочных пакетов.

В одном месте возле «лежек» на снегу лежало множество разбитых телефонных аппаратов. Именно здесь проходили следы нашего БТРа. Похоже, что наши ребята налетели прямо на командный пункт китайской засады и уничтожили его.

Навстречу нам попались парни из второй пограничной заставы. Их было немного. И на их лица было страшно смотреть. На срубленных ветках они волоком тащили по снегу тела своих убитых товарищей. Мы молча стали помогать им.

Вскоре неподалеку приземлился вертолет с командованием отряда. (429)

416

4 марта 1969 г.

Старший лейтенант Кравцов и ребята, которые находились с ним в БТРе, получили сильные контузии. Их отправили в госпиталь. Вместо начальника заставы остался замполит. Мы продолжаем ходить в наряды в соответствии с расписанием.

Сегодня в тылу нашей заставы в нескольких километрах от нас развернулся мотострелковый полк. Говорят, что в районе Даманского сейчас находится целая дивизия с танками и артиллерией. Но никакого отношения к нашей службе это не имеет. Мы, как и прежде, ходим в дозор, заступаем на наблюдательные посты и в «секреты». (354)

417

23 января 1968 г.

У всех свободных от наряда сегодня стрельбы. Они сильно отличаются от тех, которые были у нас в учебке. Нет предшествующей им длинной и нудной тренировки. И патронов дали по полмагазина, а не как тогда — по шесть штук.

Пока ждали начала стрельб на исходной позиции, ко мне подошли двое сержантов. Это были командиры первого и второго отделений.

— Тебя Лехой зовут? — спросил один из них.

— Да.

— Я Миша Смирнов. Это — Колян Скворцов. Можно просто — Скворец.

Я пожал ребятам руки.

— Мы видели, как ты вчера свое отделение вечером застраивал, — продолжил Миша. — Ты все правильно сделал. Будешь разводить панибратство — никакой дисциплины не будет. Старослужащих не бойся. Поможем, если что. Но палку тоже не перегибай. Дисциплина дисциплиной, а все по-человечески должно быть. Люди у нас разные служат. Условия не самые простые, сам видишь. А у всех оружие боевое в руках.

Скворец, который до этого стоял молча, вдруг оживился. (**434**)

418

Я вежливо отказался. Ребята поспорили между собой на банку сгущенки.

Отстрелялся я как никогда хорошо. Но надо сказать, что парни не сильно отстали от меня по очкам.

— Блин, хорошо, что мы с тобой не поспорили, — сказал Миша после стрельб. — Понятно, почему Кравцов тебя к себе взял.

— Ты прям снайпер, — сказал Скворец.

— Где, кстати, моя банка сгущенки, — обратился Миша уже к нему.

— Мих, тут такое дело. Я походу разок по твоей мишени случайно саданул…

— Ничего не знаю. Честный спор — честный выигрыш. (**337**)

419

Бой завершился в 11:50.

Вместе с оставшимися в живых ребятами мы пошли вглубь острова в поисках раненых. (**517**)

Я повел оставшихся в живых ребят к тому месту, где должна была быть группа старшего лейтенанта Салдаева. (**455**)

24 января 1968 г.

Под руководством начальника заставы мы отрабатывали приемы рукопашного боя с оружием:

— Коротким… коли! Длинным… коли! Прикладом… бей! Защита от удара снизу! Защита от удара сверху! Закончили упражнение! Сложить оружие. Разбиться на пары.

Я попал в пару с рядовым Лавровым.

— Отрабатываем защиту от удара ножом. Первые номера нападают, вторые — защищаются.

Первым номером был Лавров. Он достал штык-нож из ножен и нехорошо улыбнулся:

— Сейчас, похоже, одним сержантом станет меньше.

— Ты чего, Лавров, с ума сошел?

— Защищайся, давай.

Я принял бойцовскую стойку. Лавров сделал резкий выпад ножом. Я едва успел увернуться. Кровь застучала в висках.

— Ты чего делаешь, придурок?!

— А ты думаешь, китаец с тобой будет церемониться?

Мы ходили по кругу. Время от времени Лавров повторял свой выпад. Я никак не мог поймать его руку с ножом.

— Слушай, сержант, вас там чему-нибудь вообще учили в вашей школе? Давай лучше я тебе покажу.

С этими словами он ловко подкинул нож, схватил его за лезвие и протянул мне.

— Давай только по-взрослому все. Без упрощений. — сказал он, когда я принял нож из его руки.

Теперь я нападал, а Лавров оборонялся. Я сделал резкий выпад, целясь ему в живот. Но неожиданно моя рука оказалась как будто зажатой в тиски. Лавров кинул меня через бедро на снег. Когда я пришел в себя, то увидел, что нож уже снова у него в руке.

— Как ты это сделал? — спросил я его.

— Очень просто, — сказал он усмехаясь. — Давай покажу. (**379**)

421

Мы подошли вплотную к китайцам.

— Вы находитесь на советской территории! — громко обратился к ним начальник заставы. — Немедленно покиньте ее!

Китайцы делали вид, что не замечают нас и только негромко переговаривались между собой. Старший лейтенант Кравцов повторил свое требование и предупредил, что если нарушители немедленно не покинут советскую территорию, то к ним будет применена сила. Китайцы не реагировали. Начальник заставы подал сигнал остальным, чтобы они приблизились к нам. Нас было в два раза больше, чем нарушителей. Мы стали брать их под руки, чтобы выпроводить на свой берег. Но китайцы начали сопротивляться. Тот, которого мы схватили вместе со Степановым, неожиданно вывернулся из наших рук, достал откуда-то из-за пазухи довольно большой сверток и протянул его мне со словами:

— Русская солдата, это наша земля. Бери подарка и уходи отсюда.

Я взял сверток. (**342**)

Я отпихнул от себя сверток. (**363**)

422

10 марта 1968 г.

Сегодня снова крупная провокация у соседей. Когда мы вышли на лед у Даманского, то обомлели. Китайцев было человек пятьсот, не меньше. Причем среди них было много женщин и детей. Нарушители границы кричали, били в барабаны, размахивали красными книжечками и портретами Мао. В руках у них были все те же багры и дубинки, которые уже хорошо были знакомы нашим спинам.

Мы выстроились в цепь, сняли автоматы и начали теснить ими провокаторов. Я получил удар дубинкой по лицу. В ушах зазвенело. Голова закружилась. На губах чувствовался соленый привкус крови.

Я стал уворачиваться от ударов, и по возможности отбивать их автоматом. (**365**)

Боясь разрушить строй, я пропускал все удары, которые сыпались мне на голову и упорно продолжал теснить провокаторов. (**344**)

423

Старший лейтенант Кравцов еще раз осмотрел следы и дал команду разделиться. Сам он возглавил группу преследования и взял в нее Кравцова с Графом. Меня же и Нестерова отправлял с другой группой, которая должна была проследить, откуда ведут следы.

Я, конечно же, очень хотел участвовать в преследовании.

Но не стал спорить с начальником заставы. (**367**)

— Товарищ старший лейтенант, возьмите меня в свою группу. (**386**)

424

Он вдруг занервничал и заскулил. Собаки реагируют так в одном из двух случаев: либо где-то неподалеку прошел тигр, и теперь собака нервничает и отказывается идти дальше; либо нарушитель обработал свои следы специальным составом.

Я уже знал эти места. Слева от нас была река, а справа скалы. Впереди в скором времени должно было начаться болото. Нарушителю некуда было деваться. Я уверенно повел свою группу вперед. (**369**)

425

Им оказался пожилой тощий китаец в огромных болотных сапогах и с грязным вещмешком.

— Смотрите, товарищ старший лейтенант, у него мешок шевелится, — сказал старшина Фролов, когда мы все вернулись на заставу и привели туда нарушителя.

Вещмешок сняли с китайца и осторожно открыли. Он оказался доверху заполнен маленькими шустрыми лягушками. Они тут же начали выпрыгивать из мешка на землю.

— А что, старшина, неплохой обед получится из этих лягушек?

— Скажете тоже — обед. Да я их ни в жизнь есть не буду, этих гадов.

Оказалось, что это далеко не первый подобный случай, и китайцы систематически нарушают границу, чтобы наловить на наших болотах лягушек, которые, видите ли, являются у них деликатесом.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился я к начальнику заставы. — А что с нарушителем делать будем?

— В отряд отправим. Пусть сами с ним разбираются. (**387**)

426

Я дал команду окопаться. Ребята достали саперные лопатки и, поминутно отстреливаясь, вырыли в снегу небольшие укрытия.

У нас было всего по два магазина на каждого. Я понял, что вскоре у нас закончатся патроны. А китайцы подбирались все ближе.

Я дал команду вести огонь короткими очередями и беречь патроны. (**373**)

427

Бой завершился в 11:50.

Вместе со своей группой я организовал переправку раненых на вторую пограничную заставу. (**375**)

Я повел свою группу на остров. (**415**)

428

19 апреля 1968 г.

Так как я отказался воровать бензин, проблемы с дедами у меня теперь были очень серьезные. (**739**)

Бензин я носил дедам исправно. (**809**)

429

Вскоре неподалеку приземлился вертолет с командованием отряда. Полковник Литвин организовал погрузку в него раненых, а сам отправился на остров для выяснения обстоятельств.

Еще через некоторое время прибыло подкрепление с соседних застав. До глубокой ночи мы оставались на второй заставе, помогали в поисках и транспортировке раненых и убитых. Пока нам не дали команду возвращаться на свою заставу. (416)

430

23 января 1969 г.

Снова поехали на усиление к соседям. Встретились, как обычно, на перекрестке и вместе выехали к Уссури. На берегу останавливаться не стали. Видимо, помня о том, какую роль БТРы сыграли в выдворении китайцев в прошлом году. Подъехали прямо к южной оконечности острова.

Провокаторы, а было их человек пятьдесят, стояли группой между островом и китайским берегом метрах в двухстах от места нашей высадки. Увидев нас, они стали кричать и размахивать красными книжками.

Но это были уже не те рыбаки, которых мы выдворяли практически каждый день на своем участке границы и с которыми дрались у Даманского прошлой зимой. Теперь перед нами были китайские пограничники, вооруженные автоматами и карабинами. Одеты они были в шапки-ушанки очень похожие на наши. Только на их шапках с боков были небольшие клапаны. Украшала ушанку красная металлическая звезда, практически такая же, как наша советская. Одеты китайские пограничники были в ватники и ватные штаны. На ногах обувь на шнуровке, что-то среднее между ботинками и кедами. Рукавицы армейского образца — большой и указательный палец отдельно, остальные вместе. Они выкрикивали лозунги и размахивали оружием.

Заметил я и еще одно изменение. Среди личного состава второй пограничной заставы был солдат с фотоаппаратом и видеокамерой. Он подробно снимал все происходящее на пленку.

Начальник второй заставы, который как обычно был одет в черный, отличный от всех, полушубок, подошел к китайцам. Но не успел он сказать и слова, как провокаторы кинулись в атаку. Один из них целился прикладом автомата прямо в голову офицера. Но один из солдат успел заслонить его собой и, получив сокрушительный удар в лицо, повалился на снег.

Началась ожесточенная драка, в результате которой китайцы отступили, оставив на снегу несколько автоматов и карабинов. Они, хромая, плелись к своему берегу, изредка останавливались, трясли кулаками и кричали в нашу сторону: «Черный Иван, мы тебя убьем!»

Как я узнал впоследствии, «Черным Иваном» они называли начальника второй заставы старшего лейтенанта Салдаева, которого действительно звали Иваном.

Подобрав трофейное оружие, мы вернулись на заставу. Нам достались автомат и два карабина. Примерно столько же единиц оружия увезла с собой вторая застава. (**349**)

431

Враг перенес огонь артиллерии и крупнокалиберных пулеметов на нашу группу, ослабив тем самым натиск на ребят второй заставы.

Тем временем БТР под командованием старшего лейтенанта Кравцова совершил маневр вокруг острова. Сдвоенный пулемет работал без перерыва. Из бойниц по обоим бортам машины велся огонь из автоматов. На наших глазах тяжелые крупнокалиберные пули подбрасывали бегущих китайцев в воздух.

БТР скрылся за островом. Через некоторое время он показался с обратной его стороны. Но башня уже не вращалась. Она была перекошена. Один из двигателей сильно дымил. (**389**)

432

Мне снился сон. Во сне мы не воевали с китайцами и не дрались. Мы с ними дружили. Была первомайская демонстрация. На трибуне бок о бок стояли Брежнев и Мао. Мимо шли мы с транспарантами и плакатами: я, Саша Ефимов, Вася Михеев, Коля Быстров, Миша Ребров… Вместе с нами шли китайские рыбаки со своими семьями и китайские пограничники. Все были радостными, обнимались и улыбались друг другу.

На наших плакатах было написано: «Мир! Труд! Май!» Я посмотрел на плакат в руках китайского пограничника и увидел: «Долой советский ревизионизм». Я посмотрел на китайца. Он по-прежнему улыбался. Но руки его были по локоть в крови. (**552**)

433

Я решил скорее доложить обо всем дежурному. Мы добежали до следующей контрольной точки, и я позвонил дежурному по заставе. Через некоторое время к нам прибыло первое отделение во главе с начальником заставы. Они еще раз прочесали тайгу вдоль и поперек, но ничего не нашли.

Когда мы вернулись на заставу, старший лейтенант Кравцов вызвал меня к себе в кабинет и сказал:

— Еременко, ты понимаешь, что это ЧП? Я обязан доложить об этом происшествии начальнику отряда. Ты понимаешь, что под суд теперь пойдешь?

— Виноват, товарищ старший лейтенант. Думал, поймаем.

— Героем захотел стать? Мне эти геройства здесь не нужны. Мне нужно, чтобы вы службу нормально несли. Чтобы советские люди спали спокойно. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ни черта ты не понимаешь. Ладно. Иди. Разберемся как-нибудь.

Ни о чем докладывать старший лейтенант Кравцов не стал. Все осталось внутри нашей заставы. А на том месте, где мы обнаружили следы, на случай повторного нарушения был оборудован новый «секрет». (**387**)

434

Скворец, который до этого стоял молча, вдруг оживился:

— Ты, кстати, поспорить не хочешь на то, кто больше выбьет на стрельбах? В учебке спорили, небось?

Я вежливо отказался. (**418**)

Я согласился. (**402**)

Часть вторая:

Остров преткновения

435

Мы давно выехали из города, и сразу же по обе стороны от дороги стеной встала непроходимая тайга. Дорога петляла и шла то в гору, то, наоборот, — с горы. Огромные заснеженные сопки то появлялись перед нами, то снова скрывались за деревьями.

Асфальтовая дорога сменилась грунтовой. Машину подбрасывало на ухабах. Мы несколько раз чуть не слетели со скользкой дороги. Но водитель был мастером своего дела и ловко выводил машину из заносов.

Наконец, тайга расступилась. Мы выехали на открытое место и увидели нашу заставу. Она располагалась прямо на берегу Уссури. Это были несколько деревянных одноэтажных домиков, стоящие неподалеку друг от друга. С трех сторон они были окружены лесом. А четвертая сторона выходила прямо на берег реки. Он густо зарос деревьями и кустарником. Но сквозь ветви были видны ее белоснежные просторы. В центре стояла огромная вышка — наблюдательный пост.

На заставе было пустынно. Мы подъехали к одному из домов и остановились. На порог вышел дежурный с красной повязкой на рукаве. Я выпрыгнул из кабины и подошел к нему:

— Здорово! Я командир отделения новый. А где все? Мне бы к начальнику заставы.

— Так все на берегу. С китайцами дерутся.

Я открыл рот от недоумения.

— Как, дерутся?! Зачем?!

Дежурный неопределенно пожал плечами.

Я решил подробнее расспросить его о происходящем на заставе. (**468**)

Я решил немедленно бежать на берег на помощь заставе. (**495**)

436

— По ходу разберемся.

Вернулись на заставу. Ребята сразу же сдали оружие и пошли умываться. Начальник заставы тоже разделся по пояс, повесил вафельное полотенце на шею и, не снимая кобуры, болтавшейся на поясе, скрылся в умывальнике. Я терпеливо ждал.

Вскоре объявили общее построение заставы, и старший лейтенант Салдаев представил меня личному составу. Так как «боевое крещение» мной уже было принято, то для всех ребят я сразу же стал «своим». После построения они подходили ко мне, знакомились и говорили что-то типа:

— Ну что, как тебе наша гвардейская вторая пограничная?

Или:

— Видел, как ты одного правым хуком уложил. Красава!

Так прошел мой первый день службы на новом месте. (496)

437

Я продолжал теснить китайцев к их берегу. Они яростно сопротивлялись, но постепенно отступали. Мы выдавили их на другой берег. Там они уже перестали сопротивляться и отступили. Повторных попыток выйти на лед они не стали предпринимать, а только стояли на своем берегу, размахивали цитатниками и что-токричали нам вслед на своем языке. (501)

438

27 января 1968 г.

За проверкой дело не стало. С последней стычки с китайцами не прошло и трех дней, как нарушители снова вышли на лед рядом с островом Даманский. Мы надели тулупы, получили оружие и боеприпасы и вышли на улицу. Вдоль стены казармы было расставлено наше «секретное оружие».

Каждый из нас взял по рогатине, и мы влезли на БТР. До острова ехали прямо на «броне». Влезть внутрь с рогатиной было невозможно. Добравшись до места, мы спешились и пошли в сторону нарушителей.

Среди них я увидел уже знакомые побитые лица. Китайцы все так же кричали, размахивали цитатниками и своим рыбацким оружием. Но было заметно, что они несколько обескуражены видом того, что в этот раз находилось у нас в руках.

Старший лейтенант Салдаев вышел вперед и громко сказал:

— Вы находитесь на территории Союза Советских Социалистических Республик. Немедленно покиньте ее.

Один из китайцев бросил в начальника заставы крупный камень, но промахнулся. Старший лейтенант Салдаев отдал команду к началу выдворения нарушителей. Мы выстроились в шеренгу, выставили рогатины, словно копья, перед собой и двинулись на провокаторов.

Китайцы пытались достать нас своими палками и баграми, но не дотягивались. В считанные минуты мы вытеснили нарушителей на другой берег. (**498**)

439

23 февраля 1968 г.

Сегодня праздник — «День Советской Армии и Военно-Морского флота». На обед помимо всего прочего давали яблоки и конфеты. Поздравить нас приехало руководство отряда. Несколько грузовиков привезли артистов и оркестр.

Сцены у нас никакой не было. Потому поступили по-военному — грузовики с откинутыми бортами подъехали вплотную друг к другу. Получилась ровная и широкая деревянная платформа. Мы вынесли из казармы все стулья и табуретки, расставили их ровными рядами и сели смотреть концерт прямо на улице.

Сначала была официальная часть. С поздравлениями выступил начальник пограничного отряда полковник Литвин. Потом выступал начальник политотдела.

После официальных поздравлений был концерт. Сначала вышли парни с гитарами и пели военные песни. Потом они ушли, и на сцену выбежали девушки в цветных сарафанах и меховых шубках. Они танцевали русские народные танцы. На них было очень приятно смотреть. Особенно мне понравилась одна темненькая, с волосами до плеч и красивыми глазами, которая кружилась в центре. Когда они закончили танцевать и убежали со сцены, мы хлопали, как ненормальные.

Я побежал в казарму. Там на одном из подоконников в горшке рос какой-то цветок. Старшина Давыдов внимательно следил, чтобы дежурный по заставе каждый день поливал его. И это дало свои плоды — пару дней назад он зацвел.

Недолго думая, я обломил цветок под самый корень, сунул его за пазуху и выбежал на улицу. Но вручить его понравившейся мне девушке я не успел. Концерт уже закончился, и артисты снова сели в грузовики. Машины выехали колонной в направлении следующей заставы.

Я вернулся в казарму и воткнул цветок обратно в горшок. (**502**)

440

— Отдать его китайцам, и дело с концом.

— Нужен твой остров китайцам, как же, — усмехнулся Михеев. — Они на другое метят. Им Хабаровск и Владивосток подавай. А Даманский — это так, повод пошуметь. Они ведь во все международные инстанции жалуются, что мы их избиваем и притесняем на их же собственной территории. А это уже международные отношения! — он многозначительно поднял вверх указательный палец, потом заложил руки за голову и откинулся на подушку. — Рано или поздно наше правительство все равно им на уступки пойдет, чтобы прекратить эту пропаганду. Тогда и Даманский им отдадим и еще много чего. Сами на блюдечке принесем: «Возьмите, товарищи китайцы. Только не говорите плохо про Советский Союз». (**392**)

441

Я встал к пулемету. Хотел дать очередь из крупнокалиберного поверх голов и напугать китайцев. Но на меня набросился Коля Быстров, и мы повалились на металлический пол.

— Нельзя, товарищ сержант!

— Убери руки! — я отбивался от него изо всех сил.

Рядом с нами взревел двигателями БТР первой заставы.

Мы перестали драться и высунулись в люк. Тяжелая машина ехала по льду по направлению к дерущимся. Подъехав к толпе, она стала надвигаться на китайцев. Те начали отступать.

— Коля, давай-ка за ним!

Быстров сел на место водителя, завел двигатели, и мы поехали к БТРу первой заставы. Вместе с ним мы стали теснить китайцев, и те, в итоге, побросав оружие и плакаты, побежали к своему берегу. (**393**)

442

Я всегда хотел научиться играть на гитаре.

— Колян, а сложно научиться играть?

— Да, в общем-то, нет. Нужно только аккорды запомнить и тренироваться много.

— А ты мог бы меня научить?

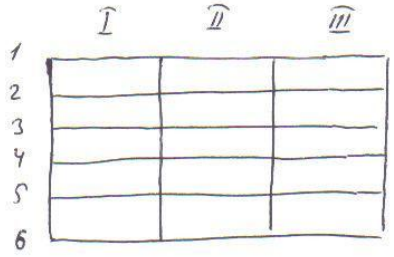
— В принципе, могу. Неси лист бумаги и ручку.

— Зачем?

— Неси, говорю.

Я принес бумагу и ручку. Коля долго писал и рисовал какие-то схемы. Потом по этим схемам объяснил мне принцип игры на гитаре.

Гриф гитары:



1, 2, 3 - номера струн (снизу вверх)

I, II, III - номера ладов

Бой:

↓ ↓↑ ↑↓↑

* *

↓ - направление движения пальцев по струнам.

* - глушение

Правая рука:

большой - p
указательн. - i
средний - m
безымян. - a
мизинец - c

Левая рука:

указат. - 1
средний - 2
безымян - 3
мизинец - 4

Перебор:

Простой

p i m a m i
5 3 2 1 2 3

Сложный

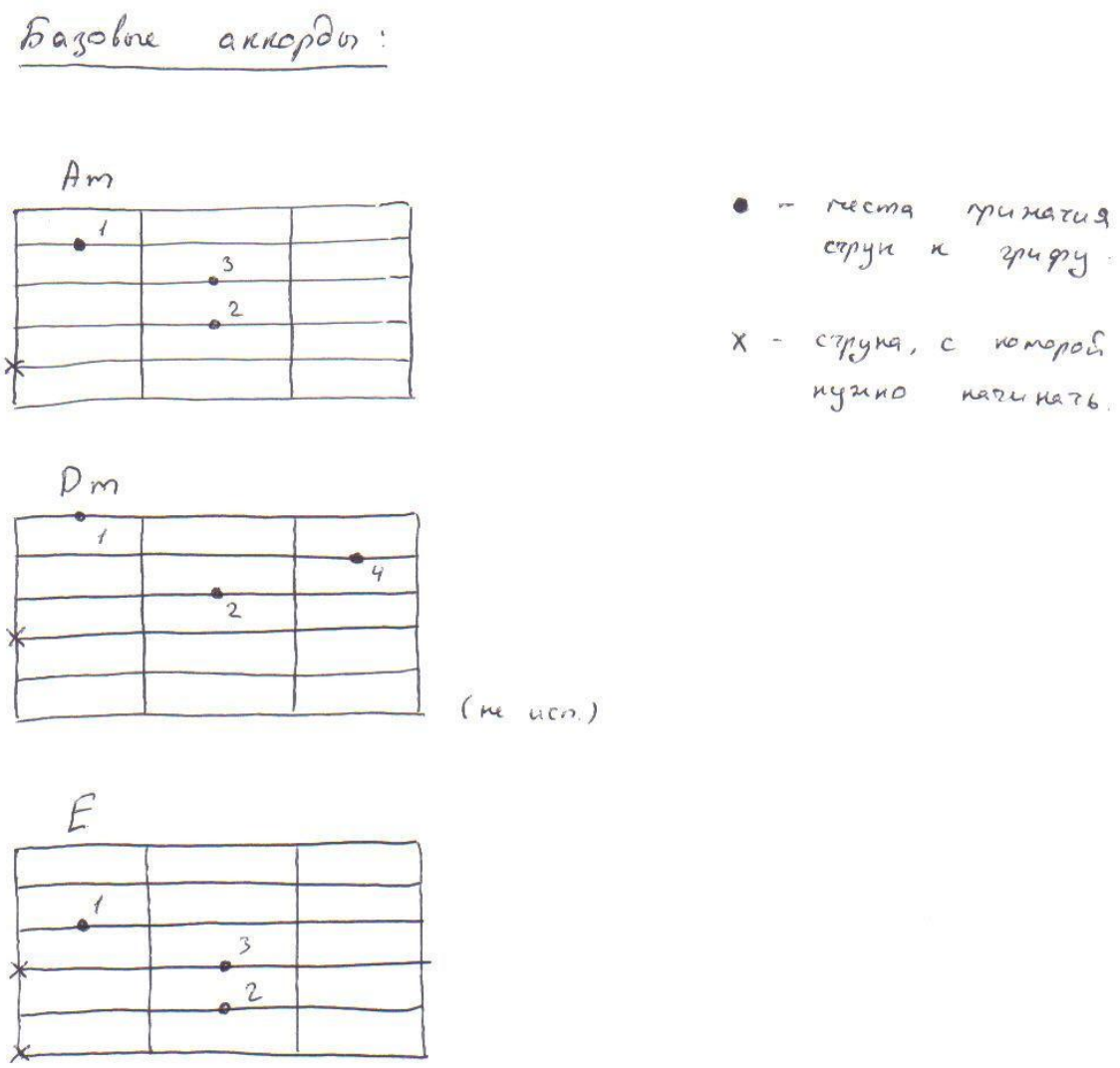
p i m i a m i m
5 3 2 3 1 2 3 2

Многозвучный 1

p 5 a m i 1 2 3 p 6 a m i 1 2 3

Многозвучный 2

p 5 a m i 1 2 3 1 2 3 p 6 a m i 1 2 3 1 2 3



— Начать я рекомендую с тренировки боя. Для этого гитара тебе не нужна. (**504**)

443

— Пошли.

Неподалеку от заставы располагался поселок «Нижне-Михайловка». Мы пришли туда. В одном из дворов увидели мужика, который рубил дрова. Когда подошли ближе, оказалось, что это даже не мужик, а дед с косматой седой бородой, но очень крепкий.

— Слышь, дед? Самогон есть? (**396**)

— Бог в помощь, отец. (**499**)

444

Я завалился спать. На заставе никому не было дела до того, лежишь ты днем на кровати или нет. Если у тебя свободное время, то делай что хочешь. Не то что в учебке.

Но сон долго не шел. Я лежал и думал о девушке с красивыми глазами, которую зовут Настя. (**506**)

445

— Не надо, бабуля. Спасибо.

Самогон найти так и не удалось. К большому неудовольствию ребят ждавших нашего возвращения, на заставу вернулись с пустыми руками. (**531**)

446

Мы решили вернуться на заставу.

— Это че такое? — спросили ребята, ждавшие нашего возвращения.

— Молоко. Козье.

— А где самогон?

— Нет самогона.

— Да вы че, пацаны?! Сегодня же праздник. Какое, нахрен, молоко?!

— Ну, если не хотите, то нам больше достанется.

— Э-э-э, погоди-погоди. Ладно. Молоко, так молоко. Пошли в каптерку.

Сели в кладовой, достали кружки и всем разлили.

— Ну, за пограничные войска! (**506**)

447

Я уверен, что такого просто не может быть.

— Товарищ старший лейтенант! Не могла вся застава так плохо отстреляться.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, я вот, например, в учебке всегда на «отлично» сдавал. А тут всего одно попадание. Может с автоматами что?

Начальник заставы взял у одного из ребят автомат, присоединил к нему снаряженный магазин и сам пошел на огневой рубеж. Отстрелявшись, он ушел в сторону мишени, но быстро вернулся, громко матерясь:

— Чертовы китайцы! Все оружие из-за них перепортили.

И действительно, при стычках с провокаторами мы часто использовали автоматы в качестве подручных средств. Это не могло не повлиять на их исправность и точность боя. Оружие нужно было менять. (**507**)

448

— Я тебе сам сейчас вмажу! Кто потом машину поведет?

— Да мы по чуть-чуть.

— Никаких чуть-чуть. Давай лучше с собой возьмем.

Купили в магазине пару бутылок «Столичной» и поехали обратно на заставу. (**533**)

449

— Давай.

— Эй, мужик! — позвал его Миша. — Пошли, за погранвойска выпьем?

— Ну, от чего ж не выпить? Давай, раз наливаешь.

— Ну, тогда садись к нам.

Все вместе набились в кабину грузовика. У мужика оказался с собой раскладной стаканчик.

— За щит нашей Родины!

Так как мужик был и без того не трезвый, то через пару стаканов он захрапел, откинувшись головой на спинку сиденья.

— Ну и че теперь с ним делать? — спросил Миша.

— Да черт его знает. Не на улицу же выкидывать. Давай в кузов положим.

Мы взяли спящего мужика за руки и за ноги, вытащили из кабины и уложили в кузове на новенькие полушубки. После чего вернулись в кабину и продолжили начатое.

Допив водку и доев остатки колбасы, мы поехали на заставу, напрочь забыв о нашем «пассажире». Ехал Миша не спеша и очень аккуратно. Подъехали к казарме. Подошли старшина Давыдов и несколько ребят, которых он взял для разгрузки полушубков.

Старшина залез в кузов:

— А это что за хрень тут лежит?! Еременко! (**534**)

450

— Всем стоять на своих местах!

Ребята что-то недовольно бубнили, но с места никто не сдвинулся. Мы продолжали смотреть на дерущихся. Китайцы вскоре отступили и вернулись на свой берег.

Мы вернулись на заставу. (**511**)

451

Мы вернулись на заставу. Начальник заставы сразу же вызвал меня к себе.

— Очень глупо ты себя повел, Еременко. Какой приказ был?

— Был приказ прикрывать с берега в случае чего.

— Вот именно! С берега! Почему нарушили приказ?

Я опустил глаза в пол и ответил:

— Не хотели отсиживаться, пока вас там бьют.

— А если бы они начали стрелять?

Я молчал. Старший лейтенант Салдаев продолжил:

— Я ни черта не понимаю, что здесь происходит. Но перед нами люди с оружием, которые уверены, что это мы находимся на их территории, а не они на нашей. Так что лучше быть готовыми ко всему. Ты меня понял?

— Так точно.

— Свободен. (**511**)

452

Я кинулся наперерез китайцу и успел как раз вовремя, чтобы заслонить начальника заставы от сильнейшего удара прикладом. Вместо этого удар пришелся по моей голове.

Все вокруг завертелось и закружилось. Я упал на снег. В ушах звенело. Правый глаз залило чем-то теплым и липким. Шум драки был где-то совсем далеко от меня. Надо мной склонился старший лейтенант Салдаев. Я почувствовал, как меня волоком тащат по снегу. Я приподнял голову и увидел, что ребята дерутся с китайцами с таким остервенением, с каким никогда прежде не дрались. Хотя, может быть, мне просто так показалось.

Китайцы отступили. (**536**)

453

— Патроны собрать у убитых!

Мы укрылись за телами погибших товарищей и забрали их боеприпасы себе.

— Стрелять короткими очередями! Экономить патроны!

С китайского берега начала бить артиллерия. Снаряды разрывались в нескольких десятках метров от нас в том месте, где стояли наши машины. Несколько раз китайцы пытались штурмовать нашу позицию. Но каждый раз отступали, неся серьезные потери. Постепенно нам удалось окопаться и еще прочнее укрепиться на своем рубеже. (**516**)

454

20 сентября 1967 г.

У нас в казарме завелась крыса. Не та, что с серыми ушами и с длинным хвостом. А та, что ворует у своих. Практически с первых дней нашего прибытия в учебку у ребят пропадают деньги, еда и вещи. Но в последнее время случаи эти заметно участились.

Вот, например, Миронову из четвертого отделения пришла посылка. Много всего хорошего там было: и сгущенка, и колбаса, и варенье в полиэтиленовых пакетах. Но самое главное — шоколадные конфеты. Мирон, как и положено, угостил сначала сержантов. Они забрали себе всю колбасу (сказали, что не положено, на жаре может быстро испортиться) и половину варенья. Остальное Мирон положил обратно в посылочный ящик и засунул под кровать, чтобы взять потом с собой на ужин и угостить ребят. Когда мы вернулись с занятий, то посылки уже не было.

Мне было обидно, что я так и не попробовал конфет. Андрей Семенов стоял в тот день в наряде. Я расспросил его, кто заходил в казарму во время занятий. Оказалось, что народу было довольно прилично: Гриша Аминин заходил за подшивой. Мурзаев из третьего отделения забыл конспект. Мирон сам заходил — старшина отправил за щеткой и гуталином. Сержант Аникин тоже был. В общем, вычислить вора возможности не было практически никакой.

Несколько раз после краж проводились обыски. Под руководством начальника заставы мы выносили на улицу тумбочки и кровати, все перетряхивали, осматривали помещения казармы. Но результатов это не принесло. Однажды только со свалки наряд принес пустой ящик от украденной посылки.

Сегодня ночью у Димы Веселова пропали деньги из кармана формы. Дима спит на соседней со мной и с Андреем кровати. Ночью я спал как убитый и ничего не слышал. Андрей говорит, что вроде бы кто-то подходил к нашим кроватям. Но он думал, что это дежурный. Дежурным ночью стоял сержант Аникин. Спрашивать его об это что-то не хочется. (**657**)

455

Я повел ребят к тому месту, где должна была быть группа старшего лейтенанта Салдаева. Мы быстро нашли их. Точнее их тела. Все они были мертвы. Тела начальника заставы и еще двоих ребят лежали на некотором удалении от остальной группы. На них было страшно смотреть. Они были изуродованы до неузнаваемости. У старшего лейтенанта Салдаева был расстегнут полушубок и разорваны карманы. Похоже, искали документы.

Мы наломали веток на берегу, положили их на снег и перенесли на них тело начальника заставы. Рядом положили тела двоих ребят, которые были вместе с ним. Волоком потащили их в сторону нашей заставы.

Навстречу нам вышли несколько человек. Это были ребята из первой заставы. Они молча стали помогать нам.

Вскоре неподалеку приземлился вертолет с командованием отряда. (**483**)

456

4 марта 1969 г.

Из пятидесяти наших ребят в живых осталось только восемнадцать. Заставу усилили за счет резервов, перекинутых из отряда. Командование отряда постоянно находится здесь. На Даманский три раза в день выходит патруль из десяти человек во главе с офицером. Каждый раз они берут с собой гранатомет СПГ-9, гранаты и большое количество боеприпасов. Кроме того у нас теперь есть три вертолета Ми-4. Но они никак не используются. Стоят на открытой площадке перед казармой.

Сегодня в тылу заставы в нескольких километрах от нас развернулась целая мотострелковая дивизия с танками и артиллерией. Но никакого отношения к нашей службе это не имеет. Мы, как и прежде, ходим в дозор, заступаем на наблюдательные посты и в «секреты». (**518**)

457

15 марта 1969 г.

Уже за полночь на остров выехали четыре БТРа. В общей сложности туда выдвинулось сорок пять человек. Для их поддержки на нашем берегу развернулись еще восемьдесят человек с автоматами и пулеметами. Среди них был и я. Я занял позицию за пулеметом РПК-47. На заставе находится резерв — еще сто человек.

Со своего места я хорошо видел происходящее на острове. Ребята расположились там четырьмя группами на расстоянии, примерно, сто метров друг от друга. Стали рыть окопы. БТРы все время перемещались по острову, меняя свои позиции.

Около 9:00 на китайской стороне заработала громкоговорящая установка. Звонкий женский голос на чистом русском языке призывал нас покинуть китайскую территорию, отказаться от ревизионизма и тому подобное. Наши тоже включили

громкоговоритель. Говорили на китайском. Языка я не знаю. Но думаю, что смысл сводится к тому, что это не китайская территория, а наша. Потом все стихло.

Прошло еще около часа. Вдруг раздался оглушительный грохот, свист и рев. На острове начали разрываться артиллерийские снаряды. Три группы китайцев, численностью по триста-четыреста человек каждая, двинулись в сторону острова. БТРы открыли огонь. Мы тоже начали стрелять по китайской пехоте. Но расстояние до нее было слишком большим. Тут нужны были не автоматы и пулеметы, а снайперские винтовки. На заставе на случай атаки китайских танков у нас были противотанковые ружья. Но сейчас они мало чем могли нам помочь.

Начальник отряда полковник Литвин находился вместе с нами в окопах. Он был зол и кричал на какого-то майора:

— Где связь, я тебя спрашиваю?! Почему нет связи с группой?!

— Не знаю, товарищ полковник. У нас все в порядке. Наверное, что-то случилось с антеннами на машинах.

— Наверное?! Что хочешь делай, а связь мне обеспечь!

БТРы все время маневрировали по острову. (**489**)

458

Я со своим отделением сразу направился к БТР-80ПБ. Сегодня была наша очередь ехать в тепле. Был там какой-то фокус у нашего механика-водителя Коли Быстрова, благодаря которому при включенных двигателях внутри БТРа сразу становилось тепло.

Первое отделение без разговоров заняло места в ледяном кузове ГАЗ-63. Старший лейтенант Салдаев и с ним еще семь человек погрузились в командирский ГАЗ-69. Выехали. В 11:00 мы уже были на развилке у места встречи с первой заставой. Их еще не было видно. Но это и неудивительно. От «Кулебякиной сопки» до Даманского значительно дальше, чем от нас. Первого отделения тоже не было видно. Они сильно отстали в пути. У ГАЗ-63 слабый двигатель. И машина довольно часто вязнет в рыхлом снегу.

Начальник заставы ходил взад-вперед и нервно курил.

— Все! Никого больше не ждем! Начнем пока процедуру. Остальные подтянутся.

Мы пожали плечами и закрыли люки БТРа. Выехали к Уссури. Подъехали как обычно к южной оконечности Даманского и спешились. Провокаторы стояли на льду метрах в

трехстах от нас. Саша Ефимов тут же достал свой фотоаппарат «Зоркий-4» и начал снимать.

Начальник заставы подошел ко мне.

В прошлый раз я не успел вовремя предупредить его о грозящей опасности. И теперь вся его голова была перебинтована. (**414**)

В прошлый раз я закрыл его от удара прикладом. И теперь вся моя голова была перебинтована. (**555**)

459

И я понял, что. Раньше китайцы всегда вели себя очень шумно. Они кричали, размахивали цитатниками и оружием. А сейчас они просто стояли и смотрели на нас. Мороз пробежал у меня по коже.

— Товарищ старший лейтенант! Что-то не так!

— Да сам вижу. Стой.

Мы остановились. От нарушителей нас отделяло не больше ста метров. Справа чернел высокий берег Даманского, на котором вот-вот должна была показаться группа прикрытия. Первого отделения на ГАЗ-63 все еще не было видно.

— Так, два человека — со мной. Остальные — на месте. Еременко, за старшего.

— Есть.

Старший лейтенант Салдаевс двумя ребятами пошел к нарушителям. Мы остались наблюдать за ними с безопасного расстояния. Они подошли практически вплотную к китайцам, и начальник заставы что-то сказал им. Саша Ефимов стоял рядом со мной и продолжал фотографировать. Один из китайцев что-то громко ответил. (**553**)

460

18 марта 1969 г.

Сегодня снова был у подбитого танка. На этот раз водил саперов. Командование решило, что раз не получается эвакуировать танк, то нужно скрытно пробраться к нему и уничтожить.

Но когда мы подползли к подбитому Т-62, возле него уже суетились китайцы. Завязалась перестрелка. Один сапер погиб. Другой сбежал. После непродолжительного боя китайцы отступили. Похоже, что что-то они уже успели открутить.

Я решил попробовать подорвать танк самостоятельно. (**523**)

Я решил вернуться на заставу. (**556**)

461

Я притворился мертвым в надежде на то, что китайцы скоро уйдут. Но, подбежав к нам, они стали яростно колоть штыками тела убитых и раненных. Последнее, что я почувствовал, — это резкий удар в грудь и острая ни с чем несравнимая боль. (**432**)

462

Ребята на острове продолжали сражаться. Бой принял очаговый характер: разрозненные группы пограничников продолжали отражать атаки китайцев. Численное превосходство противника было огромным — примерно в десять раз.

Около 15:00 в небо взлетела красная ракета. Это был сигнал к отступлению. (**374**)

463

Я занял место у рации. В шлемофоне звучал уверенный голос полковника Литвина. Перекрикивая рев двигателей, грохот стрельбы и разрывы артиллерийских снарядов, я передавал остальным команды начальника отряда. Вдруг связь прервалась.

Я стал крутить ручку настройки частот в надежде снова услышать голос полковника Литвина. (**492**)

Я бросил рацию и занял место у бойницы. (**525**)

464

4 октября 1967 г.

После того, как из учебки многих увезли покупатели, и заставы переформировали, жизнь наша стала гораздо упорядоченнее. В столовой у каждого появилось свое собственное место за столом. А это значит, что и раздатчики пищи стали постоянными. Споры из-за еды практически прекратились.

В наряд стали ходить в соответствии с расписанием. Начали заступать в караул по охране и обороне нашей казармы. Караул этот носит чисто учебный характер. Боевых патронов не дают. После отбоя нужно по очереди по два часа ходить вокруг здания казармы. И так до подъема заставы. Потом вместе со всеми на занятия.

Сегодня моя очередь. Заступили вместе с Димой Веселовым. Я был в первой смене. Сразу после отбоя дежурный по заставе сержант Аникин выдал мне автомат и стал проводить инструктаж:

— Еременко, когда будешь стоять на посту, тебя начнет слонить в клон… То есть клонить в слон… Короче, не спи у меня там! Через два часа смена. Все понял?

— Так точно, товарищ сержант.

— Тогда шагом марш на пост.

Я вышел из казармы. (570)

465

И снова я ступил на почерневший от копоти, окровавленный снег Даманского. Наша группа зашла на остров с восточного берега. Миновали обгоревшие остовы ГАЗ-63 и ГАЗ-69. Направились к одному из подбитых БТРов. Десантные люки были открыты. Заглянули внутрь — никого. Пошли цепью в поисках убитых и раненых. Повсюду чернели воронки от разорвавшихся артиллерийских снарядов, гильзы и брошенное снаряжение. Я поднял с земли небольшую брезентовую сумку и заглянул в нее. Внутри была фляжка и конфеты. Пить хотелось очень. Я открыл фляжку и понюхал ее содержимое — водка. Кажется, у китайцев она называется «ханжа». Я закрыл фляжку и кинул в рот конфету. Через несколько секунд чувство жажды исчезло. Я достал еще одну конфету и внимательно осмотрел ее обертку. Все надписи были сделаны на китайском.

Подошли к другому подбитому БТРу. Корпус его был искорежен. В борту была рваная дыра. Попытались открыть люки — ничего не получилось. Внутри у меня шевельнулось нехорошее предчувствие. Стали бить прикладами по одной из крышек. Наконец, она поддалась. Заглянул внутрь и сразу же отшатнулся, закрыв нос и рот рукавом. Внутри

БТРа лежали обгоревшие тела. Я открыл фляжку с ханжой и стал пить из нее большими глотками. (544)

466

Я выпрыгнул из тягача на снег. Конец троса лежал рядом с убитым. Пуля попала парню в голову. Стараясь не смотреть на его лицо, я взял трос и подошел к танку. (893)

467

25 марта 1969 г.

Китайцы еще несколько раз пытались выйти на остров небольшими группами. Но каждый раз мы немедленно открывали огонь, и эти попытки прекратились. Скоро начнет таять лед, и все это кончится. Может быть, навсегда. А может быть, до следующей зимы. Но меня в любом случае здесь уже не будет. (524)

468

Я решил подробнее расспросить его о происходящем на заставе. Выяснилось, что для второй пограничной заставы драки с китайцами не редкость, а чуть ли не повседневное мероприятие. Толпы китайских нарушителей, вооруженных палками, дубинами, баграми и ломами выходят на лед и ждут прихода китайских пограничников. Граница проходит по китайскому берегу, а, значит, выход за его пределы является ничем иным, как нарушением советской-китайской границы. Но это не просто нарушение границы — это спланированная заранее провокация.

Часто китайцы стоят на льду с портретами Мао Цзэдуна или с плакатами, на которых написаны антисоветские лозунги. В древко плакатов они вбивают гвозди, которые поначалу прикрывают красными цитатниками.

Провокаторы стоят на льду и ждут прихода советских пограничников. Как только те появляются, китайцы начинают кричать, размахивать цитатниками, плакатами и своим грозным оружием. Смысл криков и лозунгов сводится к тому, что это их земля, и что советский союз незаконно захватил ее.

Пограничники предъявляют требование нарушителям немедленно покинуть территорию Советского Союза. Китайцы их игнорируют. И как только наши ребята

начинают вытеснять их в сторону берега, в ход идут багры и дубины. По границе строгий приказ — оружие по провокаторам не применять. Вот и приходится каждый раз драться с ними.

Пока дежурный рассказывал, вернулся личный состав заставы. (**343**)

469

Старший лейтенант Салдаев подозвал меня к себе:

— Еременко, ты что ж делаешь?! Ты не понимаешь, что провокаторы только того и ждут, чтобы у кого-нибудь из нас нервы сдали? Они тогда на весь мир будут кричать, что советские пограничники расстреливают мирных жителей.

— Виноват, товарищ старший лейтенант. Не сдержался.

— Даже не думай ни о чем подобном больше. Все гораздо серьезнее, чем тебе кажется. (**501**)

470

16 февраля 1968 г.

За прошедшие три недели китайские провокаторы нарушали границу еще восемь раз. Пару раз это происходило совсем близко от нашей заставы. Но чаще — на удалении, в районе острова Даманский.

Это были группы примерно по пятьдесят человек все с теми же плакатами, цитатниками, дубинами и баграми. И каждый раз мы выезжали на место и терпеливо выдворяли нарушителей с нашей территории. Несколько раз вытеснение провокаторов перерастало в банальную драку с применением всевозможных подручных средств. В этих стычках обе стороны проливали на снег кровь и уносили с собой тех, кто после драки не мог идти самостоятельно.

Вернувшись на заставу, мы делали перевязки пострадавшим и жили дальше в ожидании следующей стычки. (**439**)

471

— Почему китайцы так себя ведут?

— Тут, брат, вот какое дело. — Михеев приподнялся на локте и повернулся в мою сторону. — Советско-китайская граница официально проходит по их берегу. А по всем международным нормам она по главному фарватеру реки должна проходить. В этом случае Даманский на их территории был бы. Это при царях еще они там что-то наворотили, а мы расхлебываем теперь. Раньше, говорят, попроще с этим было. Китайцы рыбачили, где хотели. Зимой по льду торговать к нам ходили. У них даже родственников много в приграничных поселках. А потом вдруг все изменилось. Исчезли те дружелюбные китайцы. А вместо них появились другие, которые стали называть нас захватчиками и ревизионистами и говорить, что мы, мол, не по тому пути идем, и, вообще, это их территория. Ну и пошло-поехало. Сначала сказали задерживать нарушителей и в отряд доставлять. Потом их стало столько, что решили просто выгонять с нашей территории. Сам видишь, как это все происходит. И такое ощущение, что никому нет дела до происходящего на границе. Включишь радио и диву даешься — все у нас в стране хорошо. (**392**)

472

— Заводи!

Он не стал задавать лишних вопросов, скрылся внутри, и через несколько секунд БТР взревел обоими двигателями. Я подбежал к нему и запрыгнул в открытый люк.

— Давай, Коля, двигай прямо на них. Прямо в толпу.

Тяжелая машина устремилась по льду к дерущимся. Наши ребята поняли что сейчас будет и отбежали в сторону, а БТР стал надвигаться на китайцев. Те начали отступать. Механик-водитель второго БТРа увидел наш маневр и вскоре подключился к нам. Два бронетранспортёра стали теснить китайцев, и те, в итоге, побросав оружие и плакаты, побежали к своему берегу. (**393**)

473

Я тоже умею играть на гитаре. Когда Коля закончил петь, я взял инструмент в руки и исполнил песню «Любимый город может спать спокойно».

В далекий край товарищ улетает,

Родные ветры вслед за ним летят.

Любимый город в синей дымке тает –

Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд.

Пройдет товарищ все бои и войны,

Не зная сна, не зная тишины.

Любимый город может спать спокойно,

И видеть сны, и зеленеть среди весны.

Когда ж домой товарищ мой вернется,

За ним родные ветры прилетят.

Любимый город другу улыбнется –

Знакомый дом, зеленый сад, веселый взгляд.

Мне очень нравится эта песня. (**529**)

474

—Что-то не охота.

Я пошел в казарму и

завалился спать. (**444**)

взял гитару. (**397**)

475

— Бери, раз дают.

Мы поблагодарили бабку и пошли дальше. Ходить с банкой молока действительно было не очень удобно, и мы решили вернуться на заставу. (**446**)

476

Это и неудивительно. При полном-то отсутствии практики. Начальник заставы сказал, что будем тренироваться. (**532**)

477

— Да ну его.

Мне не было жалко водки. Просто не хотелось пить в компании какого-то убогого. Откуда у Миши только берутся такие идеи?

Допив водку и доев остатки колбасы, мы поехали на заставу. Ехал Миша не спеша и очень аккуратно. Подъехали к казарме. Подошли старшина Давыдов и несколько ребят, которых он взял для разгрузки. Полушубки были новенькие, светлого цвета с густой теплой шерстью. Старшина дал мне один из них и попросил отнести начальнику заставы.

— Я не могу. Пусть кто-нибудь другой отнесет.

— Чего это ты не можешь? О-о-о… Ну-ка дыхни. Все с тобой ясно. И Ребров такой же? Вы что совсем обалдели?! Давно на губе не сидели?! Хрен тебе, а не машина, Ребров! Сгниешь у меня в нарядах теперь! (**509**)

478

Я первым ринулся в бой. Китайцы не выдержали прибытия «подкрепления» и побежали к своему берегу. Мы вернулись на заставу. (**451**)

479

— Осторожно! Сзади!

Начальник заставы обернулся, но было уже слишком поздно. В следующую секунду он получил сильнейший удар прикладом по голове и упал на снег.

— Офицер ранен!

Несколько ребят подхватили старшего лейтенанта Салдаева под руки и оттащили в сторону. По лицу его стекала кровь. Но я видел, что он в сознании.

Нас ослепила безудержная ярость, и мы стали драться с китайцами с таким остервенением, с каким никогда прежде не дрались.

Китайцы отступили. (536)

480

23 февраля 1969 г.

Обычно китайцы выходят на лед утром. Мы как раз успеваем позавтракать. Но сегодня всю первую половину дня была тишина. Мы уже было порадовались спокойному дню, но после обеда нас все же подняли «в ружье».

В этот раз провокаторы повели себя очень необычно. Они не стали дожидаться, когда мы подойдем к ним. Как только мы вышли на лед, они построились и с песней отправились на свой берег.

Мы вернулись на заставу. (537)

481

—Отходим к БТРу!

Расстреливая последние патроны, мы стали отходить к спасительной броне. Но тут с китайского берега открыла огонь артиллерия. Снаряды стали разрываться в нескольких десятках метрах от нас. Как раз в том месте, где стояли наши машины. Путь к отступлению был отрезан. (539)

482

Я решил прорываться с остатками отделения к своим.

— Отделение! Короткими перебежками! Стрельба на ходу! Направление — северо-восток! Бегом… марш!

Я побежал первым. Но не успел сделать и двух десятков шагов, как почувствовал сильный удар в ногу повыше колена, затем второй, третий. Ощущение было такое, что меня разрывают на части. Я упал на снег. (**521**)

483

Вскоре неподалеку приземлился вертолет с командованием отряда. Полковник Литвин организовал погрузку в него раненых, а сам отправился на остров для выяснения обстоятельств.

Еще через некоторое время прибыло подкрепление с других застав. До глубокой ночи мы ходили по острову в поисках убитых и раненых и перевозили их на заставу. (**456**)

484

6 марта 1969 г.

Сегодня хоронили наших ребят. Прямо на заставе, в братской могиле. Прилетел вертолет с генералами из округа. Приехали родители погибших. Сразу посмертно наградили всех павших: начальнику заставы присвоили звание Героя Советского Союза, ребят наградили орденами. Но близким от этого легче не станет. (**519**)

485

Было 11:15 утра.

Китайцы стояли в две шеренги и молча ждали нашего приближения. Что-то меня тревожило в их поведении. Что-то было не так, как обычно.

И я понял, что. (**459**)

Но я никак не мог понять, что. (**520**)

486

— Пошли.

Посторонним вход на территорию автопарка запрещен. У ворот постоянно дежурил наряд. Мы перелезли через забор и направились к боксам. Один из них был открыт. Мы заглянули внутрь. Двое водителей копались в двигателе ГАЗ-63.

— Мужики, у вас кислота есть? — спросил я их.

— Какая еще кислота?! Вы как сюда попали вообще?

— Да нам начальник заставы приказал умывальник отмыть. Хотим кислотой раковины облить.

— Нет у нас никакой кислоты. Идите отсюда, пока никто вас не увидел.

Мы вышли из бокса и остановились в раздумьях. С другого конца автопарка к нам шел дежурный.

— Бежим! — сказал Андрей.

Мы рванули к забору. (**632**)

— Стой. Есть идея получше. Иди за мной.

С невозмутимым видом я направился к выходу из автопарка прямо мимо дежурного. (**610**)

487

Я передернул затвор и дал длинную очередь по врагам. Несколько китайцев упали на снег. Остальные продолжали бежать. Я стрелял и стрелял. Но их было слишком много. (**890**)

488

С нашей заставы! Но никого из них я никогда не видел раньше. На соседнюю со мной кровать положили парня с перебинтованной ногой.

— Что случилось?! Что вообще происходит? — спросил я его.

Он ничего не ответил. В глазах его я уловил знакомые мне сомнения. Точно также две недели назад сомневался и я: стоит кому-либо рассказывать о случившемся со мной или нет? Я наклонился к парню поближе и сказал совсем тихо:

— Китайцы, да?

Парень снова посмотрел на меня, но промолчал. Я продолжил:

— Да не молчи ты! Я сам со второй заставы. Меня второго марта сюда привезли после того, как китайцы нас атаковали у Даманского. Где остальные наши? Вы кто такие?

— Ваших только восемнадцать человек осталось, — тихо ответил незнакомец. — Остальные все погибли второго марта. На острове была засада. Около трехсот человек. Спасло положение только то, что одна ваша группа отстала минут на пятнадцать от остальных. Они сдерживали китайцев до тех пор, пока не прибыло подкрепление с первой заставы. Нас перевели из отряда на усиление, когда все уже кончилось. Погибших похоронили через несколько дней прямо на заставе. Мы думали, что все уже позади. Но сегодня снова началось.

— Что началось?

— Война началась… Сегодня утром китайцы начали вести массированный артиллерийский огонь по острову, который охраняли четыре наших БТРа. Я был в одном из них. На нас двинулись около четырехсот китайских солдат. Мы маневрировали по острову и сдерживали наступление, сколько могли. Через несколько часов наш БТР был подбит. Когда мы покинули горящую машину, я получил ранение в ногу. Меня вытащили на наш берег, погрузили в вертолет и направили сюда. Больше я ничего не знаю. (**500**)

489

БТРы все время маневрировали по острову и вели огонь на ходу. Они отбили первую атаку китайцев. Но за ней последовала еще одна, а затем еще и еще. Через полтора часа боя загорелась первая машина. А еще через десять минут была подбита вторая. Китайцы двинули группу человек в пятьсот нашим во фланг. Ребята находились в полуокружении и держали оборону явно из последних сил. А мотострелковая дивизия все молчала.

Полковник Литвин был мрачнее тучи. Он взял трубку полевого телефонного аппарата и стал с кем-то говорить.

— Мне нужна артиллерия! — повысил он голос. — Какой, на хрен, приказ?! У меня там люди гибнут! Я вам приказываю! Что значит, вы мне не подчиняетесь?!

Он с силой бросил трубку на аппарат. На берег прямо к нашей позиции подъехали четыре танка Т-62. Начальник заставы посмотрел на них. По его лицу было видно, что он принял решение. (**358**)

490

19 марта 1969 г.

Сегодня саперы предприняли еще одну попытку взорвать танк. На этот раз ходили без меня. Повел группу тот, который сбежал прошлый раз. Побоялся трибунала. Попросился обратно — искупить свою вину. Но что-то у них там снова не сложилось. (**557**)

491

Ну его к черту, этот танк! Я выпрыгнул из тягача на снег и подбежал к убитому. Пуля попала в голову. Стараясь не смотреть в его лицо, я подтащил тело к тягачу и втянул его внутрь. После чего дал команду водителю возвращаться на заставу. (**460**)

492

Я стал крутить ручку настройки частот. БТР вдруг сильно тряхнуло. Он замер на месте с сильным креном на правый бок. От неожиданности мы не смогли удержаться на своих местах и попадали. Я сильно ударился головой о металлический борт. Десантный отсек моментально наполнился едким дымом. Нужно было срочно покинуть подбитую машину. Но люки никак не открывались. Похоже, корпус искорежило взрывом. Мы навалились все вместе на крышку, и она поддалась. Мы выбрались наружу в спасительную прохладу. (**542**)

493

5 октября 1968 г.

Взамен старых изорванных в стычках с китайцами тулупов нам привезли новые полушубки. В преддверии грядущей зимы, это весьма кстати. Как же хочется, чтобы

теплые деньки продлились подольше, и лед никогда больше не сковывал воды Уссури. (**625**)

494

Я занял место и спаренных пулеметов. Первой же очередью я случайно срезал собственную антенну. Кто додумался так неудачно расположить ее на корпусе?! Связь с остальными машинами и с начальником отряда пропала.

Я стрелял из пулемета на ходу. Зрелище было жуткое. Тяжелые крупнокалиберные пули подбрасывали китайских солдат в воздух. Ребята в десантном отсеке вели огонь из автоматов через бойницы в бортах. Остальные стреляли из окопов. Мы отбили первую атаку китайцев. Но за ней последовала еще одна, а затем еще и еще. Через час у нас стали заканчиваться боеприпасы. А еще через полчаса загорелся первый БТР. Через десять минут был подбит второй. Китайцы двинули группу человек в пятьсот нам во фланг. Мы держали оборону из последних сил, находясь уже в полуокружении. А мотострелковая дивизия все молчала. (**558**)

495

Я решил немедленно бежать на берег.

— Вскрывай оружейку, — сказал я дужурному.

— Это еще зачем?!

— Выдашь мне автомат.

— Ты чего, больной?! Я тебя в первый раз вижу.

Я не стал тратить время на препирательство с дежурным и побежал в сторону реки без оружия. (**353**)

496

23 января 1968 г.

Ребята очень порадовались тулупам, которые приехали вместе со мной. Вытесняя китайских провокаторов, им много времени приходится проводить на улице. А мороз сейчас градусов тридцать.

Китайцы выходят на лед практически каждый день. В основном это происходит в районе острова Даманский, который расположен в шести километрах от нашей заставы. Подходы к острову со стороны китайского берега не очень хорошо видны с наших наблюдательных постов. Поэтому каждый день на остров выходит наш патруль в составе трех человек.

Говорят, что когда лед на Уссури растает, будет попроще. Правда, летом китайские рыбаки часто ставят на реке сети или сушат их прямо на острове. В этом случае приходится звонить в отряд и вызывать бронекатер или самим садиться в лодки и ехать выдворять китайцев.

Примечательно то, что у нас на заставе фактически нет дедовщины. Ребятам порой так крепко достается от китайских провокаторов, что старослужащие сами никогда не трогают молодых.

Я принял под командование второе отделение. Вместе со мной оно насчитывает десять человек. Я не буду дергать ребят почем зря. Думаю, все эти военные загоны про внешний вид и образцовый порядок здесь ни к чему. (**527**)

497

Я пристегнул магазин к автомату. Щелкнул снятый предохранитель. Палец лег на затворную раму. Но передернуть ее я не успел. Кто-то крепко схватил меня за руку. Я увидел рядом с собой старшего лейтенанта Салдаева:

— Отставить, сержант!

Он отстегнул магазин от моего автомата. Но, получив удар багром по плечу, выпустил его из рук, и магазин полетел в снег.

Мы теснили китайцев до самого их берега. Там они уже перестали сопротивляться и отступили. Повторных попыток выйти на лед они не стали предпринимать, а только стояли на своем берегу, размахивали цитатниками и кричали нам вслед.

Я вернулся к тому месту, где упал в снег магазин с патронами. Долго ползал на коленях, пытаясь отыскать его и, наконец, нашел.

Когда мы вернулись на заставу, старший лейтенант Салдаевподозвал меня к себе. (**469**)

498

Мы вытеснили нарушителей на другой берег. Радости нашей не было предела. Ребята подходили, хлопали меня по плечам и хвалили за отличную идею.

Но уже вечером на заставу приехал начальник отряда полковник Литвин и устроил разнос нашему начальнику заставы.

«Секретное оружие» было порублено на дрова. (**470**)

499

— Бог в помощь, отец.

Дед перестал рубить дрова, подошел к нам и оперся на ограду.

— Спасибо, сынки. Какими судьбами здесь? Вы ж на заставе должны быть.

— Да мы это… Ну…

— Да ладно. Не напрягайся ты так. Знаю, что праздник у вас сегодня.

— Откуда вы знаете?

— Да я сам пограничник. Заходите. Выпьем по стаканчику за ваше здоровье.

Дед отворил калитку. (**398**)

500

10 июня 1969 г.

Я сижу в поезде и смотрю на проносящуюся за окном тайгу. Дембель мой так и не пришел. Официально меня комиссовали из армии по ранению за несколько дней до выхода приказа о демобилизации. И вот я еду домой.

После госпиталя я успел побывать на заставе. Из пятидесяти наших ребят в живых остались только восемнадцать. Остальные лежали там же в братской могиле. Цветов на могиле было очень много.

Ребята рассказали о том, что происходило там пятнадцатого марта. Оказалось, что в то время, как наши БТРы обороняли остров, китайцы стали сосредотачивать на берегу большие группы пехоты по четыреста-пятьсот человек. Ребята находились в полуокружении и держали оборону из последних сил.

Все это время в нашем тылу в нескольких километрах от заставы находилась развернутая мотострелковая дивизия с танками и артиллерией. Ее перекинули туда сразу после событий второго марта. Но в бою принимали участие только пограничники! Мотострелки все это время были сторонними наблюдателями и ни во что не вмешивались.

Начальник отряда решил пойти в атаку на четырех танках и переломить ход боя. Он сам сел в головной танк и направился к острову. Но его танк был подбит. Сам он погиб. А три других танка получили повреждения и вернулись на заставу.

Был дан приказ на отход с острова. Китайцы начали занимать Даманский. Но тут из-за сопки полетели реактивные снаряды. Их было огромное количество. Целый град. Они падали на китайский берег один за другим. Огромная огненная лавина накрыла собой группы китайской пехоты. А потом все стихло.

Тут же с нашего берега выдвинулись на остров четыре БТРа мотострелков. Китайцы, окопавшиеся там, лишились огневой поддержки с берега и начали поспешно отходить.

Остров был полностью освобожден. Китайцы больше не делали попыток овладеть им. (**413**)

501

25 января 1968 г.

Всю ночь я не мог уснуть и все думал о вчерашней стычке с китайцами. Интересное получается дело. У них, значит, багры и дубины в руках, а у нас автоматы от которых вообще нет толку. В лучшем случае мы можем использовать их тоже только как дубины. Не проще ли тогда тоже сразу с дубиной на лед выходить?

Я вспомнил одну книжку, которую читал еще на гражданке. Там парень в тайге заблудился. Долго шел по ней. И уже когда вышел к реке и увидел спасительный катер, то нос к носу столкнулся с медведем. Но он не растерялся. Схватил рогатину и уперся ей в медведя. А китаец, он, ведь, не крепче медведя будет.

Утром я поделился своей мыслью с начальником заставы. (**528**)

502

6 марта 1968 г.

С наблюдательного поста в районе Даманского сообщили, что группа нарушителей около ста человек вышла на лед Уссури. Старший лейтенант Салдаев связался с нашими соседями, первой заставой «Сопки Кулебякины» и попросил их выделить нам усиление.

Мы погрузились на машины и выехали. Остановились на лесной развилке и стали ждать подкрепление. Минут через сорок на дороге показался БТР-80ПБ. Он пристроился замыкающим к нашей колонне, и мы все вместе поехали в сторону Уссури.

Выехали на берег, спешились. От первой заставы приехало всего десять человек. Могли бы выделить и побольше. Мы вышли на лед и пошли по направлению к острову. Слева от него стояла толпа нарушителей, никак не меньше ста человек. (**391**)

503

30 марта 1968 г.

Стычки с китайцами продолжались. Но провокаторов было уже не такое большое количество. Справлялись своими силами. Только один раз снова привлекли первую заставу, когда китайцев было под сотню. В остальные разы их было не больше пятидесяти человек. Но и от этих пятидесяти человек нам прилично доставалось. Новые тулупы были все изорваны в клочья и ремонту не подлежали. БТР на берегу больше не оставляли. Подъезжали на нем прямо к острову, чтобы в случае чего сразу использовать его для вытеснения провокаторов.

А потом лед на реке начал таять, и жизнь наша стала гораздо спокойнее. (**394**)

504

25 апреля 1968 г.

Гитарный бой я тренировал на всем чем только можно: на собственном бедре, стоя в строю; на обложках книг; на тетрадях; на поверхности стола… Быстро довел этот процесс до автоматизма.

Начал изучать аккорды и перебор. Когда в первый раз взял в руки гитару, то долго мучился с зажатием струн. Звук получался глухим. А это значит, что струны плохо прижаты к грифу.

Пальцы на левой руке распухли и очень болели. Но я упорно продолжал заниматься. Вскоре на подушечках пальцев образовались твердые мозоли. Зажимать струны стало совсем легко. Постепенно у меня начало получаться быстро менять аккорды один за другим. Перебор тоже был доведен до автоматизма.

Как только у меня выдавалась свободная минутка, я сразу брал в руки гитару. Своим неумелым бренчаньем я достал, наверное, всех на заставе. Но ребята вынуждены были признать, что с каждым днем у меня получается все лучше и лучше. (**529**)

505

— Бабуля! Самогон есть?

— Нет, сынки. Нету. Но сейчас я вам молочка козьего вынесу.

Бабка скрылась в избе и вышла, держа в руках большую банку с молоком.

— А нахрена нам молоко? — спросил Михей.

— Бери, раз дают. (**475**)

— Да, ты прав. Таскаться с ним, что ли, по поселку теперь? Не надо, бабуля. Спасибо. (**445**)

506

5 июня 1968 г.

Вчера заступил дежурным по заставе. Сегодня утром с наблюдательного поста сообщили, что китайцы приплыли на лодках и ставят на реке сети. Доложил дежурному по отряду. Обещали выслать катер. Пусть сами на воде разбираются. Наше дело не пускать китайцев на сушу. (**545**)

507

27 июня 1968 г.

Не успел я смениться с дозора, как меня и еще четверых ребят из моего отделения отправили на Даманский. С наблюдательного поста доложили, что по острову перемещаются какие-то люди.

Для таких случаев у нас была весельная лодка. Мы сели в нее и поплыли к острову. Хотели причалить у южной его оконечности. Но берег в этом месте оказался слишком крутым, и некоторое время нам пришлось плыть вдоль него в поисках более удобного места. Наконец мы вылезли на берег и вытащили лодку на сушу.

Я не ждал никакой опасности, потому не стал делить свою группу. Все вместе мы пошли вглубь острова, откуда поднимался столб дыма. Мы увидели четверых китайцев, которые сидели вокруг костра. Неподалеку от них на воткнутых в землю шестах сушились рыболовные сети.

Не говоря китайцам ни слова, я подошел к костру, взял из него крупную горящую головню и стал жечь сети. Китайцы вскочили со своих мест, стали что-то кричать на своем языке и размахивать руками.

А подошел к самому шумному и заломил ему руку за спину. Остальные кинулись к нам, но ребята оттащили их в сторону. Мы погнали нарушителей к другому берегу острова, где стояла их лодка, время от времени отвешивая им пинки, чтобы они двигались быстрее.

Загнав китайцев в лодку, мы оттолкнули ее от берега и пожелали им счастливого плавания. После чего с чувством выполненного долга вернулись на заставу.

Вечером из отряда привезли новые автоматы. Ну, точнее, они были далеко не новые. Но, во всяком случае, исправные. (**546**)

508

5 октября 1968 г.

Закончились теплые деньки. Начало потихоньку холодать. Так как старые полушубки после прошлогодних стычек с китайцами пришли в полную негодность, меня вместе с водителем Мишей Ребровым отправили на нашем ГАЗ-63 в отряд за новыми. Ребята дали нам с собой целый список того, что им нужно в городе: кому-то папирос купить, кому-то еды, кому-то телеграмму отправить и в этом духе.

Приехали в Иман. Чтобы не терять времени даром решили разделиться: Миша поехал на склад, а я пошел в город. Решил начать с телеграммы. Зашел на почту, взял бланк и начал заполнять: «Мама поздравляю днем рождения Желаю здоровья счастья». Вспомнился старый армейский анекдот, когда один солдат давно не писал домой и попросил другого солдата, которого отпустили в увольнение, отправить телеграмму, мол, ваш сын жив-здоров, подробности письмом. А тому не хватило денег на полный текст и пришлось сократить: «Сын жив. Подробности письмом».

Усмехнувшись про себя, я отправил телеграмму и пошел в рейд по магазинам. Когда вернулся к воротам отряда, то увидел, что наш грузовик уже стоит загруженный в тени деревьев, а Ребров гуляет рядом и курит.

— Ну что, все купил? — спросил он меня, когда я подошел.

— Все. А ты полушубки получил?

— Ага. Лех, в отряд рано еще возвращаться. Пошли вмажем?

— Пошли. (**351**)

— Я тебе сам сейчас вмажу! (**448**)

509

На гауптвахту старшина не стал нас отправлять. Служба на нашей заставе и так почище любой «губы» будет. Но наказал все же сурово. Я в течение следующего месяца через сутки дежурю по заставе.

Реброва он не стал отстранять от машины. Без водителя все-таки никак. Нашел другой способ: Миша теперь каждый вечер намывает весь наш «автопарк», состоящий из БТР-80ПБ, ГАЗ-63 и ГАЗ-69, и представляет на проверку старшине. Если тот не принимает хоть одну машину, то все три перемываются заново.

Уж лучше по заставе дежурить через день. (**548**)

510

15 декабря 1968 г.

— Застава, в ружье!

Началось…

— Быстрее, быстрее, ребятки! — подгонял нас начальник заставы, натягивая свой старый черный полушубок. — Живее оружие получаем! Кто получил, выходим строиться на улицу. Соскучились, наверное, за лето по своим китайским друзьям? Ничего! Скоро свидитесь. Перов! Чего ты там копаешься?! Бегом, я сказал!

Построились на улице. Вводная та же, что и всегда: на льду китайские провокаторы. Погрузились на машины. Выехали в район Даманского. Лица у всех были довольно кислые. Это и понятно — никому не хотелось снова подставляться под удары китайцев.

Подъехали к острову. Ребята стали через люк вылезать из БТРа. Я тоже выпрыгнул на снег и увидел, что все стоят, как вкопанные, и куда-то смотрят. Я посмотрел в том же направлении и обомлел.

Китайцев было всего человек двадцать. Но это были не те рыбаки, которых мы выдворяли с нашей территории прошлой зимой. Перед нами стояли китайские пограничники, вооруженные автоматами и карабинами. Одеты они были в шапки-ушанки очень похожие на наши. Только на их шапках с боков были небольшие клапаны. Украшала ушанку красная металлическая звезда, практически такая же, как наша советская. Одеты китайские пограничники были в ватники и ватные штаны. На ногах обувь на шнуровке, что-то среднее между ботинками и кедами. Рукавицы армейского образца — большой и указательный палец отдельно, остальные вместе. Они стояли метрах в двухстах от нас, кричали и размахивали оружием.

Старший лейтенант Салдаев, не отрывая взгляда от китайцев, достал папиросу, хорошо продул гильзу, смял конец и закурил. Мы молча ждали его команды. Он сделал несколько глубоких затяжек, бросил недокуренную папиросу и обратился ко мне:

— Вот что, Алексей: бери свое отделение, обходите нарушителей справа и поднимайтесь на остров. Прикроете нас с берега в случае чего. Магазины к автоматам пока не пристегивать.

Я кивнул ему и скомандовал:

— Отделение, за мной!

Выдвинулись двумя группами. Я со своими, как и приказал начальник заставы, вышел на высокий берег острова и наблюдал сверху за происходящим. Начальник заставы с остальной группой подошел к нарушителям и что-то сказал им. Один из китайцев стал громко кричать и размахивать руками. Старший лейтенант Салдаев обратился уже непосредственно к кричавшему. Тот достал из кармана красную книжечку и стал трясти ей в воздухе.

Начальник заставы махнул рукой, и ребята навалились на провокаторов, как будто это были все те же рыбаки, а не двадцать вооруженных китайских пограничников. Я снял автомат с плеча. Ладони взмокли. Со лба ручьем тек пот. Я был уверен, что в

любую секунду начнется стрельба. Но ничего не произошло. Китайцы, так же как и наши, размахивали автоматами, словно дубинами, и дрались врукопашную.

— Товарищ сержант, давайте поможем нашим, — сказал один из моих ребят. — Мы тут стоим, а их там лупят.

— Отделение, за мной! — я взял автомат за ствол, поднял его над головой и первым ринулся в бой. (**478**)

— Всем стоять на своих местах! (**450**)

511

31 декабря 1968 г.

Провокации происходят практически каждый день. Рыбаков мы больше не видели. Каждый раз на лед выходят китайские пограничники. Поначалу нас это сильно беспокоило. Одно дело — рыбак с дубиной, другое — солдат с автоматом или карабином. Но, по сути, ничего не изменилось. Мы по-прежнему деремся врукопашную.

Постепенно напряжение спало. Но старший лейтенант Салдаев все равно всегда отправляет одно отделение для прикрытия с острова. Хотя по мне, так лучше уж всем вместе драться. Меньше синяков было бы.

Сегодня, кстати, Новый год. Совсем забыли мы о нем. Надо бы домой написать. Очень давно не писал. Как там, интересно, дела у моих? (**547**)

512

С первой заставой как обычно встретились на перекрестке и вместе выехали к южной оконечности Даманского. Спешились. Пошли к китайцам. Я видел, как ребята из первой заставы перешептываются между собой и показывают в сторону вооруженных провокаторов. «Не дрейфь, граница! Мы это уже проходили!». К слову сказать, в этот раз с «Кулебякиной сопки» приехало два отделения.

Старший лейтенант Салдаев подошел к нарушителям. Но не успел он сказать и слова, как провокаторы кинулись в атаку. Началась драка. Я увидел, как один китаец что-то сказал другому и показал на нашего начальника заставы. Тот кивнул и начал продираться сквозь толпу к старшему лейтенанту Салдаеву, обходя его с тыла.

Я кинулся наперерез китайцу. (**452**)

Я закричал:

— Товарищ старший лейтенант! Осторожно! Сзади! (**479**)

513

Всем пострадавшим была оказана первая помощь. Трофейное оружие сложили на стол в ленинской комнате.

Я взял в руки китайский автомат. Он был точной копией нашего АК-47 с той только разницей, что на боковую сторону его были нанесены какие-то иероглифы.

— Ну, китайцы! Ничего своего придумать не могут. Только бы скопировать что-нибудь.

Михей в это время рассматривал карабин. Он был идентичен нашему СКС-45. Магазин к автомату был пристегнут. Я отстегнул его и увидел, что он полностью снаряжен.

Тут раздался оглушительный выстрел, и я уронил магазин на пол. Михей стоял и растерянно смотрел на карабин, ствол которого еще дымился. В ленинскую комнату вбежал начальник заставы и закричал:

— Вы что, с ума сошли?! Кто стрелял?! Кто разрешил?!

— Да я ничего не делал, — испуганно сказал Михей. — Едва к курку прикоснулся. А у него патрон уже в патроннике оказался.

В ленинской комнате повисла гробовая тишина. Все молча посмотрели на дырку в стене. Пуля попала в портрет Ленина. (**480**)

514

2 марта 1969 г.

Всю ночь шел снег. К утру намело большие сугробы. С Даманского вернулся лыжный патруль и доложил дежурному, что на острове все спокойно. Все шло как обычно. Мы обсуждали, выйдут сегодня китайцы на лед или нет. Вышли. Примерно в 10:30 утра раздалась привычная команда: «Застава, в ружье!».

С наблюдательного поста доложили, что в район острова выдвинулось около тридцати провокаторов с оружием. Стали получать автоматы и полушубки.

Начальник заставы позвонил соседям и попросил выслать усиление. Он сильно ругался, подгонял нас больше обычного и все время смотрел на часы.

Экипировались. Вышли на улицу.

Я со своим отделением сразу направился к ГАЗ-63. (**549**)

Я со своим отделением сразу направился к БТР-80ПБ. (**458**)

515

— За мной!

Мы побежали на остров и увидели, как китайцы остервенело тычут штыками тела лежащих на снегу ребят. Наших ребят. Я дал по ним длинную очередь из автомата.

Китайцы, похоже, не ожидали нашего появления. Они попадали в снег и стали стрелять по нам. Силы были не равны. Перевес был явно на стороне противника. Китайцы подбирались все ближе. Мои ребята падали на снег один за другим, истекая кровью. У каждого из нас с собой было всего по два магазина. Вот-вот должны были закончиться патроны.

Я принял решение:

— Отделение, слушай мою команду! Отходим к БТРу! (**481**)

— Отделение, слушай мою команду! Держать позицию! Патроны собрать у убитых! (**453**)

516

Постепенно нам удалось еще прочнее укрепиться на своем рубеже.

Бой шел уже не меньше часа, когда мы поняли, что кто-то поддерживает нас автоматным огнем с другого конца острова. Интенсивность наступления китайцев на нашу позицию заметно снизилась. Где-то рядом с островом работал крупнокалиберный пулемет. Звук его все время перемещался вдоль берега. Похоже, что это был БТР первой заставы.

Я решил прорываться с остатками отделения к своим. (**482**)

Я решил ждать, пока подкрепление прорвется к нам. (**540**)

517

Мы пошли вглубь острова в поисках раненых. На западном берегу мы обнаружили огромное количество китайских «лежек». Я насчитал около трехсот. Они представляли собой небольшие углубления, вырытые в снегу, на дне которых лежали соломенные циновки. В панике китайцы побросали рядом с ними оружие, магазины с патронами, фляжки и сумки с едой. Вокруг было много кровавых следов. Повсюду валялись упаковки от использованных индивидуальных перевязочных пакетов.

В одном месте возле «лежек» на снегу лежало множество разбитых телефонных аппаратов. Именно здесь проходили следы нашего БТРа. Похоже, что ребята из первой заставы налетели прямо на командный пункт китайской засады и уничтожили его.

Здесь же мы обнаружили тела десяти наших ребят. Это та группа, которая должна была прикрывать начальника заставы с острова. На них было страшно смотреть. Их тела были все в крови и лежали в неестественных позах.

— Товарищ сержант! Один живой!

Я подбежал к одному из ребят. Он был без сознания и дышал с трудом. Мы положили свои автоматы в ряд параллельно друг другу и расстелили на них сверху полушубок. Получилось что-то типа носилок. Мы осторожно положили на них раненого и понесли его в сторону заставы.

На берегу мы встретили ребят из первой заставы и троих местных жителей из расположенного неподалеку поселка «Нижне-Михайловка». Услышав выстрелы, они приехали к нам на санях, запряженных лошадью. Мы положили раненого на сани и вернулись на остров в поисках других.

Вскоре неподалеку приземлился вертолет с командованием отряда. (**483**)

518

4 марта 1969 г.

Сегодня был на Даманском в составе патруля. Ничего там не изменилось. Повсюду валяются гильзы. На снегу кровавые следы и черные воронки от разорвавшихся снарядов. Нет только брошенного китайского снаряжения — его перенесли на заставу. (**484**)

519

14 марта 1969 г.

В районе 15:00 с наблюдательных постов начали поступать доклады о том, что на китайском берегу какое-то оживление. Группы китайских солдат по десять-пятнадцать человек стали перебежками выдвигаться в сторону Уссури, другие стали занимать окопы напротив острова и устанавливать пулеметы и гранатометы, третьи совершали перемещения вдоль границы. Несколько китайцев в маскхалатах ползком перебрались на Даманский, затем вернулись на свой берег. Тревожное предчувствие не оставляют меня.

Полковник Литвин отдал приказ выслать на остров восемь БТРов. Тех, кто участвовал в бою второго марта в экипажи не взяли. Хотя мы лучше всех знаем эту местность. Машины выдвинулись на остров. Китайцы моментально отошли. БТРы вернулись на заставу.

Но около 20:00 поступил новый приказ: занять остров и не покидать его до особого распоряжения. Было принято решение отправить туда четыре БТРа. Меня снова не взяли ни в одну из групп.

Я решил обратиться напрямую к начальнику отряда. (**399**)

Я был рад возможности остаться на берегу. (**457**)

520

Но я никак не мог понять, что.

Когда до нарушителей оставалось метров сто, начальник заставы вдруг поднял руку и сказал:

— Стой. Еременко и Михайлов — со мной. Остальные — на месте.

Двинулись дальше втроем. Справа чернел высокий берег Даманского, на котором вот-вот должна была показаться группа прикрытия. Первого отделения на ГАЗ-63 все еще не было видно.

Мы подошли к нарушителям практически вплотную. Старший лейтенант Салдаев обратился к ним:

— Вы находитесь на советской территории. Немедленно покиньте ее!

Один из китайцев громко ответил:

— Эта земля принадлежит Китаю! (**554**)

521

Я упал на снег и потерял сознание. Очнулся от того, что кто-то перевернул меня на спину. Я с трудом открыл глаза и увидел прямо над собой лицо ненавистного китайского солдата.

Заметив что я жив, китаец отскочил в сторону, схватил обеими руками свой карабин и с криком вонзил штык мне в живот. (**890**)

522

16 марта 1969 г.

Начальник отряда погиб. Он совершил ошибку, сев в головной танк. Командир никогда не садится в головную машину. После того, как танк был подбит, экипаж выбрался через десантный люк, но был сразу же атакован китайцами. Шансов на спасение не было.

Сегодня на Даманский отправляют две поисковые группы: одну к подбитому танку, другую на сам остров. Меня берут в одну из них, как хорошо знающего местность.

Попрошу, чтобы меня отправили к танку. (**562**)

Попрошу, чтобы меня отправили на остров. (**465**)

523

Я решил попробовать подорвать танк самостоятельно. Расстегнув сумку убитого сапера, я достал из нее несколько десятков тротиловых шашек, запалы, огнепроводные шнуры и инструмент.

Вставил шнур в запал и осторожно обжал его со всех сторон. Мне уже приходилось делать это раньше в учебке, на занятиях по инженерной подготовке. Затем я вставил запал в углубление одной из тротиловых шашек. Остальные просто сложил рядом. После чего поджег конец огнепроводного шнура, отбежал в сторону и залег.

Мощным взрывом танк подкинуло в воздух. Но особого вреда это ему не причинило. Видимо, взрывчатки было мало. Нужно было возвращаться на заставу. (556)

524

5 мая 1969 г.

Сегодня войска были полностью выведены из района Даманского. Остров снова полностью передан пограничникам. Стычек с китайцами больше не было. (560)

525

Я занял место у бойницы как раз вовремя, чтобы увидеть совсем рядом от нас китайского солдата с РПГ. Я дал по нему длинную очередь. Китаец упал, но в последний момент успел произвести выстрел. Ракета взорвалась у переднего правого колеса. БТР сильно подкинуло, но он продолжал двигаться вперед. Наш пулеметчик при этом сильно ударился головой о металлическую стену. По лицу его текла кровь. Он ошалело смотрел по сторонам и часто моргал. Продолжать бой он уже не мог.

Я встал к пулемету. (543)

526

Мы продолжали сражаться. Бой на острове принял очаговый характер: разрозненные группы пограничников продолжали отражать атаки китайцев. Численное превосходство противника было огромным — примерно в десять раз.

Около 15:00 в небо взлетела красная ракета. Это был сигнал к отступлению. (374)

527

24 января 1968 г.

Вскоре после завтрака заставу подняли в ружье. Мы экипировались, получили оружие и боеприпасы. У каждого с собой по два магазина с патронами. Но есть приказ: «магазин к автомату не присоединять». Чтобы не дай Бог не произошло случайного

выстрела, и китайская сторона не обвинила нас в применении оружия по мирным жителям.

Погрузились на три машины: ГАЗ-63, ГАЗ-69 и БТР-80ПБ. Выехали на место. Остановились на берегу. Дальше пошли пешком по льду.

Метрах в пятистах от нас на белом снегу, покрывавшем Уссури, чернел остров. Он был густо покрыт кустами и деревьями и имел слегка изогнутую вытянутую форму. Слева от него на льду стояла толпа нарушителей, никак не меньше пятидесяти человек. (**390**)

528

Я поделился своей мыслью с начальником заставы. Идея ему понравилась, и он дал указание старшине Давыдову взять солдат и нарубить в лесу несколько десятков больших рогатин.

Теперь у нас появилось «секретное оружие». Действенное и гуманное. Оставалось только проверить его на деле. (**438**)

529

28 мая 1968 г.

— Товарищи солдаты, поздравляю вас с Днем пограничника!

— Ура! Ура! Ура-а-а-а!

Сегодня у нас большой праздник. Снова приехало командование отряда. Организовали концерт. И снова на сцене кружилась в танце понравившаяся мне девушка. Цветы на этот раз я подготовил заранее. Благо, что на улице было практически лето, и за казармой недавно распустилось целое море маленьких незнакомых мне белых цветочков.

Сразу после концерта я подошел к ней и протянул небольшой букет:

— Привет! Это тебе.

— Ой, какие красивые! Спасибо!

— Меня Алексеем зовут.

— Везет мне сегодня на Алексеев. Настя.

Она протянула мне руку. Я пожал ее хрупкие красивые пальчики и молча смотрел на нее, не зная что сказать дальше.

— Я пойду. У нас еще три заставы впереди.

— Да, да… Конечно, — промямлил я.

Она убежала к остальным девушкам. Они сели в грузовик. Заревели моторы, и машины выехали колонной. На прощание, уже сидя в кузове, она помахала мне рукой. (**395**)

530

Мы накинулись на дымящуюся вареную картошку.

На заставу вернулись под самый вечер. Пьяные. На пороге казармы нас встретил старшина Давыдов.

— О-о-о… Как это вас так угораздило?

Я поднял вверх большой палец и с чувством сказал:

— Егор Кузьмич вот такой мужик!

— Понятно все. Бегом спать. Салдаеву не попадайтесь. А то устроит вам веселую жизнь. (**506**)

531

На заставу вернулись с пустыми руками.

— А где самогон? — спросили нас парни, когда мы пришли в казарму.

— Нету самогона.

— Блин! Пацаны, ну как так?! Сегодня же праздник такой… Надо было кого-нибудь другого посылать. Хоть бы молока принесли что ли… (**506**)

532

16 июня 1968 г.

Вторые и третьи стрельбы оказались ничуть не лучше. Появилось подозрение, что с оружием что-то не так.

Начальник заставы взял у одного из ребят автомат и внимательно его осмотрел. Не говоря ни слова, он присоединил к нему снаряженный магазин и сам отправился на огневой рубеж. Отстрелявшись, он ушел в сторону мишени, но быстро вернулся, громко матерясь:

— Чертовы китайцы! Все оружие из-за них перепортили.

И действительно, при стычках с провокаторами мы часто использовали автоматы в качестве подручных средств. Это не могло не повлиять на их исправность и точность боя. Оружие нужно было менять. (**507**)

533

Поехали обратно на заставу.

Полушубки сдали старшине Давыдову. Они были новенькие, светлого цвета с густой теплой шерстью. Старшина дал мне один из них и попросил отнести начальнику заставы.

— Товарищ старший лейтенант, старшина просил вам передать, — я протянул полушубок начальнику заставы.

Старший лейтенант Салдаев снял с вешалки свой старый, черного цвета, и внимательно осмотрел. Полушубок был потрепанный, но целый.

— Не надо, Еременко. Я к старому привык. Он еще вроде ничего. Отнеси обратно старшине. (**548**)

534

За мужика в кузове и за пьянку мы с Ребровым могли запросто оказаться на гауптвахте суток на пятнадцать. Хотя служба на нашей заставе почище любой «губы» будет.

Старшина не стал сдавать нас начальнику заставы. Наказал по-своему. Я в течение следующего месяца через сутки дежурю по заставе. Реброва он хотел временно

отстранить от вождения и тоже поставить «на орбиту» в какой-нибудь наряд. Но старший лейтенант Салдаев не разрешил. Без водителя никак. Но старшина нашел другой способ: Миша теперь каждый вечер намывает весь наш «автопарк», состоящий изБТР-80ПБ, ГАЗ-63 и ГАЗ-69, и представляет ему на проверку. Если старшина не принимает хоть одну машину, то все три перемываются заново.

Уж лучше по заставе дежурить через день. (**548**)

535

25 января 1968 г.

Сразу после обеда старшина выдал мне и еще нескольким ребятам топоры и повел в лес. Задача стояла такая: нарубить как можно больше рогатин величиной не меньше человеческого роста и толщиной с руку.

— Товарищ старшина, а это для чего? — спросил я.

— На медведя охотиться пойдем, — ответил он. Надеюсь, пошутил.

Сложнее всего было отыскать в тайге подходящее дерево. Но уже к ужину мы заготовили несколько десятков замечательных рогатин. (**603**)

536

Китайцы отступили, оставив на снегу несколько автоматов и карабинов. Они, хромая, плелись к своему берегу, изредка останавливались, трясли кулаками и кричали в нашу сторону: «Черный Иван, мы тебя убьем!»

Подобрав трофейное оружие, мы вернулись на заставу. Нам достались автомат и два карабина. Примерно столько же единиц оружия увезла с собой вторая застава.

На заставе всем пострадавшим была оказана первая помощь. (**513**)

537

Мы вернулись на заставу. Там нас уже ждал праздничный концерт. Командование отряда в этот раз не приехало. Оказывается, в Дальневосточном военном округе начались какие-то крупномасштабные учения, и все уехали на них. Не было и Насти. Вместо нее на сцене кружилась совсем другая девушка. (**514**)

538

Было 11:15 утра.

У южной оконечности острова на привычном месте стоял наш БТР-80ПБ и ГАЗ-69. Подъехали к ним. Мы видели, как наши ребята приближаются к группе китайцев, которая стояла слева от острова метрах в трехстах от нас. Возле БТРа прохаживался с папиросой в зубах Коля Быстров. Я выскочил из машины первым, подошел к нему и спросил:

— Чего нас не дождались?

— Да черт его знает. Салдаев вообще нервный сегодня какой-то. Торопится куда-то.

— А первая застава здесь уже?

— Нет, конечно. Ты еще про третью спроси.

— Ладно. Мы пошли нашим помогать.

Вдруг откуда-то с острова раздались два пистолетных выстрела. Следом за ними затрещали автоматные очереди. Китайцы стреляли по нашим ребятам. Стреляли не только те тридцать человек, которые стояли на льду. С берега острова вели шквальный огонь не меньше сотни стволов.

На наших глазах ребята падали один за другим, не успев сделать ни единого ответного выстрела.

— Застава к бою! — закричал я. — За мной! (**515**)

539

Путь к отступлению был отрезан. Вернуться на исходную позицию к телам погибших товарищей возможности тоже не было. Там уже были китайцы.

Я прицелился в одного из них и нажал на спуск — ничего не произошло. Автоматы остальных оставшихся в живых ребят тоже молчали.

— Отделение! Примкнуть штык-ножи! В рукопашную! За мно-о-о-ой! (**890**)

540

Я решил ждать, пока подкрепление прорвется к нам. Покидать уже оборудованную огневую позицию было опасно. Мы продолжали вести бой. Рокот крупнокалиберного пулемета то приближался к нам, то снова удалялся. И вот он стих совсем. Мы обеспокоенно переглянулись. Но на другой стороне острова бой явно продолжался. А значит, первая застава тоже держится. (**550**)

541

15 марта 1969 г.

Уже за полночь выехали на остров на четырех БТРах. В общей сложности сорок пять человек. Для нашей поддержки на берегу развернулись в цепь еще восемьдесят человек с автоматами и пулеметами. На заставе находится резерв — еще сто человек.

Приехали на остров. Расположились четырьмя группами на расстоянии примерно сто метров друг от друга. Вырыли неглубокие окопы. Я снова занял место в БТРе. Около 9:00 на китайской стороне заработала громкоговорящая установка. Звонкий женский голос на чистом русском языке призывал нас покинуть китайскую территорию, отказаться от ревизионизма и тому подобное. На нашем берегу тоже включили громкоговоритель. Говорили на китайском. Языка я не знаю. Но думаю, что смысл сводится к тому, что это не китайская территория, а наша. Потом все стихло.

Прошло еще около часа. Вдруг раздался оглушительный грохот, свист и рев. Справа, слева, сзади — со всех сторон вокруг нас начали разрываться артиллерийские снаряды. Наш БТР маневрировал по острову, чтобы китайская артиллерия не могла пристреляться к нему. В смотровую щель я увидел, что три группы китайцев, численностью по триста-четыреста человек каждая, двинулись в сторону острова. Началось…

Я занял место и спаренных пулеметов. (**494**)

Я занял место у рации, чтобы у нас было четкое взаимодействие с остальными машинами. (**463**)

542

Мы выбрались наружу. Стрельба была адская. С китайского берега мы были видны как на ладони. Полы моего нового полушубка были моментально изодраны пулями в клочья. Но меня даже не царапнуло.

Один из БТРов оценил наше бедственное положение и закрыл нас от китайцев своим бортом. Пули с визгом и лязгом отскакивали от его брони. Но через двадцать минут загорелся и он.

Китайцы двинули группу человек в пятьсот нам во фланг. Мы держали оборону из последних сил, находясь уже в полуокружении. А мотострелковая дивизия все молчала. (558)

543

Я встал к пулемету и начал стрелять на ходу. Зрелище было жуткое. Тяжелые крупнокалиберные пули подбрасывали китайских солдат в воздух. Мы отбили первую атаку китайцев. Но за ней последовала еще одна, а затем еще и еще. Через час у нас стали заканчиваться боеприпасы. А еще через полчаса загорелся первый БТР. Через десять минут был подбит второй. Китайцы двинули группу человек в пятьсот нам во фланг. Мы держали оборону из последних сил, находясь уже в полуокружении. А мотострелковая дивизия все молчала. (558)

544

19 марта 1969 г.

Было принято решение охранять остров с помощью огневого прикрытия. На вершинах высоких сопок установили несколько крупнокалиберных пулеметов, а напротив Даманского в окопах теперь несут службу наряды с пулеметами и снайперскими винтовками.

Подбитый танк не дает командованию покоя. Это новейший танк, и на нем установлены какие-то секретные приборы, которые ни в коем случае не должны попасть в руки врага. Но китайцы тоже хорошо осознают его ценность и никого к нему не подпускают.

Сначала его хотели отбуксировать. Но наш тягач был обстрелян с китайского берега. Погиб один человек. Было принято решение взорвать танк. Но когда саперы подошли к нему, то прямо там столкнулись с китайскими солдатами, которые уже что-то успели открутить. Погиб сапер.

Была еще одна попытка. Но на тот момент никакого секретного оборудования на танке уже не оказалось. Под него все равно заложили заряд взрывчатки. Мощным взрывом танк подкинуло в воздух. Но особого вреда это ему не причинило. (557)

545

14 июня 1968 г.

Пользуясь тем, что теперь у нас было значительное количество свободного времени, старший лейтенант Салдаев решил провести стрельбы. Общий результат по заставе оказался неудовлетворительным. В моей мишени была всего одна дырка. Это из десяти выданных патронов! У других ситуация была ничуть не лучше.

Это и неудивительно. (**476**)

Я уверен, что такого просто не может быть. (**447**)

546

10 июля 1968 г.

Сегодня год, как я служу в армии. Это большой праздник. Вместе с ребятами моего призыва мы заранее запаслись всем необходимым для того, чтобы отметить его как следует.

Водитель ГАЗ-63 Миша Ребров время от времени бывает в отряде по различным делам. По нашему заказу без особого труда он приобрел несколько бутылок «Столичной». Я договорился на кухне на счет тушенки и жареной картошки. И к нашему празднику все было готово.

Днем ходили купаться на Уссури. На другом берегу видели китайцев. Показывали им различные жесты и оголенные части тела.

Вечером отмечали в каптерке. (**508**)

547

23 января 1969 г.

Сегодня с наблюдательного поста доложили, что в районе Даманского на лед вышло около пятидесяти нарушителей. Начальник заставы запросил подкрепление у первой заставы. Раньше при таком количестве провокаторов мы никогда не просили помощи соседей. Всегда справлялись сами. Но теперь старший лейтенант Салдаев решил подстраховаться. Видимо, из-за того что они вооружены. Хотя мне кажется,

что нет никакой разницы. Похоже, что им, так же как и нам, строго настрого запрещено применять оружие.

С первой заставой как обычно встретились на перекрестке. (**512**)

548

7 декабря 1968 г.

С каждым днем становится все холоднее. Скоро на Уссури встанет лед, и стычки с китайскими провокаторами возобновятся. Мы все с тоской думаем об этом. Непонятно, почему командование не принимает никаких кардинальных мер.

Единственное, что изменилось — из отряда нам прислали солдата-фотографа, чтобы он вел подробную фото и видео хронику выдворения китайских провокаторов с советской территории. Но нам от этого нисколько не легче. Этим командование хочет прикрыть свои… спины. Удары дубинами от этого менее болезненными не станут.

Фотографа зовут Саша Ефимов. Хороший парень. Я так понял, что он с детства увлекается фото и видеосъемкой. Вот и в армии это увлечение пригодилось. Благодаря тому, что теперь на заставе есть свой собственный фотограф, у нас появилось много фотографий. Будет память после дембеля. (**510**)

549

Я со своим отделением сразу направился к ГАЗ-63. Сегодня была наша очередь ехать в ледяном кузове. Первому отделению предстояло совершить поездку в теплом нутре БТРа. Был там какой-то фокус у нашего механика-водителя Коли Быстрова, благодаря которому при включенных двигателях внутри БТРа сразу же становилось тепло.

Старший лейтенант Салдаев и с ним еще семь человек погрузились в командирский ГАЗ-69. Выехали. У нашего ГАЗ-63 был слабый двигатель. Машина вязла в рыхлом снегу. И мы довольно сильно отстали от остальных.

Когда выехали на развилку, где обычно дожидались подкрепления с первой заставы, никого там не обнаружили. Странно. Неужели «Кулебякина сопка» так быстро добралась до места? Повернули в сторону Уссури. Было 11:15 утра. (**538**)

550

Значит, первая застава тоже держится.

Неожиданно БТР возник прямо перед нами в тылу у китайцев. Среди врагов началась полнейшая паника. Китайцы поднялись всей массой и побежали в сторону своего берега.

Мы стреляли по бегущему врагу, а БРТ врезался в эту толпу и давил их колесами. На снегу образовалось сплошное месиво из человеческих тел. Но тут прямо рядом с БТРом разорвался минометный снаряд. БТР задымил и замер на месте. Открылся люк. Из него вылез наш механик-водитель и начал по очереди вытаскивать остальных из подбитой машины.

Китайцы больше не стреляли. Бой завершился в 11:50. (**419**)

551

Подумают, что это я крыса. А даже если и найду — это все равно ничего не означает. Ну, взял кто-нибудь конспект переписать и не сказал об этом. Это ведь не значит, что этот же человек деньги и еду ворует. Правильно? (**464**)

552

15 апреля 1969 г.

Очнулся я в госпитале через несколько дней после того, как получил ранение. Врачи говорят, что все это время жизнь моя висела на волоске. Но постепенно состояние стабилизировалось, и меня перевели из палаты интенсивной терапии в общую.

Первое время не мог даже говорить. При любой попытке пошевелиться все тело отзывалось нестерпимой болью. Но с каждым днем мне становилось все лучше, и вскоре я уже мог спокойно сидеть на кровати.

Знакомых в палате никого не было. Никто из ребят не знал ничего о том, что со мной произошло и откуда меня привезли. Я ничего им не рассказывал, так как сам до конца не понимал, что произошло и что стало с остальными ребятами с нашей заставы. Кроме того, я не знал, можно ли вообще кому-нибудь говорить о том, свидетелем чего я стал, и не навредит ли мне самому все то, о чем я расскажу. Ведь официально мы с Китаем являемся друзьями и союзниками. Вопросов у меня в голове было очень много. Очень хочется поговорить с кем-нибудь и найти на них ответы. Я

все надеялся, что кто-нибудь из наших придет ко мне и обо всем расскажет. Но никто не шел.

Пятнадцатого марта в госпиталь стало поступать много контуженых, ожоговых больных и с пулевыми ранениями. Оказалось, что их везут со второй погранзаставы. С нашей заставы! (**488**)

553

Один из китайцев что-то громко ответил.

В следующую секунду раздались два пистолетных выстрела. Первая шеренга китайцев резко расступилась, а вторая открыла внезапный автоматный огонь. Старший лейтенант Салдаев и ребята, которые были с ним, упали на землю, как подкошенные. Еще через секунду по нашей группе начался шквальный огонь с берега острова. (**559**)

554

— Эта земля принадлежит Китаю!

В следующую секунду раздались два пистолетных выстрела. Первая шеренга китайцев резко расступилась, а вторая внезапно открыла автоматный огонь. (**890**)

555

Вся моя голова была перебинтована. Шапка-ушанка с трудом налезала.

— Ну что, Алексей? Будешь теперь моим личным телохранителем. Со своим отделением идешь со мной. Остальные прикрывают нас с острова.

— Есть, товарищ старший лейтенант.

Двинулись к нарушителям. Саша Ефимов непрерывно щелкал затвором фотоаппарата. Было 11:15 утра. (**485**)

556

Я решил вернуться на заставу. Снял с себя полушубок, расстелил его на снегу, перенес на него тело убитого сапера и волоком потащил его в сторону нашего берега. (490)

557

20 марта 1969 г.

Из штаба пришло строгое указание: не допустить более гибели ни одного человека. К подбитому танку никого больше не отправляли. Его стали обстреливать из 240-мм минометов. Мины падали то справа, то слева, то спереди, то сзади, но ни одна из них не попала в цель. В итоге лед треснул, и танк ушел на дно Уссури. (467)

558

Мотострелковая дивизия все молчала. Почему они не вступают в бой?! Еще час — и от нас ничего не останется!

Каково же было наше облегчение, когда мы увидели, что со стороны заставы к нам движутся колонной четыре танка Т-62! Наконец-то к нам идет долгожданная помощь! Но, как оказалось впоследствии, радость наша была преждевременной.

Танки подошли к южной оконечности острова и стали огибать его с западной стороны. Когда они подошли к тому месту, где погибла группа старшего лейтенанта Салдаева, головной танк был подбит. Остальные машины получили серьезные повреждения и отошли обратно в сторону заставы.

Мы продолжали сражаться. (526)

559

По нашей группе начался шквальный огонь с острова. Первым на снег упал изрешеченный пулями Саша Ефимов. За ним еще один человек и еще… Деваться было некуда. Мы находились на открытом пространстве. Сверху, с острова, по нам вели огонь не меньше сотни человек. И мы были видны им как на ладони. Прямо на нас бежали и стреляли на ходу еще тридцать китайцев.

Я почувствовал сильный удар в ногу повыше колена, затем второй, третий. Ощущение было такое, что меня разрывают на части. Я упал на снег и закричал. Китайцы были уже совсем рядом.

Стиснув зубы, я достал магазин из подсумка, пристегнул его к автомату и передернул затвор. (**487**)

Я закрыл глаза, стиснул зубы и притворился мертвым. (**461**)

560

10 июня 1969 г.

Я сижу в поезде и смотрю на проносящуюся за окном тайгу. Пришел мой дембель. И вот я еду домой. Долго прощался с ребятами на заставе. Прощались безрадостно. То, что с нами произошло, навсегда породнило нас. Расставаться было тяжело.

Я вышел на первой же станции и купил бутылку водки. Попутчики осуждающе смотрят на меня. Но мне нет до них никакого дела. Я сижу и пью. Пью за ребят, которые погибли у Даманского и думаю о том, что среди них вполне мог оказаться я.

А ведь мог вообще не попасть в Иманский пограничный отряд. Судьба — странная штука. По сути все решалось в тот момент, когда я стоял в кабинете начальника учебной заставы старшего лейтенанта Строганова со своей характеристикой в руках. (**41**)

Но все сложилось так, как сложилось. И теперь я еду домой в надежде забыть обо всем, что со мной произошло в эти дни. Но в душе я понимаю, что эти события навсегда разделили мою жизнь на «до» и «после». (**894**)

561

Было 11:15 утра.

Боковым зрением я уловил какое-то движение и резко повернул голову. Метрах в двадцати от меня прямо на снегу лежал китаец и смотрел на меня. Рядом с ним лежал еще один. И еще. И еще… Все они были в белых маскировочных накидках. Потому мы и не заметили их сразу. Засада!

— К бою!

Раздалось два пистолетных выстрела. За ними последовал рев автоматных очередей. Ребята среагировали молниеносно. Они рассыпались в цепь и начали вести ответный огонь.

Но это уже ничего не решало. Китайцев было огромное количество. Они поднялись со своих лежек и бежали на нас, стреляя на ходу. Наши ребята падали на снег один за другим.

Я попытался укрыться за деревом, но почувствовал сильный удар в ногу повыше колена, затем второй, третий. Ощущение было такое, что меня разрывают на части. Последнее, что я видел, — это как китайцы подбегают к лежащим на снегу ребятам и остервенело колют их штыками. (**890**)

562

Вместе с группой, идущей на остров, добрались до южной оконечности Даманского. Возле обгоревших остовов ГАЗ-63 и ГАЗ-69 разделились. Они свернули на восток, чтобы там подняться на берег. Мы же свернули на запад и стали огибать остров, двигаясь к тому месту, где две недели назад погибла группа начальника заставы, а вчера погиб экипаж танка Т-62 вместе с начальником отряда.

В глаза бросился необычный предмет прямоугольной формы. Я подошел к нему. Это был квадратный белый полиэтиленовый пакет, наполовину занесенный снегом. Я потянул его на себя. Пакет оказался очень тяжелым. Я достал штык-нож и вскрыл полиэтиленовую оболочку. Внутри пакета лежала противотанковая мина советского образца.

Так вот, значит, что делали китайцы вечером 14 марта в районе острова — минировали лед Уссури между островом и своим берегом. Похоже, они опасались повторных маневров БТРов, как было второго марта. Тогда, по сути, произошел беспрецедентный случай — один наш взвод уничтожил целый батальон противника, если не полк. Видимо, полковник Литвин хотел повторить тот же маневр. Но на этот раз китайцы все предусмотрели.

Добрались до подбитого танка. Гусеницы были разорваны. Башня с выведенным на ней номером «545» была немного скошена на бок. Неподалеку от танка, в оставленной им колее, лежало тело начальника заставы. Я склонился над ним: пулевые ранения в ноги, одно — в сердце. Полушубок расстегнут. Из нагрудного кармана торчала карта местности. Я достал ее. В том же кармане лежало удостоверение личности. Пуля пробила их насквозь.

Я поднял тело начальника отряда и понес его на руках в сторону заставы. (**388**)

563

— Давай в овощерезку запишемся.

Андрей был не против. Кроме нас желающих не было. Аникин назначил еще двух человек.

Заступили в наряд. Овощерезка располагалась в довольно просторном помещении с каменным полом и стенами. Одна дверь вела из него прямо в сердце столовой — варочный цех. Другая — сразу на улицу, с обратной стороны столовой.

У старого наряда приняли чистоту и порядок, а также несколько кривых сточенных ножей и три большие чугунные ванны. В углу стояло несколько мешков картошки — это на завтрак. Но так как завтрак нужно готовить с вечера, сразу же после ухода старого наряда, мы сели чистить картошку.

Сели на две лавки, стоящие друг напротив друга. В центр поставили мешок с картошкой. Очистки кидали прямо на пол. Ничего страшного — потом все равно убирать. Почищенную картошку кидали в ванну, наполненную водой.

Работа шла не быстро. Тем более что время от времени в овощерезку заглядывал сержант Аникин и проверял качество нашей работы. Плохо почистишь — заставит перечищать. Много срежешь — накажет. Очистки от картошки не должны превышать определенный процент от общего веса, полученного со склада. А как тут мало срежешь, когда половина картошки гнилая насквозь?! Уж лучше кашу какую-нибудь дали на завтрак. Гречу, например. И вкусно, и наряду на сколько проще было бы.

С чисткой картошки управились часам к десяти вечера. Но когда дежурный по столовой поставил нам следующую задачу, руки совсем опустились. В меню на завтрак было жаркое. А это значило, что каждую картофелину помимо всего прочего теперь нужно еще и порезать на несколько частей.

Мы с тоской посмотрели на полную ванну картошки. Да-а-а… Нам вчетвером тут и до утра не управиться. Еще ведь и порядок нужно будет потом наводить.

Но делать было нечего. Немного повздыхав, мы сели возле ванны и стали нарезать картошку. (**631**)

— Спокойно, мужики. Сейчас все будет. — сказал я и снял с пожарного щита лопату. (**652**)

18 сентября 1967 г.

В санчасти я пролежал без малого три недели. Поначалу было неплохо. Только бок очень болел. Отоспался. Официально подъем в санчасти был в то же время, что и на заставе. Но все вставали, одевались, заправляли свои кровати и снова ложились уже поверх одеяла. Часа через два приносили завтрак. Кормили значительно лучше, чем в нашей столовой. Я даже поправился на несколько килограммов. Врач приходил один раз за день, часов в десять утра. Осматривал вновь прибывших, бегло опрашивал тех, кто лежал уже давно, что-то записывал у себя в журнале и исчезал.

Был в санчасти и свой наряд. Один человек постоянно дежурил у входа. Не знаю для чего. Документов он ни у кого не проверял. Дверь и так была постоянно открыта. Просто так сидел с красной повязкой на руке. Назначенные уборщики два раза в день мыли палату и коридоры санчасти.

Так как первые две недели я официально был «лежачим» больным, то меня ко всем этим мероприятиям не привлекали. Но потом врач перевел меня в разряд «ходячих». И тут уже никого не волновало, что бок мой еще не зажил до конца. Я вместе со всеми драил полы.

Особого внимания заслуживает «пожарный расчет». За каждым больным закрепляется определенное имущество санчасти, которое он должен вынести на улицу в случае пожара: кровать, шкаф, сейф из кабинета врача, письменный стол и тому подобное. Дед-водитель возвращался обычно под вечер и любил отрабатывать с нами действия пожарного расчета. Пыхтя и отдуваясь, мы вытаскивали на улицу имущество, а потом заносили его обратно. А дед ходил взад-вперед и приговаривал:

— Терпите, сынки! Тяжело в учении — легко в бою!

Сегодня меня, наконец-то, выписали, и я вернулся на заставу.

— Явился, наконец, симулянт? — встретил меня недовольный сержант Аникин.

— Почему симулянт, товарищ сержант? У меня проникающее ножевое ранение было.

— Потому что пока ты там в санчасти отлеживался, застава впахивала на полигоне. Но ничего. Я теперь тобой лично займусь. Будем наверстывать. (**454**)

565

2 сентября 1967 г.

Завтрак, приготовленный в полевой кухне, был намного вкуснее, чем обычный, из парового котла. За порубленную лопатой картошку всему варочному цеху начальник заставы объявил по два наряда вне очереди. Потому на следующий же день после того, как мы сменились с наряда по столовой, я заступил дневальным.

Старший лейтенант Сафин, уходя вечером домой, поставил наряду задачу: за ночь привести умывальник в идеальное состояние. До идеального состояния ему было весьма далеко. Одно дело прибраться и начистить краны. Другое — отмыть все ржавые пятна с раковин. Тут действительно предстояло трудиться всю ночь.

Вторым дневальным был Андрей Семенов.

— Лех, пошли в автопарк,— предложил он. — Попросим у водил кислоты. У них по-любому есть. Я однажды дома ванну кислотой облил. Она знаешь какая сразу белая стала!

—Ну, ты молоток! Соображаешь! Пошли. (**486**)

—Не, Андрюх. Давай обойдемся без самодеятельности. Мне хватило картошки. (**654**)

566

— Так не пойдет.

Дед подошел к одному из котлов и открыл массивную крышку. Внутри был кипяток. Повар зачерпнул воду огромным половником и вылил все на пол. Потом еще раз и еще. Пока весь варочный цех не оказался залит водой. Мы повздыхали немного, взяли в руки тряпки, ведра и стали собирать воду.

Мимо промчался сержант Аникин. Увидев потоп, он остановился и спросил:

— А у вас здесь что случилось? Почему воды столько на полу?

— Сержант, почему они у тебя так плохо полы моют? — спросил его дед. — Видишь, приходится вместо тебя с ними заниматься. Ты думаешь, у меня своих дел нет?

— Блин… Да у меня вон в овощерезке потоп еще — трубу прорвало. Один боец так на выход спешил, что на нож напоролся. В санчасть только что отнесли.

Полы мы мыли до поздней ночи. Но надо признать, что после того, как мы закончили, они действительно стали чище. (**634**)

567

Но мы решили сделать по-своему. Грязная посуда прибывала в таких количествах и с такой скоростью, что мы быстро поняли несостоятельность «правильного» способа мытья. Этак мы и до утра не управимся.

Мы наполнили все раковины водой и стали каждую нагружать грязной посудой. Через некоторое время елозили прямо в раковине тряпкой, после чего доставали посуду и ставили на стол. Получалось очень даже сносно.

Не забывали мы и о том, ради чего вообще пришли на мойку. Вскоре в закутке на скамейке появилось две тарелки с подтаявшим маслом, сахарница и несколько кусков хлеба.

Через пару часов с посудой было покончено. Мы наскоро вытерли пол и сели перекусить. Если хлеб с маслом, сверху посыпанный сахаром. Мне кажется, что ничего вкуснее я никогда не ел. Съели все до последнего кусочка, после чего вышли из мойки посмотреть как там дела у остальных.

В варочном цеху царил полнейший хаос. Все было залито водой. Наряд ползал на корточках с тряпками и собирал воду в ведра. Мы аккуратно прошлепали мимо них в овощерезку. Весь остальной наряд был там и помогал с картошкой. Мы взяли кривые сточенные ножи и тоже сели помогать.

Картошка была уже вся почищена. Но так как в меню на завтрак было жаркое, ее еще нужно было порезать. Чем все и занимались. Вылавливали картофелины из одной ванны, разрезали на несколько частей и кидали в другую. Вода в ванне была холодная. Руки быстро онемели, а пальцы сморщились и распухли.

От ребят мы узнали о том, что в овощерезке,оказывается, случилось самое настоящее ЧП: прорвало паровую трубу. Но от горячего пара, к счастью, никто не пострадал. Пострадали от другого. В момент прорыва трубы один человек так резко дернулся к выходу, что случайно напоролся на нож своего товарища. Его отнесли в санчать. Жить вроде как будет. Но на какое-то время работа овощерезки была полностью парализована.

С картошкой закончили уже поздней ночью. Варочные тоже как раз только-только закончили с уборкой. Они быстро перетаскали нарезанную картошку в паровой котел, и дежурный отпустил всех в казарму. Мы пришли в расположение и попадали на кровати. (**634**)

568

В обеденный зал пришли деды. Водитель санитарки подозвал меня к себе:

— Слышь, военный? А почему дембельский стол пустует?

— Так я думал, что уже поели все.

— Подойди-ка поближе.

Я приблизился к деду практически вплотную. Он взял со стола металлическую кружку и с размаха ударил меня ей по лбу. От неожиданности я чуть не осел на пол.

— Это тебе, чтоб меньше думал. Бегом на стол накрывай. Я видел там у офицеров колбаса сегодня была.

Держась рукой за гудящую голову, я побежал на варку. Там царил полный хаос. Повсюду была вода. Наряд на корточках ползал по полу и собирал воду тряпками в ведра.

— Мужики, спасайте! — сказал я им. — Деды пришли. Колбасы требуют.

— Нет у нас колбасы.

— А что есть?

— Ничего нет. Все в отходы уже вынесли.

— Блин. Меня там убьют сейчас. Совсем ничего нет что ли?

— Тебе же русским языком сказали: ничего нет. Видишь, не до тебя сейчас.

Блин! Придется отдавать припрятанную колбасу. А я ведь ее даже не попробовал.

Схватив с плиты горячий чайник, я побежал обратно в зал, взял тарелку с колбасой, немного посомневавшись, прихватил еще и сахар. Мало ли? Пока нес все это дедам, не мог оторвать взгляд от вкуснопахнущих аккуратно нарезанных каталочек. Видимо колбаса перед тем, как ее нарезали и вынесли в зал, лежала в холодильнике. И теперь на ее поверхности появились небольшие капельки влаги. Я уже было взял один кусочек и хотел съесть, но снова положил его на тарелку и потер ушибленный лоб. Колбасы и так было немного.

Деды ушли довольные. (**593**)

569

29 сентября 1967 г.

В туалете в каждой кабинке с внутренней стороны двери повесили ТТХ АК-47. Это идея старшего лейтенанта Сафина. Чтобы мы сидели там и одновременно учили характеристики. По-моему, это уже маразм.

Одного не пойму: эффективная дальность стрельбы АК-47 600 м, а прицельная дальность 800 м. В чем разница? (**612**)

570

Я вышел из казармы. Слышно было как дверь за мной закрыли на засов. Я постоял немного на крыльце, подышал прохладным вечерним воздухом и неспеша пошел вокруг здания.

Но далеко уйти я не успел. В темноте отчетливо послышались шаги. На свет вышел дед из санчасти и направился прямо ко входу в казарму.

— Стой! Назад! — громко сказал я ему.

— Кто здесь? А! Это ты, душара? Ты как с дедушкой разговариваешь?!

— Я не имею права подпускать вас к казарме.

— Да ладно, расслабься. Я к старшине вашему иду.

Я молча пропустил деда. (**613**)

— Я все равно не имею права вас пускать. (**595**)

571

8 октября 1967 г.

Сегодня воскресенье. В учебном центре проводится спортивный праздник. Праздника хочется очень. Но ключевым словом является «спортивный».

Чего тут только не было: кросс, полоса препятствий, эстафета, гири, перетягивание каната, подъем с переворотом… В общем, сплошное веселье. Единственное, что мне действительно понравилось, так это выступление внештатной пожарной команды. Это у нас третья учебная застава. На открытой

площадке возле плаца из досок сколотили что-то типа небольшого сарайчика. Внутрь положили чучело. Вокруг накидали старых автомобильных покрышек. Все это облили бензином и подожгли. Ребята действовали быстро и слаженно: размотали пожарный рукав, принесли огнетушители, кошму, песок и быстренько потушили огонь. Правда, напор воды из пожарного рукава был настолько сильным, что сарайчик тут же развалился, и чучело пришлось извлекать из-под обломков.

Наконец-то нас распустили и объявили свободное время. (**647**)

572

1 ноября 1967 г.

Подошло к концу наше обучение. Вчера сдавали комплексный зачет. Проводились зачетные стрельбы. Никаких выдающихся результатов ни по одной из дисциплин я не показал.

Сегодня зачитали наше распределение. Меня отправляют на вторую пограничную заставу 57-го Иманского пограничного отряда. Ребята говорят, что хуже варианта быть просто не может. Никто не знает точно почему, но вторую заставу этого отряда все очень не любят, и никто не хочет туда попадать. Вот так вот мне повезло! Наверное, Сафин постарался. Он с самого первого дня меня не взлюбил. Но ничего. Прорвемся. (**636**)

573

Всему нашлось логичное объяснение. Оказалось, что на второй пограничной заставе «Нижне-Михайловка» старослужащим совсем не до дедовщины. И причина не в зорком оке командования, которое строго следит за соблюдением уставных взаимоотношений между солдатами и сержантами. И не в количестве нарядов и сложности охраняемого участка границы. Причина другая — китайские провокаторы.

Застава «Нижне-Михайловка» охраняет участок границы вдоль берега Уссури. Официально граница проходит по китайскому берегу. Что, кстати говоря, несколько противоречит официальным нормам, в соответствии с которыми граница должна проходить по главному фарватеру реки. Но есть официальный документ, подписанный еще в стародавние времена обеими сторонами, согласно которому река целиком принадлежит Союзу Советских Социалистических Республик.

Но китайцы часто нарушают границу. Причем делают они это исключительно для того, чтобы демонстративно вступить в конфликт с нашими пограничниками.

Особенно часто это происходит в окрестностях расположенного в нескольких километрах от заставы острова Даманский.

Китайцы выходят на лед и ждут наших пограничников. Часто в руках у них портреты Мао Цзэдуна и плакаты с лозунгами, типа «Долой советский ревизионизм!». У каждого с собой красная книжечка — цитатник Мао. Наши пограничники выходят им навстречу и пытаются убедить покинуть советскую территорию. Те кричат, что это их земля, и это, наоборот, мы незаконно на нее пришли. Такие противостояния часто длятся по несколько часов, а иногда заканчиваются драками с применением все тех же плакатов и других подручных средств. (**616**)

574

Я решил поделиться с ним своими мыслями:

— Да, понимаете, товарищ сержант, я раньше думал, что граница — это здорово. Родину охранять, нарушителей ловить и все такое. А на деле ведь нет ничего этого. Тупое, никому не нужное брожение по лесу.

— Ясно все. Думал романтика, а оказалась рутина. Героем хочешь быть?

— Ну, не то чтобы героем…

— Так героизм заключается не в том, чтобы диверсантов ловить, а в том, чтобы быть постоянно готовым к любым неожиданностям. Попрут завтра китайцы на нас на танках — будем держать границу до прибытия армейских частей. А это и два, и три дня может длиться. Будешь с китайцами воевать или сбежишь при первом же выстреле?

— Буду, — серьезно ответил я.

— Значит, ты уже герой. Уже только потому, что готов к этому, потому что живешь здесь в глуши, вдали от цивилизации. Не только живешь, но и службу несешь. (**660**)

575

Я решил сам все съесть. Стал доставать тушенку из банки прямо ножом. Мимо проходил старшина Давыдов.

— Ты что, Еременко, не наедаешься? А откуда у тебя тушенка такая? — он взял в руки вторую банку.

Увидев иероглифы на крышке, он ошалело посмотрел на меня:

— Ты что, идиот что ли?! Ты у китайцев это взял? У наших потенциальных врагов? А если они отравить нас решили? Ну-ка, пошли со мной.

Старшина привел меня к начальнику заставы. Такого отборного мата я не слышал ни разу в жизни. (650)

576

10 января 1968 г.

Снова провокаторы вышли на лед у Даманского. На этот раз их было человек тридцать. Все начиналось так же, как и обычно. Но когда мы уже привычно выстроились цепью напротив нарушителей, я увидел, что один из китайцев специально прикрывает древко плаката красным цитатником.

Не успел старший лейтенант Салдаев до конца договорить фразу с требованием покинуть нашу территорию, как китайцы с криком бросились на нас. И тут я увидел, что прикрывал китаец цитатником. В древко плаката были вбиты гвозди. Их острые концы торчали во все стороны. И этим плакатом китаец теперь орудовал, как дубиной.

Но грозное оружие не спасало провокаторов. Все наши ребята были высокими и крепкими. И каждый без особого труда справлялся с двумя и даже с тремя китайцами. К тому же мы похватали автоматы за стволы и тоже размахивали ими направо и налево.

В итоге китайцы отступили. Кое-кто из них после стычки не мог идти самостоятельно. Их уносили на руках. Среди нас тоже были пострадавшие: разбитые губы, носы, брови, глубокие царапины и ссадины.

Эх, шмальнуть бы по этим тварям из автомата! Или штыком пару раз ткнуть! Но оружие строго-настрого запрещено применять. Мы даже магазины не пристегиваем, когда на лед выходим. Опасается наше командование, что не дай Бог случайный выстрел произойдет, и весь мир тогда начнет говорить о том, что советские солдаты расстреливают безобидных китайских рыбаков. Знал бы этот мир, какие они безобидные. (639)

577

Я кинулся к сержанту, чтобы остановить его. Успел как раз вовремя. Перехватил его руку в тот момент, когда он собирался передернуть затворную раму. Он попытался освободиться из моего захвата. Мы сцепились и вместе повалились на снег.

Китайцы, глядя на нас, радостно галдели и улюлюкали.

— Отставить! — кричал начальник заставы. — Отставить, я сказал!

Мы встали и заняли свои места в шеренге. (640)

578

16 февраля 1968 г.

Драки с китайцами случаются теперь практически каждый день. Не принимают участия в них только те, кто в тот момент стоит в наряде. Мы все ходим в синяках и ссадинах. Кто-то с перебинтованной головой.

Непонятно, почему командования отряда не принимает никаких кардинальных мер. Ощущение складывается такое, что всем вообще безразлично, что у нас здесь происходит. (620)

579

6 марта 1968 г.

Сегодня у меня разгрузочный день. Я вместе с сержантом Михеевым стою в дозоре. Наверняка китайцы снова придут к Даманскому. Так хоть в наряде можно передохнуть от этих стычек.

— Товарищ сержант, разрешите обратиться?

— Да чего ты все заладил «товарищ сержант», да «товарищ сержант»? Это я в строю тебе «товарищ сержант». А так можно просто — Вася.

— Василий, а кем ты будешь, когда из армии вернешься?

— Не знаю. Может, в институт поеду поступать. В горный. С детства люблю разные камни и минералы.

— О! А у нас, кстати, в Ленинграде есть горный институт. Может еще и встретимся на гражданке.

— Врядли. Я в Москву собираюсь ехать. Хотя, все может быть. Жизнь — она ведь длинная.

Так мы и шли не спеша от одной точки связи к другой. Во время одного из докладов дежурный по заставе сказал, что наши все выехали к Даманскому. Говорит, китайцев человек сто. Врет, наверное. Страху нагоняет.

Когда мы вернулись на заставу, то узнали, что дежурный ничуть не преувеличивал. Ребята были побиты, как никогда. На усиление к нашим приезжала первая застава «Сопки Кулебякины». Но даже вместе с ними, говорят, справились с китайцами с трудом. (641)

580

Каждому в тумбочку я положил по кусочку колбасы. Первым в расположение вошел Коля Быстров.

— А чем это так вкусно у нас пахнет? Колбасу кто-то заныкал? — спросил он.

— Да вот сам сижу гадаю, — ответил я.

Он подошел к своей тумбочке и открыл ее. Увидев внутри кусок колбасы, он очень обрадовался. (662)

581

У меня уже был однажды с ним конфликт. Тогда, на льду у Даманского, когда я помешал ему передернуть затвор автомата. Сержант стоял, засунув руки в карманы, и задумчиво смотрел вслед уже исчезнувшим из вида грузовикам.

— Я не буду тебя бить… сейчас, — сказал он негромко. — Завтра. После ужина. За казармой. (624)

582

17 июня 1968 г.

Автоматы нам заменили только через две недели после того, как мы обнаружили их непригодность к стрельбе. Но лучше поздно, чем никогда. Хорошо, что нам не пришлось использовать их по назначению в этот период. Хотя куда их использовать…

Сегодня с поста у Даманского был доклад о том, что на остров высадились китайцы. Пятеро наших плавали туда на лодке. Справились быстро. (**623**)

583

— Зарежем и отнесем на заставу. Будет мясо на ужин. Да и не только на ужин. Тут на месяц, наверное, хватит.

Я снял штык-нож со ствола автомата, крепко сжал его в руке и приблизился к косуле. Никогда прежде я не делал ничего подобного. Но сейчас я был старшим наряда, и на меня смотрели «молодые». Конечно, проще было бы ее пристрелить. Но граница совсем рядом. Учитывая наши непростые взаимоотношения с сопредельщиками, стрельбы была ни к чему.

Когда все было кончено, я вытер дрожащий в руке нож о траву и снова присоединил его к автомату.

— Ну что встали? — сказал я ребятам, которые широко раскрытыми глазами смотрели на происходящее. — Тащите! (**643**)

584

5 сентября 1968 г.

Косуля очень быстро поправлялась. Вскоре после того, как я принес ее на заставу, она начала вставать на ноги. Поначалу сильно хромала. Но мало-помалу рана заживала. В итоге от нее не осталось и следа.

Когда же пришло время выпускать животное на волю, мы открыли решетку собачника и отошли в сторону. Косуля вышла во двор, но никуда не убежала. Так она и поселилась у нас на заставе. Старший лейтенант Салдаев распорядился, чтобы ее поставили на довольствие. Неофициально, конечно.

Назвали ее просто и по-русски — Маша. Она гуляла по двору, провожала и встречала наряды и вообще активно участвовала в нашей повседневной жизни. Ко мне она относилась по-особенному. Каждый раз, когда я подходил к ней, Маша клала свою голову мне на плечо и дышала в ухо.

«Твоя-то, вон, опять ничего не ест. Тебя ждет.» — говорил мне повар, когда я возвращался из наряда. Я брал буханку хлеба и шел к своей Маше. А она ела и снова дышала мне в ухо. (**493**)

585

И я с большим удовольствием делаю это. Надо ведь чем-то порадовать ребят. Это ведь память на всю жизнь будет. Ведь не факт, что встретимся еще когда-нибудь после армии. А пленку всегда на брак списать можно, если что. (**644**)

586

23 января 1969 г.

Сегодня выдворяли провокаторов вместе с соседями с «Кулебякиной Сопки». Китайцев было всего человек пятьдесят. Но старший лейтенант Салдаев решил, видимо, подстраховаться и запросил подкрепление. С первой заставой встретились на развилке у реки. Вместе с ними выехали на лед и подъехали к южной оконечности острова.

Китайцы были настроены крайне агрессивно. Начальник заставы не успел сказать им и слова, как они бросились на нас, размахивая автоматами, словно дубинами. Началась драка. Один из китайцев попытался ударить прикладом старшего лейтенанта Салдаева. Но его закрыл собой один из ребят. Удар пришелся по голове. Парень упал на снег и потерял сознание. Это разозлило нас еще сильнее.

В итоге, мы избили китайцев так, как никогда прежде. Провокаторы отступили, оставив на снегу несколько автоматов и карабинов. Они, хромая, плелись к своему берегу, изредка останавливались, трясли кулаками и кричали в нашу сторону: «Черный Иван, мы тебя убьем!». Не знаю, откуда они это узнали, но нашего начальника заставы действительно зовут Иваном.

Прихватив трофейное оружие, мы вернулись на заставу. Я был в свое каморке и менял пленку в фотоаппарате, когда раздался оглушительный выстрел. Я чуть было не выронил фотоаппарат из рук. Быстро закончив работу, я побежал смотреть, что случилось.

Оказалось, что выстрел был случайным. Сержанты в ленинской комнате рассматривали трофейное оружие. У китайского карабина патрон оказался в патроннике. Кто-то коснулся спускового крючка и произошел выстрел. К счастью, никто не пострадал. Но страшно подумать, что могло произойти, если бы этот выстрел произошел у Даманского во время драки с китайцами. (**645**)

587

Я как обычно сел вместе с начальником заставы в ГАЗ-69. В 11:00 мы уже были на развилке у места встречи с первой заставой. Их еще не было видно. Но это и неудивительно. От «Кулебякиной сопки» до Даманского значительно дальше, чем от «Нижне-Михайловки». Нашего ГАЗ-63 тоже не было видно. Он сильно отстал в пути. У этой машины довольно слабый двигатель. И она довольно часто вязнет в рыхлом снегу.

Начальник заставы ходил взад-вперед и нервно курил.

— Все! Никого больше не ждем! Начнем пока процедуру. Остальные подтянутся.

Мы снова расселись по машинам и выехали к Уссури. Подъехали как обычно к южной оконечности Даманского и спешились. Провокаторы стояли на льду метрах в трехстах от нас. Мы разделились. Одна группа, отправилась на остров, чтобы прикрыть нас с берега в случае чего. Мы же направились к китайцам. Я достал из-под полушубка фотоаппарат и начал снимать. Было 11:15 утра. Китайцы стояли в две шеренги и молча ждали нашего приближения. Что-то меня тревожило в их поведении. Что-то было не так, как обычно. Но я никак не мог понять, что.

Когда до нарушителей оставалось метров сто, начальник заставы дал команду остановиться. Он приказал нам оставаться на месте, а сам вместе с двумя ребятами пошел к китайцам. Я непрерывно щелкал затвором фотоаппарата. Справа от нас чернел высокий берег Даманского, на котором вот-вот должна была показаться группа прикрытия. Нашего ГАЗ-63 и машин первой заставы все еще не было видно.

Старший лейтенант Салдаев вплотную подошел к нарушителям. Диалог был коротким. Вдруг откуда-то раздалось два пистолетных выстрела. Первая шеренга китайцев резко расступилась, а вторая внезапно открыла автоматный огонь. Начальник заставы и ребята, которые были с ним, упали на землю как подкошенные. В ту же секунду с острова по нам начали вести огонь не меньше сотни стволов. Ребята, стоявшие рядом со мной, падали на снег один за другим, изрешеченные пулями.

Я потянулся к подсумку, но тут же почувствовал сильный удар в ногу повыше колена, затем второй, третий. Ощущение было такое, что меня разрывают на части. Я упал на снег. (**552**)

588

7 декабря 1968 г.

Лед на Уссури с каждым днем становится все крепче. Стычки с китайскими провокаторами скоро возобновятся. Мы все с тоской думаем об этом. На заставе так и не нашлось ни одного человека, который умеет работать с фотоаппаратурой. Прислали умельца из отряда. Зовут его Саша Ефимов. Хороший парень. Я так понял, что он с детства увлекается фото и видеосъемкой. Вот и в армии это увлечение пригодилось. Благодаря тому, что теперь на заставе есть свой собственный фотограф, у нас появилось много фотографий. Будет память после дембеля. (**607**)

589

23 января 1969 г.

Сегодня выдворяли провокаторов вместе с соседями с «Кулебякиной Сопки». Но я стоял в дозоре и все пропустил. Когда вернулся в казарму, то сразу заметил, что что-то не так. Ребята были чем-то взволнованы. Все говорили про какой-то случайный выстрел, который то ли мог быть, то ли произошел. Неужели кто-то стрелял по провокаторам?! Я поймал в коридоре Диму Перова расспросил его.

Он рассказал, что сегодня была очень жестокая драка с китайцами. Гораздо хуже, чем обычно. Один из провокаторов пытался ударить прикладом начальника заставы. Но его закрыл собой один из ребят. Удар пришелся в голову. Парень потерял сознание. В итоге китайцев отлупили так, как никогда прежде. Они вернулись на свой берег, оставив на снегу несколько автоматов и карабинов. Уходя, они кричали нашему начальнику заставы, что убьют его.

Трофейное оружие принесли на заставу и положили на стол в ленинской комнате. Один из сержантов взял в руки карабин и тот случайно выстрелил. Оказалось, что патрон уже дослан в патронник.

Я пошел в ленинскую комнату. Оружия в ней никакого уже не было. Но запах пороховых газов отчетливо чувствовался. Ну и дела! Почему патрон оказался в патроннике? Что это: безалаберность китайского пограничника или же наоборот — полная готовность немедленно вступить в бой? Чего ждать дальше? Страшно. (**629**)

590

Мы отправились на остров. Так как берег в этом месте был очень крутым, мы немного отклонились вправо и на некоторое время потеряли китайцев из вида. Поднялись на остров и направились к южному берегу, с которого обычно и осуществлялось прикрытие. Было 11:15 утра. (**630**)

591

— Давай в варочный запишемся.

— Давай! Я сам хотел тебе предложить.

Заступили в наряд. Варочный цех располагался в самом центре столовой. С одной стороны от него была овощерезка. Оттуда нам предстояло носить почищенную нарядом картошку, так как на завтрак в меню было жаркое. С другой стороны от варочного цеха был обеденный зал. Туда нам предстояло выносить готовую еду и отдавать рабочим по залу для сервировки столов. В центре варочного цеха стояли три огромных паровых котла, возле которых важно прохаживался дед-повар с большим половником на плече.

Работа закипела. Повар отдавал нам распоряжения — мы быстро и четко их выполняли. Мы сразу заметили то, что основная еда готовится в паровом котле. Но также есть и большая кастрюля, в которой готовится тоже самое, что и в котле, но и мяса там побольше и специи какие-то добавляются, да и вообще пахнет получше и выглядит поаппетитнее. Официально — это еда для санчасти. Но реально это будут еще и офицеры, и сержанты, и деды.

Мы тоже взяли две порции, чтобы поесть после того, как наведем порядок. Когда вся основная работа была завершена, мы быстренько протерли пол тряпками и доложили повару.

— И что, это вы так пол помыли? Он ведь жирный весь! Нет, сынки. Так не пойдет. (**566**)

592

Мы так и сделали. Набрали во все раковины воды. В первую складывали грязную посуду. Потом через некоторое время доставали ее, мыли во второй, а в третью просто окунали и ставили на стол.

Получалось довольно качественно, но очень медленно. К тому же было очень жарко из-за горячей воды. Вместо кителей на нас были белые хлопчатобумажные куртки, которые нам специально выдали перед заступлением в наряд. Так эти куртки моментально промокли насквозь от пота.

А грязную посуду все несли и несли. Ни о каком сахаре или масле мы уже не думали. Все без разбору сваливали в бачок с отходами. Лишь бы быстрее.

Посуду мы мыли до поздней ночи. Все уже давно закончили на своих объектах. Дежурный никого не отпускал. Наряд слонялся из стороны в сторону и ждал нас.

— Ну, вы чего, скоро там? Спать охота.

— Так ты бы помог — быстрее было бы.

— Не, спасибо. Я и так овощерезке помог уже. У них, прикиньте, трубу прорвало. Один так резко рванул к выходу, что на нож напоролся. В санчасть отнесли.

Наконец, с посудой было покончено, и мы все отправились на заставу спать. (**634**)

593

Деды ушли довольные. Кое-что из наших запасов все же осталось: хлеб, несколько кусочков подтаявшего масла и немного сахара. Мы мазали масло на хлеб и посыпали сверху сахаром. Мне кажется, что ничего вкуснее я никогда не ел.

За этим занятием нас и застал сержант Аникин:

— Вы чего тут расселись?! Ну-ка бегом в овощерезку помогать картошку чистить.

Мы прошлепали через варку, обдав брызгами недовольных варочных, которые все еще собирали воду с пола, и пришли в овощерезку. Остальной наряд уже был там и помогал с картошкой. Мы взяли кривые сточенные ножи и тоже сели помогать.

Картошка была уже вся почищена. Но так как в меню на завтрак было жаркое, ее еще нужно было порезать. Чем все и занимались. Вылавливали картофелины из одной ванны, разрезали на несколько частей и кидали в другую. Вода в ванне была холодная. Руки быстро онемели, а пальцы сморщились и распухли.

От ребят мы узнали о том, что в овощерезке, оказывается, случилось самое настоящее ЧП: прорвало паровую трубу. Но от горячего пара, к счастью, никто не пострадал. Пострадали от другого. В момент прорыва трубы один человек так резко дернулся к выходу, что случайно напоролся на нож своего товарища. Его отнесли в санчать. Жить вроде как будет. Но на какое-то время работа овощерезки была полностью парализована.

С картошкой закончили уже поздней ночью. Варочные тоже как раз только-только закончили с уборкой. Они быстро перетаскали нарезанную картошку в паровой котел, и дежурный отпустил всех в казарму. Мы пришли в расположение и попадали на кровати. (**634**)

594

Я решил пройтись по тумбочкам. Не прошло и получаса, как конспект нашелся. Он лежал в тумбочке у парня, которого звали Вася Кириллов. Когда застава пришла с занятий, я обо всем рассказал сержантам. (**635**)

595

— Я все равно не имею права вас пускать.

— Ну, и не имей. Мне-то что?

Дед уже был на крыльце казармы.

— Застава, в ружье! — закричал я что есть мочи.

— Ты что, с ума сошел что ли?! — дед двинулся в мою сторону.

Я снял автомат с плеча и встал в боевую стойку. Дед кинулся на меня. Но я мгновенно отреагировал и нанес короткий удар магазином ему в лицо. Дед отшатнулся. Из губы по подбородку красной дорожкой побежала кровь.

— Ну, все щенок! Вешайся!

Дед накинулся на меня и стал бить руками и ногами. Но тут из казармы выбежали наши ребята с автоматами, повалили его и прижали лицом к асфальту. Дед рычал и сопротивлялся, но сделать уже ничего не мог.

На крыльцо вышел старшина.

— Молодцы, ребята! Кого вы там задержали? О! Тихон! Ты ко мне что ли?

— Да пошел ты!

— Да ладно. Не обижайся. Ребята учатся службу нести. Кто у нас тут на посту? Еременко. Объявляю тебе благодарность, Еременко.

— Служу Советскому Союзу!

— Да отпустите вы уже его. Это ко мне. (**656**)

596

20 октября 1967 г.

Андрея в тот день избили так, что он попал в санчасть. Начальник заставы обо всем узнал. Он сказал, что как только Семенов вылечится, его сразу же переведут в другую учебку. Вопрос с этим уже решен.

От Васи Кириллова постепенно все отстали, и жизнь его более или менее наладилась. Правда, друзей у него теперь совсем нет. Но у него их и раньше не особо много было.

А деньги, вещи и продукты у нас на заставе теперь ни у кого больше не пропадают. (572)

597

Можно пойти на поклон к сержантам. После долгих раздумий я решил так и сделать. Ведь если заручиться поддержкой сержантов, то деды не осмелятся трогать. Наверное…

Незадолго до отбоя я подошел к своему новому командиру отделения сержанту Михееву:

— Товарищ сержант, разрешите обратиться?

— Чего там у тебя?

— Вот, — я поставил посылку на тумбочку. — Это вам.

— О! Спасибо! Сто лет конфет не ел. Меня Василием, кстати, зовут. Тебя как?

— Алексей.

Я уже порадовался тому, что план мой сработал как нельзя лучше. Но в следующую секунду понял, что немного ошибся. Сержант Михеев отсыпал из ящика немного конфет и сказал:

— Ты остальных всех угости. Будет здорово, если и на тех, кто в наряде сейчас стоит, тоже оставишь.

В некотором замешательстве я прошелся по казарме и раздал все содержимое посылки. Ребята брали угощение и благодарили меня:

— Ух ты, конфеты!

— Шоколадные!

— С вафлями?! Мои любимые.

Получается, что нет на второй заставе никакой дедовщины. Мой разум отказывался в это верить. Но всему нашлось логичное объяснение. (573)

598

14 ноября 1967 г.

Заступил на наблюдательный пост. В отличие от дозора здесь не нужно снашивать ноги и куда-то все время идти. Стоишь себе на наблюдательной вышке и рассматриваешь участок границы в окуляры оптического прибора.

На посту стоим вдвоем. Принцип комплектования тот же: один молодой и один старослужащий. Мой напарник тут же завалился спать. Договорились разделить смену пополам.

Примерно в километре от нас, выше по течению реки чернеет остров Даманский. У него вытянутая немного изогнутая форма. Вся его поверхность густо заросла деревьями и кустами.

Поначалу я внимательно осматривал китайский берег. Но потом мне стало скучно. Ничего интересного там нет. (637)

599

Я спрятал сверток запазуху. Начальник заставы, к счастью, ничего не заметил. Но остальные ребята осуждающе смотрели на мои действия. Рядом со мной в шеренге стоял парень по имени Дима Петров. Увидев все это, он сказал:

— Ты что делаешь?! Нельзя ведь.

— Да ладно, — махнул я рукой. — Чего такого-то?

Словесная перебранка с нарушителями продолжалась несколько часов. Мы стояли и ждали дальнейших действий провокаторов. Они же ничего не предпринимали. В итоге, похоже, что им самим все это надоело, а, может, замерзли просто. Я лично очень замерз. Китайцы ушли на свой берег. Мы вернулись на заставу. (649)

600

На этом наш экзамен закончился. Стали подводить итоги.

Я не получил ни одного пинка. (**715**)

Я получил один пинок. (**845**)

Я получил два пинка. (**779**)

Я получил три пинка. (**724**)

601

31 декабря 1967 г.

Сегодня Новый год. Но мы его совсем не празднуем. Служба. Кто-то в наряде. Кто-то с наряда. Всем не до этого. (**576**)

602

23 января 1968 г.

Младший сержант Лазко принял под командование второе отделение. Машина, на которой он приехал к нам из отряда, привезла тулупы. Мы очень порадовались им. Вытесняя китайских провокаторов, нам много времени приходится проводить на улице. А мороз сейчас градусов тридцать. (**651**)

603

27 января 1968 г.

С наблюдательного поста у Даманского снова пришел доклад о том, что около пятидесяти китайцев вышли на лед. Мы получили оружие, боеприпасы, надели тулупы и вышли на улицу. Каждый брал себе по одной рогатине, которые были аккуратно расставлены вдоль стены. Вчера нам объяснили, для чего они нужны. Идея мне понравилась. Суть ее заключалась в том, чтобы вытеснять этими рогатинами провокаторов. Интересно, кому это пришло в голову? Ведь действительно, мы все время тесним китайцев автоматами, вступая с ними в довольно тесный контакт.

Рогатины же должны были дистанцировать нас от агрессоров, а заодно от их багров и дубин.

До острова ехали прямо на броне. Залезть внутрь БТРа с рогатиной было невозможно. Как обычно спешились на берегу и пошли к нарушителям. Было заметно, что китайцы несколько деморализованы видом нашего «секретного оружия». Мы выстроились в одну шеренгу, выставили рогатины перед собой словно копья и пошли в наступление. Китайцы пытались достать нас своими баграми, но у них ничего не получалось. В считанные минуты мы вытеснили нарушителей на их берег, где они и остались в замешательстве, а сами вернулись на свой:

— Ур-р-ра!

Мы радовались и обнимались словно дети. Это надо же! Так быстро справились с целой толпой и не получили при этом ни одного удара.

Но уже вечером на заставу приехал начальник отряда полковник Литвин и устроил разнос нашему начальнику заставы.

«Секретное оружие» было порублено на дрова. (578)

604

Я развернулся и пошел в обратном направлении.

— А ты чего с цветами? — спросил проходивший мимо Дима Перов.

— Да так. Артистам хотел подарить.

— Так иди, пока они не уехали. Такой же точно букет, кстати, Лазко дочке начальника отряда подарил.

— Как дочке?

— Ну, так — дочке. Настя ее зовут. Она практически на все праздники к нам вместе с отцом приезжает.

Настя… Красивое имя. Надо же! Дочка полковника Литвина. (663)

605

Я подошел к косуле и освободил ее. Она осталась лежать на своем месте. Рана была слишком болезненной. Я взвалил косулю себе на плечи и понес на заставу. Наш медик

отказался ее осматривать. Сказал, что и без того забот хватает. А ребята толпились вокруг и с интересом рассматривали животное, которого никогда раньше не видели так близко. Один принес хлеба, другой — бинты. Мы промыли рану и туго перевязали.

Косулю разместили в одном из отсеков собачника. Я сказал начальнику заставы, что лично буду присматривать за ней и кормить ее из своего пайка. Старший лейтенант Салдаев был не против. (668)

606

Техника и пленка выделены для дела. А ребятам дай волю, так они все на себя переведут. Нечем провокаторов будет снимать. Правда, пару снимков нашего отделения я все-таки сделал. Не удержался. (644)

607

15 декабря 1968 г.

И вот впервые за эту зиму звучит команда: «Застава, в ружье!». Мы получили оружие, боеприпасы, вышли на улицу и построились для уточнения задачи. Одеты все в новенькие светлые полушубки. Только начальник заставы в своем старом черном. Машины уже на месте — рычат прогретыми двигателями.

Старший лейтенант Салдаев был немногословен. Вводная довольно стандартная: двадцать провокаторов вышли на лед в районе Даманского. Погрузились в машины. Поехали. Добрались до острова. Ребята стали через люк вылезать из БТРа. Я тоже выпрыгнул на снег и увидел, что все стоят, как вкопанные, и куда-то смотрят. Я посмотрел в том же направлении и обомлел.

Китайцев было всего человек двадцать. Но это были не те рыбаки, которых мы выдворяли с нашей территории прошлой зимой. Перед нами стояли китайские пограничники, вооруженные автоматами и карабинами. Одеты они были в шапки-ушанки очень похожие на наши. Только на их шапках с боков были небольшие клапаны. Украшала ушанку красная металлическая звезда, практически такая же, как наша советская. Одеты китайские пограничники были в ватники и ватные штаны. На ногах обувь на шнуровке, что-то среднее между ботинками и кедами. Рукавицы армейского образца — большой и указательный палец отдельно, остальные вместе. Они стояли метрах в двухстах от нас, кричали и размахивали оружием.

Старший лейтенант Салдаев, не отрывая взгляда от китайцев, достал папиросу, хорошо продул гильзу, смял конец и закурил. Сделав несколько глубоких затяжек, он бросил ее под ноги и втоптал в снег.

— Первое отделение со мной. Второе прикрывает нас с острова. Вопросы?

— Никак нет, — ответили вразнобой ребята.

Было видно, что всем не по себе от того, что им предстоит.

— Тогда вперед.

Начальник заставы повел нас прямо к китайцам. Мы подошли к ним практически вплотную. Старший лейтенант Салдаев предъявил им стандартное требование:

— Вы находитесь на территории Союза Советских Социалистических Республик. Немедленно покиньте ее.

— Долой советский ревизионизм! — громко выкрикнул один из китайцев на неплохом русском языке. Остальные подхватили лозунг и загалдели, размахивая красными книжечками.

— Мы будем вынуждены применить силу, — сказал начальник заставы.

Тот же китаец стал кричать:

— Это наша земля! Сам уходи отсюда!

На высоком берегу острова показалось второе отделение. Увидев их, старший лейтенант Салдаев махнул рукой, и мы навалились на провокаторов, как будто перед нами были все те же рыбаки, а не двадцать вооруженных китайских пограничников.

Пот ручьем тек по моей спине. Мне казалось, что китайцы начнут стрелять в любую секунду. Но никто не стрелял. Похоже, что у них так же, как и у нас, строгий запрет на применение оружия.

Мы давили их автоматами. Они выставили навстречу нам свои автоматы, такие же точно, как и наши. Борьба продолжалась около получаса. Наконец, китайцы отступили. Мы перевели дух и вернулись на заставу. (**646**)

608

Меня отнесли в санчасть. Врача на месте не было. Рану осмотрел фельдшер. К счастью нож вошел неглубоко и не задел каких-либо важных органов. Но на недельку-другую мне все же придется здесь задержаться.

Меня положили на свободную кровать в общей палате. Палата, кстати говоря, была всего одна. Здесь же спал и дед, водитель санитарной машины. Увидев меня, он воскликнул:

— Ну, ничего себе! Военный, тебя кто порезал?

—Никто. Я сам. Случайно. В овощерезке.

— Ну, ты олень! Сколько служу, а такое в первый раз вижу. Ну, олень!

Я отвернулся к стене. Действительно глупо как-то получилось. (**564**)

609

Вдруг за моей спиной раздалось громкое шипение. Звук был такой, как будто кто-то спускает гигантскую автомобильную шину.

— Всем покинуть помещение! — громко сказал дед.

Когда мы выбежали из овощерезки, я оглянулся и понял в чем дело — прорвало паровую трубу, которая шла из котельной к котлам в варочном цехе.

— Тьфу ты, блин! — выругался повар. — Дежурный!

Прибежал сержант Аникин.

— Аникин, звони в котельную, — сказал ему повар. — Пусть отключат пар. Растапливайте полевую кухню. Сегодня на улице будем готовить. (**565**)

610

Я направился к выходу из автопарка прямо мимо дежурного. Андрей пошел следом за мной. Поравнявшись с офицером, я, как ни в чем не бывало, выполнил воинское приветствие и прошел мимо. От неожиданности дежурный по парку открыл рот, но быстро пришел в себя:

— Идите сюда, товарищ солдат!

Делать было нечего. Я подошел к офицеру и представился.

— И вы идите сюда, — обратился он к Андрею. — Вы что тут делаете? Как сюда попали?

Я решил рассказать все как есть и объяснил дежурному, что нам во чтобы то ни стало нужно отмыть умывальник. А для этого нам крайне необходима кислота.

— И это все? Только кислота? — спросил он.

— Так точно.

— Вы бы лучше сразу у меня попросили. Пойдемте.

Мы с Андреем радостно переглянулись. Надо же! А я думал, дежурный по парку орать на нас будет. А он вошел в наше положение. Мы вышли из парка и пошли по территории учебного центра.

— А куда мы идем? — спросил я.

— Как куда? К дежурному по учебному центру, конечно. У него наверняка кислота есть.

Мы тут же помрачнели.

— Может не надо к дежурному по центру?

— Это вы девушке своей на гражданке будете говорить, что ей надо делать, а что нет. (**658**)

611

— Давай на мойку запишемся.

— Да ну! Чего там хорошего? Посуду за всеми мыть.

— Посуда посудой. А ты подумал о том, куда со столов деваются остатки сахара и масла? Правильно. На мойку попадают. Так что в течение этих суток будем мы с тобой в шоколаде. К нам с тобой весь остальной наряд еще будет ходить и сахара просить.

— Ладно. Пошли на мойку. Но мне все равно эта идея не нравится.

Инструктаж закончился. Разошлись по объектам. У старого наряда приняли порядок на мойке, пустой бачок для отходов, шесть вместительных квадратных раковин для мытья посуды и высоченные стопки тарелок. Мойку почему-то здесь все называют «дискотекой». Не знаю почему.

Через некоторое время за тарелками стали приходить «зальные». Они аккуратно брали целые стопки и уносили их, чтобы расставить на столах. Мы сидели на лавке, которая стояла в закутке и лениво переговаривались.

Кошмар начался, когда заставы пришли на ужин. Нам понесли огромное количество грязных тарелок, бачков, кружек и ложек. Мы едва успевали принимать всю эту гору посуды и вычищать из нее отходы.

По инструкции мыть посуду нужно было в трех водах. Для этого у каждого из нас было по три больших раковины. В первой нужно замачивать, во второй — мыть, в третьей — споласкивать.

Мы так и сделали. (**592**)

Но мы решили сделать по-своему. (**567**)

612

Сегодня пропали деньги еще у одного парня. Украли из кармана кителя, пока он был в умывальнике. Снова никто ничего не видел. Начальник заставы вне себя.

— Застава, строиться! — скомандовал он, когда ему доложили о происшествии.

Мы построились.

— Первая шеренга, два шага вперед шагом…марш. Кру-гом. Первая шеренга обыскивает вторую. Потом — наоборот.

Я стоял в первой шеренге. В паре со мной был Андрей.

— Ну, давай, Андрюх. Что делать? Расстегивай китель.

— Дело шьешь, начальник? — пошутил Андрей.

Я прощупал его форму, осмотрел содержимое карманов и заглянул в каждый сапог, после чего мы поменялись, и Андрей проверил меня.

Обыск снова ничего не дал.

Когда первая шеренга снова заняла свое место в строю, старший лейтенант Сафин сказал:

— Я обращаюсь к человеку, который украл деньги. Лучше верни их. Принеси их мне, подкинь, положи обратно… Я не знаю как, но верни. В противном случае ты пожалеешь, что на свет появился. Когда я тебя поймаю, а рано или поздно я тебя все равно поймаю, мало тебе не покажется. Сгною! В дисбат отправлю! (**655**)

613

Я молча пропустил деда. Он подошел к двери в казарму и стал долбить в нее кулаком:

— Сова, открывай! Медведь пришел. Эй! Але! Вы там уснули все что ли?!

Послышался звук отодвигаемого засова. На пороге появился сержант Аникин. Дед фамильярно отодвинул его в сторону и прошел в казарму.

— Еременко! Ты почему чужих пускаешь?! — сказал мне Аникин. — Завтра снова в караул заступаешь. Будем тренироваться.

Вот сволочь! Деду даже слова не сказал. А меня — снова в караул! (656)

614

20 октября 1967 г.

Я никогда не заговаривал с Андреем о том случае с деньгами. Кражи у нас на заставе продолжаются. Продолжаются и обыски, которые не дают никакого результата. После каждого случая Андрей искоса поглядывает на меня, как будто хочет что-то сказать. Ничего не говорит.

В строю он теперь всегда старается встать в конец шеренги. Я думаю, что делает он это для того, чтобы не попасть со мной в пару при обыске. Дружба наша теперь совсем разладилась. Мы оба стараемся держаться подальше друг от друга. (572)

615

Можно уважить дедов. В конечном итоге я решил, что это будет самый верный и короткий путь. Незадолго до отбоя я подошел к ребятам, внешний вид которых отчетливо говорил об их внушительном сроке службы: вылинявшая форма, толстый слой подшивы под воротником, наколки на плечах с пограничной символикой и номером отряда и другие явные признаки.

— Вот. Это вам. — я поставил посылку на тумбочку.

— Ух ты! Здорово!

— Это ты молодец! А то у нас тут туговато с провизией. Давай зови сюда всех, кто есть.

— Как? Совсем всех? Я ведь это… для старослужащих только хотел.

— А что, по-твоему молодые меньше есть хотят? Мне вот кажется, что совсем наоборот.

В некотором замешательстве я прошелся по казарме и позвал всех остальных ребят. Кое-что из посылки было отложено и для тех, кто на тот момент стоял в наряде.

Получается, что нет на второй заставе никакой дедовщины. Мой разум отказывался в это верить. Но всему нашлось логичное объяснение. (**573**)

616

10 ноября 1967 г.

Сегодня мой первый дозор. Вместе с кинологом и еще одним парнем из числа старослужащих, мы будем осматривать те подступы к границе, которые не видны с наблюдательных постов. Наряд специально комплектуют таким образом, чтобы в него входил один дед и один молодой. Делают это для того, чтобы старослужащие учили молодняк и передавали ему свой опыт.

Начальник заставы старший лейтенант Салдаев построил нас в одну шеренгу и сказал:

— Пограничный наряд, равняйсь, смирно! Приказываю выступить на охрану Государственной Границы Союза Советских Социалистических Республик. Задача: не допустить нарушения Государственной Границы. В случае обнаружения признаков нарушения, доложить дежурному по пограничной заставе и принять все меры для преследования и задержания нарушителя. Вопросы?

— Никак нет!

— Наряд, напра-во,! На охрану Государственной границы шагом…марш!

Моя мечта сбывалась на ходу. Я охраняю границу! Впереди бежит пограничный пес. Мы идем следом, суровые и решительные. Враг не пройдет! Граница на замке, а ключ в кармане!

Шли лесной тропой преимущественно вдоль берега Уссури. Каждый час докладывали дежурному о ходе несения службы. Для этого у нас с собой был полевой телефонный аппарат, а на протяжении всего нашего маршрута были сделаны специальные точки с розетками, к которым можно было подключиться. (**598**)

617

Я не стал делиться с ним своими мыслями.

— Да, ничего, товарищ сержант. Так… Фильм один грустный вспомнил.

В конце концов, все равно кому-то нужно и на этой заставе службу нести. Не так уж мне много и осталось. Чуть больше года. (660)

618

Я решил угостить ребят. Вскрыл вторую банку и позвал проходившего мимо Колю Быстрова, нашего механика-водителя БТРа. Он не принимал непосредственного участия в выдворении китайцев и не знал о том, что я взял сверток у провокатора. Коля зачерпнул ножом большую порцию тушенки и отправил в рот, но, увидев иероглифы на банке, поперхнулся и закашлялся.

Поставив банку с громким стуком на тумбочку, он сказал:

— Вот идиот!

Коля ушел. Остальные тоже не стали есть. Ну и зря. Тушенка ведь! (650)

619

Я смотрел, что же произойдет дальше. Но дальше ничего не произошло. Сержанта остановил начальник заставы. Старший лейтенант Салдаев подбежал к нему и выхватил автомат из его рук. Сержант сел на снег и обхватил голову руками. Он мне сразу не понравился. Нервный какой-то.

Китайцев мы вскоре вытеснили. (535)

620

23 февраля 1968 г.

Сегодня праздник — «День Советской Армии и Военно-Морского флота». На обед помимо всего прочего давали яблоки и конфеты. Поздравить нас приехало руководство отряда. Несколько грузовиков привезли артистов и оркестр.

Сцены у нас никакой не было. Потому поступили по-военному — грузовики с откинутыми бортами подъехали вплотную друг к другу. Получилась ровная и широкая деревянная платформа. Мы вынесли из казармы все стулья и табуретки, расставили их ровными рядами и сели смотреть концерт прямо на улице.

Сначала была официальная часть. С поздравлениями выступил начальник пограничного отряда полковник Литвин. Потом выступал начальник политотдела.

После официальных поздравлений был концерт. Сначала вышли парни с гитарами и пели военные песни. Как только у них руки не отмерзли на таком холоде? Мы и сами порядком подмерзли. Но тут гитаристы ушли, и на сцену выбежали девушки в цветных сарафанах и меховых шубках. Они закружились в танце, и нам сразу стало теплее. Сарафаны развевались на ветру, обнажая красивые стройные ноги девушек. Особенно мне понравилась та, что кружилась в центре. Очень симпатичная. Когда они закончили танцевать и убежали со сцены, мы хлопали, как ненормальные. (**579**)

621

Я решил пока все припрятать, чтобы угостить ребят после ужина. Положив колбасу в тумбочку, я пошел в комнату бытового обслуживания, чтобы почистить и подшить форму. Когда я вернулся, то колбасы в тумбочке уже не было. Вот дела! Похоже, у нас завелся вор! Я решил пока ничего не говорить начальнику заставы. Для начала нужно попытаться самим во всем разобраться. Опечаленный пропажей я побрел в столовую.

На ужин давали перловку с тушенкой и… такую же точно колбасу как та, которая была у меня в посылке. Я подошел к повару и спросил:

— Слушай, а откуда колбаса? Нет ведь ее в меню.

— Не знаю. Начальник заставы принес. Сказал на ужин раздать.

Блин… Угостил, называется, ребят после ужина. И что за манера у них в армии по чужим тумбочкам лазать?! (**662**)

622

Я еще ни разу не пересекался с ним напрямую. Потому не знал, что он за человек. Но судя по тому, что я видел однажды на льду у Даманского, ожидать от него можно было чего угодно, вплоть до выстрела в спину.

— Ну и куда ты лезешь поперек батьки? — спросил он.

— Извините, товарищ сержант. Нарвал букет заранее. Жалко было, что пропадет.

— За казармой рвал, небось?

— Ага. Там же где и вы.

— Что, тоже понравилась?

— Я ее еще в прошлый раз заприметил.

— Вот что, — сержант с силой хлопнул меня по плечу. — За смелость хвалю. Но еще раз влезешь в мои дела, не обижайся. Урою.

Сержант еще раз хлопнул меня по плечу и ушел. Я стоял и потирал ушибленное место. Подошел Коля Быстров и спросил:

— Что, дочку начальника отряда не поделили?

— Какую дочку? — не сразу понял я.

— Да Настю. Ту, которой вы цветы оба дарили.

— Она что, дочка полковника Литвина?!

— Ну. А ты что, не знал что ли?

— Нет. Честно.

— А я думал, ты к нему в зятья набиваешься. Ты это… Держался бы лучше подальше от Лазко. Он, вроде, парень-то неплохой. Но неуравновешенный слегка. Его сюда прямиком с губы отправили. Мало ли что ему в голову взбредет. Китайцев, вон, чуть не пострелял.

— Спасибо за заботу. Я уж как-нибудь сам разберусь.

— Ну, смотри. Мое дело предупредить. (**663**)

623

10 июля 1968 г.

Сегодня ровно год, как меня призвали в армию. Водитель ГАЗ-63 Миша Ребров часто бывает в отряде по различным делам. Вместе с ребятами моего призыва мы заказали ему всякой еды. Праздник все-таки. С алкоголем решили не рисковать. От сержантов и от старослужащих за такое запросто может влететь.

Отмечать сели после отбоя прямо в кубрике. Сержантов не было видно. Судя по всему, все они были в каптерке. На сдвинутых вместе табуретках разложили еду, расставили кружки и разлили лимонад. Поздравили друг друга с тем, что половина срока службы миновала, и теперь впереди всегда будет оставаться меньшая часть.

Вскоре в расположение пришли сержанты. Походка у многих из них была нетвердой. Похоже, что они тоже сегодня отмечают. И в отличие от нас не только лимонадом. Кое-кто из них, кстати говоря, призывался в то же время, что и мы. Но у них свой праздник, а у нас свой. (**664**)

624

29 мая 1968 г.

Весть о предстоящей драке моментально облетела всю заставу. «Лазко с Еременко собираются драться из-за Насти, дочки начальника отряда!» — доносилось отовсюду. Я и понятия не имел даже, что ее зовут Настя, и что она ко всему прочему еще и дочка полковника Литвина. Вот влип, так влип. И все из-за какого-то букета. Знал бы, что этим кончится, ближе чем на километр не стал бы к ним подходить. Но сейчас уже поздно дергаться. Если откажусь драться, то жизни на заставе мне уже не будет. Свои же зачмырят.

После ужина вокруг меня образовалась толпа. Ребята пытались меня всячески поддержать и давали советы:

— Ты в дыхалку ему сразу пробей.

— Лучше по лицу бей.

— По солнышку работай. По солнышку.

Вокруг Лазко тоже была толпа. За то короткое время, что он провел на заставе, очень многие прониклись к нему симпатией. Так двумя толпами мы и прошли за казарму.

Сержанты подготовились к предстоящему поединку основательно. У каждого в полевой сумке лежал план-конспект на проведение тренировки по рукопашному бою. Это было сделано на тот случай, если о драке станет известно руководству. Всегда можно будет сказать, что и не было никакой драки, а так, просто, тренировка.

Ребята встали в большой круг. Командир первого отделения сержант Михеев взял на себя роль судьи:

— Между ног не бить. По лицу не бить. Не хватало нам еще лишних вопросов от Салдаева. Удушающие приемы не проводить. Начали!

Мы с сержантом вошли в центр круга и встали друг напротив друга, приняв боевую стойку. Было видно, что Лазко так же как и мне не нравится весь этот цирк, который закрутился вокруг нас. Но он тоже не хотел терять лицо перед ребятами. Он ударил меня в плечо. Потом еще раз и еще. Удары были не сильными. Я тоже нанес несколько ударов. Так мы и ходили кругами, обмениваясь ударами.

Поначалу толпа галдела и подбадривала нас. Ребята даже делали ставки на то, кто победит. Но вскоре и им надоело однообразие драки. Несмотря на то, что обмен ударами был довольно-таки вялым, минут через двадцать я устал так, как будто бы в одиночку разгрузил вагон картошки. Сержант тоже тяжело дышал.

Я остановился и опустил руки. Мой противник с облегчением выдохнул и протянул мне ладонь для рукопожатия в знак примирения. Зрители вяло захлопали и разошлись.

— Что мы, в самом деле? Из-за девчонки какой-то… — сказал сержант, присев на деревянную ступеньку на крыльце казармы. — К тому же нам с тобой обоим ничего не светит. Слышал? Она дочка начальника отряда, оказывается.

— Слышал, — я присел рядом и потер отбитое плечо. — Можно подумать, что нам от китайцев мало достается.

— Это точно! — засмеялся сержант. — Пошли-ка, мы с тобой мировую выпьем. Есть у меня кое-что в закромах. (663)

625

10 октября 1968 г.

— Товарищи солдаты, у меня есть к вам один вопрос, — сказал старший лейтенант Салдаев на общем построении заставы. — Кто из вас умеет пользоваться фото и видеоаппаратурой? Командование отряда поставило задачу вести подробную фото и видеофиксацию выдворения китайских провокаторов с советской территории. Необходимо это для того, чтобы мы могли противопоставить иностранной пропаганде свои собственные доказательства, что все действия советских пограничников совершаются в рамках закона и международных норм. Вся необходимая аппаратура будет предоставлена в ближайшее время. Итак, повторяю вопрос еще раз: кто умеет пользоваться фото и видеоаппаратурой?

— Я могу, товарищ старший лейтенант, — ответил я. (665)

Все молчали. (588)

626

31 декабря 1968 г.

С наступлением холодов провокации теперь происходят практически каждый день. Рыбаков мы больше не видели. Каждый раз на лед выходят китайские пограничники. Поначалу нас это сильно беспокоило. Одно дело — рыбак с дубиной, другое — солдат с автоматом. Но, по сути, ничего не изменилось. Мы по-прежнему деремся врукопашную.

Постепенно напряжение спало. Но старший лейтенант Салдаев все равно всегда отправляет одно отделение для прикрытия с острова. Он требует от меня, чтобы я держался в стороне и только фотографировал. Но я не могу так. Все равно каждый раз участвую в выдворении провокаторов наравне со всеми.

Сегодня, кстати, Новый год. Последний мой Новый год на заставе «Нижне-Михайловка». (586)

627

2 марта 1969 г.

Всю ночь шел снег. К утру намело большие сугробы. Наш пес Амур весело прыгал по ним и ловил снежки, которые мы ему кидали. В патруль на Даманский в этот раз его не взяли из-за глубокого рыхлого снега. Ребята вернулись с острова и доложили дежурному, что все спокойно. Все шло как обычно. Примерно в 10:30 утра раздалась привычная команда: «Застава, в ружье!».

С наблюдательного поста доложили, что в район острова выдвинулось около тридцати провокаторов с оружием. Получили автоматы и полушубки. Старший лейтенант Салдаев позвонил соседям и попросил выслать усиление. Он сильно ругался, подгонял нас больше обычного и все время смотрел на часы. Экипировались. Вышли на улицу.

Я как обычно сел вместе с начальником заставы в ГАЗ-69. (587)

628

Потрогал патрубки. Тот, что шел к термостату, был горячим. Который шел от термостата — холодным. Ну, все понятно!

В любом случае нужно было возвращаться в бокс. Кое-как добрались до отряда. Машину разгрузили, и я сразу же занялся ее ремонтом.

Нужно было менять термостат. (**857**)

Нужно было менять горячий патрубок. (**763**)

Нужно было менять холодный патрубок. (**689**)

629

23 февраля 1969 г.

Сегодня праздник, и на заставе должен быть концерт. Но мне не суждено снова увидеть красивую девушку по имени Настя. Сегодня я стою на наблюдательном посту у Даманского. Утро прошло спокойно. Я думал, что китайцы уже не появятся. Но они вышли на лед после обеда. Я немедленно доложил дежурному по заставе.

Провокаторы повели себя крайне необычно. Они не стали дожидаться, когда ребята подойдут к ним. Как только наши пограничники вышли на лед, китайцы построились и с песней вернулись на свой берег. (**667**)

630

Было 11:15 утра. Я шел следом за сержантом. Вдруг он резко рванул автомат с плеча и закричал:

— К бою!

Тут же откуда-то раздалось два пистолетных выстрела. За ними последовал рев автоматных очередей. Засада! На острове повсюду были китайцы. Они лежали на снегу в белых накидках. Потому мы и не заметили их сразу. Реакция наша была молниеносной. Рассыпавшись в цепь, мы пристегнули магазины к автоматам и стали вести ответный огонь.

Но это уже ничего не решало. Китайцев было огромное количество. Они поднялись со своих лежек и бежали на нас, стреляя на ходу. Наши ребята падали на снег один за

другим. Я попытался укрыться за деревом, но почувствовал сильный удар в ногу повыше колена, затем второй, третий. Ощущение было такое, что меня разрывают на части. Последнее, что я видел, — это как китайцы подбегают к лежащим на снегу ребятам и остервенело колют их штыками. (552)

631

Мы стали нарезать картошку. Вылавливали картофелины из одной ванны, разрезали на несколько частей и кидали в другую. Вода в ванне была холодная. Руки быстро онемели, а пальцы сморщились.

Вдруг прямо рядом с нами раздалось громкое шипение. Я не сразу сообразил, в чем дело. Но как только увидел у себя за спиной клубы белого пара, то понял, что прорвало паровую трубу, которая вела из котельной в варочный цех.

— Полундра, братцы! — закричал я и бросился в сторону выхода, опрокинув скамейку. Но я не подумал о том, что прямо напротив меня сидели два человека с ножами в руках. С размаха я налетел прямо на нож, который держал в руке Андрей Семенов.

— Ой! — вырвалось у меня, когда правый бок обожгло как огнем.

Андрей отдернул руку с ножом сторону. На лезвии осталась кровь. Я зажал рукой бок и осел на пол. Андрей схватил меня под руки и вытащил из помещения, которое уже целиком было заполнено белым горячим паром.

Меня отнесли в санчасть. (608)

632

Мы рванули к забору. Дежурный бежал за нами и кричал, чтобы мы немедленно остановились. Сейчас! Как же! Через забор перемахнули в один прыжок. Остановились, чтобы отдышаться уже только в казарме.

— Уф, — выдохнул Андрей. — Чуть не попались.

— Надеюсь, он нас не запомнил. (654)

633

— Давай рабочими по залу запишемся.

— По залу, так по залу. Главное — посуду не мыть.

Заступили в наряд. Вместо кителей нам выдали белые хлопчатобумажные куртки. Кроме столов и скамеек, которые в принципе не могли никуда деться, принимать нам особо было нечего. Потому старый наряд мы отпустили быстро и сразу же приступили к сервировке столов на ужин. Носили с мойки огромные стопки тарелок и расставляли их на столах, раскладывали ложки, расставляли кружки. Затем получили у деда-хлебореза масло и хлеб. Разложили их на столах. Потом на варке получили чайники с чаем и бачки с едой. И тоже расставили их на столах.

Работать по залу мне понравилось. Чисто, сухо, тепло. И, что самое главное, вся еда, какая бы она ни была, проходила через наши руки. А тут и сыр с офицерского стола, и колбаска, и масло, и сахар, и чаек крепкий… В дальнем закутке обеденного зала, на подоконнике, за шторой, мы складывали все то, что нам удалось раздобыть, чтобы потом посидеть и поесть, когда все разойдутся.

Неприятности начались после ужина. Заставы давно ушли в свои казармы. Мы уже заканчивали наводить порядок, когда в обеденный зал пришли деды: водитель санитарной машины из санчасти, хлеборез и повар. (**568**)

634

1 сентября 1967 г.

Утром я еле встал. Я настолько не выспался, что был словно пьяный. Остальной наряд выглядел не лучше. С трудом одевшись, мы вернулись в столовую. Как я дожил до вечера этого дня и как пережил еще два приема пищи, помню с трудом. Все как в тумане. Новый наряд никак не хотел принимать порядок. Пришлось три раза все перемывать. Наконец, сдались и вернулись в казарму.

С каким огромным удовольствием я завалился бы сейчас спать! Но нельзя. Нужно готовить свой проклятый внешний вид к завтрашнему дню: чиститься, гладиться и подшиваться. Господи, дай мне сил. (**454**)

635

Я обо всем рассказал сержантам. Васю Кириллова повели за казарму. Туда пошли не только сержанты, но и все наши ребята. Я тоже пошел вместе со всеми. Бледный Кириллов стоял окруженный толпой и что-то лепетал в свое оправдание:

— Ребят, я ведь только на время взял. Я не…

Сержант Аникин не стал слушать до конца и резко ударил его в нос кулаком. Что-то громко хрустнуло. Кириллов зажал нос руками и протяжно завыл.

— Мужики, может не надо? — сказал Мурзаев. — Из-за конспекта какого-то…

— Помолчи, — сказал ему Аникин. — Так! Ну-ка все присутствующие пробиваем Кириллову по разу и расходимся.

Мы все по очереди подошли и по разу ударили вора. Кто слегка, только для вида. А кто со всей силы. Кириллов закрывался руками от наших ударов.

— Слышь, Кириллов! — сказал ему напоследок Аникин. — Ты теперь пожизненный уборщик в казарме. И скажи спасибо, что мы Сафину ничего не сказали. Сами разобрались. (**464**)

Часть вторая:

Остров преткновения

636

7 ноября 1967 г.

Кроме меня в Иман распределили еще двоих незнакомых мне ребят. Все трое в сопровождении прибывшего за нами из отряда прапорщика мы выехали на новое место службы.

Около суток ехали на поезде. На вокзале нас ждал ГАЗ-63. Сели в кузов и поехали по городу. Мимо нас проносились серые пятиэтажки. Мы проехали мимо красивой церкви с серебристыми куполами и мимо большого парка.

Приехали в отряд. Ребята остались там. Меня повезли дальше. Как только выехали из города, сразу же по обе стороны от дороги стеной встала непроходимая тайга. Дорога петляла и шла то в гору, то, наоборот, — с горы. Огромные заснеженные сопки то появлялись перед нами, то снова скрывались за деревьями.

Асфальтовая дорога сменилась грунтовой. Машину подбрасывало на ухабах. Мы несколько раз чуть не слетели со скользкой дороги. Но водитель был мастером своего дела и ловко выводил машину из заносов.

Наконец, тайга расступилась. Мы выехали на открытое место и увидели нашу заставу. Она располагалась прямо на берегу Уссури. Это были несколько деревянных одноэтажных домиков, стоящие неподалеку друг от друга. С трех сторон они были окружены лесом. А четвертая сторона выходила прямо на берег реки. В центре стояла огромная вышка — наблюдательный пост. (648)

637

18 ноября 1967 г.

Сегодня я снова в дозоре. Старшим заступил сержант Михеев. Мы снова идем вдоль берега, местами продираясь через колючие кусты и густые ветви. Воинственный пыл мой немного поугас. Никого мы здесь никогда не задержим. Кому мы тут нужны?

Правда, ребята говорят, что когда встанет лед на Уссури, будем ходить выдворять китайских провокаторов. Но это ведь совсем другое дело. Тех не задерживают, а просто выгоняют с нашей территории. За них не дают награды и не отправляют в отпуск.

Сержант Михеев, видимо, заметил мое грустное настроение и спросил:

— Ты чего такой угрюмый? Случилось что?

Я решил поделиться с ним своими мыслями. (**574**)

Я не стал делиться с ним своими мыслями. (**617**)

638

Я не стал брать сверток. Мало ли что там может быть. Китаец некоторое время потыкал меня им в грудь, после чего перешел к стоящему рядом со мной парню, которого зовут Дима Петров. Дима тоже не взял. Китаец пошел дальше.

Словесная перебранка продолжалась несколько часов. Мы стояли и ждали дальнейших действий провокаторов. Они же ничего не предпринимали. В итоге, похоже, что им самим все это надоело, а, может, замерзли просто. Китайцы ушли на свой берег. Мы вернулись на заставу. Я лично очень замерз. (**650**)

639

22 января 1968 г.

Почти две недели было затишье. Каждый день мы ждали, что в любой момент нас поднимут в ружье. Но ничего не происходило. Царапины и ссадины от предыдущего столкновения с провокаторами зажили. Синяки прошли. И только мы немного расслабились, китайцы снова вышли на лед.

Доклад поступил с первого наблюдательного поста. Это значило, что провокаторы где-то совсем неподалеку от нашей заставы. К Уссури выдвинулись пешком. Китайцы ждали нас практически на самой середине реки. Их было человек тридцать. Когда мы подошли поближе, я увидел, что на это раз у многих из них в руках кроме цитатников и плакатов были еще багры и дубины. Заварушка намечалась серьезная.

Китайцы изначально были настроены очень агрессивно. Как только мы приблизились к ним, они сразу бросились в атаку. Началась самая настоящая свалка. Мелькали кулаки и искаженные лица. Раздавались громкие крики и глухие удары.

В разгар боя, когда мы уже начали выбиваться из сил, в самую гущу драки влетел незнакомый мне сержант. Он начал крушить челюсти врагов направо и налево. Китайцы отступили.

— А ты откуда такой боевой взялся? — спросил сержанта старший лейтенант Салдаев.

— Младший сержант Лазко, — представился тот. — Прибыл для дальнейшего прохождения службы на должности командира отделения.

— Молодец, Лазко. Хорошее начало. (**602**)

640

Мы встали и заняли свои места в шеренге.

— Ты на кого руку поднял, щегол? — цедил сквозь зубы сержант, налегая всем весом на автомат и тесня им сопротивляющихся китайцев.

— Нельзя стрелять! — отдуваясь, ответил я.

— Я сам для себя решу, что можно, а что нельзя. Этих сволочей давно пора проучить. И ты теперь вешайся.

Китайцев мы вскоре вытеснили. (**535**)

641

10 марта 1968 г.

Сегодня я снова стою на наблюдательном посту у Даманского. Та часть китайского берега, которая находится за островом, практически не видна отсюда. Потому каждый день на остров выходит пограничный наряд и осматривает все подступы к нему.

Было около десяти часов утра, когда я увидел огромную толпу китайцев, идущих по противоположному берегу реки. Я не поверил своим глазам. Там было человек пятьсот! Не меньше. Толпа вышла на лед и направилась в сторону острова. Я доложил дежурному по заставе и стал ждать.

Прошло не меньше часа, прежде чем на берег выехали наши машины и два БТРа. Один был наш. Второй, видимо, первой заставы. Старший лейтенант Салдаев, одетый в черный полушубок, был узнаваем издалека. Он поговорил о чем-то с человеком из

второго БТРа, потом махнул рукой и повел ребят в сторону провокаторов. Тот человек, с которым разговаривал наш начальник заставы, видимо, тоже был офицером. Он повел свою горстку людей следом за нашими. Да-а-а-а… Не густо у нас народу на такую толпу.

Ребята выстроились в длинную шеренгу и начали теснить китайцев. Наблюдать за этим со стороны было довольно интересно. Но только до той поры, пока шеренга не сломалась и не началась беспорядочная драка. Я беспокойно ходил по вышке взад-вперед и постоянно смотрел на дерущихся. Преимущество явно было на стороне китайцев. В этой толпе я уже не мог различить ни одного нашего. Что же делать?! Блин! Что же делать?!

Но тут один из БТРов, которые стояли на берегу помчался прямо по льду в сторону дерущихся. Подъехав к ним, тяжелая машина сбавила скорость и стала надвигаться на толпу. От нее отделились несколько человек. Потом еще и еще. Это были наши пограничники. Они отходили в сторону, пропуская бронированную машину.

БТР стал надвигаться на китайцев. Вторая машина тоже уже мчалась по льду. Оба бронетранспортера бок о бок стали теснить провокаторов. Те пятились назад и, в итоге, побросав оружие и плакаты, побежали к своему берегу. Машины вернулись обратно к нашим. Даже отсюда было видно, что ребят изрядно потрепали. Все они были какими-то сгорбленными и осунувшимися. Многие хромали.

Один БТР вскоре уехал. Только он скрылся из вида, как на лед выскочил другой БТР и следом за ним еще две машины. Интересно, а это еще кто? Из машин на снег стали выпрыгивать ребята с автоматами в руках в таких же точно тулупах, как у нас. Все ясно. Подкрепление с третьей заставы «Ласточка» пожаловало. Поздновато вы ребята, поздновато. Без вас уже управились. (661)

642

14 июня 1968 г.

Летом жизнь на заставе «Нижне-Михйловка» гораздо спокойнее и размереннее. Стычек с китайцами практически нет. Исключение составляют рыбаки. Но это уже не наша забота. Наше дело доложить в отряд и ждать пограничный катер. Но бывает, что китайцы высаживаются на остров. На этот случай у нас есть весельная лодка. Мы плывем на остров и выдворяем с него нарушителей границы. Но это случается не часто.

Так как свободного времени у нас теперь появилось значительно больше, чем было зимой, начальник заставы запланировал стрельбы. Нужно ведь поддерживать форму. Отстрелялись все крайне плохо. Многие и вовсе не попали в свою мишень.

— Вы что, совсем за зиму стрелять разучились?! — кричал начальник заставы. — На ужин никто сегодня не пойдет! Вы у меня круглые сутки будете на стрельбище проводить!

— Товарищ старший лейтенант, не может такого быть. Я в учебке на «отлично» всегда стрельбу сдавал. — сказал командир второго отделения.

— Дай сюда автомат! — старший лейтенант Салдаев протянул руку и взял оружие. — На «отлично» он сдавал… Вижу я, как ты сдавал.

Начальник заставы присоединил к автомату снаряженный магазин и сам пошел на огневой рубеж. Отстрелявшись, он ушел в сторону мишени, но быстро вернулся, громко матерясь:

— Чертовы китайцы! Все оружие из-за них перепортили.

И действительно, при стычках с провокаторами мы часто использовали автоматы в качестве подручных средств. Это не могло не повлиять на их исправность и точность боя. Оружие нужно было менять. (582)

643

22 июля 1968 г.

Уже второй день в столовой нам дают очень вкусное мясо. Старшего лейтенанта Салдаева заинтересовало сообщение об установленных в тайге капканах. Велика была вероятность того, что поставили их китайцы.

Неподалеку от того места, где мы обнаружили косулю, был организован «секрет». На следующий же день наряд задержал там пожилого местного жителя из поселка «Нижне-Михайловка». Выскочившие из кустов пограничники перепугали деда так, что желание охотиться возле границы пропало у него до конца жизни. (493)

644

15 декабря 1968 г.

И вот впервые за эту зиму звучит команда: «Застава, в ружье!». Новая пленка заряжена в фотоаппарат. В подсумке два магазина с патронами. На плече автомат. Мы выходим на улицу и строимся для уточнения задачи. Одеты все в новенькие

светлые полушубки. Только начальник заставы в своем старом черном. Машины уже здесь — рычат прогретыми двигателями.

Старший лейтенант Салдаев был немногословен. Вводная довольно стандартная: двадцать провокаторов вышли на лед в районе Даманского. Погрузились в машины. Поехали. Я рядом с начальником заставы в командирском ГАЗ-69. С нами еще несколько ребят. Выехали на лед Уссури.

— Что за черт?! — выругался старший лейтенант Салдаев, пристально вглядываясь вдаль. — Да не может такого быть!

Я посмотрел в ту же сторону, куда смотрел начальник заставы. Неподалеку от Даманского на льду маячили китайцы. Я успел уже отвыкнуть от этого зрелища, но ничего особенного в нем не видел. Но когда мы подъехали ближе, по моей спине пробежал неприятный холодок. Я понял, о чем говорил старший лейтенант Салдаев.

Китайцев было всего человек двадцать. Но это были не те рыбаки, которых мы выдворяли с нашей территории прошлой зимой. Перед нами стояли китайские пограничники, вооруженные автоматами и карабинами. Одеты они были в шапки-ушанки очень похожие на наши. Только на их шапках с боков были небольшие клапаны. Украшала ушанку красная металлическая звезда, практически такая же, как наша советская. Одеты китайские пограничники были в ватники и ватные штаны. На ногах обувь на шнуровке, что-то среднее между ботинками и кедами. Рукавицы армейского образца — большой и указательный палец отдельно, остальные вместе. Они стояли метрах в двухстах от нас, кричали и размахивали оружием.

Старший лейтенант Салдаев, не отрывая взгляда от китайцев, достал папиросу, хорошо продул гильзу, смял конец и закурил. Я вспомнил о фотоаппарате и сделал несколько снимков китайских пограничников.

Начальник заставы глубоко затянулся, бросил недокуренную папиросу под ноги и втоптал ее в снег.

— Первое отделение со мной. Второе прикрывает нас с острова. Вопросы?

— Никак нет, — ответили вразнобой ребята.

Было видно, что всем не по себе от того, что им предстоит.

— Тогда вперед.

Начальник заставы направился прямо к китайцам. Я шел рядом с ним, изредка останавливаясь, чтобы сделать очередной снимок. Мы подошли к нарушителям практически вплотную. Старший лейтенант Салдаев предъявил им стандартное требование:

— Вы находитесь на территории Союза Советских Социалистических Республик. Немедленно покиньте ее.

— Долой советский ревизионизм! — громко выкрикнул один из китайцев. Остальные подхватили лозунг и загалдели, размахивая красными книжечками.

— Мы будем вынуждены применить силу, — сказал начальник заставы.

Тот же китаец стал кричать:

— Это наша земля! Сам уходи отсюда!

На высоком берегу острова показалось второе отделение. Увидев их, старший лейтенант Салдаев махнул рукой, и ребята навалились на провокаторов, как будто перед ними были все те же рыбаки, а не двадцать вооруженных китайских пограничников.

Я опустил фотоаппарат. Руки дрожали. Мне казалось, что китайцы начнут стрелять в любую секунду. Но никто не стрелял. Похоже, что у них так же как и у нас строгий запрет на применение оружия. Я спрятал фотоаппарат под полушубок и тоже навалился на китайцев.

Мы давили их автоматами. Они выставили навстречу нам свои автоматы, такие же точно, как и наши. Борьба продолжалась около получаса. Наконец, китайцы отступили. Мы перевели дух и вернулись на заставу. (**626**)

645

23 февраля 1969 г.

Сегодня китайцы вышли на лед не утром, как это обычно бывает, а только после обеда. А мы-то уже порадовались было спокойному дню.

В этот раз провокаторы повели себя очень необычно. Они не стали дожидаться, когда мы подойдем к ним. Как только мы вышли на лед, они построились и с песней отправились на свой берег. Я успел сделать пару снимок удаляющегося строя.

Мы вернулись на заставу. Там нас уже ждал праздничный концерт. Командование отряда в этот раз не приехало. Оказывается, в Дальневосточном военном округе начались какие-то крупномасштабные учения, и все уехали на них. Не было и Насти. Вместо нее на сцене кружилась совсем другая девушка. Ноги у нее, кстати, тоже были ничего. Но не такие красивые, как у Насти. (**627**)

646

31 декабря 1968 г.

Провокации теперь происходят практически каждый день. Рыбаков мы больше не видели. Каждый раз на лед выходят китайские пограничники. Поначалу нас это сильно беспокоило. Одно дело — рыбак с дубиной, другое — солдат с автоматом или карабином. Но, по сути, ничего не изменилось. Мы по-прежнему деремся врукопашную.

Постепенно напряжение спало. Но старший лейтенант Салдаев все равно всегда отправляет одно отделение на остров для прикрытия.

Сегодня, кстати, Новый год. Последний мой Новый год на заставе «Нижне-Михайловка». (589)

647

Наконец-то нас распустили и объявили свободное время. Я пришел в казарму и плюхнулся на кровать. Напротив меня на соседнюю кровать сел Андрей Семенов и стал снимать сапоги. Правый сапог никак не хотел сниматься. Андрей обхватил его руками и с силой потянул. Сапог снялся с ноги, но из него вылетела стелька и посыпались на пол деньги.

Андрей замер, посмотрел на меня, потом на деньги и снова на меня. Затем быстро начал собирать мятые купюры и засовывать обратно в сапог.

— Я тут, видишь, спрятал, чтобы не украли, — начал оправдываться он, хотя я ни о чем еще его не спрашивал. Но тут и ежу было понятно, что столько своих собственных денег у него просто не могло быть.

Я сделал вид, что ничего не видел, и решил никогда не вспоминать об этом случае. Друг все-таки. (614)

Я решил рассказать обо всем сержантам. (596)

648

Больше всего я боялся дедовщины. Ребята в учебке много чего рассказывали об этом. И я понял, что однозначного рецепта здесь нет. Можно беспрекословно выполнять все требования дедов и «летать» с мыслью о том, что потом сам станешь дедушкой, и все это кончится. А можно сразу поставить себя и добиться уважения. Но тут без поддержки не обойтись. Меня одного деды в раз уроют. Ребята рассказывали про

одного парня, которого все время били деды. Так он взял кирпич и положил себе в тумбочку. Больше до него никто даже пальцем не дотрагивался.

Но этот вариант кажется мне не очень надежным. Я рассчитываю на другое. Незадолго до окончания учебки мне пришла посылка с разными вкусностями. Я не стал раздавать их направо и налево, а приберег как раз до прибытия на новое место службы. Нужно заручиться чьей-то поддержкой. Вот только я никак не могу решить чьей.

Можно пойти на поклон к сержантам. (**597**)

Можно уважить дедов. (**615**)

А можно попробовать заручиться поддержкой ребят своего призыва. (**659**)

649

Мы вернулись на заставу. Сдав оружие и немного отогревшись, я решил заглянуть в сверток. Внутри лежали две круглые металлические банки, типа наших консервных. На верхней части были вытеснены какие-то иероглифы. Я взял нож и вскрыл им одну из банок. Это была обыкновенная тушенка.

Я решил угостить ребят. (**618**)

Я решил сам все съесть. (**575**)

650

26 декабря 1967 г.

Сегодня китайцы снова вышли на лед. На это раз неподалеку от нашей заставы. Мы снова долго стояли цепью напротив них, а они кричали, размахивали плакатами и цитатниками.

Когда от холода мы уже практически не чувствовали ног, старший лейтенант Салдаев принял решение:

— Застава, слушай мою команду! Автоматы с плеча снять. Вытесняем нарушителей в сторону берега. Держать строй.

Мы взяли автоматы в руки и стали теснить ими нарушителей. Китайцы стали бить нас кулаками и плакатами. Постепенно мы выдавили провокаторов на другой

берег реки. Повторных попыток выйти на лед они не стали предпринимать. Мы вернулись на заставу. (**601**)

651

24 января 1968 г.

Мы еще не успели отойти от вчерашней стычки с китайцами, как нас снова подняли в ружье и погнали на остров. Хорошо хоть позавтракать успели. Снова выехали к Даманскому. Старшина Давыдов каждому выдал новенький тулуп. Они были светлого цвета, с длинной густой шерстью внутри. Только старший лейтенант Салдаев был одет в старый черный полушубок, что выделяло его на фоне остальных.

Провокаторов на этот раз было не меньше пятидесяти человек. Все вооружены баграми, дубинами, ломами и самое главное — красными книжечками. Без них они, похоже, никуда. Как всегда выстроились в цепь. Старший лейтенант Салдаев произнес стандартную в этой ситуации речь. Китайцы не спешили кидаться на нас. Видимо, в прошлый раз им крепко досталось. Интересно, это одни и те же все время приходят или разные? Все они на одно лицо.

Начальник заставы дал команду к началу выдворения. Мы стали теснить провокаторов. На наши головы посыпался град ударов. Я видел, как один из китайцев ударил нового командира второго отделения по лбу металлической дубиной. Сержант зашатался, схватился за голову и отступил на несколько шагов назад, озираясь вокруг ошалевшими глазами. По щеке его текла кровь и капала на воротник новенького тулупа. Немного пошатываясь из стороны в сторону, он открыл подсумок, достал магазин и пристегнул его к автомату.

Я кинулся к сержанту, чтобы остановить его. (**577**)

Я смотрел, что же произойдет дальше. (**619**)

652

Я снял с пожарного щита лопату, подошел к ванне и под общий хохот стал рубить картошку.

— Ну, вот и все! — сказал я через некоторое время и вернул мокрую лопату на место.

Пришли ребята из варочного цеха. Мы нагрузили изрубленную картошку в огромные кастрюли и отдали им. Варочные ушли. Через некоторое время на пороге овощерезки возник дед-повар:

— Эй, военные! Это кто так картошку догадался покромсать?

Мы молчали. Картошка действительно порезалась, мягко говоря, неравномерно. Все, что мы отдали ребятам с варки, было возвращено обратно на овощерезку.

Дед-повар выловил из кастрюли самый маленький картофельный кубик и сказал:

— Вот образец. Можно было и покрупнее порезать. Но теперь будем приводить все к единообразному виду.

Вдруг за моей спиной раздалось громкое шипение. (**609**)

653

«Все равно пойду и подарю». Я решительно подошел к девушке и вручил ей букет.

— Спасибо! — сказала она и внимательно посмотрела на меня своими прекрасными глазами.

Сержант недовольно кашлянул в кулак, как бы намекая, что мне пора удалиться. Но я не двигался с места, молча стоял и смотрел на девушку.

— Ладно, ребят. Мне пора. У нас еще несколько застав впереди.

Она убежала к остальным девушками. Они сели в грузовик. Заревели моторы, и машины выехали колонной. На прощание, уже сидя в кузове, она помахала нам рукой.

Я покосился на сержанта.

У меня уже был однажды с ним конфликт. (**581**)

Я еще ни разу не пересекался с ним напрямую. (**622**)

654

3 сентября 1967 г.

Раковины в умывальнике мы драили с Андреем по очереди всю ночь. Из чистящих средств в нашем распоряжении была только сода. Как мы ни старались, все равно так и не смогли привести умывальник в идеальное состояние.

За ночь мы так устали, что нам было уже абсолютно все равно — накажет нас Сафин за плохо наведенный порядок или нет. Но начальник заставы ничего не сказал. Хотя в умывальник заходил. (**454**)

655

2 октября 1967 г.

Сегодня я в наряде по заставе. Ночь прошла, в общем-то, спокойно. Не выспался только очень. Утром, когда все собирались на занятия, Мурзаев ходил по казарме и кричал:

— Ребят, никто не видел мой конспект по тактике? В тумбочке лежал.

— Да успокойся. Кому он нужен? По-любому, сам куда-нибудь засунул.

— Нет! Он точно в тумбочке лежал. Что, я не помню, что ли? Что за народ?! Конспекты начали воровать!

Услышав это, сержант Аникин сказал:

— Запомни, Мурзаев: в советской армии нет понятия «украли». Есть понятие — «потерял». Если что-то пропало — значит плохо следил. Выходим строиться на улицу! Поживее!

Вор на заставе — это общая проблема. Все мы одинаково сильно хотим найти его. И сейчас, как мне кажется, появилась реальная зацепка. Конспект — это все-таки не деньги. Деньги у всех одинаковые. А вот чужой конспект всегда найти можно. Тем более с таким почерком как у Мурзаева.

Когда все ушли, я решил пройтись по тумбочкам. Наверняка у кого-нибудь отыщется конспект Мурзаева. (**594**)

Я хотел пройтись по тумбочкам и поискать конспект Мурзаева, но передумал. Еще увидит кто-нибудь. Подумают, что это я крыса. (**551**)

656

6 октября 1967 г.

Деньги и продукты продолжают пропадать. Уже, казалось бы, все научены горьким опытом. Без присмотра никто ничего ценного не оставляет. Но все равно, то у одного что-то пропало, то у другого. (571)

657

25 сентября 1967 г.

Что-то странное произошло с волосами у меня на ногах. Немного пониже колена, с тыльной стороны ноги, на икрах образовались какие-то проплешины. Подозреваю, что это из-за сапог. В этом месте как раз заканчивается голенище. Спросил у Андрея. У него, оказывается, тоже самое. (569)

658

3 сентября 1967 г.

Всю ночь мы с Андреем по очереди драили раковины. Из чистящих средств в нашем распоряжении была только сода. Но мы выжимали из нее все, что могли в надежде на то, что начальник заставы, увидев идеальный порядок в умывальнике, не станет наказывать нас за то, что мы влезли на территорию парка. Местами на раковинах все же осталась ржавчина. Но они действительно стали заметно чище.

Старший лейтенант Сафин узнал обо всем от дежурного по учебному центру уже утром. Он не стал проверять порядок в умывальнике, а сразу влепил нам еще по три наряда вне очереди. (454)

659

А можно попробовать заручиться поддержкой ребят моего призыва. В конце концов, не стоит ни под кого прогибаться. Вместе мы сила, и никакие деды нам не страшны.

Незадолго до отбоя я подошел к ребятам и сказал:

— Здорово, мужики! Я тут кое-что привез с собой. Конфеты, в основном. Но там еще консервы кое-какие есть, сало… Как бы нам с вами посидеть где-нибудь, чтоб деды и сержанты не знали?

— Почему, чтоб не знали? Давай с ними и посидим.

— То есть как?

— Ну, так. У нас тут все по-простому.

Получается, что нет на второй заставе никакой дедовщины. Мой разум отказывался в это верить. Но всему нашлось логичное объяснение. (**573**)

660

15 декабря 1967 г.

— Застава, в ружье!

Сердце мое учащенно забилось. Мы стали получать оружие и боеприпасы. Я терялся в догадках, что же могло произойти. Но ребята, казалось, были ничуть не удивлены происходящим.

— Бли-и-ин… Началось. — слышалось из строя.

— Что началось? — обеспокоенно спрашивал я. — Китайцы, да? Китайцы?

— Да, наверняка, китайцы. Будь они неладны. Лед-то встал уже.

Мы экипировались и построились. Начальник заставы объявил:

— В районе Даманского группа китайцев численностью около двадцати человек вышла на лед. Напра-во! На выход шагом…марш!

Перед входом в казарму уже стояли: БТР-80ПБ, ГАЗ-63 и ГАЗ-69. Расселись по машинам и выехали. Прибыли на берег реки. Спешились. Дальше пошли пешком по льду. Метрах в шестистах от нас, справа от острова, стояла группа китайцев. В руках у них были плакаты с неровно сделанными надписями на китайском и русском языках: «Долой советский ревизионизм!». Я никогда раньше не видел китайцев. Все они были

довольно невысокого роста, с узкими глазами, сухими желтоватыми лицами и плохими зубами. Одеты они были в рваные полушубки. У кого-то на ногах стоптанные валенки. У кого-то просто обмотки. То ли крестьяне, то ли рыбаки. Трудно сказать.

Мы встали цепью и подошли к ним практически вплотную. Старший лейтенант Салдаев громко сказал:

— Вы находитесь на территории Союза Советских Социалистических Республик! Немедленно покиньте ее!

Китайцы начали галдеть на смешанном русском и китайском языках. Я разобрал только слова «наша земля», «долой» и «великий Китай». Я стоял левофланговым. Один из нарушителей приблизился ко мне и протянул какой-то сверток со словами:

— Лусская солдата — холосая салдата. Бели подалка и уходи.

Я взял сверток и спрятал его за пазуху. (**599**)

Я не стал брать сверток. (**638**)

661

2 апреля 1968 г.

Стычки с китайцами продолжались до наступления теплых дней. Но провокаторов было уже не такое большое количество. Справлялись своими силами. Только один раз снова привлекли первую заставу, когда китайцев было под сотню. В остальные разы их было не больше пятидесяти человек. Но и от этих пятидесяти человек нам прилично доставалось. Новые тулупы были все изорваны в клочья и ремонту не подлежали. БТР на берегу больше не оставляли. Подъезжали на нем прямо к острову, чтобы в случае чего сразу использовать его для вытеснения провокаторов. А потом лед на реке начал таять, и жизнь наша стала гораздо спокойнее.

Сегодня я получил посылку из дома. Много чего там оказалось хорошего: консервы, конфеты и очень вкусно пахнущая копченая колбаса.

Я решил сделать сюрприз ребятам, с которыми наиболее близко подружился за то время, что уже провел на заставе: порезал колбасу на равные части и положил каждому в тумбочку по кусочку. (**580**)

Я решил пока все припрятать, чтобы угостить ребят после ужина. (**621**)

662

28 мая 1968 г.

— Товарищи солдаты, поздравляю вас с Днем пограничника!

— Ура! Ура! Ура-а-а-а!

Сегодня у нас большой праздник. Снова приехало командование отряда. Организовали концерт. И снова на сцене кружилась в танце понравившаяся мне девушка. Я ждал ее приезда и заранее к нему готовился. На улице было практически лето, и за казармой недавно распустилось целое море маленьких незнакомых мне белых цветочков. Я нарвал небольшой букет и хотел подарить его прекрасной незнакомке. Но когда я пошел к ней после концерта, то увидел, что она стоит вместе с командиром второго отделения и держит в руках точно такой же букет, как мой. Я остановился в нерешительности.

«Эх, почему я не сержант?», — с грустью подумал я, развернулся и пошел в обратном направлении. (**604**)

«Все равно пойду и подарю», — решил я. (**653**)

663

5 июня 1968 г.

Я стоял на наблюдательном посту и осматривал серебряную гладь реки, когда увидел две весельные лодки, которые выплыли из-за острова. В каждой сидело по пять человек. Я немедленно доложил дежурному по заставе.

Лодки обогнули остров вдоль западного берега и остановились у его южной оконечности. Судя по всему, китайцы ставили сети. Работали они не спеша. И явно чувствовали себя как дома.

Минут через тридцать раздался рокот мощного мотора. Звук постепенно нарастал, и вот на реке показался большой пограничный катер. Он немного снизил скорость, видимо, оценивая обстановку. После чего снова взревел двигателями и направился в зазор между лодками, где у китайцев уже была растянута сеть. Катер промчался мимо лодок и зашел на второй круг. Он медленно подплыл к одной из лодок.

Китайцы стали размахивать руками, схватили багры и стали бить ими в борт катера. Тот снова набрал обороты и толкнул лодку своим мощным носом. Она перевернулась, и китайцы попадали в воду. Шлепая по воде руками и поднимая вокруг

себя кучу брызг, они подплыли ко второй лодке и стали забираться в нее. Перегруженная лодка качалась из стороны в сторону и тоже могла перевернуться в любой момент. Быстро работая веслами, китайцы поплыли к своему берегу. (642)

664

20 июля 1968 г.

Теперь я заступаю старшим дозора. Старый наш кинолог демобилизовался. Вместо него прислали нового с овчаркой по кличке Амур. Амур пожилой заслуженный пес. Ему уже шесть лет. Для пограничной собаки это предпенсионный возраст. Скорее всего это его последний год службы. После чего он либо останется жить на заставе, но уже не в роли служебной собаки, а в роли домашнего питомца; либо вернется в школу проводников служебных собак, и будет жить там. Третьим в составе нашего дозора совсем молодой парнишка. Только недавно приехал из учебки. Теперь уже я должен передавать ему свой опыт.

Мы получили приказ выйти на охрану Государственной границы и отправились на маршрут. Все было как обычно. Мы шли от одной точки к другой и докладывали дежурному по заставе о ходе несения службы. Мы достигли места стыка с соседней заставой и повернули обратно. Вдруг совсем рядом раздался громкой шорох.

— Застава, к бою! — крикнул я.

Ребята скинули автоматы с плеч и залегли. Снова раздался шорох. Мы лежали и напряженно всматривались в тайгу. За кустами явно было какое-то движение. Сердце стучало у меня прямо в горле.

— Вы находитесь на территории Союза Советских Социалистических Республик! — громко сказал я. — Выходите с поднятыми руками.

Ничего не происходило. В горле пересохло. Я посмотрел на своих товарищей. Они вопросительно смотрели на меня. Кинолог держал Амура за ошейник. Пес на удивление был спокоен. Я кивнул на него кинологу. Тот пожал плечами. Лежать и ждать дальше не имело смысла. Я сказал ребятам, чтобы прикрыли меня в случае чего, поднялся с земли, подошел к кустам и аккуратно раздвинул их стволом автомата.

На небольшой полянке лежала косуля. Ее задняя правая нога попала в капкан.

— Ложная тревога! — крикнул я своим.

Ребята продрались сквозь кусты ко мне.

— Ух ты! Косуля!

Амур подошел к животному и обнюхал его. Косуля лежала спокойно и не делала попыток подняться. Рана на ноге сильно кровоточила.

— Ну, и что будем с ней делать? — спросил кинолог.

— Зарежем и отнесем на заставу, — сказал я. (583)

Не говоря ни слова, я подошел к косуле и освободил ее. (605)

665

7 декабря 1968 г.

Фотоаппарат я выпрашивал у отца очень долго. И вот, наконец, моя мечта осуществилась — на пятнадцатилетие я получил новенький «Мир». Сам отец снимал на старый «ФЭД» довоенного производства. Так что все необходимое для фотопечати оборудование у нас было. Я всерьез увлекся этим делом. Снимал в основном красивые городские виды, которых в Ленинграде было предостаточно. Однажды даже вылез на крышу дома у Канала Грибоедова, откуда открывается замечательный вид на Дом книги и бывший собор, в котором сейчас располагается музей истории религии и атеизма. Но через некоторое время я охладел к фотографии, и «Мир» стал пылиться на полке.

Из отряда привезли и вручили мне фотоаппарат «Зоркий-4», фотоувеличитель, кучу фотопленки, фотобумагу, пакетики с проявителем, фиксажем и другими химикатами, кюветы разного размера, фотобачок и еще много чего, необходимого для изготовления фотографий. Позже обещали привезти и ручную видеокамеру. Меня освободили от нарядов. Теперь основной моей задачей было выезжать на все провокации китайской стороны и вести подробную фотофиксацию происходящего. «Зоркий-4» более современная модель по сравнению моим фотоаппаратам. Но я быстро во всем разобрался.

Для хранения оборудования в казарме мне выделили небольшую темную кладовку. Там же я и печатаю свои снимки. В качестве тренировки я «отщелкал» одну пленку на общие виды нашей заставы и окружающей ее территории. Словно средневековый алхимик я смешивал зелья и приготавливал растворы для проявления пленки. Не передать тот восторг, когда на белом листе бумаги медленно проступает изображение, и ты блаженно расплываешься в улыбке от сознания того факта, что кадр получился.

Из всей пленки у меня получилось всего десять кадров. Сказывается длительное отсутствие практики. Но я думаю, что со временем будет получаться лучше.

Пользуясь тем, что на заставе теперь есть свой собственный фотограф, ребята все время просят меня поснимать их, чтобы осталась память после дембеля.

И я с большим удовольствием делаю это. (585)

Но я всем отказываю, так как техника и пленка выделены для дела. (606)

666

13 января 1968 г.

— Еременко, где твое одеяло? — спросил меня начальник заставы. Отсутствие оного было замечено им на следующее же утро после того, как я утеплил двигатель своего автомобиля.

— Товарищ старший лейтенант,

я им радиатор машины закрыл. (863)

я не знаю где оно. (790)

667

2 марта 1969 г.

Всю ночь шел снег. К утру намело большие сугробы. С Даманского вернулся лыжный патруль и доложил дежурному, что на острове все спокойно. Все шло как обычно. Мы обсуждали, выйдут сегодня китайцы на лед или нет. Вышли. Примерно в 10:30 утра раздалась привычная команда: «Застава, в ружье!».

С наблюдательного поста доложили, что в район острова выдвинулось около тридцати провокаторов с оружием. Получили автоматы и полушубки. Начальник заставы позвонил соседям и попросил выслать усиление. Он сильно ругался, подгонял нас больше обычного и все время смотрел на часы.

Экипировались. Вышли на улицу. Было холодно. К счастью, сержант повел наше отделение к БТР-80ПБ. Сегодня наша очередь на нем ехать. В нем гораздо теплее, чем в холодном кузове ГАЗ-63. Был в БТРе и собственный отопитель внутреннего помещения. Но основная штука заключалась в том, что наш механик-водитель Коля Быстров перевернул в свое время крыльчатки радиаторов. И теперь горячий воздух от прогретых двигателей не отводился наружу, а наоборот – загонялся вглубь машины. В результате внутри БТРа было жарко, как в Ташкенте.

Старший лейтенант Салдаев и с ним еще семь человек погрузились в командирский ГАЗ-69. Выехали. В 11:00 мы уже были на развилке у места встречи с первой заставой. Их еще не было видно. Но это и неудивительно. От «Кулебякиной сопки» до Даманского значительно дальше, чем от «Нижне-Михайловки». Нашего ГАЗ-63 тоже не было видно. У него слабый двигатель. И машина довольно часто вязнет в рыхлом снегу.

Начальник заставы ходил взад-вперед и нервно курил.

— Все! Никого больше не ждем! Начнем пока процедуру. Остальные подтянутся.

Мы пожали плечами и закрыли люки БТРа. Выехали к Уссури. Подъехали как обычно к южной оконечности Даманского и спешились. Провокаторы стояли на льду метрах в трехстах от нас. Саша Ефимов тут же достал свой фотоаппарат «Зоркий-4» и начал снимать.

— Первое отделение прикрывает с острова. Второе — со мной. — скомандовал начальник заставы.

Мы отправились на остров. (590)

668

22 июля 1968 г.

Начальника заставы очень заинтересовало сообщение об установленных в тайге капканах. Велика была вероятность того, что поставили их китайцы.

Неподалеку от того места, где мы обнаружили косулю, был организован «секрет». На следующий же день наряд задержал там пожилого местного жителя из поселка «Нижне-Михайловка». Выскочившие из кустов пограничники перепугали деда так, что желание охотиться возле границы пропало у него до конца жизни. (584)

669

16 августа 1967 г.

Сегодня покидаю учебку и еду в город Иман, в 57-ой пограничный отряд. Сопровождать нас будет специально прибывший для этого прапорщик. Ехать на поезде около суток. Кроме меня туда взяли еще двоих ребят. Раньше я не был с ними знаком. Но теперь нам предстоит служить вместе. Одного зовут Гена, другого — Стас. (777)

670

Я решил проехать перекресток первым. Но Стас даже и не думал притормаживать. Мы чудом разминулись с ним, едва не задев друг друга.

—Куда ты прешь?! — закричал один из дедов на Стаса и отвесил ему сильный пинок. — Равнозначный перекресток!

Я утер выступивший на лбу пот и поехал дальше. (**844**)

671

Я решил пропустить автобус и только после этого повернуть налево. Мы благополучно разъехались со Стасом, избежав побоев. На этом наш экзамен закончился. (**600**)

672

19 августа 1967 г.

Машину мне все-таки дали. Старый насквозь ржавый ГАЗ-63. Хуже него я ничего в жизни не видел. Но делать нечего. Будем служить. (**762**)

673

20 сентября 1967 г.

Прошел уже месяц с тех пор, как я прибыл на новое место службы, в автороту Иманского пограничного отряда. Работа у меня не самая пыльная. Машина начальника отряда в основном в разъездах. Раз в неделю, когда у полковника Литвина выходной и машина стоит в боксе, я мою ее. Двигатель у нее в отличном состоянии. Потому никакого особого обслуживания не требует. Один раз менял масло. Но в этом не было ничего сложного.

В остальное время я выполняю различные хозяйственные работы по автопарку: подметаю боксы, ношу аккумуляторы на зарядку, выполняю поручения старшего лейтенанта Петухова и болтаю с ребятами своего призыва о трудностях и лишениях военной службы.

Сегодня вот заступил в наряд по автопарку. (**725**)

674

Я все равно пропустил прапорщика. И правильно сделал. Потому что, как оказалось, это был новый начальник склада ГСМ. Его прислали к нам всего две недели назад взамен старого, который уволился. А с такими людьми лучше не ссориться. И чего списки вовремя не обновляют?

Весь день мы проторчали на воротах. (**846**)

675

Хорошо, что я пропустил его сегодня через ворота. А то по-любому выделываться начал бы сейчас.

Получив ключи, я вернул их на законное место, и мы, наконец-то, сдали наряд. (**740**)

676

Мы снова пошли к прапорщику. Он нас послал. Я и не сомневался, что так будет. Но попытаться стоило.

Мы решили поспрашивать у ребят. (**726**)

Мы решили отдать прапорщику канистру, которую я видел в одном из боксов. (**754**)

677

20 ноября 1967 г.

Всю ночь снился летающий гроб. Несколько раз просыпался в поту с бешено колотившимся сердцем. Нужно было на «Свадьбу в Малиновке» идти. (**880**)

678

Поехали в отряд. Практически у самых ворот нас поджидала девушка. То, что она ждала именно нас, я понял в тот момент, когда полковник Литвин сказал мне остановиться, вышел из машины и подошел к девушке.

— Настя, ты почему здесь? Почему не в институте?

— Привет, пап, — она подошла к полковнику Литвину и поцеловала его в щеку. — У нас уже закончились занятия. А ты скоро домой?

— Нет. Много работы.

— А можно я тебя подожду?

— Что-то случилось?

— Ну почему сразу случилось? Все в порядке.

— Давай-ка, садись в машину. Я скажу, чтобы тебя отвезли.

— Нет. Я хочу тебя подождать.

— Настя! Садись в машину! Дома поговорим.

Девушка послушно села на заднее сиденье. Начальник отряда обратился ко мне:

— Алексей, отвезите мою дочь домой и возвращайтесь в расположение. Когда вы мне понадобитесь, я вызову вас через дежурного.

Я развернул машину и поехал в сторону дома полковника Литвина. Я не мог удержаться от того, чтобы не взглянуть на девушку в зеркало заднего вида. Она была очень красивая. Темные немного вьющиеся волосы лежали на хрупких плечах. Мягкие голубые глаза и высокий прямой лоб она явно унаследовала от своего отца. Она была невысокого роста, очень стройная и… очень красивая. Она молча смотрела в окно и, казалось, о чем-то грустила.

Мне было интересно, отчего она такая грустная.

И я спросил ее об этом. (**796**)

Но я постеснялся спросить ее об этом. Ехали молча до самого дома. (**757**)

679

Для начала я решил проверить свечи. Выкрутил одну и осмотрел. Нагара практически не было. Свеча была влажная. Это говорило о том, что горючая смесь в цилиндр поступает. Значит с карбюратором все в порядке. Искра тоже была. Получается, что не происходит само возгорание.

Я решил проверить канистру, из которой вчера заправлял машину. (**878**)

680

Дальше я решил слить воду из радиатора. Подставил ведро, снял пробку и выкрутил оба краника. Когда вся старая вода вытекла, я закрыл краники и залил свежую. Надо же ее иногда менять.

Но нужно было все же продуть топливопровод. (**850**)

681

19 ноября 1967 г.

К увольнению я подготовился основательно. С вечера почистил и погладил форму. До зеркального блеска начистил сапоги. Побрился. Подровнял кантик на шее. Так что на утро мне оставалось только смахнуть пару пылинок, осевших за ночь на обувь.

Старший лейтенант Петухов проверил мой внешний вид, вручил увольнительную записку и проинструктировал меня:

— В увольнении спиртные напитки не употреблять, форму одежды не нарушать, с гражданским населением в конфликты не вступать, вести себя достойно. Вопросы есть?

— Никак нет!

— Напра-во! В увольнение шагом… марш!

Оказавшись за воротами, я первым делом пошел к телефонному автомату, чтобы позвонить Насте. Зашел в будку, снял трубку, сунул в щель монетку и стал крутить диск номеронабирателя: «621-… Блин! Как там дальше?»

А! Вспомнил! (***)

Так и не вспомнив номер до конца, я повесил трубку. (**802**)

682

В отряд я несся сломя голову. Вечерняя поверка уже шла полным ходом. Старший лейтенант Петухов стоял перед строем и ждал ее окончания. Старшина зачитывал фамилии.

— Сидоренко.

— Я.

— Пугач.

— Я.

— Михайлов.

— Я.

— Еременко. Еременко! Где Еременко?!

— Я здесь! — вбежал я в расположение. — Товарищ старший лейтенант, рядовой Еременко из увольнения прибыл, замечаний не имел. Разрешите встать в строй?

— Как же не имел? От меня вам замечание. За опоздание. Видимо, это было ваше первое и последнее увольнение. Становитесь в строй. (**803**)

683

И я решился идти к ней. Дверь в казарму на ночь закрывалась. О том, чтобы уйти незаметно, не могло быть и речи. Я решил действовать по-другому: оделся и подошел к дежурному.

— Ты куда это собрался? — спросил он меня.

— Полковник Литвин сказал мне его через час на машине встретить.

— Мне никто ничего об этом не говорил.

— Забыл, наверное. Праздник все-таки. Тут и не такое забудешь. Давай, открывай живее. Не дай Бог ему ждать придется. Сам знаешь, что тогда будет.

Немного поколебавшись, дежурный открыл дверь и выпустил меня из казармы. На улице было темно и очень холодно. Я пошел в самый темный угол и там перелез через забор. Общественный транспорт уже не ходил. Пошел пешком. Благо, что город не очень большой.

Шел около часа. Вот он уже знакомый дом. Я поднялся на третий этаж и прислушался. За дверью было тихо. Я постучал.

— Кто там? — раздался Настин голос.

— Это я.

Послышался шум открываемого замка.

— Привет! Ты как здесь?!

— Да вот шел мимо. Дай, думаю, загляну. Празднуете?

— Уже отпраздновали. Все по домам разошлись. Посуду мою. А родители в гостях. Проходи.

Я зашел и разделся. Еще в отряде я предусмотрительно надел вместо портянок носки. Было немного неловко. Настя явно не ожидала меня увидеть.

— Давай я тебе помогу, — предложил я ей.

Вместе мы убрали оставшуюся на столе посуду. Пока Настя ее мыла, я сложил и передвинул к стене стол-книжку. Когда с уборкой было покончено, мы сели на диван. Я хотел ее. (**804**)

684

Старшина Давыдов оказался невысоким усатым мужичком лет сорока. Словоохотливый, с ярко выраженным украинским акцентом, он водил меня по территории заставы и показывал что и где у них расположено.

— Товарищ старшина, а почему к вам сюда штрафников из отряда ссылают?

— А ты не знаешь?

— Никак нет.

— Что тебе известно о наших взаимоотношениях с сопредельной стороной?

— Это с китайцами, что ли? Ну, мы с ними дружим. У них коммунизм тоже…

— И это все?

— А что еще?

— Слухай, расскажу тебе анекдот один:

«Выходит русский богатырь Илья Муромец на советско-китайскую границу и говорит:

— Эй, сто тысяч китайцев, выходите на бой!

Выбегают с криками сто тысяч китайцев, а Илья им говорит.

— Ну не при людях мы же будем биться, идемте за бугор.

Уходят они за бугор, а оттуда тряпки, крики, кровь. Через несколько минут выходит Муромец и уходит.

Через час история повторяется…

На восьмой раз Илья выходит на советско-китайскую границу и говорит:

— Эй,сто тысяч китайцев, выходите на бой!

Выбегают с криками сто тысяч китайцев, а Илья им говорит:

— Ну не при людях мы же будем биться, идемте за бугор.

Тут из-за бугра вылезает недобитый китаец и орет своим:

— Братья, не верьте ему, тут за бугром ему Добрыня Никитич помогает.»

— Чего-то я ничего не понял, товарищ старшина.

— А чего ты не понял? Это мы в газетах и по телевизору с ними дружим. А на деле выходят на лед пятьдесят рыбаков с баграми и портретами Мао и ждут нас. Граница официально по китайскому берегу проходит. Вышел сопредельщик на лед — считай, нарушитель. Приезжаем: граждане китайцы, не угодно ли вам покинуть советскую территорию? А они плакаты в сторону — багры в ход.

Я открыл рот от удивления.

— Вот так-то, — подытожил старшина. — Да что говорить. Скоро сам все увидишь. Пошли транспорт твой смотреть.

Командирской машиной оказался ГАЗ-69. Практически такой же как тот, на котором я возил полковника Литвина. Этот разве что был сильно потрепанным и грязным. Оба передних крыла были помяты.

— Машина — зверь, сказал старшина. — Владей. Только имей в виду — начальник очень не любит, когда водители долго копаются. Не жди, пока он тебе команду даст. Почуял, что машина нужна — сразу завел, прогрел, подал. (**812**)

685

23 февраля 1968 г.

Сегодня праздник — «День Советской Армии и Военно-Морского флота». Командование отряда ездило с поздравлениями по всем заставам. Кроме того на каждой заставе был организован праздничный концерт. Несколько грузовиков везли оркестр и артистов. Ехали организованной колонной. Еще в отряде, при посадке в машины, среди девушек-танцовщиц в цветастых русских сарафанах я увидел Настю. Она тоже заметила меня и помахала рукой.

Приехали на первую заставу «Сопки Кулебякины». Сцены там никакой не было. Грузовики с откинутыми бортами подъехали вплотную друг к другу. Получилась ровная и широкая деревянная платформа. Ребята вынесли из казармы стулья и табуретки, расставили их ровными рядами и сели смотреть концерт прямо на улице.

Сначала была официальная часть. С поздравлениями выступил полковник Литвин. Потом выступал начальник политотдела. Начальнику первой заставы вручили грамоту, а старшине и нескольким сержантам объявили благодарность. Оркестр играл туш. Все хлопали.

Потом был концерт. Девушки в цветных сарафанах и меховых шубках танцевали русские народные танцы. Настя в центре. Я не мог оторвать от нее глаз. Потом вышли двое ребят с гитарами и стали петь военные песни. Но они меня уже мало интересовали. Я тихонько прошел за сцену, куда спустились танцовщицы. Она была там. Мы отошли в сторонку. Девушки поглядывали на нас, перешептывались и громко смеялись.

— Не обращай на них внимания, — сказала Настя. — Как у тебя дела?

— Нормально. Вожу вот отца твоего теперь постоянно. Каждый день надеюсь тебя увидеть.

Она опустила глаза.

— Ну вот — увидел ведь.

Я сделал шаг и приблизился к ней практически вплотную.

— Настя! Ты где? — раздался громкий голос, принадлежащий полковнику Литвину.

За кабиной грузовика нас не было видно. Настя отстранилась от меня.

— Папа зовет. Нужно идти. Еще поговорим.

Она убежала. Концерт закончился. Все снова погрузились в машины и поехали на вторую заставу. Но ни на второй заставе, ни на следующих за ней поговорить нам уже

не удалось. Концертные номера почему-то поменяли местами, и Настино выступление теперь стояло последним. До его начала она готовилась к выходу вместе со всеми остальными девушками, а сразу после — все садились в грузовики и ехали дальше. (**760**)

686

Наступления вечера ждал не только я. Гена и Стас тоже нетерпеливо потирали руки. Всем хотелось отыграться на новобранцах за то время, когда мы сами были такими же. Кроме того, старший лейтенант Петухов дал нам задание выяснить, кто из молодых чего стоит, как у них с теорией и практикой вождения, и кого из них на какую технику лучше распределить. А какой способ выяснить все это может быть лучше, чем вождение в казарме?

Сразу после отбоя мы построили молодняк на центральном проходе. Остальные ребята лежали на своих кроватях и с интересом наблюдали за происходящим.

— Как фамилия, солдат? — спросил я у одного из них.

— Худаев.

Парень был довольно упитанным. Потому фамилия его вызвала всеобщий смех.

— Какой же ты Худаев? — сказал я. — Ты скорее Толстой.

Снова всеобщий взрыв хохота.

— Говорят, к нам на одного бойца больше вместе с тобой перевели. Но ты его съел по пути. — подхватил Стас.

Ребята на кроватях держались за животы и давились от смеха.

— Ладно, Толстой. Будешь бензовозом. Порычи как бензовоз.

Парень неуверенно порычал.

— Смелее, смелее. У бензовоза мощный двигатель должен быть. Не забывай еще булькать, когда будешь ехать.

— Твоя как фамилия? — спросил я следующего.

— Рядовой Абрамов!

— Так, Абрамов, Абрамов… Ничего что-то в голову не приходит. Ладно. Будешь легковым автомобилем.

Назначив всем молодым машины, которые они должны изображать, мы показали им маршрут движения и дали старт.

— Куда ты прешь?! — доносилось с одной стороны.

— Чего ты встал?! — раздавалось с другой.

Крики эти сопровождались пинками и звонкими затрещинами. Новобранцы лавировали по проходам между кроватей, сталкивались, получали от нас заслуженные удары и тычки, разъезжались и снова сталкивались.

Успешнее всего перекрестки преодолевал Абрамов. Нужно его к себе стажером взять. Толковый парень, похоже. (**855**)

Часть вторая:

Остров преткновения

687

2 марта 1969 г.

Сегодня во второй половине дня меня разбудил дежурный и сказал, что полковник Литвин вызывает машину на вторую заставу. Всю дорогу до «Нижне-Михайловки» я думал о том, как начальник отряда в разгар учений мог оказаться на заставе.

Я приехал на место, остановился возле казармы и вышел из машины. Что-то было совсем не так. Ощущение было такое, что на заставе никого нет. На дороге показалась телега, запряженная лошадью. Раньше лошадей на заставе я не видел. Перед входом в казарму всегда стоял БТР-80ПБ, которого в это раз, кстати, почему-то нигде не было.

Лошадью правил здоровенный бородатый мужик. Следом за телегой шли двое пограничников. Когда они подошли ближе, я не поверил своим глазам: они были грязные и обгоревшие, как будто побывали под бомбежкой. На их закопченные лица было страшно смотреть. Я заглянул в телегу и отшатнулся: внутри лежали обезображенные тела трех человек. Страшная процессия прошла мимо меня, но направилась не ко входу в казарму, а мимо него. Там, рядом с казармой, была вырыта землянка.

Телега остановилась. Ребята стали выгружать из нее тела и заносить их поочередно в землянку. Потом они сели в пустую телегу и двинулись в обратном направлении. Когда они снова поравнялись со мной, я спросил:

— Что здесь случилось?!

— Китайцы, — тихо сказал один из ребят.

— А где все?!

— Там, — он неопределенно кивнул в ту сторону, куда направлялась телега.

Я подошел к землянке, неуверенно помялся у входа и вошел в нее. Внутри один возле другого лежали мертвые пограничники. Их было не меньше двадцати человек. Подавляя внезапно подступившую тошноту, я сел в машину и поехал следом за телегой. (**736**)

688

Выкрутил свечи. Осмотрел их. Нагара нет. Зазор хороший. Да и какое отношение могут иметь свечи к закипевшей воде? Вкрутил обратно. (**856**)

689

Нужно было заменить холодный патрубок. Подходящий нашелся. Но никак не получалось подлезть к местам его крепления. Наконец я закончил, вытер пот со лба и завел двигатель. Ничего не изменилось. Он по-прежнему перегревался. (**840**)

690

Я кивнул головой. Попробуй тут откажи. Деваться было некуда. Потихоньку стал сливать бензин со своей машины, списывая на большой расход. Знаю, что другие ребята тоже так делают. Главное — не попасться с этим делом. Запросто можно в дисбат загреметь. Это в лучшем случае. А то и в тюрьму посадят.

О том, какие доходы это приносит старослужащим, можно только догадываться. Но, думаю, немалые. (**882**)

691

Одна девчонка из танцующих мне очень понравилась. Я ее еще на первой заставе заметил. В центре кружилась. Спросил одного из местных ребят:

— Знаешь ее?

— Не-е. В первый раз вижу. Я сам тут недавно.

— Слушай, а правда, что вы тут с китайцами деретесь постоянно?

— Есть такое дело, — грустно ответил парень. — Житья от желторожих нет. Но у нас-то еще ладно. Вот на второй заставе вообще край. Каждый день ребята зубы пересчитывают.

— Кому? Себе или китайцам? — усмехнулся я.

— А это как придется, — серьезно ответил парень. — По-разному бывает.

Пока мы разговаривали, концерт закончился. Девушка, которая мне понравилась, подошла к нашему начальнику отряда полковнику Литвину и взяла его под руку. Тот в свою очередь стоял и разговаривал о чем-то с начальником заставы.

— Вот старый хрыч дает! — сказал парень. — Такую девку захомутал.

— Да не-е-е! Не может такого быть! — не поверил я.

Все встало на свои места, когда мы приехали с концертом на вторую пограничную заставу. (**858**)

692

Я согласился. Не без угрызений совести, конечно. Но ситуацией с дедами был доведен уже до крайности. Слил информацию о кражах бензина. Несколько старослужащих вместо того, чтобы ехать на дембель, отправились служить новый срок в дисциплинарном батальоне. Другие стали постоянными гостями гарнизонной гауптвахты. Дышать в роте стало свободнее. (**741**)

693

9 августа 1968 г.

После отбоя деды начали стягиваться в каптерку. Они не знали о том, что я слил информацию об их «мероприятии» ротному. Старший лейтенант Петухов появился в казарме минут через тридцать после того, как дверь в кладовую закрыли изнутри на ключ. Но у него был свой комплект. Открыв дверь, он вошел в каптерку со словами:

— Так! Ну и что мы тут делаем?

Я не знаю, что он увидел внутри. Но вышел довольно быстро. Деды вышли следом.

— Нашли время и место уставы учить! В ленинскую комнату не загонишь днем. А тут сидят! Бегом спать!

Деды скрылись в кубрике. Через некоторое время ко мне подбежал Стас.

— Леха! — взволнованно сказал он. — Там деды о тебе в кубрике разговаривают. Говорят, проверяли тебя на вшивость.

Я вскочил с кровати и оделся. Ротный еще был в казарме.

— Товарищ старший лейтенант! — подбежал я к нему. — Они все знают!

— Ты о чем, Еременко? Кто знает? Ты чего не спишь?

— Деды все знают! Они специально так все подстроили, чтобы я вам все рассказал. Они же меня убьют теперь!

— Что же мне с тобой делать теперь?

— Не оставляйте меня здесь, товарищ старший лейтенант!

Ротный постоял, почесал голову и сказал:

— Ладно, пошли со мной. (**718**)

694

Я заглянул под водительское сиденье. Аккумулятора на месте не было. Еще бы она завелась! Видимо, предусмотрительный водитель снял его, чтобы тот не сел на морозе. Так-так-так… А где же он может быть? (**769**)

695

— Никогда не обхватывай пусковую рукоятку кистью с противопоставленным большим пальцем.

Голос принадлежал начальнику заставы. Я не заметил, как старший лейтенант Салдаев подошел ко мне. Он был одет в черный полушубок. Поверх портупея. На боку кобура с пистолетом.

— Пальцы всегда должны быть с одной стороны рукоятки, — сказал он, после чего отодвинул меня в сторону, взялся за ручку стартера и медленно повернул ее.

—Видишь, с усилием идет. Греть нужно.

Начальник заставы залез в кабину. (**883**)

696

Можно использовать свое одеяло. А спать можно и под шинелью. Приняв такое решение, я снял одеяло с кровати, сложил его в несколько раз и пошел к машине. Промучился гораздо дольше, чем думал. Хорошо, что в первой половине дня машина начальнику заставы не была нужна. А то пришлось бы все бросить и потом начинать сначала. К обеду все было готово.

Я стал прогревать машину паяльной лампой. Миша сказал, что греть нужно минут пятнадцать. Но терпения у меня не хватало, и каждые две-три минуты я вытаскивал щуп и проверял состояние масла. Когда оно, наконец, закапало, я погасил горелку и побежал в столовую за кипятком. Вернулся с чайником и стал лить тонкой струйкой на впускной.

Теперь самый ответственный момент: выжимаю сцепление, старт. Вал начинает крутить очень медленно. Но двигатель подхватывает быстро. Теперь главное газом не перекачать. После запуска обороты держу чуть повышенные и сцепление сразу не отпускаю — может заглохнуть. Прогрев двигатель, трогаюсь с места.

Машина вначале ведет себя своеобразно. Масло везде замерзает — это заметно. Двигатель тянет плохо. Я сделал круг метров двести. Пару раз нажал на тормоз. Все в порядке. Теперь до вечера проблем не должно быть. (**666**)

697

Я уже просил одеяло у старшины. Но решил обратиться к нему еще раз. Не может быть, чтобы у него не было.

— Товарищ старшина, тут такое дело… Я у вас вчера одеяло просил для машины… В общем, я свое собственное использовал. А старший лейтенант Салдаев увидел, что у меня на кровати одеяла нет, и сказал до вечера найти.

— Ну, так а я тут причем?

— Товарищ старшина, я ведь не для себя стараюсь. Хочу, чтоб машина всегда на ходу была.

— Ох, Еременко, Еременко… — старшина встал на стул, полез на верхний стеллаж и достал оттуда старое, но еще вполне приличное одеяло.

— На! — он протянул его мне. — Должен будешь.

— Спасибо, товарищ старшина!

— Иди уже отсюда. (**872**)

698

Я побежал в сторону дерущихся и сходу врезался в толпу. На мою голову тут же обрушился град ударов. Китайцы что-то кричали на смешанном русском и китайском языках. Но я их не слушал и, зажмурившись, вместе со всеми теснил провокаторов в сторону границы.

Оказавшись на своем берегу, китайцы остались там и повторных попыток нарушить границу не предпринимали, а только стояли, что-то кричали, махали палками и небольшими красными книжечками.

Мы пошли в сторону нашего берега.

— Еременко, еще раз оставишь машину, будешь в дисбате дослуживать, — услышал я рядом голос начальника заставы.

— Товарищ старший лейтенант, я ведь как лучше хотел.

— Я все сказал. (**817**)

699

Я с нетерпением ждал окончания концерта, чтобы поговорить с ней. Когда выступление закончилось, я сразу же кинулся к Насте. Сначала хотел обнять ее. Но потом стушевался, засунул руки в карманы и просто сказал:

— Привет.

— Привет, — сказала она и опустила глаза.

Мы немного помолчали. Затем я спросил:

— Как ты?

— Ничего, — ответила она. — А ты?

— Нормально.

— А мы вот поздравить вас приехали.

Я подошел к ней вплотную и хотел обнять, но тут раздался голос полковника Литвина:

— Настя!

— Леш, мне идти надо.

Она побежала к отцу. Вскоре они уехали. Поговорить нам больше не удалось. (**864**)

700

30 марта 1968 г.

За последние три недели были и еще стычки с китайцами. Но провокаторов было уже не такое большое количество. Справлялись своими силами. Только один раз снова привлекли первую заставу, когда китайцев было под сотню. В остальные разы их было не больше пятидесяти человек. Но и от этих пятидесяти человек нам прилично доставалось. Наши тулупы были изорваны в клочья. Машины на берегу мы больше не оставляем. Подъезжаем на них прямо к острову.

Но вот уже дня четыре, как нет ни одной провокации. Лед на реке совсем тонкий. Думаю, что до следующей зимы можно вздохнуть спокойно. (**748**)

701

Я вдавил педаль газа в пол. Раздался глухой удар, и заяц исчез под колесами автомобиля. Я остановился и вышел из машины. Мертвое животное лежало на дороге. Я подошел к нему, схватил за уши и потащил к машине. Он был очень тяжелый. Я никогда не видел такого огромного зайца. Я подтащил его к машине и закинул на заднее сиденье.

В отряд добрался уже глубокой ночью. Бензонасос дожидался меня у дежурного. Забрав его, я сразу же поехал обратно. К тому времени, как я вернулся на заставу, солнце уже показалось над горизонтом. Я растолкал Мишу, а сам завалился спать. Утром обе машины должны быть в строю. Ничего не поделаешь. (**712**)

702

10 июля 1968 г.

Сегодня год, как я служу в армии. Событие это в наших рядах всеми уважаемо и почитаемо. Потому готовился я к нему заранее. По моему заказу Миша, когда был по делам в отряде, приобрел три бутылки «Столичной». Одну бутылку я отдал повару, за что получил от него бачок жареной картошки и пару банок тушенки.

Отмечали, как уже повелось, в десантном отсеке, БТР-80. Пили за нас, за погранвойска и за предстоящий дембель, который уже совсем не за горами. Теперь впереди всегда будет оставаться меньше дней службы, чем позади. (**780**)

703

Наши подошли к китайцам практически вплотную. Старший лейтенант Салдаев вышел вперед и что-то сказал.

Один из провокаторов что-то выкрикнул ему в ответ. Толпа подхватила его слова и загалдела, размахивая красными книжечками.

Второе отделение наконец-то пересекло остров и вышло на высокий берег напротив нарушителей. Магазины к автоматам никто не пристегивал. Никто не хотел давать повод для открытия огня.

Старший лейтенант Салдаев махнул рукой, и ребята навалились на провокаторов, как будто перед ними были все те же рыбаки, а не двадцать вооруженных китайских пограничников.

Пот ручьем тек по моей спине. Мне казалось, что китайцы начнут стрелять в любую секунду. Но никто не стрелял. Похоже, что у них так же, как и у нас, строгий запрет на применение оружия.

Ребята давили их автоматами. Те выставили навстречу свои автоматы, такие же точно, как и наши. Борьба продолжалась около получаса. Наконец, китайцы отступили. Мы вернулись на заставу. (**781**)

704

23 февраля 1969 г.

Сегодня сразу после завтрака китайцы снова вышли на лед. Но на этот раз они повели себя крайне необычно. Только мы подъехали к острову, спешились и направились в сторону нарушителей, как они тут же построились и с песней ушли на свой берег.

Мы вернулись на заставу. (**782**)

705

Я вместе со всеми двинулся к китайцам. Одно отделение старший лейтенант Салдаев, как всегда, отправил на остров для прикрытия. Остальные, в том числе и я, пошли прямо к провокаторам.

Когда до нарушителей оставалось метров сто, начальник заставы вдруг поднял руку и сказал:

— Стой. Еременко и Михеев — со мной. Остальные — на месте.

Дальше пошли втроем. Было 11:15 утра. (**888**)

706

На шее у меня висит медальон — подарок Насти — маленькая иконка с изображением девы Марии. Я сжал ее в кулаке. После похорон полковника Литвина семья Насти уехала из Имана. Но я клянусь, что обязательно разыщу ее. Я подойду к Насте и скажу, что люблю ее. Ведь я жив. И она жива. А это значит, что нам нужно жить дальше.

Судьба — странная штука. (**834**)

707

6 марта 1969 г.

Сегодня хоронили наших ребят. Прямо на заставе, в братской могиле. Прилетел вертолет с генералами из округа. Приехали родители погибших. Сразу посмертно наградили всех павших: начальнику второй заставы присвоили звание Героя Советского Союза, ребят наградили орденами. Но близким от этого легче не станет. (**785**)

708

16 марта 1969 г.

Начальник отряда погиб. Он совершил ошибку, сев в головной танк. Командир никогда не садится в головную машину. После того, как танк был подбит, экипаж

выбрался через десантный люк, но был сразу же атакован китайцами. Шансов на спасение не было.

Сегодня поисковая группа нашла тела погибших. Я видел полковника Литвина. Пуля попала ему прямо в сердце, пробив удостоверение личности и карту местности, которые лежали во внутреннем кармане кителя.

Меня отправляют обратно в отряд. (**786**)

709

25 августа 1968 г.

Я копался в двигателе своей машины, когда почувствовал сильное жжение возле брови. Схватился рукой — под пальцами почувствовал бугорок. Посмотрел в зеркало — увидел какое-то насекомое. Возможно, клещ. Я никогда не видел их живьем. Только на картинках.

Но я знал, что нужно делать в таких случаях. (**787**)

Я не знал, что нужно делать в таких случаях. (**829**)

710

Письмо с требованием направить меня в комендатуру на занятия по строевой пришло на заставу уже на следующий день.

— Чего они там, белены объелись? — сказал старший лейтенант Салдаев, ознакомившись с текстом. — Какая строевая?! Еременко, ты чего там учудил?

Я рассказал начальнику заставы об инциденте с патрулем.

— А чего сразу не доложил?

— Так это… Поздно уже было.

— Раскаяться в содеянном никогда не поздно. Ладно. Не поедешь ты никуда.

Я улыбнулся.

— Спасибо, товарищ старший лейтенант.

— Здесь будешь маршировать. (**869**)

711

23 января 1969 г.

Провокаторы стали выходить на лед практически ежедневно. Несколько раз вытеснение перерастало в банальную драку, в которой все били друг друга куда придется. Автоматы хватали за стволы и использовали в качестве дубин.

Наши ребята крупнее китайцев. Потому без особого труда справляются с нарушителями. Хотя и им достается. Разбитые носы, брови, синяки и ссадины — отличительная черта пограничников второй заставы.

Но сегодня, когда с наблюдательного поста у Даманского сообщили, что нарушителей около пятидесяти человек, Садаев решил подстраховаться — запросил поддержки у наших соседей с первой заставы «Кулебякины сопки».

С соседями встретились на лесной развилке практически у самого выезда на берег Уссури. Они приехали на таком же точно БТР-80ПБ, как наш. Выехали на лед. Спешились. Пошли к китайцам. Но не успели приблизиться к ним, как они с дикими криками, размахивая автоматами, как дубинами, кинулись в атаку. Кого-то из наших сбили с ног ударом по голове. Я видел, как ребята оттаскивают его в сторону от побоища. Отделение, которое должно было прикрывать с берега, не выдержало, и тоже с криками кинулось на помощь остальным. Я тоже плюнул на все и побежал к дерущимся.

Отделали китайцев, как никогда. Хромая и поддерживая тех, кто не мог идти самостоятельно, они брели к своему берегу. На снегу остались брызги крови, несколько китайских автоматов и карабинов. Добравшись до своего берега, китайцы стали кричать: «Черный Иван! Мы убьем тебя!». Старшего лейтенанта Салдаева действительно зовут Иваном.

Мы разделили с соседями трофейное оружие и разъехались по своим заставам. (**776**)

712

10 июня 1968 г.

Мохнатый руль моего ГАЗ-69 стал предметом гордости для меня и объектом зависти для остальных водителей второй погранзаставы. За половину тушки заставский повар приготовил для нас замечательное жаркое из зайчатины. Дабы не искушать ребят в казарме, мы с водителями устроились на скамейках в десантном отсеке БТР-80 и приступили к трапезе. Ничего вкуснее в своей жизни я никогда раньше не ел. (**821**)

713

Я помчался к старшине. Нашел его в бытовке, раскладывающим пуговицы по специальным отделениям шкафчика.

— Товарищ старшина! Мне срочно в город нужно!

— Ох, ты какой! В город ему нужно. Чего случилось-то?

— Меня клещ укусил, — сказал я и выразительно ткнул пальцем себе в бровь.

— Эка невидаль! Клещ укусил! Если мы так, милый мой, каждого укушенного в город будем возить — некому границу будет охранять. Стой так. — с этими словами старшина отмотал сантиметров тридцать черной нитки от большой катушки, оторвал ее, завязал узелок и затянул его прямо на клеще. Концы нитки стал крутить против часовой стрелке. Не прошло и минуты, как клещ был извлечен.

Старшина достал из кармана коробок спичек, чиркнул одной и поджарил клеща прямо на нитке.

— Товарищ старшина, так его, наверное, на исследования нужно было отдать? Вдруг, он энцефалитный.

— Да какой он энцефалитный, Еременко? Я всю жизнь на Дальнем Востоке провел. В жизни не видел энцефалитного клеща. Иди уже.

Потирая место укуса, я снова вышел на улицу.

Дима лежал на скамейке от смеха.

— Что показал анализ? — спросил Коля.

— Придурки. (766)

714

— Никак нет, — ответили мы вразнобой.

Было видно, что всем не по себе от того, что нам предстоит.

— Тогда вперед.

Начальник заставы повел нас прямо к китайцам. Мы подошли к ним практически вплотную. Старший лейтенант Салдаев предъявил им стандартное требование:

— Вы находитесь на территории Союза Советских Социалистических Республик. Немедленно покиньте ее.

— Долой советский ревизионизм! — громко выкрикнул один из китайцев на неплохом русском языке. Остальные подхватили лозунг и загалдели, размахивая красными книжечками.

— Мы будем вынуждены применить силу, — сказал начальник заставы.

Тот же китаец стал кричать:

— Это наша земля! Сам уходи отсюда!

На высоком берегу острова показалось второе отделение. Увидев их, старший лейтенант Салдаев махнул рукой, и мы навалились на провокаторов, как будто перед нами были все те же рыбаки, а не двадцать вооруженных китайских пограничников.

Пот ручьем тек по моей спине. Мне казалось, что китайцы начнут стрелять в любую секунду. Но никто не стрелял. Похоже, что у них, так же как и у нас, строгий запрет на применение оружия.

Мы давили их автоматами. Они выставили навстречу нам свои автоматы, такие же точно, как и наши. Борьба продолжалась около получаса. Наконец, китайцы отступили. Мы перевели дух и вернулись на заставу. (**781**)

715

Я не получил ни одного пинка.

— Молодец, Еременко. Сразу видно, что не просто штаны на занятиях просиживал. — похвалил сержант. — А как у тебя с матчастью?

— Честно говоря, не очень, товарищ сержант. Так, только в общих чертах.

— Это ничего. Научим. Будет тебе нормальная машина. (**792**)

716

Было уже совсем светло, когда на китайской стороне заработала громкоговорящая установка. Звонкий женский голос на чистом русском языке призывал советских пограничников отказаться от политики ревизионизма. Я посмотрел по сторонам. Звук шел из рупоров, расположенных на крыше одной из машин.

Когда голос смолк, некоторое время было слышно только то, как переговариваются в окопах китайские пограничники. Только сейчас я заметил, что их огромное количество.

Вскоре на нашем берегу тоже заработал громкоговоритель. Некоторое время он нес китайскую тарабарщину, потом все стихло. И тут началось… По острову заработала китайская артиллерия. Я не сразу понял, что китайцы обстреливают наши БТРы, которые в этот момент были на острове. Брызги взрывов взлетали в небо слева и справа от машин. К счастью БТРы все время маневрировали, и китайцы никак не могли пристреляться к ним.

Человек пятьсот китайских пехотинцев поднялись из окопов и двинулись в сторону острова. Их поддерживали из окопов непрерывным огнем. Один из наших БТРов замер и задымился. Через некоторое время был подбит еще один. Несколько китайских атак было отбито. На некоторое время противник возвращался в свои окопы, но снова и снова предпринимал попытки завладеть островом и каждый раз подбирался все ближе. Я чувствовал, что наши ребята держатся из последних сил. Но ничем не мог помочь им.

С правой стороны острова показалась колонна из четырех танков. Ну, теперь-то они зададут жару узкоглазым! Не успел я об этом подумать, как первый танк задымился и замер на месте, а остальные стали пятиться, словно раки, обратно в сторону берега.

В небо взмыла красная ракета. Наши стали отходить с острова в сторону берега. Я понял, что они отступают. Слезы покатились по моим щекам. Китайцы завладели островом.

И тут с нашего берега в небо взлетели реактивные снаряды. Их было огромное количество. Словно кто-то запустил огромный праздничный салют. Я смотрел на приближающиеся в нашу сторону огоньки и думал: «Господи, как же это красиво!». (**894**)

717

20 февраля 1969 г.

В округе начались какие-то крупномасштабные учения. Полковник Литвин уехал на них, а я целый день свободен. Ну, точнее, старший лейтенант Петухов каждое утро строит всех свободных от нарядов и от выездов и отправляет на работы в парк. Но я каждый раз дожидаюсь, когда он уйдет из казармы и возвращаюсь обратно. Хватит. Отработал уже свое. Пускай теперь другие трудятся. Фара, правда, почему-то одна не горит. Лампочку поменял — не помогло. Похоже, в проводке что-то. Но, думаю, Авдеев и без меня разберется. (**687**)

718

— Пошли со мной.

Ротный привел меня в санчасть.

— Здесь перекантуешься пару дней. Сюда они не сунутся. А там я тебе перевод на вторую погранзаставу организую. У них как раз народу не хватает сейчас. (**811**)

719

Я побежал вместе со всеми, стреляя на ходу длинными очередями. Несколько китайцев упали на снег, как подкошенные. Те, что были на льду, залегли и начали вести ответный огонь. Другая вражеская группа находилась на острове. Берег был высоким. Потому наша позиция была очень невыгодной.

Я расстрелял все до последнего патрона, когда сержант Михеев приказал отступать к машинам. Короткими перебежками мы двигались к своим. И вдруг по нам заработала вражеская артиллерия. Первый же снаряд подбросил в воздух мой ГАЗ-63. Взрывной волной меня откинуло назад. Я упал на снег и потерял сознание.

Очнулся от того, что кто-то волоком тащит меня по снегу. Их было двое. Каждый держал у себя под мышкой одну из моих ног. «Могли бы и поаккуратнее с раненым», — пронеслось у меня в голове. Я не видел лиц тех, кто меня тащил. Только затылки в армейских шапках-ушанках. Только на наших не было с боков таких клапанов. (**772**)

720

Я побежал в лес. Хватились меня очень быстро. Я слышал крики у себя за спиной. Найти меня было легко. Я оставлял глубокие следы на снегу. Крики были слышны все ближе. Выбившись из сил, я упал на снег. (**810**)

721

Попутчик мой давно спит на верхней полке, аккуратно развесив на вешалке свой дембельский китель. А я все сижу и смотрю в окно. Там черным-черно — ничего не видно. Но я все равно сижу и смотрю.

На шее у меня висит медальон — подарок Насти. (**706**)

Сижу и думаю о том, что судьба — странная штука. (**834**)

722

И тут началось…

— Михайлов, Еременко, Пугач, ко мне! Форма одежды номер раз.

Мы вскочили с кроватей и побежали к человеку, отдавшему команду. На центральном проходе, сложив руки на груди, важно стоял здоровенный сержант. Рядом с ним были еще несколько человек. Похоже, деды. Все они с усмешкой смотрели на нас.

— Ну что, салаги! Сейчас мы проверим, какие из вас водители. Ты, — сержант ткнул пальцем в Гену, — будешь изображать грузовик. Ну-ка, издай звук, как грузовик.

— То есть как? — не понял Гена.

— Не тормози. Как грузовик рычит?

Гена порычал, подражая звуку двигателя грузовой машины.

— Пойдет. Ты, — сержант показал на меня, — будешь легковушкой. Не слышу!

Я тоже порычал.

— Нормально. А ты будешь автобусом. — сказал он Стасу.

Стас издал звук, очень похожий на шум закрывающихся в автобусе дверей, после чего стал рычать с разной интенсивностью и частотой, изображая набор скорости и переключение передач.

— О! Талант! Ладно, посмотрим как вы ездить будете. Кто там у нас в прошлый раз не сдал? Сидоренко! Ко мне!

В темноте скрипнула кровать, и к нам подбежал еще один парень.

— Сидоренко, тоже легковушкой будешь. Здесь и здесь, — сержант показал на центральный проход и проходы между кроватями, — будут равнозначные дороги. Каждый из вас будет двигаться по определенному маршруту. Ваша задача правильно проехать все перекрестки. За каждое нарушение правил вы будете подвергаться немедленному наказанию. Вопросы есть?

— Никак нет, — вяло ответили мы.

— Тогда вперед!

Мы вышли на исходные позиции. (**791**)

723

Я решил сначала пропустить грузовик. Но Гена остановился перед самым перекрестком и делал мне выразительные знаки глазами, чтобы я продолжал движение. Сидоренко же уверенно совершил поворот за что тут же получил пинок от деда.

— Куда ты прешь, идиот?! Как вообще тебе права дали?!

Не успел я порадоваться чужому горю, как тоже получил сильный удар.

— А ты чего встал?! Первым должен был ехать. У них помеха справа у обоих.

Потирая отбитое место, я завершил круг по кубрику и снова оказался на том же перекрестке, с которого начал. (**874**)

724

Я получил три пинка.

— Еременко, откуда у тебя права? — спросил сержант.

— В школе получил.

— А я думал, сам нарисовал. Очень плохо. Завтра будешь пересдавать. (**875**)

725

Сегодня вот со Стасом заступили в наряд по автопарку. После развода вместе с дежурным пришли в парк и приняли наряд. Народу уже никого не было. Все боксы были закрыты. Мы проверили печати на воротах, сверили их со слепками, после чего засели в дежурке. На сегодня работы никакой уже не будет. Если только кому-то срочно не понадобится машина.

Дежурный сразу же после ужина завалился спать. Нам со Стасом предстоит разделить ночь на двоих. (**793**)

726

Мы решили поспрашивать у ребят. Подошли к Гене Михайлову. Он уже ездит на собственном грузовике ГАЗ-63. Правда, совсем разваленном. Так что трудно сказать, поощрили его этим назначением или, наоборот, наказали.

Подойдя к Гене, мы ни на что по-настоящему не рассчитывали. Но, к нашему удивлению, бензин у него оказался, и он согласился нам его отдать.

— А откуда у тебя бензин? — спросил я его.

— Ребят, не спрашивайте лучше. Все равно не скажу.

Получив канистру с бензином, мы побежали к старшине. (**795**)

727

— Вам не дует?

— Нет. Все хорошо.

— Скажите, если что. Я закрою окно.

— Угу.

— Хотите я вам анекдот про пограничников расскажу?

В ответ тишина.

— «Идет пограничный наряд и переговаривается по рации:

—Кабан, Кабан, я — Белка. Иду за тобой. Прием.

— Белка. Белка. Я — Кабан зачем идешь за мной? Прием.

— Приказ Хорька. Прием.

— Белка, я не понял, кто такой Хорек? Прием.

— Кабан, ты — дятел, понял?

— Понял, я — Дятел, ты — Белка, а кто такой Хорек — не понял. Прием.

—Кабан!….. иди молча. Конец связи.»

Настя улыбнулась. (**750**)

728

Парень вплотную приблизился ко мне. Один из его друзей стоял справа от меня. Я рефлекторно хотел сделать шаг назад, чтобы увеличить дистанцию с противником, но понял, что потерял из вида третьего. В голове промелькнула догадка — он находится за моей спиной и, скорее всего, присел, чтобы я споткнулся об него, когда сделаю шаг назад или получу толчок в грудь.

Я с силой ударил ногой назад и, попав во что-то мягкое, понял, что предположение мое было верным. Кто-то жалобно взвизгнул за моей спиной. Я не стал ждать, что будет дальше и тут же ударил главного заводилу кулаком в скулу. Он упал на спину. Третий хотел схватить меня за шею, но получил удар в живот и согнулся пополам, хватая ртом воздух. Тот, которого я ударил по лицу, поднялся на ноги и достал из кармана раскладной нож. Настя взвизгнула.

—Ну, все, урод! Молись! — крикнул парень и кинулся на меня, размахивая ножом.

Я увернулся от нескольких выпадов, пытаясь поймать руку с ножом. В итоге схватил очень неудачно — прямо за лезвие. Ладонь обожгло как огнем. При виде крови нападавший отшатнулся, бросил нож и побежал. Двое его друзей поковыляли за ним.

Настя кинулась ко мне. (**837**)

729

31 декабря 1968 г.

Вот и снова наступил Новый год — последний мой Новый год. В армии, я имею в виду. Машину полковник Литвин на сегодня не заказывал. Наверное, отмечает праздник дома. Интересно, где сейчас Настя? С кем она празднует? Я не видел ее больше полугода. Очень надеюсь увидеть ее хотя бы двадцать третьего февраля. Мы ведь наверняка снова поедем на заставы с концертом и поздравлениями.

На выездах сегодня практически никого — все в казарме. Праздничных мероприятий у нас никаких нет. Не дергают никуда — и на том спасибо. Старший лейтенант Петухов начал отмечать праздник еще днем в канцелярии в компании нескольких офицеров. Около шести часов вечера они, пошатываясь, пошли в сторону выхода из казармы, а ротный протянул Гене ключ от кабинета и сказал заплетающимся языком: «Михайлов, ты там прибери все как следует. Только никого туда не пускай!». Ребята тут же ухватились за возможность отметить праздник без лишних глаз. Они позвали одного парня из числа молодых и куда-то отправили. Тот вскоре вернулся, неся что-то тяжелое прикрытое шинелью, и, воровато озираясь, скрылся за дверью канцелярии. Вышел он уже с пустыми руками. Дверь за ним закрылась. Щелкнул замок.

Меня они не позвали. С тех пор, как я заступился за молодняк, они практически не разговаривают со мной. Ну и ладно. Лягу спать пораньше сегодня. (**717**)

730

Я решил прочистить жиклеры.

Открутив винтики крепления верхней части карбюратора, аккуратно, чтобы не повредить прокладку и не испортить зазор поплавковой камеры, поднял крышку. Продул жиклеры, носик впрыска и все клапаны. После чего не менее аккуратно собрал все в обратном порядке.

Поставил новый топливный фильтр, снова соединил все трубки, залил в бак бензин и повернул ключ зажигания. (**801**)

731

Пришлось идти на склад.

— Товарищ прапорщик, отдайте, пожалуйста, запасные ключи от склада. Мы наряд сдать не можем.

Хорошо, что я пропустил его сегодня через ворота. (**675**)

Плохо, что я не пустил его сегодня через ворота. (**794**)

732

Около 15:00 в небо взлетела красная ракета. Это был сигнал к отступлению. В 17:00 мы потеряли Даманский. Китайцы стали занимать окопы, вырытые нами на острове. Но тут из-за сопки за нашей спиной полетели реактивные снаряды. Их было огромное количество. Целый град. Огромная огненная лавина накрыла собой группы китайской пехоты. А потом все стихло. С противоположного берега не было слышно ни одного выстрела.

В сторону острова выдвинулись четыре БТРа мотострелков. Китайцы, окопавшиеся там, лишились огневой поддержки с берега и начали поспешно отходить.

К 18:00 остров был полностью освобожден. Китайцы больше не делали попыток овладеть им. (**708**)

733

Я не решился идти к ней. Зарылся под подушку в надежде, что перестану слышать назойливый голос у себя в голове. Проворочался до четырех утра, пока ко мне не подошел дежурный и не сказал, что меня вызывает начальник отряда.

Оделся, умылся, пошел в парк. Снова приехал на тот же адрес, где высаживал вечером полковника Литвина с супругой. Встретил их и отвез домой. Вернулся в казарму, лег в постель и сразу уснул. (**685**)

734

12 августа 1968 г.

Сегодня привезли молодых солдат. Потерянные, напуганные, в нелепо сидящей форме и затянутых до упора ремнях, они напоминают котят, которых мама-кошка бросила на произвол судьбы. Неужели и я так же выглядел год назад?! Не верю!

Вот и пришло мое время воспитывать новобранцев. Вечером проверю у них вождение. (**686**)

Я хорошо помню, как обращались с нами деды, когда мы впервые переступили порог казармы. Я давно решил, что никогда не буду поступать так с молодыми. (**761**)

735

Я решил не вмешиваться. Наши парни, конечно, не правы. Но портить отношения из-за этого с ними не хочется.

Назначив всем молодым машины, которые те должны изображать, парни показали им маршрут движения и дали старт.

— Куда ты прешь?! — доносилось с одной стороны.

— Чего ты встал?! — раздавалось с другой.

Крики эти сопровождались пинками и звонкими затрещинами. Под всеобщий смех и улюлюканье, новобранцы лавировали по проходам между кроватей, сталкивались, получали удары и тычки от старослужащих, разъезжались и снова сталкивались.

Успешнее всего перекрестки преодолевал рядовой по фамилии Абрамов. Нужно его к себе стажером взять. Толковый парень, похоже. (**855**)

Часть вторая:

Остров преткновения

736

Я поехал следом за телегой. Мы двигались по заснеженной дороге вдоль Уссури и вскоре выехали на берег. Посреди реки чернел остров. Он был небольшой — километра полтора в длину. С южной его стороны поднимался столб дыма — что-то горело.

Я обогнал телегу и поехал к острову прямо по льду. То, что горело на берегу, оказалось останками машин. Все вокруг было изрыто разрывами снарядов. Снег усыпан автоматными гильзами. Местами он был красный от крови. Господи, что же здесь было?!

Я поднялся на остров. Все командование отряда было там. Оказывается, они прилетели сюда на вертолете прямо с учений. Кроме того на острове было много пограничников с других застав. Все они что-то искали, носили, вымеряли… В общем, суета была страшная. Я разыскал полковника Литвина и доложил ему:

— Товарищ полковник, рядовой Еременко по вашему приказу прибыл.

— Хорошо, Алексей. Жди меня пока на берегу. Тут видишь что…

— А что случилось, Владимир Александрович?

— Китайцы на наших пограничников напали. Начальника заставы убили и около тридцати солдат.

— Как?! Почему?!

— Иди, Алексей. Не до тебя сейчас.

Полковник Литвин ушел.

— Рано или поздно это должно было случиться, — услышал я голос за своей спиной

Я повернулся. Неподалеку стоял парень с папиросой в зубах.

— Я с «Кулебякиной сопки», — сказал он. — Видал тебя пару раз. Ты начальника отряда возишь.

— Ага.

— Начальника возишь, а сам ни сном, ни духом, наверное, что здесь происходит последние несколько лет?

— А что происходит?

— А то! — парень выплюнул папиросу. — Выйдут китайцы на лед с дубинами и ломами и ждут наших ребят. Граница-то по их берегу проходит. Раз на льду — значит нарушитель. Наши приезжают, так, мол, и так, не угодно ли вам убраться, господа хорошие. А те говорят: «Это наша земля». И дубиной по голове. Стрелять нельзя — мирные крестьяне, мать их! Только драться. И так каждый день. А в этом году крестьяне не появились. Вместо них китайские пограничники пришли. С автоматами, карабинами, патронташами — все как положено. И тоже говорят, что это мы, типа, их границу нарушаем, а не они нашу. Мы их вытеснять. Они тоже не стреляют. Автомат за ствол и айда махать. День не стреляют, два не стреляют. А тут видишь, как вышло. Мы минут на тридцать опоздали всего. Приехали, а тут бой. Вся вторая застава практически полегла. Но мы дали им жару! Не меньше сотни покрошили! Наш начальник заставы молодец. Нас высадил, а сам им в тыл на БТРе и давай из пулемета поливать: та-та-та-та-та-та. Они как игрушечные в воздух подлетали! А потом давай их колесами давить! Они бежать! А там их свои с берега, как дезертиров. Весь снег в кровище.

Я молча слушал рассказ парня. Не может быть. Этого всего не может быть. (**826**)

737

Полез в карбюратор. Открутив винтики крепления верхней части, аккуратно, чтобы не повредить прокладку и не испортить зазор поплавковой камеры, поднял крышку. Продул жиклеры, носик впрыска и все клапаны.

Прапорщик все это время расхаживал взад-вперед и подгонял:

— Быстрее, сынок, быстрее! Заводи свою колымагу! Ехать надо!

— Да не пойму никак в чем дело, — растерянно ответил я. — Бензин, вроде, поступает.

— Причем тут бензин, сынок?! Причем тут бензин?! Не там ты смотришь! (**856**)

738

Я медленно покачал головой:

— Воровать я не буду.

— А почему сразу воровать? Ты мозгами-то пошевели. Много других способов найдется.

— Не буду и все. Не хочу.

— А! Так ты значит борзый у нас?! — рука деда легла мне на затылок. Его глаза были прямо напротив моих. — Не хочешь, значит?!

Дед резко ударил меня лбом в переносицу. Я даже не понял, что произошло. Из глаз брызнули слезы. Кровь хлынула из обеих ноздрей. Я осел на пол. Дед ударил меня тяжелым сапогом по ребрам.

— Не хочешь?! Не хочешь?! — каждая фраза сопровождалась новым болезненным ударом.

— Ладно. Оставь его, братуха. — сказал второй дед. — Загнется еще раньше времени. Служить ему еще долго с нами.

Оба деда, смеясь, вышли из бокса, оставив меня одного лежать на земле. (**882**)

739

Проблемы с дедами у меня теперь были очень серьезные. Бьют постоянно. Ночью в казарме. Днем в боксах. Одно спасение — выезды. Но тут уж не загадаешь. Они или есть, или их нет. Синяки на теле не проходят. Заметил это и старшина во время бани, когда выдавал смену нательного белья.

— Это что такое у тебя? — спросил он.

— Упал.

Как-то после обеда вызвал к себе ротный.

— Как служба, Еременко? — спросил он, когда я вошел в канцелярию.

— Служить можно, — грустно ответил я.

— А чего кислый такой? Деды прохода не дают?

— Да нет. Не выспался просто.

— Дедовщина — это наша большая проблема, — продолжал ротный так, как будто и не слышал моего ответа. — Пресечь бы это безобразие на корню. Но для этого нужно знать зачинщиков. Не хочешь мне в этом помочь?

— Стучать предлагаете? — спросил я.

— Ну почему же стучать? Информировать. Будешь моим разведчиком во вражеских рядах. Вместе мы наведем порядок в этом бардаке. Ну, так что?

Я согласился. (692)

Я отказался. (859)

740

Мы наконец-то сдали наряд. Сказать, что я очень устал — значит, ничего не сказать. Вот, вроде, и поспал ночью более или менее неплохо, и днем никакой особо тяжелой работы не делал, только на воротах стоял. А устал так, как будто марш-бросок на десять километров только что пробежал. Какая-то хроническая усталость. (838)

741

7 августа 1968 г.

Я стоял в наряде на тумбочке дневального, когда ко мне подошел тот самый дед, что пинал меня в боксе, после моего отказа воровать бензин. Его я ненавидел и боялся больше всех. Мельком взглянув на меня, он снял телефонную трубку и стал крутить номеронабиратель. Пользоваться служебной связью не разрешалось никому, кроме наряда и старшины. Но я, ясное дело, даже слова не сказал против.

— Здорово, братуха! — сказал дед невидимому мне собеседнику. — Спасибо! Отмечать собираюсь. Послезавтра. В каптерке после отбоя. Все будет в лучшем виде. Подтягивайся.

Он положил трубку, посмотрел на меня и замахнулся, целясь в живот. Я закрылся руками. Но бить он не стал.

— Не ссы! Солдат ребенка не обидит.

С этими словами он ушел.

«Это ты у меня будешь ссать теперь», — зло подумал я. (693)

742

Я побежал за помощью к Мише Реброву, водителю ГАЗ-63. Он произвел на меня впечатление технически подкованного человека. С самого утра он тоже был возле своей машины.

— Миша, выручай!

— Что случилось?

— Машина не заводится.

— Стартер крутит?

— Не-а. Вообще нет.

— Аккумулятор смотрел?

— Нет.

— Иди, посмотри.

Я побежал обратно к машине и заглянул под водительское сиденье. Аккумулятора на месте не было. Блин! А где же он может быть? (**769**)

743

Когда я вернулся к машине, то увидел возле нее начальника заставы. Он был одет в черный полушубок. Поверх портупея. На боку кобура с пистолетом.

— Ты где ходишь? — спросил он меня. — Ехать пора.

— Да я вот тут… Машина не заводится никак. Греть нужно.

— Ну, так грей!

Я подошел к машине и помялся возле нее, не зная, что делать.

— Понятно все с тобой. Наберут в красную армию…

Начальник заставы отодвинул меня в сторону и залез в кабину. (**883**)

744

Можно попросить у старшины. Для благого дела ведь. Должен дать. Старшина Давыдов был у себя в каптерке, пересчитывал портянки.

— Товарищ старшина, разрешите обратиться?

— Чего тебе, Еременко? Я тебе, вроде, все выдал.

— Товарищ старшина, мне бы одеяло еще одно. Радиатор утеплить.

— Еременко, мне эти ваши водительские замашки уже во где! — старшина провел ребром ладони по горлу. — То вам одеяло — радиатор укрыть, то портянки еще одни — ноги видите ли в машине мерзнут. Чего еще тебе дать? Ты сразу говори. Чтоб два раза не ходить.

— Больше ничего. Только одеяло.

— Нет у меня одеял. У меня по штату пятьдесят человек. На них выдано пятьдесят одеял. Все! Больше нет.

От старшины я вышел ни с чем.

Все же можно использовать свое одеяло. (**696**)

Или обойдемся без утепления. Можно подумать, что мне больше всех надо. (**839**)

745

Я решил попросить одеяло у старшины и рассказал ему все, как есть.

— Ох, Еременко, Еременко… И где я тебе его возьму? У меня пятьдесят бойцов по штату. На них выдано пятьдесят одеял.

— Товарищ старшина, я ведь не для себя стараюсь. Чтоб машина была всегда на ходу. У вас ведь наверняка запасное имеется.

— Что у меня имеется, это не твоего ума дело. А вот веников для бани у меня совсем не имеется. Баню построили новую, а веников нет.

— Понял, товарищ старшина. Разрешите идти?

— Иди.

От старшины пошел прямиком к начальнику заставы.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться?

— Чего тебе, Еременко?

— Товарищ старший лейтенант, говорят, на заставе баню новую построили, а веников нет совсем. Разрешите, я старшине помогу — веники заготовлю.

— Ты с одеялом разобрался своим?

— Да это наверняка кто-нибудь из ребят пошутил. К вечеру разберусь.

— Ох уж мне эти ваши шутки. Не дети уже, вроде… Хотя все равно дети. Иди. Одеяло не найдешь — пеняй на себя.

Я оделся, взял в кладовой топор и пошел в лес. К вечеру у старшины были три десятка новеньких еловых веников, а у меня на кровати лежало пусть и не совсем новое, но все же одеяло. (**872**)

746

Я тоже не собирался нарушать инструкцию.

Постепенно наши ребята теснили китайцев в сторону границы. Оказавшись на своем берегу, нарушители остались там и повторных попыток пересечь границу не предпринимали, а только стояли, что-то кричали, махали палками и еще чем-то красным, похожим на маленькие книжечки. (**817**)

747

Я ушел в казарму. Боялся, что после окончания концерта она подойдет ко мне. А я не хотел с ней разговаривать. Зачем? Какое у нас может быть будущее? Полковник Литвин еще не дай Бог увидит. Тогда я уже точно не смогу вернуться в отряд. (**864**)

748

28 мая 1968 г.

Сегодня у нас большой праздник — День пограничника. Поздравить нас снова приехало командование отряда. Был такой же точно концерт, как и тогда, 23 февраля. И Настя снова была здесь. Я хотел подойти к ней, когда все закончится, но увидел, что она стоит вместе с нашим сержантом. Общаются так мило, смеются. У нее букетик в руках. Наверняка между ними что-то есть. (**820**)

749

Я сбавил скорость и выключил фары. Заяц тут же метнулся в тайгу. Я снова включил фары. Еще долго был под впечатлением от увиденного. Никогда не видел такого огромного зайца.

В отряд добрался уже глубокой ночью. Бензонасос дожидался меня у дежурного. Забрав его, я сразу же поехал обратно. К тому времени, как я вернулся на заставу, солнце уже показалось над горизонтом. Я растолкал Мишу, а сам завалился спать. Утром обе машины должны быть в строю. Ничего не поделаешь. (**821**)

750

Настя улыбнулась.

— Смешно.

— Вам очень идет, когда вы улыбаетесь.

Она немного смутилась. Я продолжил.

— Я могу вам чем-то помочь?

— Да чем ты можешь помочь?

— Это смотря что у вас случилось.

— Ничего не случилось. Просто придурок один прохода не дает.

— Что за придурок? Вы его знаете?

— Знаю. В институте вместе учимся. Потанцевали с ним один раз. Теперь пристает все время, у дома караулит вместе с друзьями. Пьяный постоянно.

Мы как раз подъехали к дому Насти. На скамейке у подъезда сидели трое парней. (**797**)

751

Я решил пропустить автобус и только после этого повернуть налево. Но Стас тоже остановился перед самым перекрестком.

— Какого хрена ты встал?! — закричал один из дедов и отвесил мне сильный пинок. — Равнозначный перекресток!

Потерев ушибленный зад, я повернул налево и поехал дальше. (**844**)

752

Я решил проехать перекресток первым.

— Але! Военный! Куда едешь?! — закричал на меня дед. Удар тоже не заставил себя ждать. — Помеха справа у тебя!

Я пропустил Стаса, после чего повернул сам. На этом наш экзамен закончился. (**600**)

753

Я решил не пускать прапорщика. Мало ли что. Он ушел, громко ругаясь. Ко мне подошел дежурный по парку.

— Ты чего не пустил-то его?

— Так его нет в списке, товарищ старший лейтенант.

— Это начальник склада ГСМ.

— Не-е-е. Начальника склада ГСМ я знаю. Это прапорщик Полищук. Крупный такой.

— А ты когда его видел в последний раз?

— Не помню. Недели две назад. В отпуске, наверное.

— Уволился Полищук уже месяц как. Этого вот прислали. А списки не обновили просто.

Начальник склада ГСМ тем временем, видимо, вошел на территорию отряда через центральный вход и попал в парк через внутренние ворота, на которых стоял Стас. Он что-то недовольно бубнил себе под нос и косился на меня. Обиделся, наверное. Да и черт с ним. Какое мне дело до какого-то прапорщика. Списки нужно вовремя обновлять.

Весь день мы проторчали на воротах. (**846**)

754

Я видел канистру с бензином в одном из боксов. Стас пошел следить за дежурным по парку, чтобы он нас случайно не застукал за этим делом, а я проскользнул в тот самый бокс и взял канистру. Когда я вышел на улицу, то нос к носу столкнулся с нашим командиром роты.

— Это что такое?! Вы почему еще в парке?!

— Мы наряд еще не сдали.

— Очень плохо. А куда ты канистру мою понес?

Я решил обо всем ему рассказать. (**847**)

Я решил ни о чем ему не рассказать. Но как-то нужно было выкручиваться. (**770**)

755

13 октября 1967 г.

Сегодня сержанту Строгачеву уже гораздо лучше. И он снова сам поехал за начальником отряда. А мне очень хочется снова увидеть Настю. Интересно, а Строгий часто ее возит? Наверное, часто. Скорее бы он уже демобилизовался, что ли, и свалил в свой Воронеж. Но до этого еще минимум два месяца. Как долго ждать! Хоть сам трави его. (**849**)

756

Затем решил заменить свечи. Не потому что этого требовала ситуация. Просто я все равно хотел это сделать до наступления холодов. Это не заняло много времени. Я отсоединил минусовую клемму от аккумулятора, снял все высоковольтные провода, взял съемник и поочередно выкрутил все свечи. Затем вставил новые, закрутил их и снова одел провода. После того, как закончил со свечами, я решил заменить топливный фильтр. (**799**)

757

Ехали молча до самого дома. На скамейке у подъезда сидели трое парней. Настя вышла из машины и быстрым шагом направилась к дверям. Один из парней встал у нее на пути. Она попыталась обойти его, но он схватил ее за руку. Я выскочил из машины и крикнул:

— Ну-ка убери от нее руки!

— Слушай, солдатик, поезжай отсюда, пока цел. Мы убогих не бьем.

— Это кто тут убогий? Ты, придурок.

Парень отпустил руку Насти и подошел ко мне. Двое других тоже поднялись со скамейки и приблизились к нам.

— Военный, ты откуда взялся вообще? Ты что, смерти ищешь?

— Вы чего к девушке пристали?

— Твое какое дело? Надо и пристали. Это подруга моя.

— И что, раз подруга, то можно ее за руки хватать?

— Вот ущербный! Ну, ты сам напросился.

Парень вплотную приблизился ко мне. (**728**)

758

БТРы все время маневрировали по острову и вели огонь на ходу. Они отбили первую атаку китайцев. Но за ней последовала еще одна, а затем еще и еще. Через полтора часа боя загорелась первая машина. А еще через десять минут была подбита вторая. Китайцы двинули группу человек в пятьсот нашим во фланг. Ребята находились в полуокружении и держали оборону явно из последних сил. Я вспомнил о том, что в тылу у нас находится мотострелковая дивизия. Почему они не вступают в бой?!

Полковник Литвин был мрачнее тучи. Он взял трубку полевого телефонного аппарата и стал с кем-то говорить.

— Мне нужна артиллерия! — повысил он голос. — Какой, на хрен, приказ?! У меня там люди гибнут! Я вам приказываю! Что значит, вы мне не подчиняетесь?!

Он с силой бросил трубку на аппарат. На берег прямо к нашей позиции подъехали четыре танка Т-62. Начальник заставы посмотрел на них. По его лицу было видно, что он принял решение. (**851**)

759

Вспомнил! В трубке послышались длинные гудки, и знакомый приятный голос ответил:

— Але.

Я немного растерялся и судорожно стал подбирать слова для начала разговора.

— Але. Вас не слышно.

— П-привет! Это Алексей. Ну, водитель. Помнишь?

— Привет! Конечно, помню! Ты где?

— Да я тут из телефонного автомата звоню. У меня увольнение сегодня… И я тут подумал… Если ты не очень занята…

— Конечно, давай встретимся!

Настя была еще красивее, чем в тот день, когда я увидел ее в первый раз. Распущенные волосы развевались на ветру. Она шла легкой походкой и еще издали стала махать мне рукой.

— Представляешь, те ребята действительно больше не приставали ко мне! — вместо приветствия начала она.

— Это хорошо. Может, в кино сходим?

— Давай! А что там сейчас идет?

— Не знаю. Там посмотрим.

В кино шел новый фильм по Гоголю — «Вий». Фильм оказался очень страшным. Как только ведьма села в гробу, Настя вцепилась в мою руку и не отпускала ее до самого конца сеанса. От ее прикосновения я напрочь забыл обо всем, что происходит на экране. Да и вообще обо всем на свете забыл.

После кино пошли в парк. Настя рассказала о себе и о своей семье. Оказывается, она всю жизнь провела фактически на границе. Отец ее начал службу с должности заместителя начальника пограничной заставы в Закавказье. Там и родилась Настя. А в Иман они переехали всего пару лет назад, когда отцу присвоили звание полковника и назначили на должность начальника пограничного отряда.

Я рассказал ей о себе, о том, как завалил вступительные экзамены в институт. Такое ощущение, что и не со мной все это было. Столько всего произошло за это время. Столько изменилось.

— А еще я танцами занимаюсь, — сказала Настя. — Мы, кстати, по праздникам на заставы с концертами ездим. Там ребятам, знаешь, как тяжело служится.

— У нас, вообще-то, тоже служба — не сахар. Попробуй в двигателе покопайся, когда на улице мороз минус тридцать.

— Какие минус тридцать?! Ты же в этом году только призвался! Еще зимы-то не было!

— Не было. Но ведь будет.

— Смешной ты.

Я проводил Настю до дома. Очень хотел поцеловать ее. Но никак не решался. Мы стояли у подъезда и разговаривали. Время сильно поджимало. Пора было возвращаться в отряд. Нужно было уже на что-то решаться: или целовать, или бежать в казарму. Руки подрагивали. Спина вспотела. Я набрал в грудь побольше воздуха, обнял Настю и приник губами к ее губам, оборвав ее на полуслове. Настя ответила на поцелуй. И теперь я уже никуда не спешил. Будь, что будет. Поцелуй длился целую вечность.

— Тебе пора, наверное? — тихо спросила она.

— Пора.

— Когда мы увидимся?

— Не знаю. Ты ведь понимаешь…

— Понимаю.

Мы расстались. В отряд я несся сломя голову. (682)

760

28 мая 1968 г.

В следующий раз я увидел Настю только через три месяца, когда мы снова ездили по заставам с поздравлениями и концертом. На этот раз был День пограничника. Снова была импровизированная сцена из грузовиков, снова полковник Литвин и другие начальники поздравляли пограничников.

Я хотел подойти к Насте сразу же после окончания ее номера на «Кулебякиной сопке», но она стояла и разговаривала с каким-то парнем из заставских. Я не стал подходить. Решил поговорить с ней на следующей заставе. Но когда мы приехали на «Нижне-Михайловку», ситуация повторилась — Настя стояла и разговаривала с местным сержантом, а в руках держала подаренный им букет цветов. Что она о себе возомнила вообще?!

Впереди была «Ласточка». Но там я уже даже не выходил из машины. Не хочу видеть эту… (854)

761

Я давно решил, что никогда не буду поступать так с молодыми. Но принять у новичков вождение желающих хватало и без меня. Стас и Гена с самого утра нетерпеливо потирали руки.

После отбоя они построили новобранцев и стали назначать каждому машины, которые тем предстояло изображать. Все это сопровождалось злыми шутками, граничащими с издевательством.

Я не вытерпел и спрыгнул с кровати.

— Хорош, мужики! (806)

Мне было жаль молодых ребят. Но я решил не вмешиваться. (735)

762

5 сентября 1967 г.

Целыми днями вместе с разными прапорщиками я мотаюсь по складам и вожу из одного конца города в другой какие-то тюки, коробки, банки и свертки. Машина скрипит, стонет и, похоже, собирается в один прекрасный день развалиться на ходу.

Вчера на подъеме в гору с нагруженным доверху кузовом машина все-таки не выдержала — в двигателе сначала что-то ухнуло, потом крякнуло, и из-под капота повалил белый пар.

Я съехал на обочину и заглушил двигатель. Прапорщик выскочил первым. Охая, ахая и без конца хлопая себя ладонями по ногам, он начал причитать:

— Ах, что же это?! Как это?! Ехать ведь надо!

— Не беспокойтесь, товарищ прапорщик. Сейчас разберемся! — сказал я и открыл капот. Пар повалил еще сильнее.

Так! С чего же начать? (856)

763

Нужно было менять горячий патрубок. Этого добра у нас в отряде было много. Подобрав подходящий, я довольно быстро заменил его. Заодно обновил хомуты. Старые были в плохом состоянии. Погонял двигатель на холостом ходу. Проблема осталась. (870)

764

9 августа 1968 г.

Как там в поговорке? «Сколько веревочке не виться, а конец все равно будет.»

Поймал меня дежурный по парку с двумя канистрами бензина, которые я передавал через забор Стасу. Стас-то был по ту сторону — успел убежать. А меня взяли, что называется, с поличным. Отпираться было бессмысленно. Да, брал. Для себя. Для кого же еще?! С кем был? Один. Не знаю, кто убегал.

Последствий ожидал для себя самых плачевных. Каково же было мое удивление, когда вместо того, чтобы передать дело в руки военной прокуратуры, меня решили просто перевести на вторую пограничную заставу! Будем жить! (**811**)

765

9 августа 1968 г.

Искали меня около недели. Из города я так и не решился выбраться. Прятался на чердаке одного из жилых домов. Ел то, что удавалось ночью украсть на расположенных неподалеку огородах. Обнаружил меня дворник. Я спал, зарывшись в натасканную мною же на чердак солому. Наряд милиции доставил меня в отряд.

— Ну и почему же вы сбежали? — спросил меня незнакомый мне капитан с петлицами следователя. Мы сидели в одном из кабинетов нашего штаба.

Я молчал.

— Алексей, вы поймите, государство на вашей стороне, — продолжал капитан. — Мы боремся с такими людьми, которые не дают жизни молодым солдатам, мешают им служить и осваивать военную науку…

В итоге я рассказал капитану обо всем: о том, как принимают у нас в роте вождение; о кражах бензина; о командире роты, который заставляет делать меня всю черную работу; и много еще о чем. Капитан подробно все записал, после чего дал мне подписать бумагу.

Мне оформили перевод на вторую пограничную заставу, где меня никто не знал и где я надеялся начать свою службу с чистого листа. (**811**)

766

5 октября 1968 г.

Сегодня с сержантом Михеевым ездили в отряд. Привезли оттуда новые полушубки. Ох и радовались им ребята на заставе! Говорят, зимой, когда китайцы на лед выходят, приходится подолгу на улице торчать. В прошлом году в тулупах ездили. Но они длинные и тяжелые — драться неудобно. И изорвались все за прошлую зиму. А полушубок он и теплый, и покороче тулупа. Движения так не сковывает.

— Ох и зададим мы жару узкоглазым в этом году! — говорили ребята.

— Смотрите, чтобы вам не задали, — хмуро отвечал на это старшина. (775)

767

15 декабря 1968 г.

— Застава, в ружье!

Мы получили оружие и боеприпасы, оделись, вышли на улицу и построились. Одеты все были в новенькие светлые полушубки. И только начальник заставы был в своем старом черном.

— Товарищи пограничники! — громко сказал старший лейтенант Салдаев. — Сопредельная сторона нарушила границу Союза Советских Социалистических Республик. Группа лиц, примерно двадцать человек, вышла на лед в районе острова Даманский.

Выехали на трех машинах: ГАЗ-69 начальника заставы, БТР-80ПБ и мой ГАЗ-63. Моя машина плелась в конце, постоянно пробуксовывая в рыхлом снегу, которым присыпало дорогу за ночь. Слабоват двигатель у ГАЗ-63 для таких поездок.

Миновали лесную развилку и выехали на берег Уссури. Метрах в пятистах от нас на белом снегу чернел остров. Он был густо покрыт кустами и деревьями и имел слегка изогнутую вытянутую форму. На некотором отдалении от него, с левой стороны, действительно стояли люди. Мы выехали на лед. Остановились возле южной оконечности острова. Ребята стали выпрыгивать из кузова.

— Что за черт?!

Каждый выбравшийся из машины смотрел на нарушителей и останавливался как вкопанный. По обеспокоенным лицам ребят я понял, что что-то не так.

Судя по всему, перед нами были китайские пограничники. Одеты они были в ватники и ватные штаны. На ногах обувь на шнуровке, что-то среднее между ботинками и кедами. Рукавицы армейского образца — большой и указательный палец отдельно, остальные вместе. На головах шапки-ушанки очень похожие на наши. Только на их шапках с боков были небольшие клапаны. Украшала ушанку красная металлическая звезда, практически такая же, как наша советская. У каждого на плече или автомат, точь-в-точь такой как у нас, или карабин.

— Да, блин, приплыли, — слышалось повсюду.

— А что такое? — спросил я.

— Погранцы это их, — ответил сержант Михеев. — В первый раз такая ерунда. Всегда крестьяне или рыбаки на лед выходили. А эти и шмальнуть могут.

Старший лейтенант Салдаев тоже, казалось, был в замешательстве. Он достал из пачку папиросу, с силой продул гильзу и закурил. Сделав несколько затяжек, он бросил окурок и втоптал его в снег. Было видно, что он принял решение.

— Михеев, со своим отделением пойдете на остров, — распоряжался начальник заставы. — Прикроете с берега, если что. Остальные за мной.

Обе группы двинулись в своих направлениях. Я остался возле машины. По-другому нельзя. В кузове боеприпасы. На всякий случай я снял автомат с плеча, обошел машину и облокотился на капот. Магазины к автоматам никто не пристегивал. Я тоже не стал. Но подсумок на всякий случай расстегнул.

Начальник заставы со своей группой практически вплотную подошли к китайцам. Я не слышал, о чем они говорили. Но было видно, что старший лейтенант Салдаев обратился к одному из китайцев. Тот что-то громко ответил и поднял над головой красную книжечку. Остальные китайцы подхватили его слова и начали кричать. Начальник заставы махнул рукой. Ребята выстроились в цепь, скинули с плеч автоматы, выставили их плашмя перед собой и навалились на провокаторов. Те, в свою очередь, аналогичным способом выставили вперед свое оружие, такое же точно, как наше, и стали теснить наших. За всем этим с высокого берега острова наблюдало отделение сержанта Михеева.

Противостояние длилось не менее получаса. Оно походило на какое-то спортивное состязание, типа перетягивания каната. Постепенно китайцы начали сдавать. Ребята оттеснили их к противоположному берегу, где строй их распался. Наши вернулись к машинам. Китайцы что-то еще покричали с того берега, помахали своими книжечками и скрылись в зарослях. (**711**)

768

15 августа 1999 г.

Небольшой туристический теплоход причалил к пирсу. На таком теплоходике, наверное, здорово было бы прокатиться по рекам и каналам моего родного города Ленинграда.

По шаткому деревянному трапу, опираясь на трость, я сошел на берег. Под другую руку меня поддерживала Айминь. Сердце учащенно билось. Вот я и снова стою на острове Даманском. Называется он, правда, теперь совсем по-другому. «Чжэньбао», что в переводе означает «Драгоценный». Он действительно стал драгоценным. Обе стороны дорого заплатили за него. Заплатили жизнями молодых ребят.

Остров трудно было узнать. Повсюду бетонные дорожки и каменные строения. Официально получив остров в свои руки, правительство Китая распорядилось открыть на нем музей воинской славы.

Вместе с остальными экскурсантами мы вошли внутрь одного из зданий. Повсюду на стенах висели портреты китайских героев-пограничников и картины, иллюстрирующие героическую войну китайского народа с советскими ревизионистами и захватчиками.

Молодой офицер-пограничник рассказывал присутствующим о том, как советское правительство бессовестным образом присвоило себе часть китайских территорий, как русские пограничники выживали китайских рыбаков и крестьян с их собственной земли.

Я стоял и думал. Думал о том, какая странная штука — судьба.

Как все сложилось бы, если бы тогда, стоя в кабинете начальника учебной заставы старшего лейтенанта Строганова, я принял бы другое решение? (**41**)

Или тогда, в плену, все же решился бы на побег? (**833**)

Но все сложилось так, как сложилось. И, признаться, я ничуть не жалею об этом. (**894**)

769

А где же он может быть? Аккумулятор нашелся довольно быстро. Он стоял под столом дежурного по заставе. Я установил его на место. Накинул клеммы — заискрило. В спешке перепутал «+» и «-». Поменял полярность и закрутил крепежные болты. Повернул ключ в замке зажигания. Стартер жалобно заурчал. Но двигатель не

завелся. Я повторил попытку несколько раз. Ничего не выходило. Так и аккумулятор можно посадить. Я снова вышел из машины.

Можно попробовать дернуть «кривым». (**813**)

Я побежал за помощью к Мише Реброву. (**860**)

770

Как-то нужно было выкручиваться.

— Так я ее вам и несу.

— А кто сказал? Михайлов?

— Ага. То есть, так точно! Михайлов!

— А где он сам?

— Живот скрутило.

— В столовой потому что нужно питаться, а не в магазине пряники покупать. Давай неси в канцелярию.

— Товарищ старший лейтенант, вы скажите прапорщику со склада ГСМ, чтобы он ключи запасные на место вернул. А то нас дежурный с наряда не отпускает.

— Скажу, скажу. Неси давай.

Я вышел из автопарка и пошел в сторону казармы. У самого входа меня догнал Стас.

— Уф! Отпустил. Ротный прапору что-то такое сказал, что тот сразу ключи на место вернул. А куда ты канистру несешь?

— Да это Петухова канистра оказалась. Он меня прямо возле бокса с ней поймал. Еле выкрутился.

— Ладно. Главное, что наряд наконец-то сдали. (**740**)

771

2 марта 1969 г.

Всю ночь шел снег. К утру намело большие сугробы. Я был на улице и счищал снег с капота машины, когда раздалась уже успевшая стать мне привычной команда:

«Застава, в ружье!». Было примерно 10:30 утра. Около тридцати провокаторов вышли на лед в районе Даманского. Мы экипировались, получили оружие и выехали, как обычно, на трех машинах.

Впереди уверенно пер БТР-80ПБ. За ним, по свежепроложенной колее ехал командирский ГАЗ-69, практически не отставая от мощной бронированной машины. В хвосте плелись мы на ГАЗ-63. Машина постоянно вязла в рыхлом снегу. В итоге, забуксовала на месте.

— В раскачку давай, — подсказал сидевший рядом сержант Михеев.

Я включил заднюю передачу. (**841**)

— Я лучше способ знаю, товарищ сержант, — сказал я и выскочил из машины. (**789**)

772

Мне надели на ноги огромные деревянные колодки. Я не мог в них стоять. Было очень больно. Мог только сидеть или лежать с вытянутыми ногами. Меня ни о чем не спрашивали. Только приходили и били. Разные люди. Били ногами, деревянными палками, приговаривая: «Лау вань». А избив, бросали на землю в сарае. Часто я лежал подолгу без сознания. А потому очень скоро потерял счет времени.

Иногда, придя в себя, я обнаруживал перед собой кусок мерзлого хлеба и миску с водой. Преодолевая боль, я жевал сломанными зубами хлеб и запивал его ледяной водой.

Нужно бежать. Во что бы то ни стало. (**833**)

Бежать бессмысленно. Но так дальше продолжаться не может. Нужно кончать с этим. (**842**)

Нужно немного потерпеть. Совсем чуть-чуть. Скоро меня спасут. Обязательно спасут. (**836**)

773

Нужно завладеть оружием! Я подкрался к китайцу и вонзил нож ему в спину. Схватив ружье, я побежал в лес. Хватились меня очень быстро. Я слышал, как китайцы кричат у меня за спиной. Найти меня было легко. Я оставлял глубокие следы на снегу.

Крики слышались все отчетливее. Раздались первые выстрелы. Кора отлетела от дерева прямо у моего лица. Я почувствовал сильный удар в ногу повыше колена.

Обожгло как огнем. Я упал на снег. Скрипя зубами от боли, я отвел назад затворную раму ружья. Патрон был всего один. (**843**)

774

На часах было 11:15.

БТР и ГАЗ-69 стояли у южной оконечности острова. Я видел, как одна наша группа поднималась на высокий берег Даманского. Другая — шла по направлению к китайским провокаторам. Возле БТРа прогуливался и курил Коля Быстров. Я подъехал к нему и заглушил двигатель.

— Чего нас не дождались? — спросил я у Коли.

— А хрен его знает. Салдаев сегодня вообще нервный какой-то. Торопится куда-то.

Вдруг со стороны острова раздались два пистолетный выстрела. И следом за ними шквал автоматных очередей. Я увидел, как китайцы практически в упор расстреливают наших ребят.

— К бою! — закричал сержант Михеев и первый побежал в сторону китайцев, пристегивая на ходу магазин к автомату. Остальные справились с потрясением и уже бежали за ним.

Я присоединил магазин к автомату, передернул затворную раму и

побежал вместе со всеми. (**719**)

занял оборону за БТРом рядом с Колей Быстровым. (**873**)

775

14 ноября 1968 г.

Вчера снова был в отряде. У БТРа нашего на одном из двигателей лопнул ремень. Поехал за новым. Заодно поручения ребят нужно было выполнить: по магазинам пробежаться — прикупить кое-чего, и на почту заскочить — письма отправить.

Возле почты-то патруль меня и принял. Из машины я выскочил без ремня и головного убора. Пытался объяснить начальнику патруля, что всего десять шагов хотел сделать — бесполезно. Но и его можно понять — план горит.

Повели меня в комендатуру. Комендант, худощавый капитан с узкими бескровными губами, стал оформлять нарушение формы одежды.

— Товарищ капитан, я ведь всего на минутку из машины вышел, — решил я предпринять еще одну попытку.

— А почему без старшего машины ездите?

— Так ведь некому, — развел я руками. — На заставе все.

— Застава ваша у меня уже вот где! — комендант провел ребром ладони по шее. — Черт знает что! Вызовем вас на занятие по строевой подготовке — научитесь форму одежды соблюдать.

— Может, не будете оформлять? — жалобно попросил я. — Я в первый раз. Больше не буду.

Капитан смотрел в окно. На улице начинало темнеть.

— Давай так, боец, — он подозвал меня к окну. — Бочку видишь во дворе? — он ткнул пальцем в стекло. Во дворе действительно стояла синяя бочка. Она была литров на двести. Не меньше. Я кивнул.

— Колонка за воротами, — продолжил капитан. — Натаскаешь полную бочку воды и все — свободен. Забираешь документы. Нарушение не оформляем. Согласен?

— Конечно, согласен!

— Ну, вот и хорошо. Десять минут тебе на все.

Вот в чем, оказывается, подвох. За такое время никак не набрать столько воды. Комендант просто решил поиздеваться надо мной.

— Оформляйте, — хмуро сказал я. (**710**)

Попробовать все же стоило. (**788**)

776

Мы разъехались по своим заставам.

В тот же день выяснилось, что оружие китайских провокаторов, в отличие от нашего, было заряжено. Причем патрон уже был дослан в патронник. Одно неверное движение, и там, на льду, прозвучал бы выстрел, который мог стать роковым. Попробуй, разберись потом, кто начал стрелять первым. (**832**)

777

17 августа 1967 г.

В Иман приехали рано утром. На вокзале нас ждал ГАЗ-63. Сели в кузов и поехали по городу. Мимо нас проносились серые пятиэтажки. Мы проехали мимо красивой церкви с серебристыми куполами и мимо большого парка.

Приехали в отряд. Прапорщик оставил нас в курилке и куда-то исчез. Сказал, что вернется через пятнадцать минут. Прошло больше часа, а он так и не появился. Вместо него пришел парень с красной повязкой на руке и погонами ефрейтора.

— Это вас в автороту из учебки прислали? — спросил он.

— Да. Так точно.

— Пошли со мной.

Ефрейтор привел нас в казарму автороты. Это было двухэтажное здание П-образной формы. Входа в здание было два — в каждой из ножек буквы «П». В центе двора располагался спортгородок с кучей перекладин разной высоты, длинными брусьями, скамейками и наклонными досками для прокачки пресса.

Через дверь, расположенную слева, мы вошли внутрь. Миновав несколько помещений с табличками «Комната для спортивных занятий», «Кладовая», «Комната бытового обслуживания», мы остановились перед дверью с надписью «Канцелярия».

— В одну шеренгу становись! — скомандовал ефрейтор.

Мы построились. Он постучал в дверь, вошел внутрь и доложил:

— Товарищ старший лейтенант, пополнение построено.

Из канцелярии вышел невысокий худощавый офицер и посмотрел на нас.

— Представьтесь, — обратился он к Гене.

— Рядовой Михайлов.

— На чем ездили на гражданке, рядовой Михайлов?

— На ЗИЛ-157 в совхозе успел до призыва поработать.

— Очень хорошо. А вы? — обратился он ко мне.

— Рядовой Еременко. Ни на чем не успел. После школы права получил.

— На чем учились?

— ГАЗ-63 и ГАЗ-69.

— Хорошо. Вы? — он посмотрел на Стаса.

— Рядовой Пугач. У отца «Победа». На ней катался пару раз.

— Ладно. В процессе разберемся, кто из вас что представляет из себя. Кто не умеет, того научим. Кто не хочет, того заставим. Меня зовут старший лейтенант Петухов. Я командир автотранспортной роты. Подойдите к старшине и получите у него все необходимое. С распорядком дня можете ознакомиться на тумбочке дневального.

Мы пошли устраиваться на новом месте. К вечеру казарма наполнилась народом.

— О! Молодняк подвезли! — слышалось с одной стороны.

— Здорово, салаги! — доносилось с другой.

— Блин, я че, тоже таким дрищем что ли год назад был?!

Мы втроем сидели на своих табуретках в спальном расположении и вяло реагировали на отпускаемые в наш адрес шутки. Честно говоря, было очень не по себе. Сходили на ужин. Давали картошку с тушенкой. Мне понравилось. Гораздо лучше, чем нас кормили в учебке. После ужина все сели подшиваться. Мы тоже подшились и почистили форму. Затем была вечерняя прогулка и поверка. Все как у нас в учебке. Похоже, что распорядок везде одинаковый. После поверки все быстро умылись и снова построились. Прозвучала команда «отбой». Мы легли в свои постели. И тут началось… (**722**)

778

Я решил проехать перекресток первым. И правильно сделал. Потому что Сидоренко, поехавший без остановки мне наперерез, тут же получил ощутимый пинок от деда. Гена дождался пока мы с Сидоренко благополучно разъедемся, после чего проехал прямо, за что получил похвалу от сержанта.

Я завершил круг по кубрику и снова оказался на том же перекрестке, с которого начинал. (**874**)

779

Я получил два пинка.

— Плохо, Еременко. Чему тебя только в твоей школе учили? Наверное, тому, как девок за задницы щипать. Завтра будешь пересдавать. (875)

780

7 декабря 1968 г.

Остаток лета и осень пролетели незаметно. С машиной я своей уже сроднился. Знаю все ее слабые и, что немаловажно, сильные стороны. Привычки нашего начальника заставы мне тоже уже хорошо известны. Если на подъеме он хмур и немногословен, значит сразу после завтрака скорее всего поедем проверять посты. И с подачей машины лучше не опаздывать.

Лед на Уссури с каждым днем становится все крепче. Стычки с китайскими провокаторами скоро возобновятся. Мы все с тоской думаем об этом. Но командование отряда это, похоже, мало волнует.

Правда, недавно к нам прислали фотографа. Зовут его Саша Ефимов. Хороший парень. Я так понял, что его основная задача — вести подробную фото и видеофиксацию выдворения китайских провокаторов с нашей территории. Чтобы капиталистические пропагандисты не говорили потом, что это, якобы, мы ходим на сопредельную территорию и избиваем там мирных жителей. Но пока китайцы не начали выходить на лед, Саша активно снимает всех и все на заставе и раздает всем фотографии. За что огромное ему спасибо. Будет память после дембеля. (822)

781

31 декабря 1968 г.

Теперь провокации происходят практически каждый день. Рыбаков мы больше не видели. Каждый раз на лед выходят китайские пограничники. Поначалу нас это сильно беспокоило. Одно дело — рыбак с дубиной, другое — солдат с автоматом. Но, по сути, ничего не изменилось. Мы по-прежнему деремся врукопашную.

Так что нервное напряжение, вызванное появлением на льду вооруженных китайцев, постепенно спало. Но старший лейтенант Салдаев все равно всегда отправляет одно отделение для прикрытия с острова. Поначалу я оставался у машины. Но мне было

стыдно перед ребятами. В итоге я снова стал участвовать в выдворении провокаторов наравне со всеми. Тем более, что бояться, как оказалось, нечего.

Сегодня, кстати, Новый год. Последний мой Новый год на заставе «Нижне-Михайловка». (**823**)

782

2 марта 1969 г.

Всю ночь шел снег. К утру намело большие сугробы. Сразу же после завтрака я пошел к машине, счистил с нее снег и завел двигатель. Хорошо прогрев его, я проехал вокруг казармы и остановился перед входом. В салоне постепенно становилось тепло. Мимо прошел лыжный патруль. Они только что вернулись с острова. Судя по их спокойным лицам — все в порядке. Но стоило мне заглушить двигатель и выйти из машины, как раздался протяжный крик дежурного: «Застава, в ружье!».

С наблюдательного поста доложили, что в район острова выдвинулось около тридцати провокаторов с оружием. Я сбегал в казарму, получил полушубок, автомат, два снаряженных магазина и вернулся в машину ждать остальных. Было 10:30 утра.

Старший лейтенант Салдаев и с ним еще семь человек сели ко мне в машину. Дождались, когда остальные погрузятся в ГАЗ-63 и БТР. Тронулись. В 11:00 мы уже были на развилке у места встречи с первой заставой. Их еще не было видно. Но это и неудивительно. От «Кулебякиной сопки» до Даманского значительно дальше, чем от «Нижне-Михайловки». Нашего ГАЗ-63 тоже не было видно. У него слабый двигатель. И машина довольно часто вязнет в рыхлом снегу.

Начальник заставы ходил взад-вперед перед машиной и нервно курил.

— Все! Никого больше не ждем! Начнем пока процедуру. Остальные подтянутся.

Выехали к Уссури. Остановились, как обычно, у южной оконечности Даманского. Спешились. Провокаторы стояли на льду метрах в трехстах от нас. Саша Ефимов тут же достал свой фотоаппарат «Зоркий-4» и начал снимать.

Что-то в поведении провокаторов было совсем не так, как обычно. (**866**)

783

Было 11:15 утра.

На берегу показался ГАЗ-63. Натужно рыча двигателем, он выехал на лед и вскоре остановился возле нас. Ребята стали выпрыгивать из кузова на снег.

— Чего нас не дождались? — спросил вылезший из кабины сержант.

— Да черт его знает, — ответил Коля. — Салдаев вообще нервный сегодня какой-то. Торопится куда-то.

— А первая застава здесь уже?

— Нет, конечно. Ты еще про третью спроси.

Вдруг откуда-то с острова раздались два пистолетных выстрела. Следом за ними затрещали автоматные очереди. Китайцы стреляли по нашим ребятам. Стреляли не только те тридцать человек, которые стояли на льду. С берега острова вели шквальный огонь не меньше сотни стволов.

На наших глазах ребята падали один за другим, не успев сделать ни единого ответного выстрела.

— Застава, к бою! — закричал сержант. — За мной!

Все, в том числе Коля Быстров и Миша Ребров, с перекошенными от страха лицами, побежали за сержантом на остров.

Я скинул с плеча автомат, пристегнул к нему магазин и

побежал следом за остальными. (**800**)

укрылся за машиной. (**835**)

784

10 июня 1969 г.

Я сижу в поезде и смотрю на проносящуюся за окном тайгу. Дембель мой так и не пришел. Официально меня комиссовали из армии по ранению за несколько дней до выхода приказа о демобилизации. И вот я еду домой.

После госпиталя я успел побывать на заставе. Из пятидесяти наших ребят в живых остались только восемнадцать. Остальные лежали там же в братской могиле. Цветов на могиле было очень много.

Ребята рассказали о том, что происходило там пятнадцатого марта. Оказалось, что в то время, как наши БТРы обороняли остров, китайцы стали сосредотачивать на берегу большие группы пехоты по четыреста-пятьсот человек. Ребята находились в полуокружении и держали оборону из последних сил.

Все это время в нашем тылу в нескольких километрах от заставы находилась развернутая мотострелковая дивизия с танками и артиллерией. Ее перекинули туда сразу после событий второго марта. Но в бою принимали участие только пограничники! Мотострелки все это время были сторонними наблюдателями и ни во что не вмешивались.

Начальник отряда решил пойти в атаку на четырех танках и переломить ход боя. Он сел в головной танк и направился к острову. Но его танк был подбит. Сам он погиб. А три других танка получили повреждения и вернулись на заставу.

Был дан приказ на отход с острова. Китайцы начали занимать Даманский. Но тут из-за сопки полетели реактивные снаряды. Их было огромное количество. Целый град. Они падали на китайский берег один за другим. Огромная огненная лавина накрыла собой группы китайской пехоты. А потом все стихло.

Тут же с нашего берега выдвинулись на остров четыре БТРа мотострелков. Китайцы, окопавшиеся там, лишились огневой поддержки с берега и начали поспешно отходить. Остров был полностью освобожден. Китайцы больше не делали попыток овладеть им.

Долго прощался с ребятами на заставе. Прощались безрадостно. То, что с нами произошло, навсегда породнило нас. Расставаться было тяжело.

На одной из станций ко мне в купе вошел дембель. Он был одет в новенькую парадную форму с аксельбантами, значками и нашивками. Белоснежным шнурком были вышиты манжеты рукавов и карманы. Он внимательно осмотрел мою старую потрепанную форму и неуверенно спросил:

— Дембель?

Я кивнул. Он пожал плечами, улыбнулся и сказал:

— Так это ж хорошо! Сейчас мы с тобой выпьем, браток, за нас, за тех, кто отслужил.

Он поставил на стол бутылку водки, положил несколько свежих огурцов и палку колбасы. Разлив водку по стаканам, он поднял свой и спросил:

— Ты где служил-то?

— На Даманском, — ответил я и осушил свой стакан.

Улыбка слетела с лица парня. (721)

785

14 марта 1969 г.

Уже почти две недели я нахожусь на второй пограничной заставе «Нижне-Михайловка». И уже две недели прошло с того дня, как китайцы убили наших ребят у острова Даманский. Полковник Литвин сказал мне, чтобы я готовил машину к возвращению в отряд. Но, похоже, что сегодня мы никуда не поедем. Потому что в районе трех часов дня на заставе начался переполох. Весь свободный от нарядов личный состав подняли в ружье и повезли в район острова. Я повез туда начальника отряда.

На китайском берегу наблюдалось какое-то оживление. Группы китайских солдат по десять-пятнадцать человек перемещались перебежками вдоль Уссури. Другие занимали окопы напротив острова и устанавливали пулеметы и гранатометы. Несколько китайцев в маскхалатах ползком перебрались на Даманский, затем вернулись на свой берег.

Полковник Литвин наблюдал за происходящим в мощный артиллерийский бинокль.

— Командира мотоманевренной группы ко мне! — громко сказал он.

К нему подбежал подполковник.

— Выдвигаетесь на остров и организуете там оборону. Связь по рации. Вопросы?

— Никак нет!

— Выполняйте.

— Есть!

Подполковник снова убежал. Не прошло и пяти минут, как восемь БТРов направились по льду в сторону острова. Китайцы сразу же отошли со своих позиций. Полковник Литвин дал команду мотоманевренной группе вернуться на берег. Но около 20:00, поговорив с кем-то по телефону, он снова дал команду занять остров и не покидать его до особого распоряжения. На этот раз на остров выдвинулись только четыре БТРа.

Около пятидесяти человек заняли оборону в окопах на берегу. Там им и предстоит провести сегодняшнюю ночь. Остальные, еще около ста человек, вернулись на заставу.

Полковник Литвин тоже остался на берегу. Я пошел спать в машину. Не примерзнуть бы за ночь. (**827**)

786

17 марта 1969 г.

Как только я переступил порог казармы, ребята тут же накинулись на меня с расспросами. Все они слышали о том, что на Даманском что-то произошло и что начальник отряда погиб. Но никто из них не знал, что случилось там на самом деле.

Когда я покидал заставу, начальник политотдела сказал мне: «Еременко, ты смотри там, не болтай особо». Но я не мог не рассказать ребятам о случившемся. Послушать мой рассказ сбежалась вся рота. Много народу пришло и из других подразделений. Даже офицеры стояли и слушали вместе со всеми. Слушали молча. Не перебивали. Вопросов не задавали. Когда я закончил, все долго молчали.

— Алексей, пойдем со мной, — сказал старший лейтенант Петухов.

Зашли в канцелярию.

— Ты это… машину сдай Абрамову. Все равно пока возить… В общем, все равно пока в боксе стоять будет. От нарядов я тебя освобождаю. Тебе сколько до дембеля осталось.

— Три месяца.

— Вот и хорошо. Домой с первой партией постараюсь тебя отправить. Иди пока отдыхай. (**828**)

787

Но я знал, что нужно делать в таких случаях.

Нужно намазать клеща маслом. (**830**)

Нужно выкрутить клеща ниткой. (**868**)

788

Попробовать все же стоило. Пограничники не сдаются никогда. Я вышел во двор. Было уже довольно темно. Двор освещался висящим на стене прожектором. Рядом с бочкой стояло ведро. Взял его. Прогулялся до колонки. Набрал воды. Снова вернулся к бочке. Поставил ведро рядом. М-м-да-а-а… Сволочь, конечно, этот капитан. Я посмотрел на светящееся окно кабинета коменданта. Тот стоял возле стола спиной ко мне и разговаривал по телефону. Ну-ка, а что у нас тут? Я осторожно перевернул бочку верх дном. Сверху было небольшое углубление, окаймленное металлической полосой. Я плеснул туда воды из ведра. Отошел в сторону. Полюбовался результатом. В свете прожектора вода блестела. Было такое ощущение, что бочка наполнена до краев.

Я поставил ведро и пошел к коменданту. Специально расстегнул верхние пуговицы кителя и тяжело дышал.

— Все, товарищ капитан!

Комендант, не отрывая трубки от уха, сначала недоуменно посмотрел на меня, затем — в окно. Продолжая говорить по телефону, растерянно взял со стола мои документы и вернул их мне. Сломя голову, я побежал к тому месту, где оставил машину.

На заставу вернулся поздно.

— Где был? — спросил начальник заставы.

— Поломался, товарищ старший лейтенант. Карбюратор пришлось перебрать. (**831**)

789

Я выскочил из машины, подошел к переднему колесу, открутил колпачок ниппеля, вынул из ножен штык-нож и кончиком нажал на воздушный клапан. Раздался громкий шипящий звук выходящего воздуха. Спустив колесо где-то на треть, я закрутил колпачок и проделал те же самые манипуляции с остальными колесами.

Машина заметно осела, но с первой же попытки тронулась с места. Ехали мы теперь значительно медленнее. От основной группы отстали минут на пятнадцать, не меньше. Когда подъехали на развилку, где обычно встречались с соседями, там уже никого не было. Свежая колея вела в сторону Уссури.

— И чего это они нас не дождались? — сказал сержант Михеев. — «Сопки» тоже что ли уже здесь? Ладно. Давай следом.

Я повернул в сторону Уссури. На часах было 11:15. (**774**)

790

— Я не знаю, где оно. Его уже вчера вечером не было. Наверное, взял кто-то.

— К вечеру одеяло должно быть.

Начальник заставы ушел. А передо мной снова встал тот же вопрос, что и вчера: где взять еще одно одеяло. На этот раз уже для собственной кровати.

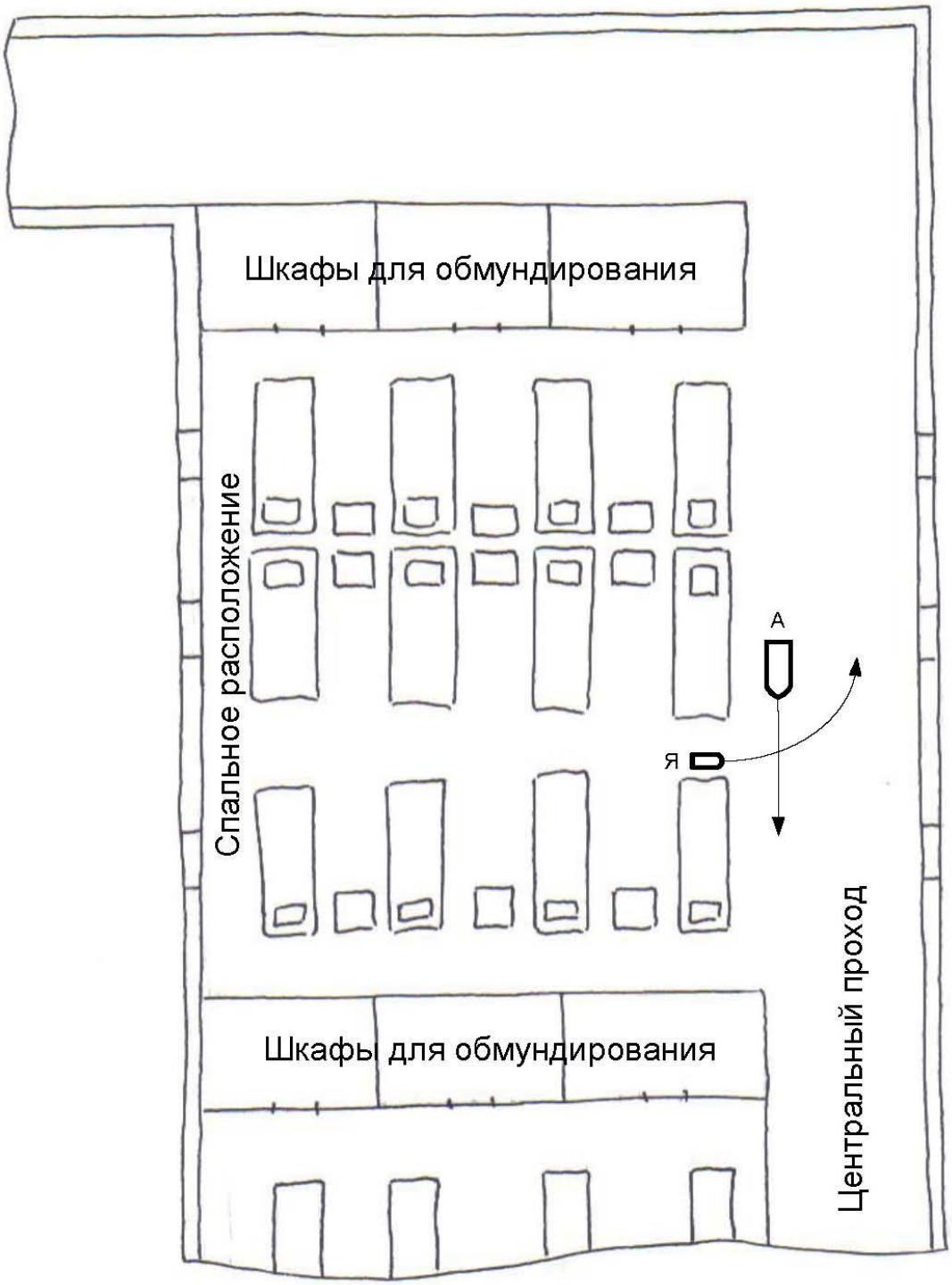
Я решил попросить одеяло у старшины. (**745**)

Я уже просил одеяло у старшины. (**697**)

Сниму, лучше, с машины и верну обратно на кровать. (**815**)

791

Мы вышли на исходные позиции и, издавая звуки назначенного нам транспорта, поехали по указанным маршрутам. Я двигался между кроватями по направлению к центральному проходу. С левой стороны к этому же перекрестку приближался Стас-автобус. Мне нужно было поворачивать налево.



Я решил пропустить автобус и только после этого повернуть налево. (**751**)

Я решил проехать перекресток первым. (**670**)

792

18 августа 1967 г.

Мне дали наставника. Это сержант Строгачев. Но деды и другие сержанты зовут его просто — Строгий. Он водит ГАЗ-69. Это лучшая машина в отряде. Потому что сержант Строгачев водитель самого начальника пограничного отряда полковника Литвина.

Пока моя работа будет заключаться в том, чтобы обслуживать эту машину в то время, когда она находится в боксе. Но если все будет хорошо, то после того как сержант Строгачев демобилизуется, я займу его должность. (**673**)

793

21 сентября 1967 г.

Ночь прошла без происшествий. Никто к нам не приходил и не звонил. Утром дежурный, как и положено, занял свое место, а мы со Стасом встали у ворот, чтобы впускать и выпускать машины. Ворот было двое: одни — внешние, другие — внутренние. Через внешние ворота машины из парка попадали в город и возвращались из него. Через внутренние при необходимости можно было попасть на территорию отряда.

Я занял место у внешних ворот. Подъехала машина начальника заставы. Я быстро открыл ворота и вытянулся в струну, выполняя воинское приветствие. Проезжая мимо, водитель даже не взглянул на меня, в отличие от начальника заставы, который кивнул мне, отвечая на приветствие. Только я закрыл ворота, как к ним подошел незнакомый мне прапорщик.

— Открывай, солдат.

— А вы, простите, кто?

Прапорщик представился. У нас в дежурке был список лиц, которых мы можем пускать на территорию автопарка. Такой фамилии там, вроде бы, не было.

Я все равно пропустил прапорщика. (**674**)

Я решил не пускать прапорщика. (**753**)

794

Плохо, что я не пустил его сегодня через ворота.

— Ну, а мне-то что с того, что вы наряд сдать не можете? Ключи я вам не отдам. Они мне нужны.

— А давайте я их сейчас на место повешу, наряд сдам и снова вам принесу.

— Слышь, несун. Иди отсюда, пока я добрый.

Я вышел со склада. Сам он «несун»! Нужно было Стаса к нему отправлять. Может, еще не поздно. Но Стас тоже вернулся без ключей.

— Не дает. Сказал: «Позови-ка мне того, первого».

Я снова пошел к прапорщику.

— Есть у меня для тебя один вариант, — сказал он мне. — Тут на складе кое-что обновить нужно. Принеси мне две банки зеленой краски, и я отдам тебе ключи.

— Где же я ее возьму?

— А это уже твои проблемы. Найди, роди, укради…

Я решил посоветоваться со Стасом.

— Что будем делать? — спросил я его.

— Блин! Нафига ты его не пропустил. Это он тебе мстит теперь.

— Ты лучше думай, где краску взять.

— У старшины можно попросить. Я у него в каптерке видел.

Пошли к старшине. (**876**)

795

Мы побежали к старшине. Поменяли у него бензин на краску и вернулись в автопарк. Начальник склада все еще был на месте. Вручив ему краску, мы получили злополучные ключи и наконец-то сдали наряд. (**740**)

796

И я спросил ее об этом.

— У вас что-то случилось? Почему вы такая грустная?

Она посмотрела на меня, но ничего не сказала и снова отвернулась к окну.

— У вас очень красивое имя. Знаете, что оно означает? (**848**)

— Вам не дует? (**727**)

797

На скамейке у подъезда сидели трое парней.

— Это они, — сказала Настя упавшим голосом.

— Сиди в машине. Я разберусь.

— Не надо! — начала, было, она, но я уже вышел и захлопнул за собой дверь.

— Мужики, чего сидим? Кого ждем? — обратился я к парням.

— А твое какое дело? — один из них поднялся ко мне навстречу. — Вали отсюда, пока цел.

— А вы не Настю тут, случаем, ждете?

Друзья парня поднялись со скамейки и подошли к нам.

— Ну, допустим, Настю. А что?

— А то! Чтоб я больше вас здесь не видел.

— Военный, ты смерти что ли ищешь?

Парень вплотную приблизился ко мне. (**728**)

798

Для начала я решил проверить карбюратор. С ним как будто бы все в порядке. Значит, все-таки свечи! Я выкрутил одну и осмотрел. Нагара практически не было. Свеча влажная. Это говорило о том, что горючая смесь в цилиндр поступает. Блин.

Нужно было со свечей и начинать. Не пришлось бы с карбюратором возиться. Искра тоже была. Не было самого возгорания.

Я решил проверить канистру, из которой вчера заправлял машину. (**878**)

799

Я решил заменить топливный фильтр. Удерживая штуцера фильтра одним ключом, вторым я отвернул гайки крепления наконечников топливных трубок. Ослабив стяжной хомут, я отсоединил фильтр от трубки и извлек его. Осмотрел резиновые уплотнительные кольца. Одно было порвано. Пришлось заменить.

Дальше я решил слить воду из радиатора. (**680**)

Дальше я решил продуть топливопровод. (**850**)

800

Я побежал следом за остальными.

Мы поднялись на остров и увидели, как китайцы остервенело тычут штыками тела лежащих на снегу ребят. Наших ребят. Я дал по ним длинную очередь из автомата.

Китайцы, похоже, не ожидали нашего появления. Они попадали в снег и стали стрелять по нам. Силы были не равны. Перевес был явно на стороне противника. Китайцы подбирались все ближе. Наши ребята падали на снег один за другим, изрешеченные пулями.

Я попытался укрыться за деревом, но почувствовал сильный удар в ногу повыше колена, затем второй, третий. Ощущение было такое, что меня разрывают на части. Я упал на снег и потерял сознание. (**825**)

801

Двигатель завелся с веселым урчанием. Довольный, я вытер руки ветошью и сел за руль. Решил проехать пару кругов по автопарку и снова поставить машину в бокс. Когда вернулся к воротам, там меня уже поджидал старший лейтенант Петухов.

— Починил, я вижу.

— Так точно, товарищ старший лейтенант!

— Молодец! В воскресенье отпущу тебя в увольнение. Сходишь в город — погуляешь, отдохнешь. Заслужил. (681)

802

Я повесил трубку. Предлагала же записать! А я — идиот: «Так запомню». Запомнил, блин. Можно было бы, конечно, прогуляться до ее дома. Адрес я знаю. Но сегодня все-таки воскресенье, и полковник Литвин скорее всего дома. А встречаться с ним что-то не очень хочется.

Махнув на все рукой, я пошел в кино. Там показывали новый фильм по Гоголю — «Вий». Народу было много. Фильм очень понравился. Ничего подобного раньше не видел. Жалко было главного героя в конце. Ну, вот совсем чуть-чуть ему не хватило времени до петухов продержаться. Страшный фильм.

После кино пошел в продуктовый магазин: купил батон и палку колбасы. Сел на скамейку в сквере и все съел. Прохожие с улыбкой смотрели на меня. Потом еще немного погулял по городу и вернулся в отряд. (677)

803

10 декабря 1967 г.

Наконец-то Строгий демобилизовался. Уже неделю я вожу начальника отряда. Каждое утро я встречаю его у дома и каждый вечер отвожу обратно домой. Каждый раз я надеюсь увидеть Настю. Но этого не происходит. Очень надеюсь, что полковник Литвин снова попросит куда-нибудь ее отвезти, и мы снова увидимся. (852)

804

Я хотел ее. Уже ничто меня не волновало: ни поздний час, ни возможное возвращение родителей, ни то, что меня могут хватиться в отряде. Я хотел ее.

Я обнял ее, стал целовать и гладить руками ее тело. Она отвечала на мои поцелуи и крепко обнимала меня за шею, позволяя делать с собой все, что мне захочется. Я стал снимать с нее одежду. Когда мы оба уже обнаженные лежали на диване, она тихо сказала:

— Лешенька, я боюсь.

— Не бойся.

Все было как в тумане. Помню ее выгнувшееся тело и тихий стон. Помню черный волосок возле одного из ее сосков. Помню, как сильно мы сжимали руки и кусали губы друг друга. Я был у нее пырвый.

Когда я, уже одетый, стоял на пороге, она подошла и надела мне на шею медальон на цепочке. Это была маленькая иконка с изображением девы Марии. (**853**)

Часть вторая:

Остров преткновения

805

10 января 1968 г.

— Так за что тебя, говоришь, к нам сослали? — начальник второй погранзаставы старший лейтенант Салдаев с усмешкой смотрел на меня.

Я только что прибыл на «Нижне-Михайловку» с машиной, которая доставила на заставу продовольствие, и теперь стоял перед начальником заставы в его кабинете.

— За самовольную отлучку, — сказал я, опустив глаза в пол.

— Да ты не тушуйся. Ты не первый такой. Начальство нашу заставу чем-то типа штрафного батальона считает. Скоро ты поймешь почему. У нас тут и самовольщики, и губари, и драчуны… Кого только нет. Ты, говорят, полковника Литвина в отряде возил?

— Так точно.

— Это хорошо. У меня водитель недавно демобилизовался. А сменщик его что-то не очень мне по душе. У тебя как с вождением в условиях суровой русской зимы?

— Вроде, не плохо.

— Ну, вот и посмотрим. Иди к старшине. Получишь у него все необходимое и машину примешь. (**684**)

806

— Хорош, мужики! — сказал я им. — Вы что, забыли уже, как сами молодыми были?

— В том-то и дело, что не забыли. Теперь вот их черед настал. — сказал Стас.

— Они не виноваты в том, что над нами деды измывались.

— Леха, тебе чего надо вообще? — вмешался Гена. — Не хочешь принимать участие — иди спи. Без тебя разберемся.

— Тебя забыл спросить, что мне делать!

Мы двинулись друг на друга.

— Стоп, стоп, стоп! — Стас встал между нами. — Не хватало еще подраться из-за молодняка. Лех, нам вообще-то Петухов задачу поставил разобраться, кто из них что из себя представляет в плане теории, практики и матчасти. У тебя другие варианты проверки есть?

— Есть.

— Ну, тогда вперед! Сердобольный ты наш!

Я сжал кулаки и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы успокоиться.

— Так, молодые, шагом марш в ленинскую комнату. Рассаживаемся за партами. — сказал я новобранцам, а сам подошел к тумбочке, взял необходимые конспекты и литературу и пошел за ними следом.

— Чего это с ним? — услышал я за своей спиной.

— Черт его знает. Может бензина в боксе перенюхал.

— Или головой ударился.

Я пропустил все эти замечания мимо ушей, зашел в ленинскую комнату и закрыл за собой дверь. Молодняк уже сидел за партами. Я раздал им листочки и карандаши.

— В верхнем правом углу пишем свою фамилию. Разборчиво!

Я задавал им теоретические вопросы, а практические рисовал мелом на доске. Они скрипели карандашами по бумаге и выводили ответы. Потом я отпустил всех спать, а сам остался в ленинской комнате проверять работы.

Вот! Сейчас я узнаю, кто из них что из себя представляет и утром доложу старшему лейтенанту Петухову. И никакой дедовщины, никаких издевательств. Так! Это у нас кто? Абрамов. Ни одной ошибки. Молодец Абрамов. Нужно его к себе стажером взять. Толковый парень, похоже. (**729**)

807

Потрогал радиатор — он был холодным. Означать это могло только одно — неисправность в системе охлаждения двигателя.

Потрогал патрубки. (**628**)

Не теряя даром времени, схватил из кузова ведро и побежал за водой. (**881**)

808

14 ноября 1967 г.

— Много нам не надо. Будешь носить по двадцать пять литров в неделю.

Голос принадлежал деду. Одному из тех, что учили меня «вождению» в день моего прибытия в автороту. Второй стоял, прислонившись к стене бокса, и ковырял в носу, отстреливая с пальца козявки в мою сторону.

Я оглянулся по сторонам в надежде, что нас увидит кто-нибудь из офицеров. Но в боксе мы были одни.

— Где же я возьму столько бензина? — сказал я охрипшим голосом. От волнения у меня пересохло во рту.

— А я почем знаю? Найди, роди, укради… В общем, твои проблемы. А не принесешь — пеняй на себя.

Дед красноречиво провел большим пальцем себе по горлу.

— Ты меня усе понял? — сказал он, похлопав меня по плечу.

Я кивнул головой. (**690**)

Глядя ему прямо в глаза, я медленно покачал головой. (**738**)

809

Бензин я носил дедам исправно. Но страх быть разоблаченным не покидал меня ни на минуту. Когда я объяснял старшему лейтенанту Петухову, что у моей машины очень большой расход топлива, то готов был провалиться сквозь землю от того, как он смотрел на меня. Одной своей машиной тут не отделаться. Нужно было придумать что-то еще.

Ребята, которые возили руководство отряда, выезжали из парка и возвращались, порой, когда склад ГСМ был закрыт. Потому бензин часто получали впрок, в канистрах. На одну из таких канистр я и положил глаз.

Сержант Строгачев, водитель начальника отряда, никогда не прячет канистры с бензином. Наверное, думает, что никто не осмелится взять. Боязно, конечно. Но страх перед дедами сильнее.

Вечером, когда уже практически никого не было в парке, я перелил бензин из канистры Строгачева в свою, а в его — долил воды, чтобы не сразу стало заметно.

Как он матерился потом, когда не смог завести машину, заправленную таким «бензином»! Шуму было на всю автороту. Обещал убить, если найдет виновных. Пожалуй, больше не буду у него брать. (764)

810

15 марта 1969 г.

Меня посадили в узкую бамбуковую клетку, как какое-то животное, и выставили на всеобщее обозрение. Каждый проходящий мимо считает своим долгом кинуть в меня камень или плюнуть. Но я держусь. Держусь из последних сил.

Сегодня в рядах китайских пограничников царит какое-то оживление. Всю ночь они бегают взад-вперед, носят какие-то ящики и тюки.

Солнце еще не взошло, когда клетку со мной закинули в кузов грузовика и куда-то повезли. Я не видел, куда мы ехали, так как клетка лежала на боку. Мешали борта. Но когда мы остановились, и меня, наконец, выгрузили, я увидел перед собой Уссури и остров Даманский.

Уже рассвело. Я видел, как на противоположном берегу движутся люди. Это были наши пограничники. В голове моей промелькнула спасительная мысль — обмен пленными. Но китайцы не спешили вести меня к нашим. Поставив клетку на землю, они спустились в окоп, вырытый вдоль берега. (716)

Часть вторая:

Остров преткновения

811

14 августа 1968 г.

Теперь я воспринимал предстоящую службу на заставе не как каторгу, а как спасительную возможность, которая снизошла на меня свыше. Возможность начать все с чистого листа, дослужить оставшийся мне год до дембеля, вернуться домой и забыть все произошедшее со мной за это время, как страшный сон.

Я и раньше ездил этой дорогой. В качестве водителя. Теперь же ехал в кузове ГАЗ-63 между мешков с картошкой, морковкой, капустой и другими овощными культурами. Дорога постоянно петляла. Справа и слева стояла непроходимая тайга. Мы то медленно, кряхтя и поскрипывая кузовом, ехали в гору; то быстро, весело гремя подвеской, неслись с горы. И снова в гору. От такого мерного раскачивания я задремал и проснулся только в тот момент, когда машина остановилась. Хлопнула дверь кабины.

— Овощи принимайте! — крикнул кому-то водитель. — И пополнение!

— Пополнение — это хорошо, — услышал я незнакомый голос. (**867**)

812

11 января 1968 г.

Помня наказ старшины, не дожидаясь команды начальника заставы, я сразу же после завтрака пошел к машине. Счистив с нее снег, я сел в кабину. Господи, как здесь холодно! Еще холоднее, чем на улице. Я вставил ключ в замок зажигания и повернул. Ничего не произошло. Не было даже малейшего намека на то, что машина пытается завестись.

Я вышел из кабины и открыл капот. (694)

Я решил не терять время на попытку разобраться с неисправностью самостоятельно и побежал за помощью к Мише Реброву, водителю ГАЗ-63, с которым мы познакомились вчера вечером. (742)

813

Можно попробовать дернуть «кривым». Я видел его под сиденьем. Вставив кривой стартер в специальное отверстие в двигателе, я крепко обхватил его рукоятку и рванул, что есть сил. Отдача была такая, что мне чуть не оторвало руку. Я взвыл от боли и стал подпрыгивать на одном месте.

— Никогда не обхватывай пусковую рукоятку кистью с противопоставленным большим пальцем. (695)

814

— Ну, так бегом!

В отряде у нас машины всегда стояли в теплом боксе. И никаких трудностей с запуском двигателя зимой ни у кого не возникало. Я и понятия не имел обо всех этих премудростях.

В течение еще каких-то десяти-пятнадцати минут все приготовления были закончены. Я, старший лейтенант Салдаев и еще двое ребят с автоматами сели в машину и поехали проверять посты. Дорога была заснеженной, но я успешно выводил машину из заносов. Хоть тут не ударил в грязь лицом. В салоне постепенно становилось тепло.

— Твой автомат где? — спросил меня начальник заставы.

— Так я же водитель.

— Это не важно. Получил автомат, сел в машину, поехал. Приехал, вышел из машины, сдал автомат. Ты на границе, сынок.

В зеркало заднего вида я видел, что ребята снисходительно улыбаются. Ну, ничего. Я им всем еще покажу! (861)

815

Сниму, лучше, с машины и верну обратно на кровать. От греха подальше.

Я вернул одеяло на прежнее место. Оно довольно сильно испачкалось и насквозь пропахло машинным маслом и бензином. И вот под этим мне теперь предстоит спать. Чертова армия! Когда все это кончится?! (**839**)

816

22 января 1968 г.

Сегодня ближе к обеду заставу подняли в ружье. Ребята стали получать оружие и боеприпасы. А я с выпрыгивающим из груди сердцем побежал к машине. Хорошо прогретый утром двигатель завелся без особых проблем. Я подъехал ко входу в казарму и побежал получать оружие. Затем вместе со всеми встал в строй для инструктажа.

— Товарищи пограничники, — начал начальник заставы. — С наблюдательного поста доложили о том, что группа нарушителей государственной границы вышла на лед Уссури. — Он показал пальцем за наши спины туда, где пролегало русло реки. — Предположительно, китайские провокаторы. Выдвигаемся пешком. Водители остаются на заставе. Напоминаю, оружие ни в коем случае не применять. Вопросы.

— Никак нет, — вяло ответил строй.

— Напра-во! Бегом… марш!

Гулко топая сапогами по утоптанному снегу, ребята побежали в сторону Уссури. Перед казармой остались я, Миша Ребров и Коля Быстров — механик-водитель БТР. Коля лениво зевнул и сказал:

— Пошли, вздремнем что ли?

— Как вздремнем? А как же наши? А мы куда? — зачастил я.

— Да успокойся ты. Тебе же четко сказали — мы в резерве.

Ребята вернулись через несколько часов, побитые и злые. У кого-то была порвана одежда. Кто-то сильно хромал. А у кого-то была перевязана голова и сквозь бинт проступал сильный кровоподтек.

— У-у-у, гниды узкоглазые! — сказал командир первого отделения сержант Михеев, разглядывая в зеркало подбитый глаз. — Всех бы поубивал! (**884**)

27 января 1968 г.

Я много думал о случившемся на льду у Даманского. Почему китайцы так поступают? Зачем им это нужно? Граница проходит по их берегу. Да, это не правильно. По всем международным нормам она должна проходить по главному руслу реки. Но ведь это официальная граница, принятая когда-то обеими сторонами. Если их что-то не устраивает, вопрос должен решаться на высшем уровне, в кабинетах, а не здесь, на льду.

Ощущение такое, что ребят на заставе это практически не волнует. Привыкли. Закостенели. Возмущены происходящим только те, кто совсем недавно здесь служит. Один из новеньких сержантов предложил интересное решение, как можно в подобных стычках свести к минимуму количество получаемых нами синяков и ссадин. Он предложил заготовить длинные рогатины, которыми можно будет вытеснять провокаторов, держась от них на расстоянии. Начальнику заставы идея понравилась. Старшина с несколькими ребятами ходили в лес и нарубили там подходящих веток и молодых деревьев. Между собой мы стали называть эти рогатины «наше секретное оружие». Оставалось только опробовать его в деле.

Китайцы не заставили себя долго ждать. Вскоре заставу снова подняли в ружье. Снова едем к Даманскому. Каждый взял себе по рогатине. Подъехали к берегу. Спешились. Нарушители границы стояли на том же месте, что и в прошлый раз. Ребята пошли к ним. Я остался возле машины. Жаль не разглядеть отсюда лица китайцев. Я бы с удовольствием посмотрел на их округлившиеся узкие глаза, когда они увидят вблизи «наше секретное оружие». Старший лейтенант Салдаев, как и в прошлый раз, вышел вперед и остановился в нескольких метрах от нарушителей. Какое-то время ничего не происходило. Затем ребята выставили рогатины перед собой и двинулись на провокаторов. Китайцы пытались дотянуться до наших палками. Но у них ничего не получалось. В считанные минуты нарушители были выдворены на противоположный берег, где и остались в нерешительности. Ребята шли обратно к нам и победно трясли рогатинами над головой. Мы с водителями стояли на берегу и хлопали им в ладоши.

Но уже вечером на заставу приехал начальник отряда полковник Литвин и устроил разнос старшему лейтенанту Салдаеву. «Секретное оружие» было приказано порубить на дрова.

Я ждал полковника Литвина у его машины. Моей машины. За рулем которой теперь сидел незнакомый мне парень. Я решил воспользоваться случаем и попросить прощения. Может быть, мне удастся вернуться в отряд.

Как только полковник Литвин вышел на улицу, я сразу же кинулся к нему.

— Здравия желаю, товарищ полковник!

Он приложил руку к головному убору, выполняя воинское приветствие, и прошел мимо, словно видел меня первый раз в жизни.

— Владимир Александрович… — но мой голос поглотил звук взревевшего двигателя.

Начальник отряда сел в машину и уехал. Вместе с ним уехала моя надежда на возвращение. Я остался. Остался на второй пограничной заставе «Нижне-Михайловка». (885)

818

23 февраля 1968 г.

Сегодня праздник — «День Советской Армии и Военно-Морского флота». Поздравить нас приехало руководство отряда. Несколько грузовиков привезли артистов и оркестр. Каково же было мое удивление, когда среди девушек в ярких цветных сарафанах и меховых шубках, я увидел… Настю.

Клуба у нас на заставе не было. Сценой служили кузовы грузовиков с откинутыми бортами,поставленные вплотную друг к другу. Получилась широкая ровная деревянная платформа. На ней и происходило все действо. Сначала была официальная часть. С поздравлениями выступил полковник Литвин. Потом выступал начальник политотдела. Потом был концерт. Девушки, среди которых была Настя, танцевали русские народные танцы. Я не сводил с нее глаз. Она тоже заметила меня.

Я с нетерпением ждал окончания концерта, чтобы поговорить с ней. (699)

Не дожидаясь окончания концерта, я ушел в казарму. (747)

819

10 марта 1968 г.

Сегодня снова крупная провокация возле Даманского. С поста доложили, что китайцев огромное количество. Не меньше двухсот человек. Старший лейтенант Салдаев связался с нашими соседями слева и справа и попросил, чтобы от каждой заставы прислали не меньше двух отделений.

Выехали к месту встречи. Первая застава «Кулебякины Сопки» появилась на своем БТРе минут через тридцать. «Ласточку» решили не ждать. Подъехали к берегу.

Спешились. От первой заставы снова приехало только десять человек. Пока я разворачивал машину, старший лейтенант Салдаев что-то втолковывал офицеру с «Сопок», оживленно жестикулируя руками. Когда я заглушил двигатель и вышел из машины, то услышал только конец фразы:

— А-а-а… Чего с тобой разговаривать. Застава! За мной шагом марш.

Когда мы вышли на лед и увидели провокаторов, то лишились дара речи. Китайцев было человек пятьсот. Причем среди них было много женщин и детей. Нарушители границы кричали, били в барабаны, размахивали красными книжечками и портретами Мао. В руках у них были все те же багры и дубинки.

Но деваться нам было некуда. Мы выстроились в цепь бок о бок с ребятами из первой заставы, сняли автоматы и стали теснить ими провокаторов. Те начали лупить нас по головам.

Китайцев было очень много. И когда они навалились на нас всей массой, строй наш дрогнул. Шеренга сломалась. Несколько наших ребят оказались отрезанными от остальных. Китайцы повалили их на снег и начали топтать ногами.

Я не знаю, что было бы, если бы не Коля Быстров. Стоя на берегу возле своего БТРа, он увидел, что китайцы вот-вот забьют до смерти нескольких наших парней. Недолго думая, он сел за руль, завел двигатели, и многотонная машина помчалась по льду прямо к нам. Водитель второго БТРа тоже последовал его примеру. Обе машины двинулись на китайцев. Провокаторы стали отступать и в итоге побросали плакаты и дубины и побежали в сторону своего берега.

Мы поблагодарили ребят с первой заставы за помощь. Они сели в свой БТР и уехали. Я пошел к своей машине и завел двигатель. Ребята тоже стали рассаживаться по своим местам. И тут из-за деревьев на лед выскочил БТР. За ним следом ехали еще две машины. Они остановились возле нас. На снег один за другим стали выпрыгивать ребята с третьей заставы. К нашему начальнику заставы подбежал старший лейтенант с пистолетом в руке и что-то спросил. Старший лейтенант Салдаев похлопал его по плечу, подошел к нашей машине, сел рядом со мной и сказал:

— Вот идиоты. Проснулась Ульяна ни поздно, ни рано… Поехали.

— На заставу, товарищ старший лейтенант?

— Нет, блин. На дискотеку. (**700**)

820

30 мая 1968 г.

Я стараюсь не думать о ней. Пытаюсь занять свои мысли чем-то другим. Сам себя загрузил работой: помыл и натер машину, перебрал половину двигателя, снял тент… Но все равно постоянно думаю о Насте. (**865**)

821

14 июня 1968 г.

Сегодня у нас были стрельбы. Привлечены были все свободные от наряда, включая водителей. Отстрелялись, мягко говоря, неудовлетворительно. Сам я вообще ни разу не попал в мишень. Начальник заставы был очень рассержен.

— Вы что, совсем за зиму стрелять разучились?! — кричал он. — На ужин никто сегодня не пойдет! Вы у меня круглые сутки будете на стрельбище проводить!

— Товарищ старший лейтенант, не может такого быть!— сказал один из сержантов. — Я в учебке на «отлично» всегда стрельбу сдавал.

— Дай сюда автомат! — старший лейтенант Салдаев и взял у него оружие. — На «отлично» он сдавал. Вижу я, как ты сдавал.

Начальник заставы присоединил к автомату снаряженный магазин и сам пошел на огневой рубеж. Отстрелявшись, он ушел в сторону мишени, но быстро вернулся, громко матерясь:

— Чертовы китайцы! Все оружие из-за них перепортили.

И действительно, при стычках с провокаторами мы часто использовали автоматы в качестве подручных средств. Это не могло не повлиять на их исправность и точность боя. (**886**)

822

15 декабря 1968 г.

И вот, впервые за эту зиму, звучит команда: «Застава, в ружье!». Двадцать провокаторов вышли на лед в районе Даманского. Машина была уже прогрета. Я

подогнал ее ко входу в казарму и побежал получать оружие. Когда снова вышел на улицу, рядом с моим ГАЗ-69 уже рычали двигателями ГАЗ-63 и БТР-80 ПБ.

Погрузились в машины. Тронулись. Когда мы уже ехали по льду и видели перед собой остров и стоящих слева от него нарушителей, начальник заставы наклонился к самому лобовому стеклу, во что-то вглядываясь, и вдруг выругался:

— Что за черт!? Ну-ка, останови!

Я нажал на тормоз и остановился. Наша машина была в голове колонны. Потому остальные тоже остановились. Открылись люки БТРа. Поначалу я не понял, что так обеспокоило начальника заставы. Но когда внимательнее присмотрелся к провокаторам, понял и открыл рот от изумления.

Китайцев было всего человек двадцать. Но это были не те рыбаки, которых мы выдворяли с нашей территории прошлой зимой. Перед нами стояли китайские пограничники, вооруженные автоматами и карабинами. Одеты они были в шапки-ушанки очень похожие на наши. Только на их шапках с боков были небольшие клапаны. Украшала ушанку красная металлическая звезда, практически такая же, как наша советская. Одеты китайские пограничники были в ватники и ватные штаны. На ногах обувь на шнуровке, что-то среднее между ботинками и кедами. Рукавицы армейского образца — большой и указательный палец отдельно, остальные вместе. Они стояли метрах в двухстах от нас, кричали и размахивали оружием.

Старший лейтенант Салдаев вышел из машины и, не отрывая взгляда от китайцев, достал папиросу. Он хорошо продул гильзу, смял конец и закурил. Сделав несколько глубоких затяжек, он бросил ее под ноги и втоптал в снег.

— Первое отделение со мной. Второе прикрывает нас с острова. Вопросы?

— Никак нет. (**714**)

— Разрешите, я у машины останусь? — сказал я. (**887**)

823

23 января 1969 г.

Сегодня выдворяли провокаторов вместе с соседями с «Кулебякиной Сопки». Китайцев было всего человек пятьдесят. Но старший лейтенант Салдаев решил подстраховаться и запросил подкрепление. С первой заставой встретились на развилке у реки. Вместе с ними выехали на лед. Остановились у южной оконечности острова.

Китайцы были настроены крайне агрессивно. Начальник заставы не успел сказать им и слова, как они бросились на нас, размахивая автоматами, словно дубинами. Началась драка. Один из китайцев попытался ударить прикладом старшего лейтенанта Салдаева. Но его закрыл собой один из ребят. Удар пришелся по голове. Парень упал на снег и потерял сознание. Это разозлило нас еще сильнее.

В итоге, мы избили китайцев так, как никогда прежде. Провокаторы отступили, оставив на снегу несколько автоматов и карабинов. Китаезы, хромая, плелись к своему берегу, изредка останавливались, трясли кулаками и кричали в нашу сторону: «Черный Иван, мы тебя убьем!». Не знаю, откуда они это узнали, но нашего начальника заставы действительно зовут Иваном. (**704**)

824

— Товарищ старший лейтенант, разрешите я останусь возле машины.

— Еременко, ты достал меня уже! Разрешите я останусь, разрешите я пойду… Остаешься здесь! Теперь всегда будешь оставаться возле машины.

Начальник заставы повел остальных к китайцам. А я подошел к Коле Быстрову, который курил возле своего БТРа.

— Колян, тебе не кажется, что сегодня китайцы как-то странно себя ведут?

— Китайцы как китайцы, — сказал Коля и сплюнул на снег. — Как у тебя в машине? Холодно?

— Да ничего. На ходу более-менее прогревается.

— А я, прикинь, крыльчатки на двигателях перевернул! У меня теперь горячий воздух вместо того, чтобы наружу вытягивать, прямо внутрь гонит! Пять минут — и жара, как в Ташкенте.

Тем временем, ребята разделились на две группы. Все верно. Одна пошла на остров, чтобы в случае чего прикрыть остальных с берега. Другая — прямо к китайцам. Не доходя до них метров сто, они вдруг остановились. Что-то новенькое. Дальше пошли только начальник заставы с двумя ребятами. Остальные остались на месте. Было 11:15 утра. (**783**)

825

15 апреля 1969 г.

Очнулся я уже в госпитале. Сначала я не понял, где нахожусь. Но в следующую секунду перед моими глазами возникла картина, как китайцы колют штыками тела наших парней. Я рывком сел на кровати и тут же почувствовал сильную боль в ноге. Я вскрикнул. В палату вбежала пожилая медсестра, схватила меня за плечи и стала укладывать силой. Я сопротивлялся и пытался встать.

— Ложись, солдатик! Чего ты всполошился?

— Мне на заставу нужно! Там наших убивают!

— Господи! — воскликнула медсестра, перекрестилась и убежала.

Я откинул одеяло и спустил ноги на пол. Одна была практически полностью загипсована и нестерпимо болела. Я встал на ноги и упал на пол, потеряв сознание. (**889**)

826

3 марта 1968 г.

Полковник Литвин все еще находится на заставе. И я, соответственно, тоже. Заставу усилили за счет резервов, переброшенных из отряда. В тылу, в нескольких километрах от нас развернулась целая мотострелковая дивизия с танками и артиллерией. (**707**)

827

15 марта 1969 г.

Около 9:00 на китайской стороне заработала громкоговорящая установка. Звонкий женский голос на чистом русском языке призывал нас покинуть китайскую территорию, отказаться от ревизионизма и тому подобное. Наши тоже включили громкоговоритель. Говорили на китайском. Языка я не знаю. Но думаю, что смысл сводится к тому, что это не китайская территория, а наша. Потом все стихло.

Прошло еще около часа. Вдруг раздался оглушительный грохот, свист и рев. На острове начали разрываться артиллерийские снаряды. Три группы китайцев, численностью по триста-четыреста человек каждая, двинулись в сторону острова.

БТРы, занимавшие там оборону, открыли огонь. Ребята в окопах тоже начали стрелять по китайской пехоте. Но расстояние до нее было слишком большим.

Находиться на открытой местности было страшно. Я спустился в окоп и наблюдал за происходящим уже оттуда. Полковник Литвин находился там же вместе со всеми. Таким злым я его еще ни разу не видел.

— Где связь, я тебя спрашиваю?! — кричал он на какого-то майора. — Почему нет связи с группой?!

— Не знаю, товарищ полковник. У нас все в порядке. Наверное, что-то случилось с антеннами на машинах.

— Наверное?! Что хочешь делай, а связь мне обеспечь!

БТРы все время маневрировали по острову. (**758**)

828

10 июня 1969 г.

Я сижу в поезде и смотрю на проносящуюся за окном тайгу. Пришел мой дембель. Толком ни с кем не попрощался перед уходом. В основном все на выездах были.

И вот еду домой. Мне бы радоваться, что кончилась наконец-то моя служба. Но я не радуюсь. Я сижу и думаю о ребятах, которые погибли в районе острова Даманский. Им было столько же лет, сколько и мне. И они, так же как и я, рано или поздно должны были сесть в поезд и поехать домой. Но они остались там навсегда в братской могиле. За что они погибли? За маленький клочок никому не нужной земли? Глупо. Этот остров никому не нужен — ни нам, ни китайцам.

А ведь среди этих ребят вполне мог оказаться и я. Судьба — странная штука. По сути все решалось в тот момент, когда я стоял в кабинете начальника учебной заставы старшего лейтенанта Строганова со своей характеристикой в руках. (**41**)

Но все сложилось так, как сложилось. И теперь я еду домой. (**894**)

829

Я не знал, что нужно делать в таких случаях. И потому сразу побежал к ребятам. В курилке сидели Дима Перов и Коля Быстров

— Пацаны! Меня клещ, похоже, укусил!

— Да, действительно, клещ, — подтвердил мои опасения Дима. — Здоровый такой!

— Блин! И что же мне теперь делать?! — запаниковал я.

— Плохо дело, — мрачно сказал Дима и покачал головой. — Он ведь энцефалитным может быть. Беги к старшине. В город тебя надо везти. Самому за руль нельзя — обморок может случиться. В госпитале тебе клеща аккуратно удалят и на анализ его передадут.

Я помчался к старшине. (**713**)

830

Нужно намазать клеща маслом. За неимением растительного, намазал машинным. Стал ждать. Упрямый клещ никак не хотел вылезать. Я ходил из стороны в сторону, умаялся и лег в машине на сидения. Когда в очередной раз я потрогал место укуса, то клеща там не обнаружил.

— Эй! Ты куда делся? — сказал я, как будто клещ мог меня услышать.

Обшарив всю кабину, я так и не нашел его. Сбежал, наверное, обратно в тайгу, к своим собратьям. (**766**)

831

На следующий день к нам на заставу примчался комендант.

Признаться, я порядком испугался при виде его.

— Вот он! — тыкал он на меня пальцем, когда я случайно налетел на него и старшего лейтенанта Салдаева. — Вот этот боец! Забираю я его у вас. На гауптвахту поедет.

— Никуда он не поедет, товарищ капитан.

— То есть, как не поедет?!

— А вот так. Сказал не поедет — значит, не поедет. Граница, вот она где, — начальник заставы показал в сторону Уссури. — У меня каждый человек на счету.

— Ну знаете ли, товарищ старший лейтенант! — комендант сжал и без того тонкие губы так, что они практически исчезли с лица. — Это вам так не пройдет!

— А ты не пугай меня, капитан. Пуганые мы.

Комендант уехал.

— Не нарушай больше форму одежды, Еременко, — сказал мне начальник заставы. (869)

832

23 февраля 1969 г.

Сегодня провокаторы повели себя совсем не так, как обычно. Стоило нам ступить на лед, как они построились и с песней ушли на свой берег. Издеваются.

Сгладил неприятные ощущения праздничный концерт. Он практически не отличался от того, который я уже смотрел год назад, когда служил в автороте. Но все равно было приятно. Начальника отряда не было. Говорят, уехал на какие-то крупномасштабные учения. Не было и Насти. Вместо нее на сцене кружилась совсем другая девушка. (771)

833

Нужно бежать. Во что бы то ни стало.

Когда в сарай вошел китайский офицер, я лежал в углу без движения. Он подошел ко мне и ударил ногой. Было больно. Но я не издал ни звука. И тогда он склонился надо мной. Я схватил его за горло, повалил и начал душить. Но силы мои были на исходе. Он несколько раз ударил меня кулаком по лицу, навалился сверху и начал душить меня.

Я хрипел и пытался вырваться. Пальцы сами нащупали рукоятку ножа, который висел на поясе китайца. Я выдернул нож из ножен и вонзил его в живот нападавшего. Он как-то весь сразу обмяк и повалился на бок.

Я встал на четвереньки и прислушался — тихо. Стал ковыряться ножом в замке, который висел на колодках. Замок самый обычный, навесной. Быстро открылся. Подполз к двери, выглянул. Неподалеку спиной ко мне на бревне сидел китайский солдат с ружьем на плече.

Нужно завладеть оружием! (773)

Тихо, как мышь, я проскочил за спиной у солдата и побежал в лес. (720)

834

Судьба — странная штука. Среди погибших в боях у Даманского ребят вполне мог оказаться и я. По сути все решалось в тот момент, когда я стоял в кабинете начальника учебной заставы старшего лейтенанта Строганова со своей характеристикой в руках. (**41**)

Но все сложилось так, как сложилось. И теперь я еду домой. (**894**)

835

Я укрылся за машиной. Китайцы прекратили огонь. Они подбежали к лежащим на снегу ребятам и стали остервенело колоть их тела штыками. Стрелять я не решался. Сняв с головы шапку, я прижал ее к лицу, размазывая слезы, и сел на снег, прислонившись спиной к колесу.

Вдруг на острове снова началась стрельба. Похоже, это вступили в бой ребята, приехавшие на ГАЗ-63. Я выглянул из-за капота и посмотрел на китайцев. Те, казалось, были в замешательстве. Один из них что-то выкрикнул, и все побежали в мою сторону. Я снова спрятался за машиной.

Они пробежали метров в двадцати от машины и поднялись на берег острова, заходя в тыл нашим ребятам. Этого я не мог допустить. Я прицелился и трясущейся рукой нажал на курок. Раздалась короткая очередь, и китаец упал на снег. В царившей суматохе и шуме боя, остальные враги не поняли, откуда был произведен выстрел. Они продолжали карабкаться на берег, а я продолжал стрелять им в спины.

Раздался протяжный свист, затем оглушительный взрыв. ГАЗ-63 подлетел в воздух и упал, объятый пламенем. С китайского берега начался артиллерийский огонь. Но мне было не до этого. Расстреляв первый магазин, я присоединил второй.

Я не помню точно, что произошло дальше. Должно быть взрывной волной меня откинуло в сторону. Я лежал на обгоревшем снегу и не мог подняться. Рядом полыхали останки ГАЗ-69. Я пошарил рукой рядом. Хотел найти оружие. Но потерял сознание. (**825**)

836

2 марта 1999 г.

— Баба, баба!

Маленький черноволосый мальчик кинулся меня обнимать, лишь стоило мне переступить порог своего дома. Я погладил его по голове. «Баба» — по китайски «папа». А зовут мальчика Чжиган. И это мой сын. «Чжиган» означает — «твердое стремление». Я называю его Жиганом. Супруга сердится из-за этого. А еще у нас есть две дочери — Сяомин и Бию.

В плену я пробыл десять лет, три месяца и шестнадцать дней. Хозяева мои несколько раз менялись, перепродавая меня как какую-то вещь. Я и был вещью. Безмолвный раб. Белая обезьяна. Я выполнял всю черную работу: чистил выгребные ямы, носил уголь, работал на поле. Так было первые пять лет. Пока я не попал к господину Ли. Ему я бесконечно благодарен и обязан всем, что сейчас имею.

У господина Ли была небольшая обувная фабрика. На ней работало человек пятьдесят. В том числе и я. Он обращался со мной совсем не так, как предыдущие хозяева. Я трудился практически наравне с остальными работниками фабрики и даже получал жалование. Жил в соседнем здании, в небольшом общежитии. Так же как и остальные рабочие. Постепенно обучился китайскому.

После смерти Мао Цзэдуна меня официально освободили. Но на Родину я не поехал. Там, на фабрике, я познакомился со своей, тогда еще будущей, женой, Айминь. (**768**)

837

Настя кинулась ко мне.

— У тебя кровь!

— Да ничего страшного.

— Как ничего страшного?! Пошли ко мне домой! Тут аптечка нужна.

Мы поднялись на третий этаж и вошли в ее квартиру. Внутри было очень уютно.

— Иди на кухню. Я сейчас. — сказала она и исчезла в комнате.

Я представил себе, как буду сейчас снимать сапоги и разматывать портянки. Сел на стул, который стоял в прихожей.

— Ты чего не проходишь? — спросила Настя. Она появилась в дверях, держа в руках бинт и какую-то склянку.

— Да я здесь посижу. У меня времени мало. Ехать надо.

Она стала обрабатывать рану и перевязывать руку. Порез действительно оказался не очень глубоким.

— Как ты не побоялся? Их же трое было. С ножом! Кошмар какой-то. Сегодня же расскажу все отцу.

— Не надо ничего рассказывать. Я думаю, они тебя больше не побеспокоят.

— Тебя как зовут-то?

— Леша.

— А меня — Настя.

— Я знаю.

Она закончила бинтовать. Повисла неловкая пауза.

— Я пойду, — сказал я.

— Давай я тебя чаем напою.

— Не нужно. Спасибо.

Я уже открыл дверь и вышел на лестницу, когда она сказала.

— Могу сказать свой номер телефона: шестьдесят два, семнадцать, пятьдесят девять. Запишешь?

— Не. Я запомнил.

— Ну, смотри… Буду ждать.

— Я позвоню.

Я побежал вниз, перескакивая через три ступеньки. (**755**)

838

12 октября 1967 г.

Вчера вечером сержанту Строгачеву стало плохо. Врач в санчасти сказал, что он чем-то отравился. Прописал постельный режим. Потому в течение всего следующего

дня возить начальника пограничного отряда предстояло мне. Всю ночь я ворочался с боку на бок и не мог уснуть, переживая и волнуясь о предстоящем дне.

Встал в шесть утра, умылся и пошел в автопарк. Получил ключи от бокса и от командирского ГАЗ-69. Завел машину, прогрел двигатель и выехал за территорию отряда. Я в первый раз был в городе на машине и без какого-либо сопровождения. И это было очень здорово. Отыскав нужный мне адрес, я встал у парадной и стал дожидаться начальника отряда.

Полковник Литвин вышел из дома минут через тридцать и направился к машине. Он был высокого роста, крепкий, подтянутый, со спокойным уверенным взглядом. Волосы уже порядком поседели. Он сел не назад, как я ожидал, а на пассажирское сиденье рядом со мной.

— Здравия желаю, товарищ полковник! — бодро поприветствовал я его.

— Доброе утро. А где Строгачев?

— Плохо чувствует себя. Отравился чем-то вчера.

— В санчасти был? Что сказали?

— Сказали, что все в порядке. Но денек нужно полежать.

— А вас как зовут?

— Рядовой Еременко!

— А имя у вас есть, рядовой Еременко?

— Алексей.

— Меня Владимир Александрович зовут. Ладно, Алексей, поехали.

— В отряд?

— Нет. В отряд после. На вторую заставу сначала поедем. Дорогу знаешь?

— Никак нет.

— Ничего страшного. Я покажу. (**877**)

839

20 января 1968 г.

Наверное, нет хуже места на земле, чем вторая пограничная застава «Нижне-Михайловка». Живем в глухой тайге. Холод дикий. Еда отвратительная. Начальник заставы все время кричит на меня. Ну, не заводится если это ржавое корыто! Что я могу сделать?! Удивляет меня то, что с должности водителя я все еще не снят. Наверное, с предыдущим водителем дело обстояло еще хуже. (**816**)

840

Двигатель по-прежнему перегревался. Я хлопнул себя по лбу. Ну, конечно же! Нужно ведь было

заменить термостат. (**857**)

заменить горячий патрубок. (**763**)

841

Я включил заднюю передачу. Погазовал. Снова перешел на первую. Машина качалась взад и вперед, в итоге, колеса зарылись в снег еще глубже.

— Приехали, — сказал Михеев и выскочил из кабины.

Он подошел к кузову и скомандовал:

— К машине!

— Что, приехали уже? — из кузова начали выскакивать ребята.

— Ага! Приехали. Навалитесь-ка, мужики.

Машину вытолкали из ямы. Но не проехали мы и ста метров, как снова завязли. Когда, наконец, добрались до развилки, где обычно встречаемся с соседями, там уже никого не было. От основной группы мы отстали минут на пятнадцать. Не больше. Не думаю, что «Кулебякины сопки» уже здесь. В сторону Уссури вела свежая колея. Мы поехали следом.

На часах было 11:15. (**774**)

842

Нужно кончать с этим. Ремень у меня забрали. Но это ничего. Я стянул с себя китель и начал рвать его. Куда бы его привязать? Нет ничего подходящего. Разве что решетка на окне. Очень низко. Но это ничего, что низко. Господи, как холодно. Нужно быстрее.

Если бы тогда, в учебке, я согласился на предложение Строганова и поехал учиться в школу сержантов, может быть сложилось все по-другому. (**41**)

Господи, как же холодно. Нужно торопиться. Только бы никто не вошел. (**894**)

843

Патрон был всего один.

Глотая слезы, я снял сапог со здоровой ноги, поставил большой палец на спусковой крючок, а ствол упер снизу в подбородок.

Перед глазами пронеслась вся моя жизнь.

Вот я иду в первый класс с дурацким букетом астр. Я тогда очень стеснялся его дарить своей первой учительнице, Светлане Владимировне.

А вот я уже на выпускном. Мы тогда заперлись с Дашей в пустом классе.

Вот я уже стою на проходной призывного пункта. (**1**)

А вот — в кабинете начальника учебной заставы старшего лейтенанта Строганова со своей характеристикой в руке. (**41**)

Последний образ, который я увидел — моя мама. Она провожает меня в армию и плачет. Мама моя! Мамочка! Прости меня! (**894**)

844

Я поехал дальше. На следующем перекрестке мы встретились уже втроем. Прямо по курсу был Гена-грузовик, а из-за поворота выезжал Сидоренко, исполнявший роль легкового автомобиля. Мне нужно было поворачивать налево.

Я решил проехать перекресток первым. (**778**)

Я решил сначала пропустить грузовик. (**723**)

Я решил сначала пропустить легковушку. (**871**)

Я решил пропустить обе машины и только после этого повернуть налево. (**862**)

845

Я получил один пинок.

— Еременко, ты чего там растерялся? — спросил сержант.

— Не знаю. Перенервничал, наверное.

— А не нужно нервничать. Как у тебя с матчастью?

— Честно говоря, не очень, товарищ сержант. Так, только в общих чертах.

— Ладно. Научим. Будет тебе нормальная машина. (**792**)

846

Весь день мы проторчали на воротах. К вечеру, когда пришел новый наряд и стал все проверять, оказалось, что в дежурке отсутствуют запасные ключи от склада ГСМ. Я подошел к дежурному по парку и спросил:

— Товарищ старший лейтенант, не знаете, куда ключи запасные от склада делись? Вчера вот здесь на щите висели.

— Так их начальник склада и забрал сегодня днем. Сходи к нему. Он еще там.

Пришлось идти на склад. (**731**)

847

Я решил обо всем ему рассказать. Старший лейтенант Петухов внимательно выслушал меня и сказал:

— То, что вы не можете сдать наряд — это целиком и полностью ваши проблемы. И как вы будете их решать — ваше дело. Но за канистру будешь наказан. Не за воровство. А за то, что попался.

Но пару слов прапорщику он все-таки замолвил. После чего тот вернул ключи обратно на стенд, и мы, наконец-то, сдали наряд. (**740**)

848

— Знаете, что оно означает?

— Молодой человек, какое вам дело до моего имени? Вам что вообще нужно от меня?

— Да, ничего. Я так… Просто… Поговорить.

— Ну, раз ничего, то крутите руль молча.

Я решил последовать ее совету, и до самого дома мы оба не проронили больше ни слова. (**757**)

849

15 ноября 1967 г.

Мотор у нашей «Ласточки» всегда работал, как часы. Я имею в виду машину начальника отряда. Вчера вечером она, как обычно, вернулась в парк. Строгий отдал мне ключи и ушел на ужин. А я загнал ее в бокс, протер стекла и заправил из канистры, которую еще днем наполнил бензином. Прапорщика со склада ГСМ обычно уже не было в это время. И бензин на следующий день мы получали заранее в канистрах.

Так вот я заправил машину и закрыл бокс. А сегодня утром она не завелась. Строгий был злой, как черт. В итоге он уехал за полковником Литвиным на другой машине, а мне перед отъездом сказал: «Не дай Бог я приеду, и она не заведется!».

Я открыл капот и почесал голову. Как говорит Гена Михайлов: «Если машина не заводится, то значит — или нечему гореть, или нечем поджечь».

Для начала я решил проверить свечи. (**679**)

Для начала я решил проверить карбюратор. (**798**)

850

Я решил продуть топливопровод. Отсоединив топливный шланг в моторном отсеке, я стал продувать магистраль насосом.

Закончив с этим, я решил поменять термостат. (**879**)

Закончив с этим, я решил прочистить жиклеры. (**730**)

851

По его лицу было видно, что он принял решение. Он вскочил на броню головного танка, на башне которого крупно был выведен номер «545», о чем-то поговорил с его командиром, и они оба скрылись в люке. Танки взревели, лязгнули траками и двинулись колонной в сторону Даманского.

Они подъехали к южной оконечности острова и стали огибать его с западной стороны. И тут что-то случилось: головной танк замер и задымился. Остальные машины отошли обратно к нашим окопам.

Начальник политотдела отряда кинулся к танкисту, вылезшему из люка:

— Где начальник отряда?! Почему вы оставили их там?!

— Все погибли.

— Как погибли?!

— Они покинули подбитый танк и поползли к нам. Когда мы подъехали, они все уже были мертвы.

— Почему вы не забрали их тела?!

— Все машины получили серьезные повреждения. Огонь артиллерии с китайского берега слишком плотный.

Я не мог поверить в услышанное. Неужели полковник Литвин погиб?

Ребята на острове продолжали сражаться. Бой принял очаговый характер: разрозненные группы пограничников продолжали отражать атаки китайцев. Численное превосходство противника было огромным — раз в десять, не меньше.

Около 15:00 в небо взлетела красная ракета. (**732**)

852

31 декабря 1967 г.

Сегодня новый год. Все водители отдыхают. Но дежурный сказал, что начальник отряда распорядился, чтобы машина к восьми вечера была у его дома. К назначенному времени я был на месте. Полковник Литвин вышел вместе супругой. Это была красивая женщина невысокого роста с очень хорошей для ее возраста фигурой. В руках она держала что-то похожее на большую глубокую тарелку, завернутую в бумагу.

— Добрый вечер, — поприветствовал я их. — С наступающим.

— Добрый вечер, Алексей, — сказал полковник Литвин, садясь в машину.

Он назвал мне адрес, по которому их нужно было отвезти. Поехали.

— Салат бы не помять, пока доберемся, — услышал я голос женщины с заднего сиденья. — За Настю волнуюсь. Нужно было ее с собой к Ковалевым взять.

— Не волнуйся. Она уже большая девочка. Хочется ей с подругами отмечать — пускай отмечает. У себя ведь дома, а не где-то.

Приехали на место. Полковник Литвин сказал мне:

— Алексей, возвращайтесь в расположение. Я вызову вас через дежурного.

Приехал в отряд. Никаких празднеств по случаю наступления нового года не намечалось. После поверки лег в постель. Но уснуть никак не мог. В голове все время звучал голос полковника Литвина: «У себя ведь дома, а не где-то».

И я решился идти к ней. (**683**)

Я не решился идти к ней. (**733**)

853

1 января 1968 г.

— Вы где были, товарищ солдат?! — кричал старший лейтенант Петухов. Я стоял перед строем, опустив голову.

— Чего вы молчите?! Расскажите всем, как вы вчера ездили за начальником отряда. Дежурному вы ведь так вчера, кажется, сказали?

Оказалось, что полковник Литвин вызвал машину около четырех утра. Я в это время еще был у Насти. Дежурный сразу понял, что что-то не так. Он отправил за начальником отряда другую машину, а о моем отсутствии тут же доложил командиру роты. К тому времени, как я вернулся в казарму, все уже стояли на ушах. Разбор полетов отложили на утро. И вот теперь я стоял перед строем и получал заслуженный разнос.

— Смирно! — раздалась команда дежурного. В расположение вошел полковник Литвин.

— Дайте команду вольно, — спокойно сказал он. — Товарищ старший лейтенант, вы разобрались, где ваш солдат был ночью?

— Разбираемся, товарищ полковник. Судя по всему, в самовольной отлучке.

— Отправьте его на вторую заставу. Там ему некуда будет бегать.

Полковник Литвин ушел. Судьба моя была решена. (**805**)

854

10 июля 1968 г.

Сегодня год, как меня призвали в армию. С одной стороны, это очень радостное событие. Я отслужил половину своего срока, и теперь впереди всегда будет оставаться меньше дней службы, чем позади. Теперь я старослужащий. С другой стороны, в связи с этим событием у меня очень болит зад. И боюсь, что болеть он теперь будет до самого дембеля. А болит он из-за того, что ребят моего призыва сегодня переводили в новый статус: мы ложились на кровати, а деды били нас бляхой ремня по заду по двенадцать раз каждого — по числу месяцев службы. (**734**)

855

31 декабря 1968 г.

Вот и снова наступил Новый год — последний мой Новый год. В армии, я имею ввиду. Машину полковник Литвин на сегодня не заказывал. Наверное, отмечает праздник дома. Интересно, где сейчас Настя? С кем она празднует? Я не видел ее больше полугода.

На выездах сегодня практически никого — все в казарме. Праздничных мероприятий у нас никаких нет. Не дергают никуда — и на том спасибо. Старший лейтенант Петухов начал отмечать праздник уже днем в канцелярии в компании еще нескольких офицеров. В районе шести часов вечера они, пошатываясь, пошли в сторону выхода из казармы, а ротный протянул Гене ключ от кабинета и сказал заплетающимся языком: «Михайлов, ты там прибери все как следует. Только никого туда не пускай!». Так у нас появилось место, где без лишних глаз и ушей можно отпраздновать Новый год.

Стасу недавно пришла посылка из дома, где кроме всего прочего было еще и несколько здоровенных сушеных рыб. Мы тут же снарядили гонца в город, который вскоре вернулся с двумя трехлитровыми банками разливного пива.

Бардак в канцелярии был страшный. На полу стояли пустые бутылки от пива и водки. На столе стояли грязные стаканы, полные окурков блюдца, консервные банки из-под кильки и шпрот, надкусанные яблоки и еще много чего. Мы быстренько все

прибрали, помыли посуду, после чего закрыли дверь изнутри и накрыли стол уже для себя.

— Давайте, мужики, за нас! За дембель в новом году! — сказал Стас, стоя.

— Давайте! Чтобы в Новом году у нас все было по-новому.

— Ура!

Мы чокнулись стаканами и выпили.

— Шикарная рыба! Откуда такая? — сказал Гена впиваясь зубами в хребет.

— Отец с мужиками ловит.

Мы долго сидели, вспоминали о том, что с нами случилось за то время, что мы служим вместе и фантазировали о том, что нас ждет впереди после того, как придет наш дембель. (**717**)

856

С чего же начать?

Для начала выкрутил свечи. (**688**)

Сразу полез в карбюратор. (**737**)

Потрогал радиатор. (**807**)

857

Нужно было менять термостат. С этим дело обстояло не так просто, как, например, с патрубками. Пошел к командиру роты. К счастью, термостат в наличии был. Не без труда мне удалось заменить его, после чего проблема перегрева ушла. Машина снова была «в строю». (**808**)

858

— Так это дочка его. Настя. — сказал мне паренек с перебинтованной головой на второй заставе, когда я показал ему на девушку, танцующую на сцене.

— Блин. А я-то подумал уже… А чего с головой-то у тебя? Китайцы?

— А-а-а… — неопределенно протянул парень и махнул рукой.

Концерт закончился. Поехали на следующую заставу. (**428**)

859

Я отказался. Теперь к моим проблемам с дедами прибавились еще и проблемы с ротным. Меня назначают на все самые черные работы, какие только могут быть у нас в отряде. Засорилась канализация — Еременко. Уголь грузить — Еременко. Траншею копать — снова Еременко. Как будто и нет у нас в роте других фамилий.

Я не мог больше это выносить и решил бежать. (**765**)

860

Я побежал за помощью к Мише Реброву. ГАЗ-63 уже ехал к воротам заставы. Я замахал руками. Машина остановилась возле меня, и в окне показалось ухмыляющееся Мишино лицо.

— Ну, что? Не заводится?

— Нет, Миш. Никак. Может, тросом дернем?

— Извини, дружище. Сейчас вообще никак. Попробуй погреть. А вообще, подойди ко мне вечерком. Может, подскажу что полезное. (**743**)

861

12 января 1968 г.

Вчера вечером я узнал много нового о том, как нужно эксплуатировать машину в зимнее время. Спасибо Мише Реброву. Он рассказал мне и про предпусковой подогрев, и про то, что когда едешь по рыхлому снегу, колеса лучше слегка спущенными держать, и еще много чего такого, о чем я не знал раньше.

Кроме всего прочего он посоветовал мне сделать теплую накидку на радиатор. Для этой цели лучше всего подходит наше солдатское одеяло. Но где его взять?

Можно попросить у старшины. (**744**)

Можно использовать свое. (**696**)

862

Я решил пропустить обе машины. Тем более что Сидоренко пер без остановки, как танк, за что сразу же поплатился, получив сильный пинок.

— Куда ты прешь, идиот?! Как вообще тебе права дали?!

Не успел я порадоваться чужому горю, как тоже получил ощутимый удар.

— А ты чего встал?! Первым должен был ехать. У них помеха справа у обоих.

Потирая отбитое место, я завершил круг по кубрику и снова оказался на том же перекрестке, с которого начинал. (**874**)

863

— Я им радиатор машины закрыл.

— Старшина!

Послышались торопливые шаги, и к нам подошел старшина Давыдов.

— Старшина, выдайте бойцу новое одеяло.

— Есть, — неохотно ответил тот.

Старший лейтенант Салдаев ушел, а я направился следом за старшиной в каптерку, где он наградил меня новым одеялом и укоризненным взглядом. Но ничего не сказал. Видать, слово начальника заставы здесь — закон. И никаким обсуждениям не подлежит.

Уф. Слава Богу. А я уж думал, орать будет. (**872**)

864

6 марта 1968 г.

Сегодня нас снова подняли в ружье. С наблюдательного поста в районе Даманского сообщили, что группа нарушителей около ста человек вышла на лед Уссури. Старший лейтенант Салдаев связался с нашими соседями, первой заставой «Сопки Кулебякины» и попросил их выделить нам усиление.

Выехали, как обычно, на трех машинах. Остановились на лесной развилке и стали ждать подкрепление. Минут через сорок на дороге показался БТР-80ПБ. Он пристроился замыкающим к нашей колонне, и мы все вместе поехали в сторону Уссури.

Выехали на берег, спешились. Я заглушил двигатель и встал в строй вместе со всеми. От первой заставы приехало всего десять человек. Могли бы выделить и побольше. Мы вышли на лед и пошли по направлению к острову. Слева от него стояла толпа нарушителей, никак не меньше ста человек.

Офицер, который приехал с ребятами из первой заставы, настоял на том, чтобы мы разделились. В итоге выдвинулись тремя группами. Первую группу, в которой был я, возглавлял старший лейтенант Салдаев. Одет он был, как всегда, в черный полушубок, что выделяло его на фоне остальных. Вторую группу вел командир первого отделения сержант Михеев. Они пошли не к нарушителям, а в сторону острова, чтобы прикрыть нас с берега в случае чего. Ребята с первой заставы шли третьей группой, отстав от нас метров на пятьдесят.

Китайцы, как всегда, были настроены очень агрессивно. То ли крестьяне, то ли рыбаки. Одеты в рваные полушубки. На ногах стоптанные валенки. У кого-то просто обмотки. Они трясли над головами красными книжечками и что-то кричали. В руках у них, как обычно, были дубины и багры.

Когда мы подошли к нарушителям, старший лейтенант Салдаев потребовал от них, чтобы они покинули нашу территорию. Но китайцы стали кричать еще громче. Вторая группа тем временем вышла на высокий берег острова и наблюдала за происходящим сверху.

Старший лейтенант Салдаев махнул рукой ребятам из первой заставы, те подошли к нам, и вместе мы стали теснить нарушителей в сторону их берега. На наши головы посыпался град ударов. Первая застава, похоже, не привыкла к подобным ситуациям. Наш строй дрогнул и сломался. Все смешалось. Началась банальная драка. По склону к нам на подмогу уже бежала вторая группа. Ребята похватали свои автоматы за стволы и ринулись в бой. На белый снег брызнула первая кровь. В итоге, нарушители отступили, унося с собой пострадавших.

Мы вернулись на заставу. (**819**)

865

5 июня 1968 г.

У Миши Реброва на ГАЗ-63 полетел бензонасос. Старшина связался с отрядом. Обещали привезти новый через три дня. Но начальник заставы сказал, что не может ждать так долго. Решено было отправить меня в отряд.

Уже стемнело. Я проехал километров десять. Вдруг из кустов на дорогу прямо перед машиной выскочил огромный заяц и заметался между лучами фар. Он бежал метрах в пяти от бампера машины в плохо освещенном пространстве. Дернулся было влево, но, ослепленный светом левой фары, снова метнулся в плохо освещенное пространство. Дернулся вправо — и снова обратно. Он оказался, как бы, зажат между лучами двух фар, и никак не мог соскочить с дороги.

Я вдавил педаль газа в пол. (**701**)

Я сбавил скорость и выключил фары. (**749**)

866

Что-то в поведении провокаторов было не так, как обычно. И я понял, что. Китайцы всегда вели себя очень шумно. Они кричали, размахивали цитатниками и оружием. А сейчас они просто стояли и смотрели на нас. Мне стало не по себе.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите я останусь возле машины. (**824**)

С бешено бьющимся сердцем, я вместе со всеми двинулся к китайцам. (**705**)

867

— Пополнение — это хорошо.

Как оказалось, голос принадлежал местному старшине, словоохотливому усатому мужичку с явными украинскими корнями. Фамилия его была Давыдов. Он показал мне все на заставе и снабдил меня всем необходимым для службы на новом месте.

Застава находилась практически на самом берегу Уссури и представляла собой несколько одноэтажных деревянных домиков, вытянутых в длину. С краю — высокая вышка — наблюдательный пост.

Принял автомобиль. Такой же точно ГАЗ-63 как тот, который я водил в отряде. Разве что не такой лохматый.

Начальник заставы старший лейтенант Салдаев — довольно молодой офицер, но сразу чувствуется, что опытный. Говорит кратко, по существу. Зря ни на кого голос не повысит. Но требователен и строг. Ребята заставские, сразу видно, уважают его. Даже за глаза ничего плохого не скажут.

Нарядов у нас на заставе несколько видов. Но от них я освобожден, так как всегда должен быть при машине. Мотаюсь, в основном, пока снова по хозяйственной части: отвезти что-то в отряд, привезти оттуда. По постам начальник заставы в основном ездит на своем ГАЗ-69 с другим водителем.

Есть в нашем хозяйстве и БТР-80ПБ. «П» — потому что плавающий. «Б» — не знаю почему.

— Шикарная машина! — сказал я механику-водителю Коле Быстрову, похлопав БТР по броне. — Плавал?

— А то! — ответил, усмехнувшись, Коля. — И плавал, и стрелял.

Да-а-а… Вот это аппарат, скажу я вам! (**709**)

868

Нужно выкрутить клеща ниткой.

Я направился в бытовку. Там был старшина. Он раскладывал пуговицы по специальным отделениям шкафчика.

— Разрешите присутствовать, товарищ старшина? — спросил я.

— Присутствуй, Еременко. Как тебе у нас? Освоился уже?

— Осваиваюсь, — от большой катушки я отмотал сантиметров тридцать белой нитки, оторвал ее, завязал узлом и затянул на клеще.

— Чего у тебя там? — спросил старшина.

— Да клещ укусил.

Я стал вращать концы нитки против часовой стрелки, и уже через минуту клещ был извлечен.

— Давай его сюда, — сказал старшина и достал из кармана коробок спичек.

Он чиркнул одной, а я поднес клеща к огоньку.

— Вот так, — приговаривал старшина. — Чтобы не пил больше ничьей кровушки. (**766**)

869

7 декабря 1968 г.

Лед на Уссури крепчает. На заставе только и разговоров, что о предстоящих стычках с китайцами. Поначалу все как-то храбрились, говорили об этом с улыбкой. Но постепенно лица у всех становятся все более серьезными. Уже никто над этим не шутит.

На заставе появился фотограф. Рядовой Ефимов. Саня. Классный парень. Я лично привез его из отряда и кучу фотооборудования вместе с ним. Пока ехали, познакомились. Оказалось, что он с детства увлекался фото и видеосъемкой. Вот и в армии это увлечение пригодилось. Основная его задача — вести фото и видео фиксацию выдворения китайских провокаторов с советской территории. Мол, на Западе много ходит слухов о том, что советские пограничники приходят на китайскую территорию и гонят с нее мирных жителей. Будем, вот, теперь свою пропаганду вести.

А пока китайцы на лед не выходят, Саня фотографирует нас. За что ему огромное спасибо. Будет память после дембеля. (**767**)

870

Проблема осталась. Оно и понятно. Потому что нужно было

заменить термостат. (**857**)

заменить холодный патрубок. (**689**)

871

Я решил сначала пропустить легковушку. Тем более что Сидоренко пер без остановки, как танк, за что сразу же поплатился, получив сильный пинок.

— Куда ты прешь, идиот?! Как вообще тебе права дали?!

Не успел я порадоваться чужому горю, как тоже получил ощутимый удар.

— А ты чего встал?! Первым должен был ехать. У них помеха справа у обоих.

Потирая отбитое место, я завершил круг по кубрику и снова оказался на том же перекрестке, с которого начинал. (**874**)

872

20 января 1968 г.

Потихоньку я втягиваюсь в жизнь на заставе. Машина в порядке. Начальник заставы доволен. Кормят, правда, не очень. И холод собачий. Но служить можно. (**816**)

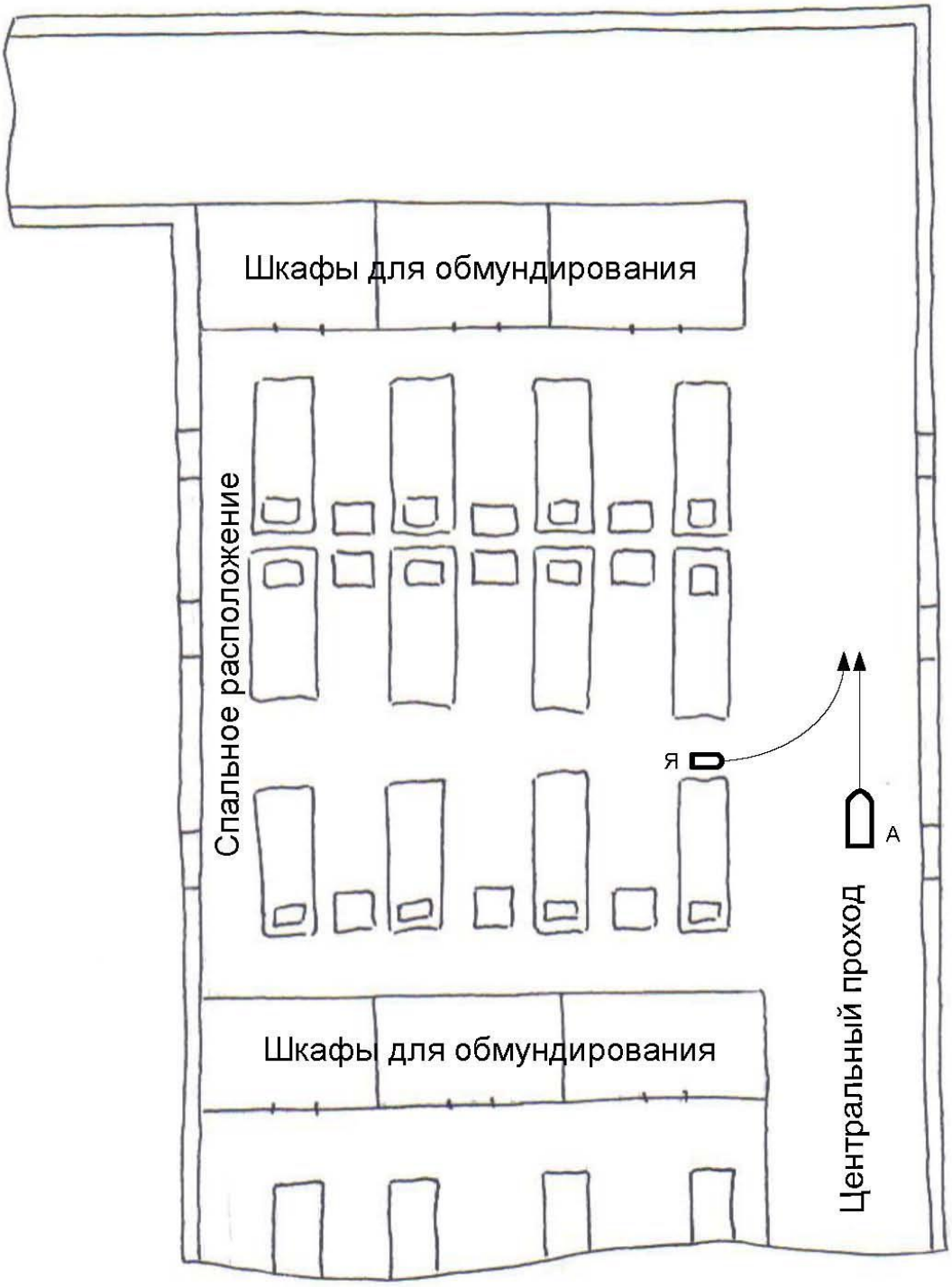
873

Я занял оборону за БТРом рядом с Колей Быстровым. Китайцы, похоже, не ожидали нашего появления. Мы начали стрелять по ним длинными очередями. Они залегли и стали стрелять в ответ. Одна вражеская группа вела огонь по нам с берега. Другая — окопалась на льду. Бой начал принимать затяжной характер. И тут по нам заработала артиллерия противника.

Я даже не сразу понял, что произошло. Сквозь шум боя отчетливо услышал громкий хлопок на том берегу. В ту же секунду прямо рядом со мной раздался оглушительный взрыв. Разрыва следующего снаряда я уже не услышал. (**891**)

874

Я снова оказался на том же перекрестке, с которого начал. К тому времени Стас-автобус уже доехал до конца казармы, развернулся и теперь двигался в обратном направлении, делая остановки для посадки и высадки пассажиров в тех местах, где ему обозначили деды. Мы снова встретились с ним на перекрестке.



Я решил проехать перекресток первым. (**752**)

Я решил пропустить автобус и только после этого повернуть налево. (**671**)

875

— Завтра будешь пересдавать.

Сидоренко тоже не справился. Уже во второй раз. Так что завтра ночью будем ездить с ним на пару. Гена и Стас сдали экзамен. К ним теперь нет никаких вопросов. Блин! Нужно было лучше правила учить. (**672**)

876

Пошли к старшине.

— Товарищ старшина, тут такое дело… Нам прапорщик со склада ГСМ ключи не отдает. Мы из-за этого с наряда не можем смениться. Сказал принести две банки зеленой краски. У вас нет, случайно.

— У меня, случайно, есть. Но просто так я ее вам не отдам. С вас канистра бензина.

Бензин можно было взять только на складе ГСМ. Замкнутый круг какой-то.

Мы снова пошли к прапорщику. (**676**)

Мы решили поспрашивать у ребят. (**726**)

Был у меня и еще один вариант. Я видел канистру с бензином в одном из боксов. (**754**)

877

Какое-то время мы ехали по городу. Мимо проносились дома, скверы, парки. Но потом вдруг все исчезло, и по обеим сторонам дороги выросла непроходимая тайга. Дорога петляла и шла то в гору, то, наоборот, — с горы. Перед нами то вырастали огромные заснеженные сопки, то снова скрывались за деревьями. Вскоре мы свернули с асфальтовой дороги на грунтовку. Машину стало подбрасывать на ухабах. Наконец, тайга расступилась. Мы выехали на открытое место и увидели вторую пограничную заставу «Нижне-Михайловка». Она располагалась прямо на берегу Уссури. Это были несколько деревянных одноэтажных домиков, стоящие неподалеку друг от друга. С трех сторон они были окружены лесом. А четвертая сторона выходила прямо на берег реки. В центре стояла огромная вышка — наблюдательный пост.

На заставе знали о предстоящем приезде начальника отряда. Потому весь свободный от нарядов личный состав был построен в две шеренги. Перед строем

стоял старший лейтенант. Судя по всему — начальник заставы. Как только я остановил машину, и командир отряда открыл дверцу, раздалась команда: «Застава, равняйсь! Смирно! Равнение на…право!». Все головы одновременно повернулись в нашу сторону. Старший лейтенант приложил руку к головному убору и направился к начальнику отряда строевым шагом. Полковник Литвин пошел к нему навстречу и тоже приложил руку к головному убору.

— Товарищ полковник, на участке заставы происшествий не случилось. Начальник заставы старший лейтенант Салдаев.

— Вольно.

— Вольно!

— Иван Иванович, отпустите людей. А нам с вами нужно переговорить.

— Застава, разойдись!

Офицеры зашли в один из домов. Я остался сидеть в машине. Мимо прошел пограничный наряд из трех человек. В курилке сидели двое парней, о чем-то разговаривали и время от времени громко смеялись. Откуда-то появился повар в белой куртке и колпаке, замятом на бок, с чайником в руке. Он подошел к дому, в котором были офицеры, и скрылся за дверью. Над крышей дома развевалось и хлопало на ветру красное знамя.

Прошло не меньше часа, прежде чем начальник отряда вышел из здания и снова сел в машину. Выглядел он очень озадаченным.

— Добром это не кончится, — сказал он тихо.

— Что, не кончится, товарищ полковник? — спросил я его.

— А? Да, ничего. Поехали в отряд. (**678**)

878

Я решил проверить канистру. Кое-что в ней еще оставалось. Ну, так… На всякий случай. Едрена вошь! Оказалось, что в канистре была практически одна вода. Похоже, кто-то слил из нее бензин и разбавил остатки водой, чтобы не сразу было заметно. Узнаю кто — убью!

Работа предстояла немалая. Для начала я слил все содержимое бензобака в ведра.

Затем решил заменить свечи. (**756**)

Затем решил заменить топливный фильтр. (**799**)

879

Закончив с этим, я решил поменять термостат. А что? Строгий давно жаловался, что двигатель сильно греется. А тут как раз новый термостат со склада выдали. Раз уж делать, значит делать все.

С термостатом провозился долго. Пожалел, что вообще начал. Нужно было в другой раз как-нибудь этим заняться. Еще ведь жиклеры чистить. (730)

880

10 декабря 1967 г.

Наконец-то Строгий демобилизовался. Уже неделю я вожу начальника отряда. Каждое утро я встречаю его у дома и каждый вечер отвожу обратно домой. Каждый раз я надеюсь увидеть Настю. Но этого не происходит. Очень надеюсь, что полковник Литвин снова попросит куда-нибудь ее отвезти, и мы снова увидимся. (685)

881

Побежал за водой. Благо, сломались мы в черте города. Так что набрать воды в одной из ближайших колонок, было делом пятнадцати минут.

Аккуратно, чтобы не обжечься все еще идущим паром, долил в двигатель воды. Сели — поехали. Не прошло и десяти минут, как снова закипели.

— Что ж ты делаешь со мной, сынок?! — выл прапорщик. — Что ж ты делаешь?!

Я выпрыгнул из кабины и захлопнул дверцу, чтобы не слышать этого нытья. Снова открыл капот. Радиатор по-прежнему был холодным.

Потрогал патрубки. (628)

882

23 февраля 1968 г.

Сегодня возил девчонок по заставам. Вот где служба действительно не сахар. Тайга непроходимая. Сугробы по пояс. Ребята в дозоры ходят, на постах стоят, в «секретах» сидят… И все это в тридцатиградусный мороз. В гробу я видел такую пограничную

романтику. А еще поговаривают, что проблемы здесь какие-то с китайцами постоянно. Якобы, узкоглазые всерьез считают, что мы находимся на их земле. Постоянно границу нарушают. Приходят большими группами с дубинами в руках и ждут наших пограничников. Ребята выезжают на место. В итоге — драки с нарушителями постоянно. Стрелять — наши не стреляют. Отметелят китаез и вышвырнут на их берег. А те на следующий день снова приходят. Нашим тоже, наверняка, достается. Скорее всего, именно поэтому командование отряда решило им концерт в честь праздника устроить.

Сцены на заставе нет никакой. Так мы, как на фронте, грузовики, на которых артистов привезли, друг к другу вплотную подгоняем, опускаем борта — получается что-то типа ровной площадки. С нее-то и выступает командование: сначала грамоты раздает, благодарности объявляет. Потом — концерт. Девчонки в сарафанах танцуют, парни песни под гитару поют. В общем, весело. Холодно только.

Одна девчонка из танцующих мне очень понравилась. (**691**)

883

Начальник заставы залез в кабину, вывернул руль вправо до упора, порылся в салоне машины и вылез с паяльной лампой. Он обошел машину и открыл небольшой люк в районе правого переднего колеса. Затем зажег паяльную лампу и вставил ее в открывшееся отверстие.

— Воду залил уже? — спросил он меня.

— Никак нет.

— Ну, так бегом! (**814**)

884

24 января 1968 г.

Не прошло и двух дней после предыдущего случая, как заставу снова подняли в ружье. На это раз китайцы вышли на лед в районе острова Даманский. Я и раньше бывал там с начальником заставы во время проверки постов. Остров находился километрах в десяти-двенадцати от заставы.

Я побежал к машине, завел ее и подогнал ко входу в казарму. ГАЗ-63 и БТР-80ПБ уже стояли там, рыча двигателями. После короткого инструктажа все погрузились в машины и выехали в сторону острова.

Сначала дорога шла через лес вдоль русла реки. Потом мы выехали на берег и заглушили двигатели. Метрах в пятистах от нас на белом снегу, покрывавшем Уссури, чернел остров. Он был густо покрыт кустами и деревьями и имел слегка изогнутую вытянутую форму. Слева от него на льду стояла толпа нарушителей, человек пятьдесят. Я никогда раньше не видел китайцев.

Дальше парни пошли по льду пешком. Мы остались рядом со своими машинами. Я видел, как наши подошли к китайцам практически вплотную. Начальник заставы что-то сказал им. Они стали махать руками с зажатыми в них продолговатыми предметами. Что-то типа палок или багров. Некоторое время ничего не происходило. Но потом наши ребята сняли с плеч автоматы, выстроились в цепь и навалились на провокаторов. Те стали бить их своими палками.

Я ходил взад и вперед по берегу, не зная, что делать. Миша и Коля просто стояли и смотрели на происходящее.

— Ребят, — обратился я к ним. — Там наших бьют!

— То ли наших. То ли наши. Отсюда хрен разберешь. — спокойно сказал Коля.

— Может, им помощь наша нужна! — сказал я.

— По инструкции не положено машину покидать, — сказал Миша.

Было видно, что он тоже нервничает из-за происходящего. Но предпринимать ничего не намерен.

Я тоже не собирался нарушать инструкцию. (**746**)

Я махнул рукой, схватил автомат и побежал в сторону дерущихся. (**698**)

885

16 февраля 1968 г.

Провокации со стороны китайцев теперь случаются практически каждый день. Я не могу вот так стоять в стороне, когда наши ребята с ними дерутся. Я не вытерпел и подошел к начальнику заставы.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите мне вместе со всеми участвовать в выдворении провокаторов.

— Не разрешаю. По инструкции ты должен…

— Да, я знаю. Но я не могу так. Не могу в стороне стоять, когда другие огребают там по первое число. Стыдно мне.

— А машину я сам буду водить, если тебе голову пробьют?

— Так ведь не пробили еще никому. Так, синяки да ссадины.

— Черт с тобой. Хочешь вместе со всеми под палки лезть — лезь. Но учти: не сможешь машину водить — заменю тебя с концами. Руль больше не увидишь. В наряды будешь ходить.

— Так точно! Точнее, есть! — обрадовался я. (**818**)

886

27 июня 1968 г.

Неисправное оружие на пограничной заставе — это ЧП. Но в отряде, видимо, считают по-другому. Прошло практически две недели с того момента, как начальник заставы забил тревогу до того, как из отряда приехал грузовик с оружием.

Все старые автоматы сложили в ящики и погрузили в кузов. А их места в пирамидах заняли новые. Были они, правда, совсем не новые, а весьма потрепанные. Но все же исправные. (**702**)

887

— Разрешите, я у машины останусь? — сказал я.

Начальник заставы посмотрел на меня.

— Разрешаю. Еще вопросы?

— Никак нет, — ответили вразнобой ребята.

Было видно, что всем не по себе от того, что им предстоит.

— Тогда вперед.

Начальник заставы повел всех навстречу китайцам. Миша Ребров сидел в кабине ГАЗ-63 и смотрел на происходящее широко раскрытыми глазами. Коли Быстрова не было видно. Водительский люк БТРа был закрыт. Но двигатели работали. Башня со сдвоенными пулеметами слегка повернулась. Впрочем, может быть мне только так показалось.

Наши подошли к китайцам практически вплотную. (**703**)

888

Было 11:15 утра.

Справа чернел высокий берег Даманского, на котором вот-вот должна была показаться группа прикрытия. Первого отделения на ГАЗ-63 все еще не было видно.

Мы подошли к нарушителям практически вплотную. Старший лейтенант Салдаев обратился к ним:

— Вы находитесь на советской территории. Немедленно покиньте ее!

Один из китайцев громко ответил:

— Эта земля принадлежит Китаю!

В следующую секунду раздались два пистолетных выстрела. Первая шеренга китайцев резко расступилась, а вторая внезапно открыла автоматный огонь. (**892**)

889

Очнувшись, я увидел перед собой врача в белом халате. Из-за его спины выглядывала перепуганная медсестра.

— Какое сегодня число? — спросил я врача.

— Четырнадцатое. Как вы себя чувствуете?

— Четырнадцатое?! Двенадцать дней… Я был без сознания двенадцать дней?! Где остальные? Что случилось с остальными?!

— Я не знаю, о чем вы говорите, молодой человек. Вас доставили сюда на вертолете. Только вас.

— Остальные ребята со второй заставы! На нас напали китайцы!

— Сюда доставили только вас. Я не знаю, о чем вы говорите. Вам нужно отдохнуть. Сестра, сделайте ему еще один укол.

— Но…

— Сделайте, я сказал.

После укола я уснул и проспал еще около суток.

Проснулся от громкого шума. В госпитале была какая-то суета. В коридоре слышались быстрые шаги большого количества людей. «Этого в операционную сразу давайте», — услышал я голос врача.

Вскоре дверь палаты распахнулась и на соседнюю со мной кровать положили парня с перебинтованной ногой.

— Что случилось? — спросил я его. — Что происходит?

— Война началась.

— Китайцы?

Парень молча кивнул.

— Я со второй заставы, — сказал я ему. — Мы были там второго марта, когда все это началось.

— Это не второго марта началось. Тогда первая застава к вашим на подмогу успела. Китайцев больше трехсот человек было. Всех перебили. Ваших всего восемнадцать человек осталось. Нас перевели из отряда на усиление. Погибших похоронили через несколько дней прямо на заставе. Мы думали, что все уже позади. Но сегодня снова началось.

— Что началось?

— Война началась… Сегодня утром китайцы начали вести массированный артиллерийский огонь по острову, который охраняли четыре наших БТРа. Я был в одном из них. На нас двинулись около четырехсот китайских солдат. Мы маневрировали по острову и сдерживали наступление, сколько могли. Через несколько часов наш БТР был подбит. Когда мы покинули горящую машину, я получил ранение в ногу. Меня вытащили на наш берег, погрузили в вертолет и направили сюда. Больше я ничего не знаю. (**784**)

Экз. № 1

Войсковая часть
2488
«11» марта 1969 г.

№ 890

гор. Иман

ЛЕНИНГРАДСКОМУ РАЙОННОМУ ВОЕННОМУ КОМИССАРУ

гор. Ленинград

Майору Павленко С.И. свидетельство о смерти вручить родителям мл. с-та Ерёменко 18.3.69 г.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Извещаю Вас, что младший сержант ЕРЕМЕНКО Алексей Николаевич, 1947 года рождения, призванный в пограничные войска 10 июля 1967 года Ленинградским РВК, погиб смертью храбрых при защите государственной границы СССР во время вооруженного вторжения китайских провокаторов на советскую территорию 2 марта 1969 года.

Похоронен с отданием воинских почестей 6 марта 1969 года в братской могиле на пограничной заставе «Нижне-Михайловка», Пожарского района, Приморского края.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Свидетельство о смерти на 1 листе, только адресату.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 2488
Полковник (ЛИТВИН)

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 2488
Полковник (ГЕРАСИМОВ)

Свидетельство вручено 19.3.69 г.
майор Павленко
19.3.69 г.

Экз. № 1

Войсковая часть
2488
«11» марта 1969 г.

№ 891

гор. Иман

ЛЕНИНГРАДСКОМУ РАЙОННОМУ ВОЕННОМУ КОМИССАРУ

гор. Ленинград

Майору Павленко С.И. свидетельство о смерти вручить родителям ряд. Еременко 18.3.69 г.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Извещаю Вас, что рядовой ЕРЕМЕНКО Алексей Николаевич, 1947 года рождения, призванный в пограничные войска 10 июля 1967 года Ленинградским РВК, погиб смертью храбрых при защите государственной границы СССР во время вооруженного вторжения китайских провокаторов на советскую территорию 2 марта 1969 года.

Похоронен с отданием воинских почестей 6 марта 1969 года в братской могиле на пограничной заставе «Нижне-Михайловка», Пожарского района, Приморского края.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Свидетельство о смерти на 1 листе, только адресату.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 2488
Полковник (ЛИТВИН)

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 2488
Полковник (ГЕРАСИМОВ)

Свидетельство вручено 19.3.69 г
майор Павленко
19.3.69 г

Экз. № 1

Войсковая часть
2488
«11» марта 1969 г.

№ 892

гор. Иман

ЛЕНИНГРАДСКОМУ РАЙОННОМУ ВОЕННОМУ КОМИССАРУ

гор. Ленинград

Майору Павленко С.И. свидетельство о смерти вручено Еременко родителям ряд. 18.3.69 г.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Извещаю Вас, что рядовой ЕРЕМЕНКО Алексей Николаевич, 1947 года рождения, призванный в пограничные войска 10 июля 1967 года Ленинградским РВК, погиб смертью храбрых при защите государственной границы СССР во время вооруженного вторжения китайских провокаторов на советскую территорию 2 марта 1969 года.

Похоронен с отданием воинских почестей 6 марта 1969 года в братской могиле на пограничной заставе «Нижне-Михайловка», Пожарского района, Приморского края.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Свидетельство о смерти на 1 листе, только адресату.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 2488
Полковник (ЛИТВИН)

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 2488
Полковник (ГЕРАСИМОВ)

Свидетельство вручено 19.3.69 г.
майор Павленко
19.3.69 г.

Экз. № 1

Войсковая часть
2488
«25» марта 1969 г.

№ 893

гор. Иман

ЛЕНИНГРАДСКОМУ РАЙОННОМУ ВОЕННОМУ КОМИССАРУ

гор. Ленинград

Майору Павленко С.И. свидетельство о смерти вручено родителям мл. с-та Еременко 31.3.69 г.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Извещаю Вас, что младший сержант ЕРЕМЕНКО Алексей Николаевич, 1947 года рождения, призванный в пограничные войска 10 июля 1967 года Ленинградским РВК, погиб смертью храбрых при защите государственной границы СССР во время вооруженного вторжения китайских провокаторов на советскую территорию 17 марта 1969 года.

Похоронен с отданием воинских почестей 21 марта 1969 г. в братской могиле на центральной площади с. Камень-Рыболов Ханкайского района Приморского края.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Свидетельство о смерти на 1 листе, только адресату.

ВрИО КОМАНДИРА ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 2488
Полковник (ГЕРАСИМОВ)

Свидетельство вручено 1.4.69 г.
майор Павленко
1.4.69 г.

Краткая историческая справка

В боях за Даманский (2-16 марта 1969 года) погибли 58 советских воинов, 94 получили тяжелые ранения. За проявленный героизм четверо военнослужащих получили звание Героя Советского Союза. Двое из них — посмертно. Китайские потери советская сторона исчисляла в 700-800 убитых, но некоторые источники (например, японские СМИ) называли цифры до 3000. Официально же китайская сторона данные о своих потерях держит в секрете до сих пор.

ПРОТОТИПАМИ ПЕРСОНАЖЕЙ КНИГИ ПОСЛУЖИЛИ:

Полковник Литвин

Полковник Леонов Демократ Владимирович

С 1968 года начальник 57-го Иманского пограничного отряда. 15 марта 1969 года Леонов принял участие в боевых действиях на Даманском, возглавив группу из четырех танков Т-62 135-ой мотострелковой дивизии для поддержки группы, обороняющей остров. Погиб от снайперского выстрела в сердце, будучи уже дважды раненым, при попытке покинуть подбитый танк. Похоронен с воинскими почестями в Имане. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1969 года присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Старший лейтенант Салдаев

Старший лейтенант Стрельников Иван Иванович

В 1969 году занимал должность начальника второй пограничной заставы «Нижне-Михайловка». Погиб 2 марта 1969 года в первом бою с китайскими нарушителями на льду реки Уссури возле острова Даманский. Похоронен с воинскими почестями в городе Иман. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1969 года присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. В настоящий момент вторая пограничная застава «Нижне-Михайловка» носит название «Застава И.И. Стрельникова».

Старший лейтенант Кравцов

Старший лейтенант Бубенин Виталий Дмитриевич

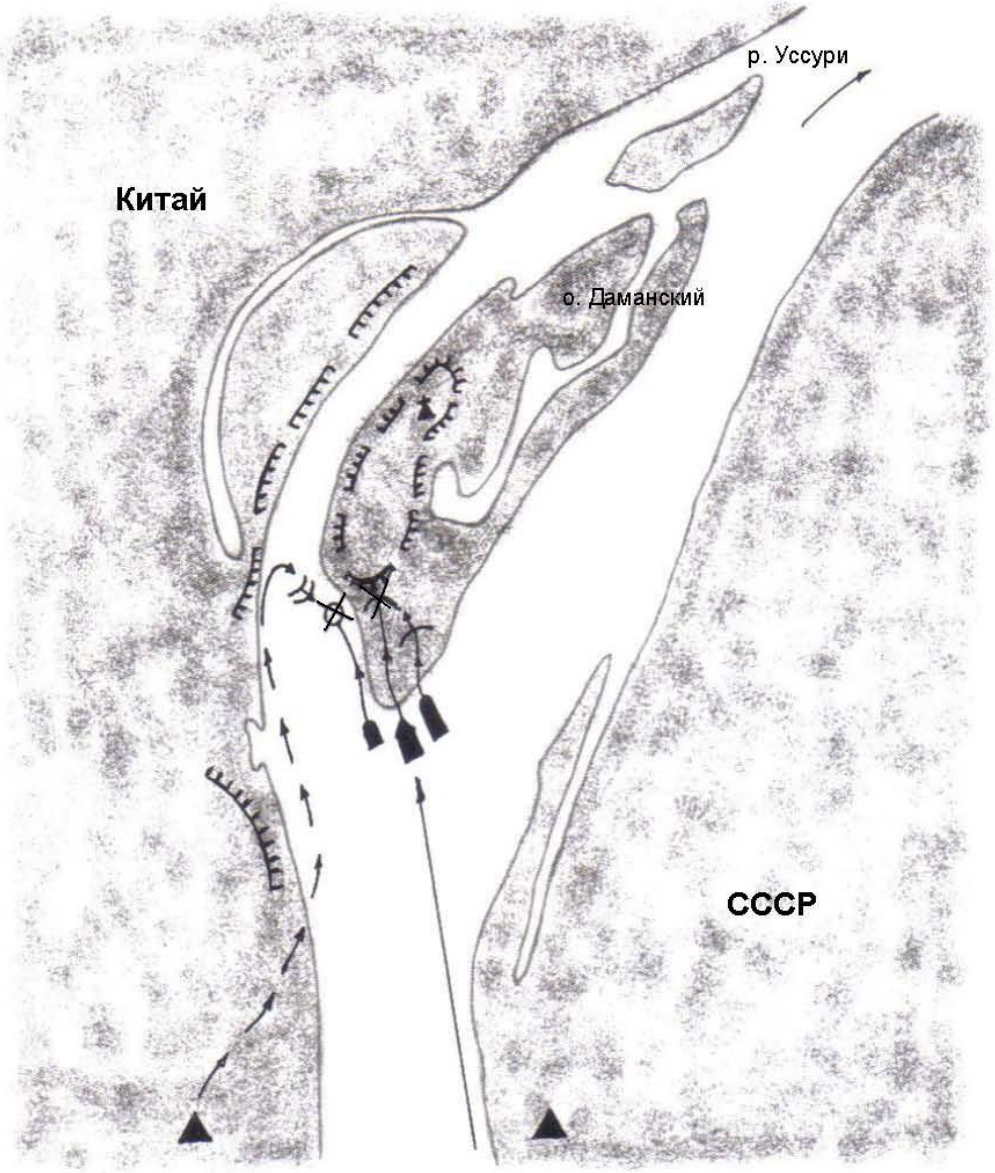
В 1969 году занимал должность начальника первой пограничной заставы «Сопки Кулебякины». Во время советско-китайского вооружённого конфликта на острове Даманский пришёл на подмогу воинам соседней заставы, раненый и контуженный руководил боем. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1969 года за проявленное мужество, умелое проведение операции по охране государственной границы было присвоено звание Героя Советского Союза. 5 сентября 1974 года по личному распоряжению Председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова назначен первым командиром Группы «А» (подразделение «Альфа»). В 1997 году вышел в отставку в звании генерал-майора.

Младший сержант Еременко командир отделения 2 ПЗ

Младший сержант Бабанский Юрий Васильевич

В 1969 году занимал должность командира отделения второй пограничной заставы «Нижне-Михайловка». Во время пограничного конфликта на острове Даманский проявил героизм и мужество, умело руководил подчиненными, держал оборону до прибытия подкрепления с первой пограничной заставы «Сопки Кулебякины». Когда противник был выбит с советской территории, более 10 раз ходил в разведку на остров. Вместе с поисковой группой нашёл расстрелянную группу И.И. Стрельникова и организовал их эвакуацию. В ночь с 15 на 16 марта обнаружил тело геройски погибшего начальника погранотряда Д.В. Леонова и вынес его с острова. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1969 присвоено звание Героя Советского Союза. В 1995 году вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта.

Картосхема 1. Начало боя 2 марта 1969 года.



Китайские позиции на острове (засада) и левом берегу Уссури

Китайский пограничный пост

Командный пункт китайской засады

Выдвижение группы китайцев 30 человек со стороны пограничного поста

Две шеренги китайцев, навстречу которым вышел начальник второй заставы

Место гибели начальника второй заставы и его группы

ГАЗ-69

БТР-80ПБ

ГАЗ-63

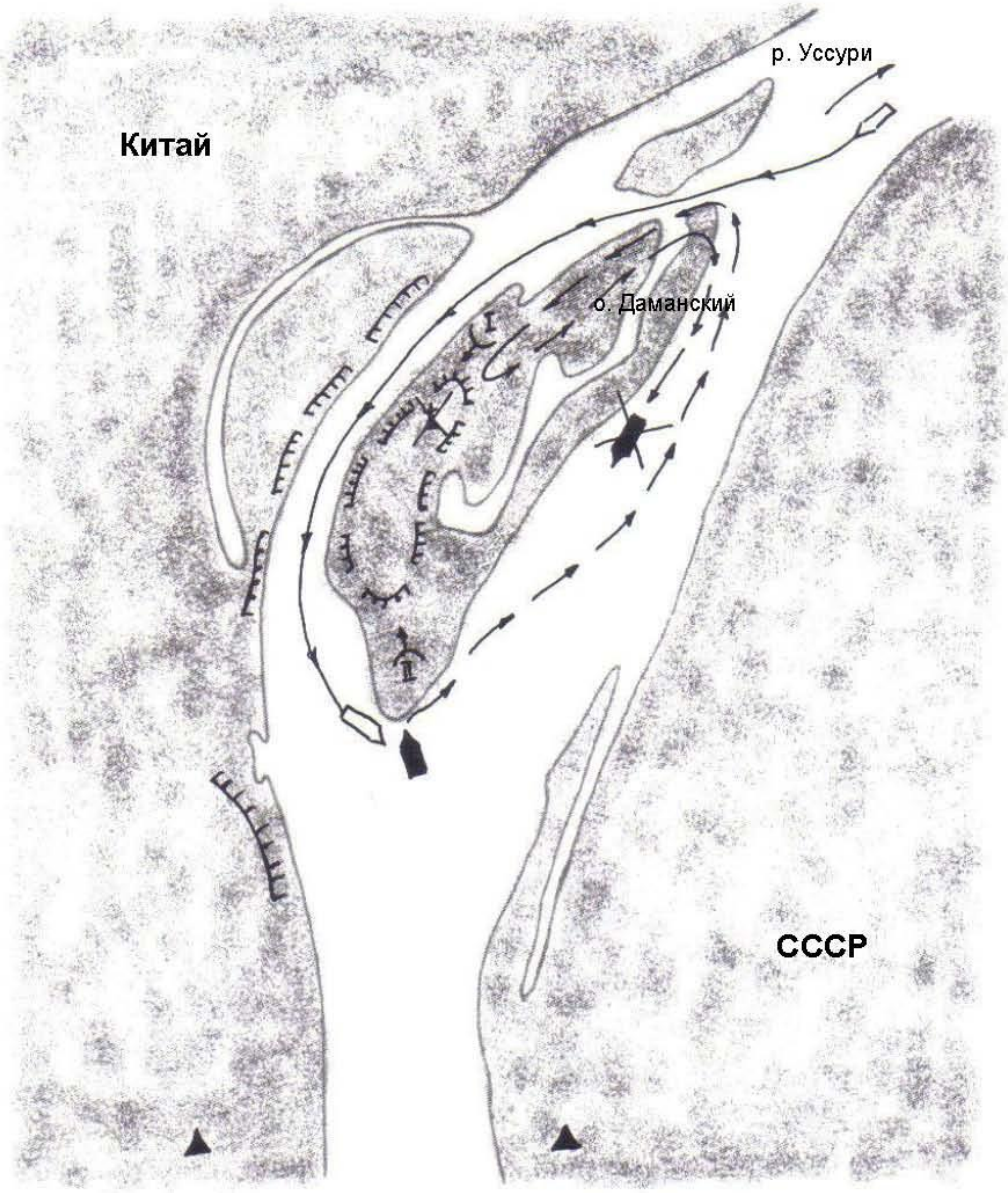
Выдвижение личного состава второй заставы

Положение в бою группы, прибывшей на БТР-80ПБ и место ее гибели

Положение в бою группы, прибывшей на ГАЗ-93

Советский пограничный пост

Картосхема 2. Завершение боя 2 марта 1969 года.



Положение личного состава первой заставы в бою

Положение личного состава второй заставы в бою

Движение БТРа первой заставы к месту спешивания, вокруг острова и к месту стоянки БТРа второй заставы

Место стоянки БТРа второй заставы

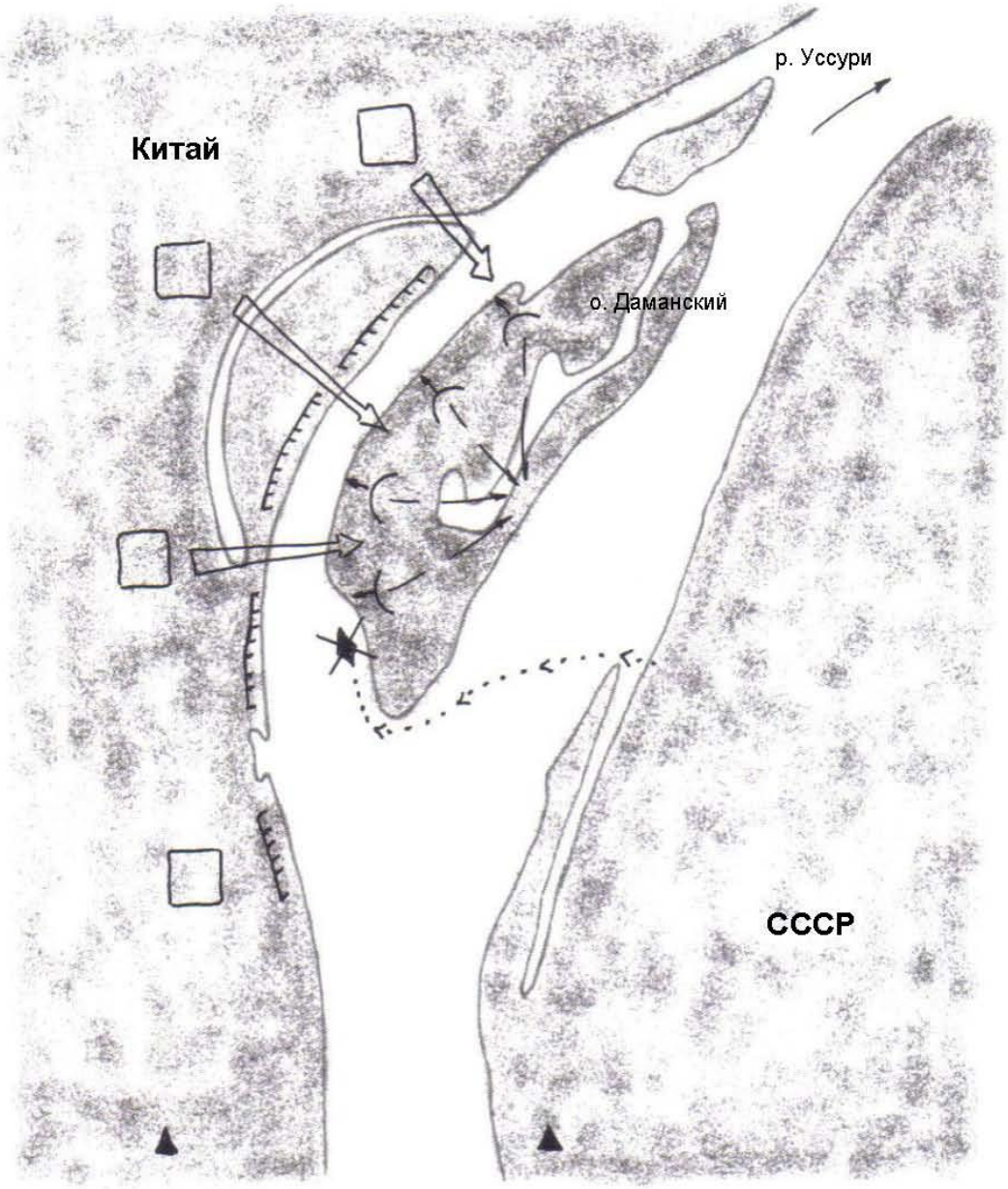
Движение личного состава первой заставы на БТРе второй заставы к месту уничтожения командного пункта китайской заставы, а также отход к месту поражения БТРа

Место, где был подбит БТР после уничтожения командного пункта китайской засады

Уничтоженный командный пункт китайской засады

Пограничные посты китайской и советской сторон

Картосхема 3. Начало боя 15 марта 1969 года.



Расположение четырех групп советских пограничников на острове

Места скопления китайской пехоты

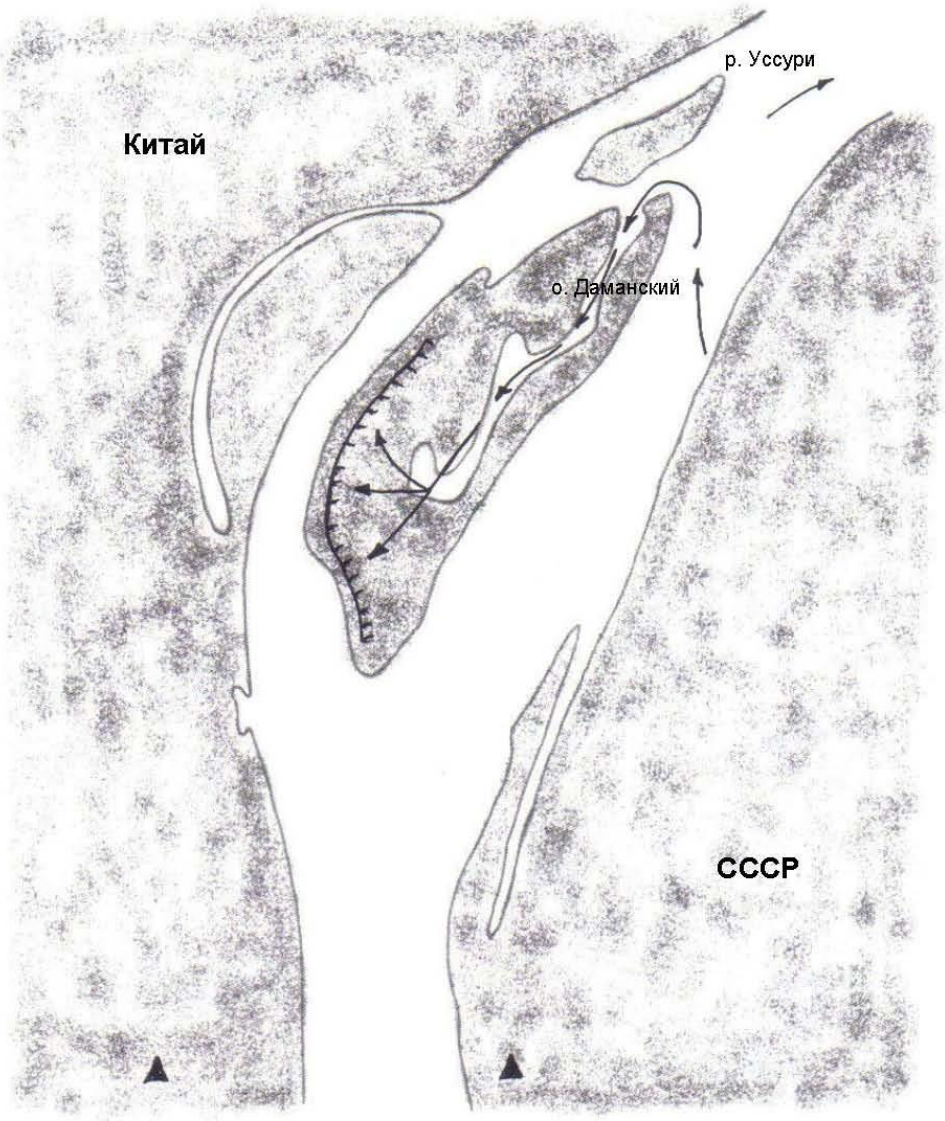
Первый удар трех китайских рот

Отход советских пограничников с острова

Выдвижение группы танков и гибель танка №545

Пограничные посты китайской и советской сторон

Картосхема 4. Завершение боя 15 марта 1969 года.



Позиции китайцев на западном берегу Даманского

Последняя атака групп советских войск

Пограничные посты китайской и советской сторон

545

ПУСТЬ ЖИВЁТ И КРЕПНЕТ
НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА И СОТРУДНИЧЕСТВО
СОВЕТСКОГО И КИТАЙСКОГО НАРОДОВ!